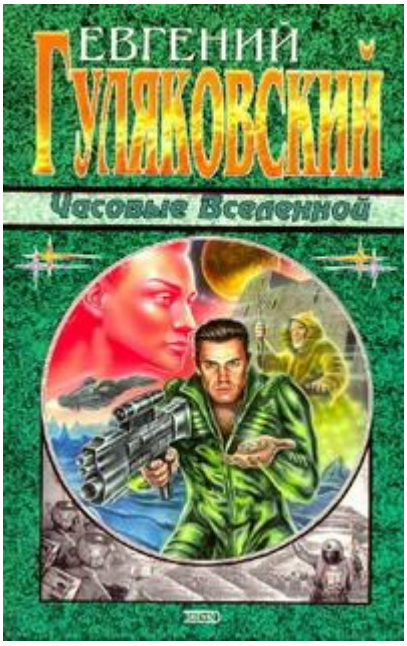
Евгений Яковлевич Гуляковский
Часовые Вселенной



Экипаж аниранского космического корабля погибает, встретившись в пространстве с абсолютно необъяснимым явлением. Его нарекут Властелином Тьмы — абстрактное и бесформенное зло, субстанция, сосредоточившая в себе весь ужас и всю ненависть Вселенной…

Сотрудника земной спецслужбы капитана Арлана Заславского после выхода в отставку мало что связывает с родной планетой — он одинок и никому ничем не обязан. Поэтому он легко соглашается подписать довольно странный контракт с аниранцами на долгие двадцать лет. Обладая уникальным свойством — невосприимчивостью к смертоносному "Д-излучению", способному уничтожать целые миры, капитан Заславский становится последней надеждой человечества и первым из тех, кого в легендах прозвали "Часовыми Вселенной".

Глава 1

Миллионы лет светят звезды, согревая своим светом и теплом тысячи далеких миров. Задолго до появления людей во Вселенной возникали и достигали своего расцвета могущественные цивилизации, о которых мы ничего не знаем.

Аниранская межзвездная федерация была одной из таких цивилизаций. Она существовала так долго, что период, во время которого на Земле питекантропы сменились гомо сапиенсами, занял лишь краткий миг в истории ее развития.

Аниранцы были сильной и гордой космической расой. Они контролировали сотни миров и полагали, что весь космос принадлежит им. Казалось, ничто не могло противостоять их всевозрастающему могуществу. Но так только казалось.

Аниранцы наблюдали за молодыми цивилизациями на десятках различных планет, не вмешиваясь в их развитие, даже когда неумелое использование научных достижений приводило эти цивилизации на грань гибели. Они полагали, что каждый народ, так же как и любой отдельный индивидуум, обладает собственной судьбой, вмешиваться в которую никто не имеет права. Но они ошибались…

Земля принадлежала к одной из таких отсталых, с точки зрения аниранцев, цивилизаций. Аниранцы считали, что должно пройти еще несколько тысячелетий, прежде чем человечество будет представлять хоть какой-то интерес для их межзвездной федерации. Пока что все контакты с землянами ограничивались скрытым наблюдением. Аниранцы полагали, что в обозримом будущем ничто не может измениться в их отношении к землянам, но они снова ошиблись…

Чаще всего грозные исторические события, ломающие привычный ход развития целых народов, происходят далеко не сразу. Изменения накапливаются постепенно, так же постепенно, как возрастает давление в котле, предшествующее его взрыву.

Кто мог предположить, что формула, затерявшаяся в архивах патентного бюро, способна повлиять на ход истории всего человечества и ускорить прогресс в десятки раз?

Кто мог предположить, что один из сотен аниранских разведывательных кораблей, совершив незапланированную посадку на крошечном астероиде, изменит тем самым всю историю Аниранской межзвездной федерации?

Существо спало среди холодных мертвых скал. Оно спало здесь неисчислимую череду лет. Планета, частью которой был когда-то маленький обломок, где находилось существо, давно разрушилась, изменился рисунок ближайших созвездий — а существо продолжало свой бесконечный сон-ожидание.

Его имя на древнем наречии звучало как Эль-Грайон, и когда-то от одного его звука трепетали прославленные воины могучих цивилизаций созвездия Ориона. Но цивилизации, которым было знакомо это имя, давно исчезли, превратились в космическую пыль их города и храмы. Исчезла и сама память об этих народах, но ужас древнего мира все еще продолжал свое бесконечное ожидание новой жертвы.

Астероид, каждое шестое тысячелетие завершавший свою вытянутую эллиптическую орбиту вокруг угасающей звезды, вновь приблизился к красному карлику, и кроваво-красные отблески его не дающих тепла лучей окрасили мертвые скалы в зловещие багровые тона. Лучи этого полумертвого солнца сами по себе не могли разбудить Эль-Грайона. Однако вместе с ними пришел тревожный сигнал от внешних сенсоров, невидимой сетью опутавших всю поверхность каменного осколка.

Вибрация. Этого тоже было недостаточно, чтобы нарушить тысячелетний сон Эль-Грайона. Вибрация могла возникнуть от удара случайного болида. Однажды астероид попал в метеоритный рой, и в течение долгого времени его поверхность содрогалась от непрерывной бомбардировки каменных осколков, но даже это событие не смогло разбудить Эль-Грайона, а сама бомбардировка не принесла ему ни малейшего вреда.

Трудно нанести ощутимый вред существу, умеющему дублировать свою нервную структуру в любом материальном объекте.

Однако на этот раз вибрация не имела ничего общего со случайными внешними причинами, и сенсоры, продолжавшие посылать сигналы тревоги, в конце концов вынудили сторожевые нервные центры начать долгую и трудную процедуру частичного пробуждения.

Примерно через час Эль-Грайон уже знал все необходимое об объекте, нарушившем его многовековой сон.

Разведочный челнок с космического корабля, болтавшегося на внешней орбите, приземлился на поверхность астероида.

Тысячелетнее ожидание окончилось, появилась новая жертва, и начинался сезон охоты.

Главная сложность для Эль-Грайона теперь состояла в том, что его исполнительные органы, управлявшие внешними полями и способные мгновенно изменить конфигурацию окружавшего его материального мира, требовали для своего пробуждения слишком длительного времени и потребляли слишком много энергии, дефицит которой и погрузил это существо в состояние многовековой спячки. Не меньше недели должно было пройти с момента пробуждения и до того момента, когда чудовищный монстр сможет обрести хотя бы сотую часть своей непомерной силы, — за это время жертва наверняка уйдет из доступной ему зоны воздействия. А поскольку Эль-Грайон не мог оторвать свою нервную систему,

вросшую в камни этой крохотной планетки, от ее поверхности, ему вновь придется ждать неопределенно долгое время следующего счастливого стечения обстоятельств.

К сожалению, посещение космическим кораблем мертвого, ничем не примечательного планетного осколка — событие настолько уникальное, что даже невероятная способность Эль-Грайона к эвристическому анализу будущего не помогла ему предсказать, когда это произойдет, и он не сумел заранее подготовиться к визиту аниранского разведочного челнока. Сейчас ему приходилось экспериментировать с теми немногими имевшимися в его распоряжении средствами, чтобы не упустить невероятную удачу. Ни одно из этих средств не обладало возможностью прямого воздействия на материю, и у Эль-Грайона, по сути дела, оставалось только психологическое оружие.

Для его успешного применения следовало установить, что именно понадобилось его будущей жертве на пустынном мертвом астероиде. Скорее всего это было энергетическое сырье. Ради простого любопытства никто не станет тратить прорву энергии на торможение корабля около никчемного обломка скалы. Очевидно, корабль располагал какими-то приборами дальней энергетической разведки и сумел уловить излучение, исходящее от резервных запасов энергии самого Эль-Грайона.

После минутного раздумья Эль-Грайон решил строить план будущей атаки на свою жертву, исходя именно из этого предположения.

Битый час Шамиль Граммов, проклиная упрямство вахтенного, поручившего ему эту нелегкую работенку, тащился в тяжеленном скафандре по неровной поверхности крохотной планеты, зондируя направленным излучением искателя ее недра. Прибор молчал, показывая четыре нуля после запятой, и это означало, что внешние штурманские датчики опять дали сбой, обнаружив невероятное количество энергетически чистого плутония на этой богом забытой скале.

Отдуваться за ошибку штурмана приходится ему, а этот идиот, дежурный офицер Рубенс, еще и требует проверить противоположную сторону планетки. Как будто плутоний мог находиться там, не влияя на показания искателя.

Только свинцовые экраны многометровой толщины способны преградить путь излучениям подобной интенсивности, но откуда взяться экранам в этой чертовой скале?

Внутри скафандра спертый воздух, как всегда, отдавал прогорклым человеческим потом. Никакие рефрижераторы и фильтры не могли избавить его от этого осточертевшего запаха, и Шамиль знал, что терпеть его придется еще, по крайней мере, часа два.

Капитан аниранского разведывательного корабля «Самбук» постепенно терял терпение, и следовало признать, что для этого у него была весьма веская причина. Техник Граммов, посланный на астероид для проверки показаний приборов дальнего поиска, не только не выполнил порученного задания, но и вообще перестал подчиняться приказам боцмана.

Капитан Оранов, обычно спокойный и невозмутимый, подтянутый и внешне чем-то похожий на буддийского монаха, на этот раз не считал нужным скрывать свое неудовольствие от подчиненных.

— Передайте мне его последнее сообщение!

«Обнаружил жильные выходы плутония. Иду вдоль жилы. Впереди, кажется, есть карман с богатой рудой».

Оранов прекрасно знал, что жильных выходов плутония не бывает. Этот энергоемкий металл с коротким периодом полураспада вообще не существовал в природе в чистом виде.

Однако при проходе мимо астероида приборы корабля сообщили именно о наличии выходов чистого плутония, и именно по этой причине был послан на разведку техник Граммов.

Капитан повернулся к пульту и еще раз проверил показания всех приборов. Но с той минуты, как корабль вышел на орбиту спутника вокруг астероида и выключил ходовые двигатели, на табло дозиметров дистанционного контроля стояли одни нули.

— Соедините меня с медицинским отсеком! — потребовал капитан у дежурного

радиста.

После выхода на стационарную орбиту вокруг неисследованной планеты внутренняя связь на корабле, как того требовала инструкция, была отключена, и капитану приходилось пользоваться специальными закодированными радиоканалами. Эта нелепая задержка лишь увеличивала раздражение капитана.

В конце концов, кусок безжизненной скалы в космосе можно было считать планетой лишь с большой натяжкой. Однако инструкция есть инструкция, и капитан не собирался ее нарушать. Наконец медицинский отсек ответил.

— Проверьте данные последних психотестов рядового Граммова.

— У него все в порядке. В его карточке не зафиксировано никаких отклонений.

— Тогда какого же дьявола… — Капитан вовремя остановился, вспомнив, что в рубке находится много низших чинов. — Соедините меня с Граммовым!

Это было таким вопиющим нарушением субординации, что не поверивший собственным ушам радист переспросил:

— Напрямую, господин капитан?

— Напрямую! Я хочу лично услышать от него всю эту галиматью!

Граммов уже почти достиг того места на поверхности скальной дайки*note 1*, где под лучом его нашлемного прожектора переливались тяжелым свинцовым блеском огромные кристаллы чистого плутония.

Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что плутоний в таком виде не может существовать. Его масса наверняка во много раз превосходила критическую. Но внутренний голос нашептывал технику странные мысли о том, что космос необъятен. И аниранские ученые не знают и сотой части скрытых в нем тайн. Это могла быть какая-то неизвестная им разновидность плутония, какой-то изотоп с замедленным периодом полураспада.

Судя по размерам кристаллов, в каждом из них не один десяток килограммов. Если бы это был обычный плутоний — он давно бы взорвался.

Однако совсем рядом, в сотне метров от астронавта, метровые кристаллы сероватого металла свидетельствовали о том, что известные аниранцам законы природы не всегда или, во всяком случае, не во всех местах Вселенной соответствуют действительности. Граммов привык доверять собственным глазам и собственному рассудку.

Кристаллы выглядели в точности такими, какие он видел под микроскопом в лаборатории энергетики, даже заметна запомнившаяся ему характерная поперечная штриховка.

Все было бы в порядке, если бы не штриховка. Инструктор говорил, что она должна быть разной на каждом кристалле. Но на дайке она была одинаковая, больше того, ее рисунок был именно таким, какой Граммов видел в лаборатории.

Эль-Грайон явно перестарался. Возможно, его подвело проснувшееся чувство голода, но скорее всего виновата в ошибке была все еще недостаточная скорость обмена сигналами в огромном полусонном теле.

Граммов остановился в полутора метрах от того места, куда Эль-Грайон смог бы дотянуться единственной имевшейся в данный момент в его распоряжении хватательной ложноподией. Требовалось немедленно придумать какой-то новый трюк, чтобы заставить потенциальную добычу проделать два роковых шага.

Ждать следующего невероятного стечения обстоятельств пришлось бы неисчислимую череду лет. Могло случиться так, что посещение этого одинокого осколка бывшей планеты не состоится до конца жизненного цикла угасающей звезды, вокруг которой он вращался. Одна мысль о такой альтернативе, о бесчисленных столетиях, проведенных в одиночестве, в темноте и холоде мертвого космоса, заставила Эль-Грайона содрогнуться.

Перед Граммовым простирался обычный пейзаж астероидных скал, перечеркнутых

Note1

Дайка— геологическая структура.

черными провалами теней. Из-за отсутствия атмосферы внутри этих провалов ничего нельзя было рассмотреть до тех пор, пока туда не направлялся луч его нашлемного прожектора. Сами скалы казались красноватыми под светом угасающей звезды, словно их облили киноварью. Если бы не сверкавшие в конце дайки огромные кристаллы плутония, такой пейзаж не вызвал бы у Граммова ни малейшего интереса. Он видел его десятки раз.

Неожиданно наушники в его шлеме щелкнули, и голос капитана произнес:

— Почему вы стоите перед этой чертовой дайкой и не берете образцов? Вам давно пора было закончить съемку объекта!

— Но, сэр… мне никто не приказывал проводить здесь съемки!

— Так я приказываю сейчас! Немедленно возьмите образцы плутония и возвращайтесь на корабль!

С капитаном Граммову довелось беседовать всего один раз при подписании контракта о найме на корабль. Субординация на флоте соблюдалась строго, и это неожиданное обращение к нему лично вызвало у рядового техника невольное замешательство. Пока он раздумывал над этим странным приказом, наушники щелкнули во второй раз, и голос капитана, пожалуй, несколько более хриплый, чем раньше, спросил:

— Долго еще вы собираетесь там стоять, техник Граммов? Почему вы не возвращаетесь на корабль?

— Сэр! Вы только что приказали мне начать съемку дайки, и я как раз собирался приступить к выполнению вашего приказа!

— Какой дайки, Граммов? Там нет никакой дайки. Разве я мог приказать тебе делать съемку несуществующего объекта?

— Да вот же она, сэр! Вы должны хорошо видеть ее на своем мониторе!

Несколько раздраженный этими противоречивыми приказами, Граммов направил искатель видеодатчика на кристаллы плутония и включил нашлемный прожектор на полную мощность.

Ничего не изменилось на сероватом выступе дайки, на котором ясно вырисовывались кристаллы, слабо освещенные красноватыми лучами карлика.

Казалось, луч прожектора ушел в пустоту, не отразившись от явного препятствия. Пораженный, Граммов опустил луч несколько ниже, и тогда ровная поверхность камня перед дайкой вспыхнула ослепительными отблесками. Однако сама дайка не отражала света, она или полностью поглощала его, или пропускала через себя, словно была абсолютно прозрачной. Такой прозрачной может быть, например, голограмма… Ее невозможно осветить посторонним светом.

Почувствовав в окружающем пейзаже какой-то подвох и инстинктивно ощутив притаившуюся в странных камнях непонятную угрозу, Граммов осторожно попятился. Но было уже слишком поздно. В своем излишнем усердии, желая показать капитану эти проклятые кристаллы, он сам не заметил, как сделал нужные Эль-Грайону два последних роковых шага.

— Я возвращаюсь на корабль, сэр! Похоже, вы правы. Здесь нет никакой дайки!

Капитан не ответил. В наушниках исчезло привычное потрескивание, и это могло означать лишь одно — связь с кораблем полностью утрачена.

Ровно два часа понадобилось Эль-Грайону, чтобы преобразовать полученную из тела Граммова биологическую энергию и направить ее на восстановление собственных активных функций.

Корабль все еще болтался на орбите, безуспешно пытаясь разыскать пропавшего члена экипажа. Это оказалось роковой ошибкой не только для членов его команды.

Через год после исчезновения корабля оборвалась радиосвязь с аниранской колонией на Роканде.

Именно оттуда стартовал пропавший исследовательский звездолет, и координаты его базы находились в судовом журнале.

Глава 2

Капитан Заславский жил скромно в собственном деревенском доме, купленном по случаю. За год до своей вынужденной отставки из управления внешней безопасности Земли он купил этот дом, рассчитывая время от времени наезжать сюда в выходные для рыбалки и походов за грибами. Но судьба распорядилась так, что этот полуразвалившийся старинный дом стал его постоянным местом обитания.

Утро начиналось с крика грачей за окном и с надоевшей процедуры вставания, включавшей в себя множество мелких неприятных, но необходимых дел, таких, например, как самостоятельное приготовление завтрака, превратившееся в нудную процедуру из-за отсутствия в доме какой бы то ни было современной техники. Затем следовали двухчасовые занятия специальной гимнастикой, упражнения для тренировки разорванных и плохо сросшихся сухожилий на правой ноге.

Потребность оставаться в форме, в постоянной готовности к вызову на новое задание давно стала частью общего стиля его жизни, хотя теперь, после чистой и полной отставки, в управлении о нем никто уже не вспоминал. Кому нужен человек с подмоченной репутацией, да еще и с недолеченным ранением?

Поднявшись наконец с постели, Заславский с кряхтеньем и оханьем занялся своей не до конца зажившей раной.

Сейчас ничто в его облике не напоминало о том, каким жестоким и смертоносным может стать этот человек в экстремальной ситуации. Однако глубоко внутри его тела, незаметная для постороннего глаза, скрывалась совершенная боевая машина, оснащенная всеми современными средствами рукопашного боя. И если бы не это обстоятельство, он не сидел бы сейчас здесь в относительной целости и сохранности после того случая на корабле, когда ему пришлось в одиночку противостоять целой банде грабителей, имевших неосторожность напасть на рейсовый космолет, на котором он возвращался домой с очередного задания.

Покончив с неприятными процедурами растирания и растягивания своей больной лодыжки, Заславский, все еще прихрамывая, поплелся на кухню, чтобы заняться не менее неприятной процедурой приготовления завтрака.

Он выглядел значительно старше своих тридцати лет, и немалую роль в этом впечатлении играла жалость, которую он испытывал к самому себе в настоящий момент.

Обидно, когда человека незаслуженно и несправедливо лишают работы, без которой он не мыслит собственного существования, но еще обидней, если в результате постигшей тебя жизненной неудачи начинают обваливаться все те привычные крепости и редуты, которые составляют основу самоутверждения любого человеческого индивидуума и которые мы возводим всю свою сознательную жизнь.

На второй месяц после того, как он получил официальное извещение об освобождении от работы, от него ушла жена, и он до сих пор не мог до конца понять, что именно сыграло основную роль в принятом ею решении. Раньше его долгие отлучки на задания позволяли Аннет чувствовать себя в обществе всеми уважаемой, независимой и материально обеспеченной женщиной К тому же практически свободной от скучных и обременительных семейных обязанностей, которыми так тяготились ее подруги

Заславского никогда по-настоящему не интересовал вопрос, была ли Аннет верна ему в те долгие месяцы, когда он отсутствовал. В конце концов, это ее личное дело. Его вполне устраивало внешнее соблюдение приличий и то, что, возвращаясь домой, он неизменно встречал гарантированный уют и избавление от тысячи мелких хозяйственных проблем, которые не может вынести ни один нормальный мужчина. Домашний уют Аннет ухитрялась обеспечить, не прилагая к этому никаких видимых усилий и практически весьма редко бывая дома. Заславский до сих пор не мог понять, как ей это удавалось.

В неожиданно обрушившемся на него разводе особое значение приобрело обстоятельство, никогда раньше не привлекавшее его внимания. Какую роль сыграла в

принятом Аннет решении развестись с ним надежно обеспеченная позиция отхода?

Она нашла себе нового мужа через неделю после получения официального уведомления об утверждении развода. И, следовательно, подготовилась к возможному развитию событий заранее, задолго до того, как он потерял работу.

Что ж… С ним осталась лишь горечь от понимания того, что произошло. До встречи с Аннет женщины казались Заславскому расчетливыми и эгоистичными существами. И теперь он лишний раз утвердился в собственном нелестном мнении об их природе.

По крайней мере новое замужество Аннет помогло Заславскому быстрее справиться с ощущением пустоты, образовавшейся в его душе после ухода жены. Предательство того, кого ты считал своим другом, помогает быстрее залечивать душевные раны, нанесенные расставанием с близким человеком. Заславский понимал, что основу его переживаний составляет уязвленное мужское самолюбие — чувство, с которым не стоило особенно считаться.

Тем не менее кофе, как всегда, оказался невкусным, а тосты недожаренными. С этим он ничего не мог поделать.

Сигнал аэробильного клаксона за окном вывел Заславского из состояния мрачной задумчивости, в которой он пребывал в течение ежедневной оскорбительной для нормального мужчины процедуры приготовления завтрака.

— Кого могло принести сюда в такую рань? — Недовольно ворча, Заславский наспех накинул поверх пижамы куртку.

Кого вообще могло принести в эту медвежью дыру, где он укрылся от внешнего мира, чтобы спокойно зализать свои раны?

У расшатанной калитки стоял новенький «Пармет» модной фиолетовой расцветки. Глаза Заславского недовольно сузились, когда он заметил, что за рулем сидит женщина. Он подумал о своей трехдневной щетине, о давно не стиранной пижаме и о предстоящем долгом и нудном выпроваживании незваной гостьи.

Наверняка журналистка какого-нибудь столичного инфора. Слетаются, как мухи на падаль. Несмотря на принятые меры конспирации, ему уже пришлось выпроводить двоих молодчиков из «Наших новостей для вас».

Но, похоже, с этой модной красоткой справиться будет потруднее. Увидев его, женщина вышла из машины и ждала теперь, когда хозяин откроет калитку.

Незнакомка была молода и красива — это он отметил сразу, впрочем, ничего другого и не следовало ожидать от модной столичной штучки. «Надо же, одна заявилась в такую глушь, не побоялась…»

Что-то было в ее позе, в легком разлете бровей, в раскосых восточных глазах, уверенно смотревших на него, что-то такое, что его поразило, и он не сразу понял, что же именно.

Уверенность в себе, привычка к тому, что окружающие готовы мгновенно исполнить любой ее каприз? Возможно… Но, подойдя к калитке, он уже почти не сомневался в том, что первое впечатление окажется ошибочным.

Эта женщина была создана не для того, чтобы растрачивать себя в пустых капризах. Она была из тех, кто привык повелевать. Заславский не мог не заметить ореола настоящей власти, исходившего от нее. На своей прежней службе ему слишком часто приходилось общаться с сильными мира сего.

И, однако же, рядом с этой женщиной не было даже охранника, даже водителя или, на худой конец, просто друга, который, будь на то ее воля, наверняка бы нашелся и с радостью согласился бы сопровождать ее в неблизкой поездке.

В ее одиночестве было что-то необычное, какая-то тайна, заинтриговавшая его. Обладатели «Пармета» стоимостью в несколько тысяч кредитов редко ездят в одиночку.

— Чем могу быть полезен? — довольно вежливо осведомился Заславский, не открывая, однако, калитки.

— Вы Арлан Заславский, бывший капитан службы внешней безопасности?

— Думаю, вы не ошиблись. Хотел бы я знать, у кого вам удалось раздобыть мой

адрес?…

— Ну, в этом нет ничего сложного. Данные о вашем частном агентстве занесены во все полицейские реестры.

Заславский начал забывать об этом своем неудачном начинании, и вот теперь ему вновь о нем напомнили. Покинув службу безопасности, он сгоряча решил заняться частной сыскной практикой, но вскоре понял, что не создан для подобного рода деятельности, да к тому же неожиданно почувствовал сопротивление полицейских властей работе своего предприятия.

— Насколько мне известно, агентство давно закрыто.

— В полицейском управлении тем не менее сохранились все ваши бумаги.

— Вы служите в полиции?

— Конечно, нет. Тем не менее я ознакомилась со всеми документами вашего несостоявшегося агентства «ЗАЩИТА».

— Неплохо для начала.

— Может быть, вы меня все же впустите? Неудобно разговаривать на улице.

Он заметил в ее глазах искорку гнева и, возможно, именно поэтому не торопился открывать калитку. Его поведение, несомненно, выходило за привычные для нее рамки. Но ему нравилось злить эту властную женщину. Он не ждал ничего хорошего от ее визита.

— Я не даю интервью, и если вы журналистка…

— Вы давно догадались, что я не журналистка.

Что ж, в проницательности и откровенности ей не откажешь. В конце концов, он не собирался переходить ту черту, за которой грубость становилась хамством, и поэтому нехотя приоткрыл калитку, тут же признавшись себе, что сделал это из чистого любопытства. Обычно он не ошибался в людях, с первого взгляда определяя основные черты их характера, общественное положение и даже специальность. Однако эта женщина представляла для него сплошную загадку.

Он вел ее через двор, не без злорадства наблюдая за тем, как лакированная поверхность ее новеньких туфель покрывается нашлепками грязи. Ему было интересно, как она поступит, перед тем как войти в дом. Тапочек на крыльце не было, и он решил, что, если она не потрудится счистить у порога прилипшие к подошвам туфель пласты грязи, разговор на этом будет закончен.

Однако ей вновь удалось его удивить. Она попросту сбросила туфли на крыльце коротким и резким движением, даже не нагнувшись, и вошла в комнату в своих тоненьких, как паутинка, чулках.

Посреди его захламленной гостиной молодая женщина остановилась и с нескрываемым интересом осмотрелась. По выражению ее лица нельзя было сказать, что ее шокировал беспорядок его холостяцкой берлоги. Она лишь спросила с легкой иронией в голосе:

— Где мы будем беседовать? Здесь, в этой комнате?

— Вы можете пройти наверх. На втором этаже есть кабинет.

Это была его единственная комната, в которой всегда поддерживался безукоризненный порядок. Здесь стоял старый деревянный стол. В глазах столичной гостьи он наверняка выглядел какой-то антикварной редкостью, хотя достался Заславскому вместе с домом совершенно бесплатно.

На столе располагались ящички с картотекой и магнитофильмами, в которых содержались материалы по тем немногим делам, которыми он заинтересовался еще до открытия агентства и которые на первых порах должны были стать началом его деятельности на поприще частного детектива. Однако правительственные чиновники лишили его лицензии, прежде чем он успел по-настоящему втянуться в эту работу. До сих пор они даже не соизволили объяснить причину своего решения. Ответом на все его официальные запросы было глухое молчание.

Это казалось странным, поскольку обычно бюрократы из полицейского управления не скупились на сочинение официальных бумаг со всевозможными параграфами и

инструкциями. Их поведение можно было объяснить одной-единственной причиной — с самого верха пришел приказ с подробными инструкциями на его счет. Но кому это понадобилось? Кому и зачем?

Он сполна расплатился со старыми долгами, добровольно подав в отставку. И этим значительно облегчил задачу своему начальству, не имевшему формального повода для увольнения сотрудника, ставшего вдруг, благодаря стараниям многочисленных журналистов, любимцем широкой публики.

И то, что его гостья знала об агентстве, не просуществовавшем и двух недель, увеличивало интерес Заславского к ее визиту. Полицейские редко делятся служебной информацией с посторонними.

Он пододвинул ей один из двух стульев, находящихся в комнате, и, заметив ее настороженный взгляд, скользнувший по сиденью, демонстративно провел тряпкой по сверкавшей безукоризненной чистотой поверхности стула.

Словно желая воздвигнуть между собой и гостьей некую материально весомую преграду, он обошел стол и уселся с противоположной стороны, боком к окну. Лишь теперь он понял, насколько необычна красота молодой женщины, сидевшей перед ним.

То, что она красива, он заметил еще у калитки, но только сейчас обнаружил десятки деталей в ее внешности, вызывавшие скорее удивление, чем восхищение.

Например, глаза. Зрачки были миндалевидной формы, к тому же радужная оболочка выглядела при боковом освещении двухцветной. Ему даже показалось, что в глубине этих бездонных зрачков притаилось едва заметное фосфорическое мерцание.

Кожа ее рук казалась неестественно белой, будто она покрыла ее слоем отбеливающих румян. Но он не заметил на ее лице даже следов косметики, тонкие голубые жилки просвечивали сквозь нежную чистую и прозрачную, как пергамент, кожу.

Он невольно перевел взгляд с ее шеи ниже, где под плотным материалом строгого платья угадывалась высокая грудь совершенной формы.

— Вы уже все рассмотрели? — прозвучало ее насмешливое контральто, и, не давая ему времени отреагировать на этот вопрос, она продолжила: — Тогда, может, перейдем к делу?

— К делу? Я давно не занимаюсь никакими делами.

— Но ведь это можно изменить, разве не так? Разве не от вас это зависит?

— От меня?

Он почувствовал, как знакомая удушливая волна гнева поднимается в нем. Она возникала всегда, когда он вспоминал о своей отставке. То, что произошло с ним, было не просто несправедливо. Здесь таилась утонченная и бездушная человеческая подлость.

— Меня вынудили уйти в отставку и запретили заниматься профессиональной деятельностью.

— Очень хорошо. Именно такой человек мне и нужен.

Теперь поднимавшееся в нем раздражение обратилось против нее. Она играла с ним, как с букашкой, попавшей под стеклянный колпак. Ее, видите ли, устраивало, что он лишился работы и сидит теперь в этой дыре.

— Может, вы наконец представитесь, мадам, и скажете ясно, что вам от меня нужно? — На этот раз в его голосе прозвучала откровенная неприязнь. Почувствовав ее, она улыбнулась, словно не ждала от него ничего другого.

— Меня зовут Беатриса Ланье, но мое имя вряд ли вам знакомо. Что касается вашего второго вопроса, тут есть некоторое затруднение. Я хотела бы предложить вам интересную и очень выгодную работу. Но объяснить, что она собой представляет, я не смогу, пока не буду уверена, что вы именно тот человек, который нам нужен.

Неожиданно он почувствовал, как раздражение покидает его. Ее визит и неопределенное предложение заманчивой работы походили скорее на некий фарс, на странный и необъяснимый розыгрыш. И не каких-то неведомых его доброжелателей. Скорее уж сама судьба играла с ним в эти минуты в кошки-мышки.

— И каким образом вы собираетесь определить мою пригодность? Хотите

ознакомиться с моим досье?

— Я уже сказала вам, что я не журналистка и меня не интересуют подробности вашей профессиональной деятельности хотя бы потому, что все они мне хорошо известны. Я читала ваше досье.

— Вот даже как… — Он почувствовал, что ироничная улыбка сползает с его губ. — Тогда, может, вы мне объясните, что произошло на рейсовом корабле «Игрек-12» после его отлета из марсианской колонии? — Этот вопрос был не только проверкой истинности ее слов. Для него полной загадкой осталась последняя запись в его досье, за которой последовала отставка.

— Двенадцатого февраля две тысячи сорок восьмого года инспектор внеземных поселений, так, во всяком случае, было написано в его официальных бумагах, направлялся на Землю в гости к родственникам своей бывшей жены. Случайно он оказался в толпе пассажиров, находившихся в кают-компании корабля в тот момент, когда на корабль было совершено нападение банды террористов.

Она продолжала говорить медленно своим высоким контральто, словно читала заранее заготовленный текст, внимательно следя за его реакцией.

— Этот сотрудник внешней безопасности в тот момент не выполнял никакого задания и мог бы оставаться в толпе пассажиров, не привлекая к себе внимания. Он мог бы дождаться, пока террористами займется отряд специального назначения, уже поджидавший их на земном космодроме. Но он принял другое решение… И в результате случайно пострадало некое высокое должностное лицо…

— Получается, вы знаете об этой истории больше моего. Я до сих пор не представляю, кем был этот «пострадавший» человек.

— Вы действительно не знаете?

— Ну я ведь не мог быть одновременно везде, корабль слишком велик. И во всем, что касалось этой части истории, журналисты словно воды в рот набрали.

— Да, вы правы. Золотой воды. Имя человека, из-за которого вам пришлось уйти в отставку… Впрочем, услуга за услугу. Прежде вы мне объясните, почему вы решили вмешаться, ведь сила была не на вашей стороне, к тому же вы профессионал и знали, что подобное вмешательство могло закончиться трагически для многих ни в чем не повинных пассажиров.

— К тому моменту мне стало ясно, что террористы не станут дожидаться посадки. Из случайной реплики одного из них я понял, что им нужен был в качестве заложника один-единственный человек. Они его получили. Они собирались покинуть корабль и не оставить там ни одного живого свидетеля.

— Имя этой важной персоны — сенатор Рыжлов. Как видите, я выполняю свою часть договора. Именно он потребовал вашей отставки…

— Это имя кое-что объясняет. Хотя многое остается неясным. Зачем ему все это понадобилось? И какое отношение вы сами имеете к этой истории? Постороннему человеку трудно было бы раскопать столько фактов. Обычно имена политических деятелей такого масштаба не выходят из дверей полицейского офиса.

Ее огромные зрачки чуть сузились, словно вызывая из глубин памяти некую одной ей понятную картину.

— В экстремальной ситуации сенатор повел себя не лучшим образом. А поскольку рядом оказались нежелательные свидетели, он решил, что может быть задета его политическая репутация и виноваты в этом именно вы. Затем было уже совсем нетрудно подкупить журналистов, свидетелей, чуть-чуть сместить акценты и представить все так, как ему нужно. Он прекрасно умеет это делать, поскольку всю свою жизнь и всю карьеру построил на грамотной подтасовке подходящих фактов.

— Похоже, вы его хорошо знаете и не слишком любите.

— Мне ли его не знать. Два года я была его личным секретарем.

Заславскому показалось, что она хотела еще что-то добавить к определению своей

должности, но остановилась в самый последний момент.

— Но на корабле я вас не видел. Я бы запомнил ваше лицо.

Она усмехнулась, секунду смотрела на него, слегка прищурившись, словно решала, стоит ли продолжать этот разговор, и наконец сказала:

— И все-таки я там была.

Глава 3

Апартаменты люкс, забронированные сенатором Рыжловым, располагались в носовой части лайнера на третьей палубе. Они состояли из трех отдельных, прекрасно оборудованных комнат. Одна из этих роскошных комнат была в полном распоряжении Элии Джексон — именно так тогда звали Беатрису Ланье. Она была в то время невысокой плотной брюнеткой. По роду своей деятельности ей часто приходилось менять фамилии и внешность.

Ей было поручено войти в доверие к сенатору Рыжлову и выяснить все, что удастся, относительно нового проекта генетического клонирования специального вида гомо сапиенс, который тайно выводился в инкубаторах компании «Заря над Марсом». Эти особи предназначались для работы в раскаленных рудниках Венеры, освоение которой задерживалось по той простой причине, что обычные люди не могли выдержать температурных условий этой планеты, а создание изолированных помещений, оборудованных климатогенными установками, обходилось слишком дорого.

Сенатор, обладавший солидным пакетом акций компании «Заря над Марсом» и лоббировавший ее интересы в Конгрессе объединенных наций, должен был знать о проекте «Венерианцы» если не все, то вполне достаточно, чтобы с его помощью установить, что же собой представлял новый клон и насколько сильно генетические изменения затронули наследственную структуру ДНК. Задания для Беатрисы всегда были достаточно специфичны, и она справлялась с ними настолько успешно, что считалась одним из лучших специалистов в своей области.

Впрочем, ни о ее специальности, ни об организации, поручившей ей столь деликатное дело, службы федеральной безопасности Земли ничего не знали…

В самом начале этой операции Беатриса столкнулась с неожиданной проблемой. Сам факт, что на третий день путешествия сенатор решил уложить в постель свою новую секретаршу, конечно, не был для нее неожиданностью.

Неожиданным оказалось то, что обычные методы, которыми она пользовалась в подобных ситуациях, на этот раз не сработали.

Сенатор категорически запретил ей брать с собой «подругу», девушку, услугами которой она всегда пользовалась в щекотливых ситуациях.

Ее попытка тайно провести Сильвию на корабль окончилась неудачей. Служба безопасности сенатора с момента подписания контракта следила за каждым ее шагом и, видимо, получила специальный приказ, запрещающий допуск на «Игрек-12» «нежелательных элементов». Купленный ею билет был аннулирован без лишнего шума. Сильвию не пропустили на корабль в момент посадки, и изменить что-нибудь было уже невозможно. Ей пришлось лететь одной.

Впоследствии ей стала понятна причина повышенной «бдительности» сенатора во всем, что касалось ее персоны. Фамилия Джексон, по недосмотру одного из отделов ее собственной фирмы, попала в компьютерные файлы полиции, и сенатор решил во что бы то ни стало выяснить, что ей от него понадобилось.

Методы сенатора выходили далеко за рамки всего, что она могла предположить. Беатриса не раз корила себя за непродуманность собственных действий. Если бы она не провожала Сильвию в космопорт, все бы обошлось. Однако ей необходимо было самой купить Сильвии билет, она не могла просто передать деньги. Столь большая сумма могла привести к бесследному исчезновению ее «подруги».

Здесь, как и во многих других вопросах, сказалась острая нехватка людей в ее

организации. Теперь она могла полагаться только на себя.

После того как корабль благополучно стартовал с марсианского космодрома, она неожиданно обнаружила, что оказалась пленницей в роскошных апартаментах сенатора. Охрана не разрешила ей даже спуститься в кают-компанию. Обед принес один из охранников, хмурый кавказец с бегающими глазками, делавший вид, что не понимает интерлекта.

Еда показалась ей невкусной, напитки теплыми. Она едва справлялась с поднимавшейся изнутри волной паники, понимая, что попала в очень неприятную ситуацию, из которой не могла придумать достойного выхода, не грозящего провалом всему заданию. И в тот момент, когда ей показалось, что ситуация полностью выходит из-под ее контроля, в коридоре раздались первые выстрелы, а сенатор Рыжлов превратился из самоуверенного, наглого ловеласа в жалкое, трусливое ничтожество…

— Почему вы это сделали? — спросила она Арлана, прерывая поток своих воспоминаний. — Ведь на этом корабле вы были обычным пассажиром. И не обязаны были вмешиваться.

— Люди, захватившие корабль, слишком уж полагались на грубую силу, на свое оружие, на парализующий страх своих жертв. Слишком велика была их вера в собственную безнаказанность.

— Вам удалось установить, кто проводил захват корабля?

— Нет. Меня сразу же отстранили от этого дела. Да это не имеет ни малейшего значения. Вернемся лучше к цели вашего визита. Вы убедили меня, что вы не журналистка, но так и не объяснили, чего, собственно, от меня хотите? Каким образом собираетесь вы определять мою «пригодность»? Будете проводить «проверку действием»? — Он усмехнулся и вновь не отказал себе в удовольствии пройтись взглядом по ее тонкой, женственной фигурке.

— Я могла бы это сделать. Хотя бы для того, чтобы заставить вас относиться ко мне немного серьезнее. Но это еще успеется. Пока что мне нужна всего лишь ваша кровь.

— Моя что? — не понял Заславский.

— Ваша кровь. Из вены, еще лучше из артерии. Всего около двух кубиков. Мне необходим подробный генетический анализ вашего организма.

— Если вы действительно знакомились с моим досье, то могли бы взять интересующие вас данные оттуда.

— Дело в том, что ваши медики не умеют проводить такой сложный анализ должным образом. Мне придется сделать его самой.

— Вы что же, медсестра или врач?

— Ни то, ни другое. Но анализ я сумею сделать, и, если данные, как я надеюсь, окажутся удовлетворительны, я смогу ответить на многие ваши вопросы. Пока же, независимо от результата, в благодарность за сотрудничество я хочу вернуть вам вашу лицензию.

Она щелкнула замком висевшей у нее на плече небольшой сумки и выложила на стол перед ним знакомый лист с двумя гербовыми печатями.

Арлан не любил подарков. Еще в юности он твердо усвоил простую истину: за бесплатное подношение впоследствии приходится платить весьма высокую цену. Он долго разглядывал бумагу, словно видел ее впервые или не верил в ее подлинность, и наконец сказал:

— Вы могли бы объяснить или хотя бы намекнуть, для чего понадобились эти анализы?

— Вы так сильно боитесь уколов?

Это уже был вызов, похожий на провокацию, и потому он ответил довольно резко:

— Я боюсь не уколов, а незнакомых женщин со шприцем.

Беатрис вздохнула.

— Наверно, в вашей работе без подобной осторожности нельзя. Хорошо. Я попробую

кое-что объяснить.

Представьте себе, что некой весьма богатой и влиятельной организации понадобился человек, способный провести определенные действия в зоне, зараженной опасным вирусом. Дело не в вирусе, но суть проблемы весьма схожа. Представьте далее, что существует весьма редкая наследственная генетическая мутация, которая делает индивидуума, обладающего ею, нечувствительным к этому вирусу.

Для задания, которое я собираюсь вам предложить, нужен человек с совершенно определенной генетической структурой хромосом. Если их у вас не окажется, я оставлю вам чек на приличную сумму за причиненное беспокойство, вашу лицензию, очищенную от всех претензий чиновников, извинюсь и уйду. На этом наше знакомство закончится.

Однако косвенные данные, медицинские карты ваших родителей и родственников в предыдущем поколении говорят о том. что наличие такой мутации в вашем роду весьма вероятно. Если это подтвердится — мы продолжим наш разговор. Тогда я смогу рассказать вам все.

— Вы обещаете это?

— Я обещаю, что вам не придется играть вслепую и вас не будут обманывать. Так же я обещаю поделиться с вами всей возможной, относящейся к делу информацией, прежде чем вы подпишете с нами контракт.

— Как называется ваша фирма?

— Как раз этого я не могу вам сказать. То есть я могла бы привести десяток ничего не значащих названий, но я обещала, что игра будет честной и открытой.

— Ну хорошо. Давайте попробуем…

Он начал медленно расстегивать рукав рубашки, а она еще раз щелкнула замком своей сумки, и в руках у нее появился маленький, совершенно незнакомый ему прибор.

— Что это такое?

— Автоматический шприц-пистолет, вы не почувствуете даже укола.

— Покажите мне его.

Не возражая, она передала ему похожий на игрушечную зажигалку никелированный приборчик, оказавшийся неожиданно тяжелым. Сбоку выходила какая-то трубка с присоской, а на ручке имелась одна-единственная кнопка.

— Вы можете сами взять кровь. Просто приложите присоску к тому месту, где видна вена, и нажмите кнопку.

— Может, сначала попробуем его действие на вас, просто так, для практики? Вы вроде бы сказали, что процедура совершенно безболезненная?

Он медленно потянулся к ее руке, внимательно следя за глазами своей гостьи. Но никакого испуга не заметил, скорее легкое раздражение.

— Там вставлена одноразовая, герметичная капсула, мне придется перезаряжать прибор. Ваша осторожность выходит за разумные пределы.

— Тогда давайте сделаем так: в моей домашней аптечке есть механический одноразовый шприц. Вас устроит, если я возьму кровь для анализа своим собственным шприцем?

— Разумеется. Если вы сумеете попасть себе в вену. Я с такой варварской процедурой не справлюсь.

— Вот и прекрасно. Будем считать, что мы договорились.

Это оказалось вовсе не так просто, как он предполагал. Игла все время проскальзывала вдоль сосуда и уходила в мышцу. Арлан легко справлялся с болью и умел держать ее под контролем, однако процедура оказалась не из приятных. К тому же его раздражало то, что Беатрис внимательно, с нескрываемым интересом следила за его действиями.

Один раз, когда ему удалось-таки попасть в вену, он нажал шприц слишком сильно и проколол сосуд насквозь, в результате чего получил небольшой фонтанчик собственной крови. Руку пришлось заклеивать пластырем и все начинать сначала.

— Может быть, вы хотя бы отвернетесь? — спросил он свою гостью, даже не

потрудившись скрыть недовольство, явно звучавшее в тоне вопроса.

— Не могу. Я должна быть уверена, что вы все сделаете правильно. К тому же это справедливо. За патологическую недоверчивость к людям приходится расплачиваться.

— Иногда за доверчивость плата оказывается гораздо выше, — проворчал он.

Наконец баллончик наполнился яркой артериальной кровью. И он невольно удивился ее живому непривычному цвету. После ранения кровь выглядит совершенно иначе.

— Возможно, вы принадлежите к племени вампиров, и вся эта ваша история всего лишь приманка для доверчивых простаков, — сказал он, протягивая ей шприц.

— Сейчас вы это узнаете.

Она вставила иглу в присоску своего аппарата и нажала кнопку. Кровь из баллончика шприца мгновенно исчезла в недрах машинки, после чего та довольно заурчала.

— Если вы и не вампир, то ваша машина уж точно из «ихних».

Беатрис никак не отреагировала на его шутку, полностью сосредоточившись на непонятных для него действиях.

Нажав какую-то не замеченную им кнопку сбоку аппарата, она откинула на рукоятке маленькую крышку, и Арлан увидел скрытый под ней небольшой экранчик, по которому бежали совершенно незнакомые ему знаки, не похожие ни на цифры, ни на буквы любого земного языка. Заинтересованный, Арлан подошел поближе.

— Что это за язык?

— Это машинный код. Цифры аниранские. Вам они неизвестны.

— Аниранский? Я не слышал о таком языке.

— Ничего удивительного. Потерпите минуту, вы мне мешаете. Сейчас будет готов результат.

Глава 4

На какую-то долю мгновения на лице Беатрисы Ланье появилось странное выражение, словно она не могла поверить в показания прибора. Или, быть может, сожалела о них…

Экран медицинского анализатора продолжал светиться ровным матовым светом, цифры больше не бежали по его поверхности. Лишь одно непонятное слово, состоящее из десятка неизвестных Арлану знаков, оставалось на экране.

И снова он спросил, не в силах сдержать нетерпение:

— Вы закончили ваш анализ?

Она не торопилась с ответом, и Арлан чувствовал себя как школьник на экзамене. Неожиданно для самого себя он понял, что от этого экзамена может зависеть вся его дальнейшая жизнь. Потому что если сейчас она встанет, извинится и уйдет, на все последующие годы с ним останется горечь сожаления от того, что ему удалось прикоснуться лишь к краешку какой-то тайны, чего-то такого, о чем он догадывался еще в детстве, а потом, повзрослев, забыл…

— Результат положительный, — тихо проговорила она наконец, защелкивая крышку прибора. — Вы тот человек, которого я искала несколько лет. Мне пришлось изучить вашу родословную до шестого колена. Расчеты показывали, что именно в шестом поколении полученный вами от ваших пращуров ген наконец-то проявит себя и изменит вашу нервную систему.

— Вы хотите сказать, что во мне есть нечто такое, что отличает меня от остальных людей?

— Именно так.

— Почему же я ничего об этом не знаю, ничего такого не чувствую?

— Потому, что это очень специфичное свойство Ваша нервная система должна быть устойчива к воздействию «Д-поля». Впрочем, это еще нужно проверить. На Земле такие поля не встречаются.

— Что такое «Д-поле» и что значит «на Земле»? Вы хотите сказать, что они есть на

Марсе?

— Вселенная не ограничивается планетами, которые вы успели освоить. Она больше, гораздо больше. Вскоре вы сможете убедиться в этом.

Она открыла сумку, осторожно положила в нее прибор и достала стопку каких-то бумаг.

— Здесь ваш контракт, подробные инструкции, а также чек. Да, есть еще одно условие. Вы никому не должны рассказывать о нашем разговоре.

Ему не слишком-то понравилось последнее условие, и потому, криво усмехнувшись, он с вызовом спросил:

— А если я его не выполню, как вы об этом узнаете?

— У нас есть свои методы. Можете не сомневаться, мы об этом узнаем.

— И что тогда произойдет?

Секунду, прежде чем ответить, она внимательно изучала его своими странными нечеловеческими глазами.

— В общем-то ничего особенного. Вам все равно не поверят. Контракт аннулируют, счет в банке закроют, и больше вы о нас никогда не услышите.

Она поднялась, защелкнула сумочку, и Арлан понял, что сейчас, сию минуту она уйдет, оставив его наедине с этими непонятными бумагами, кучей сомнений и вопросов, на которые нет ответа.

— Подождите, я же еще ничего не решил!

«И ничего не понял», — хотел добавить Арлан, но проглотил последнюю фразу, потому что, отрицательно покачав головой, она уже направилась к двери.

— У вас будет время подумать. Там все сказано.

— Но контракт… Я не слишком разбираюсь в юридических тонкостях и хотел бы проконсультироваться с адвокатом.

— Это вы можете сделать. При условии, что ничего не будете ему объяснять. Из текста контракта невозможно ничего узнать, кроме условного названия нашей фирмы.

— Кто вы?

— Вы ведь уже догадались, не так ли? — Она даже не обернулась. — После подписания контракта у вас будет возможность задать все ваши вопросы одному из наших сотрудников.

Поднявшись вслед за ней из-за стола, он невольно зацепился взглядом за шестизначную цифру чека. И почувствовал небольшой шок. Этой суммы было достаточно, чтобы раз и навсегда изменить оставшиеся ему годы жизни. Перед глазами вспыхнула картина его юношеской мечты, которой до сих пор так и не суждено было осуществиться. Он увидел зеркальную поверхность лагуны, домик на берегу моря и белоснежный корпус океанской яхты, которая все это время ждала его…

— Но этот чек… А если я не подпишу контракт?

— Вы его подпишете. Однако в любом случае, если вы сохраните в тайне наш разговор, эти деньги будут принадлежать вам.

— И что же, находятся люди, которые, получив такую сумму, еще соглашаются заниматься какими-то делами, рисковать собой?

— Находятся, Арлан, находятся. И мне почему-то кажется, что вы один из них.

Впервые она назвала его по имени, но он так и не смог увидеть выражения ее глаз. Она, не оборачиваясь, шла к двери своей быстрой скользящей походкой, и он едва успел догнать ее у самого порога.

— Я увижу вас еще раз?

Фраза прозвучала растерянно, почти жалко, он тут же пожалел о сорвавшихся словах, но было уже поздно. Она обернулась, и в ее огромных глазах промелькнуло нечто весьма похожее на сожаление.

— Это будет зависеть от вашего решения и от многих других обстоятельств. В конечном счете это не имеет значения. В «Д-корпусе» каждый выполняет свое собственное

задание.

Хлопнула дверца ее роскошного аэробиля, глухо зарокотали двигатели. Она что-то еще говорила, он видел, как движутся ее губы, но не слышал ни одного звука, кроме рева двигателей.

Взметнулась пыль, на лужайке перед его домом пронесся горячий ветер, машина резко ушла вверх, и он остался один.

Он знал, что никогда уже не забудет ее лица, схваченного рамкой кабинного окна, ее шевелящихся губ и этих неуслышанных слов.

В доме его ждали оставленные ею бумаги — единственный след, единственная ниточка, единственное доказательство того, что все происшедшее не плод его разыгравшейся фантазии.

Только теперь он сообразил, что она так и не выполнила своего обещания — ничего толком ему не объяснила. А он, оглушенный стремительностью и невероятностью ее визита, ни о чем не сумел расспросить.

Вернувшись в кабинет, Арлан сразу же отложил в сторону контракт. Он терпеть не мог официальных бумаг с гербовыми печатями и решил, что разбираться в них без помощи хорошего адвоката не будет, тем более что против этого она не возражала.

В оставленном ею конверте был еще один листок бумаги, исписанный мелким почерком, со старательно выведенными буквами, словно писавший эту бумагу человек плохо владел интерлектом и срисовывал незнакомые буквы с готового образца. Он подумал, что этим скорее всего занималась сама Беатрис.

В то время он еще не осознал всего значения ее появления на перекрестке своей судьбы, но уже понял, что отныне все связанное с этой женщиной будет иметь для него первостепенное значение.

Послание на безликом листке бумаги начиналось без всякого обращения, без упоминания его имени:

«Двадцать пятого февраля нынешнего года вы должны находиться на острове Мавратис. Узнайте о нем в любом агентстве путешествий. Турфирмы охотно помогут вам добраться туда. Не опаздывайте. У вас большой запас времени, но, когда настанет срок, может случиться так, что непредвиденные обстоятельства помешают вашему путешествию. Лучше, если вы окажетесь на острове заранее, но ни в коем случае вы не должны посещать место встречи раньше указанного здесь срока.

Двадцать пятого февраля, не раньше и не позже, вы должны прийти на виллу «Аннушка». Точно соблюдайте время, указанное в этом письме, иначе привратник не впустит вас.

Спуститесь в подвал. Там будет всего одна запертая дверь. Рядом над конторкой висят ключи. Возьмите ключ под номером сорок три двенадцать. (Смотрите не перепутайте своего номера. Там могут находиться другие люди, ожидающие своей очереди, — не обращайте на это внимания. Старайтесь ни с кем не разговаривать без крайней необходимости.)

Ровно в тринадцать тридцать вы должны открыть дверь своим номерным ключом, войти и захлопнуть ее за собой. У вас будет всего десять минут резервного времени. Если по какой-то причине вы не откроете дверь в назначенное время — это будет равносильно расторжению контракта.

В этом случае полученный аванс полностью остается в вашем распоряжении, но вы никогда больше не услышите о нашей организации.

Если вы все же решитесь выполнить все условия, помните, что в течение двадцати лет вы не сможете вернуться на Землю. Работа, которую мы собираемся вам предложить, связана с огромным риском. В «Д-корпус» попадают очень немногие, и принимают туда исключительно добровольцев. Никто никогда не узнает о вашей работе. Если вы не вернетесь на Землю, все обусловленное в контракте вознаграждение будет выплачено любому лицу, которое вы сами укажете в графе «наследники».

И все. Никаких дополнительных разъяснений, ни даты, ни подписи.

Если бы не огромная сумма на чеке, он счел бы все это хорошо организованным розыгрышем.

Где-то на самом донышке сознания возникло неожиданное сомнение: «Чек может быть поддельным, обыкновенная фальшивка».

Он сам в это не верил. Может, потому, что у земных женщин не бывает таких глаз. Или потому, что с момента ее появления его подсознание раз и навсегда смирилось с тем невероятным фактом, что в его жизни произошло нечто из ряда вон выходящее, нечто такое, что обычно называют чудом.

Но, несмотря ни на что, раз возникнув, сомнение разрасталось в нем до тех пор, пока, чертыхнувшись, он не пошел к соседскому телефону (собственный он так и не удосужился завести), не вызвал такси из города и, истратив на это месячную сумму своего скудного бюджета, не оказался в районном городке, где в центральном отделении банка ему подтвердили, что указанная на чеке сумма действительно принадлежит ему, а все положенные пошлины и налоги уже уплачены…

Маленький, лысый банковский служащий смотрел на него с нескрываемым подозрением, хотя и старался выглядеть подобострастным — к этому его обязывала сумма чека. На вопрос Арлана о том, откуда переведены деньги, он лишь пожал плечами.

— Вы сами должны знать. Клиент пожелал остаться анонимным. Коммерческая тайна всегда соблюдается нашим банком, и тут я ничем не смогу вам помочь.

Возможно, приложи он немного больше усилий, потребуй, например, встречи с управляющим, он смог бы добиться ответа. Но что-то его остановило. Скорее всего ощущение, что эти меры предосторожности предприняты не напрасно. Пристальное внимание к своей персоне он заметил с того самого момента, как очутился в районном центре.

Серый, неприметный пикап с заляпанными грязью номерами следовал за ним от самого вокзала и сейчас стоял на противоположной стороне улицы.

И все же гораздо большее значение имело его собственное желание оставить все так, как оно сложилось, не вмешиваясь в причудливый каприз судьбы, подарившей ему возможность невероятного приключения и нежданное богатство.

Сейчас, не проявляя излишнего интереса к происшедшему и ни во что не вмешиваясь, он все еще мог выбрать между полной опасностей поездкой в неизвестность и этим неожиданно свалившимся на него богатством.

В адвокатской конторе ему сказали, что контракт не имеет юридической силы, поскольку в нем не указана организация, от имени которой выступал его таинственный работодатель. Он не обязан был подписывать эту нелепую, ничего не значившую бумагу.

В одночасье он стал богат и свободен. Свободен выбирать любой из островов, на котором ждала яхта его юношеской мечты. Однако мысли его почему-то все время возвращались совсем к другому острову.

Пока что у него еще был выбор. Собственно, выбор у человека есть всегда, в любой момент можно попробовать повернуть обратно — вот только далеко не всегда это удается…

В отделе федеральной безопасности был у него один человек. Не то чтобы друг, друзей среди работников этого ведомства не бывает, но, по крайней мере, человек, которому он доверял, а это уже немало. Он мог бы ему позвонить. Арлан понимал, что столкнулся с чем-то настолько значительным, что самому, в одиночку, ему не справиться. Если его догадка верна, то речь шла всего лишь о том, что на Земле действовали представители какой-то иной, нечеловеческой цивилизации. Они были очень похожи на людей или умели такими казаться. Они ухитрялись, даже не считаясь с огромными затратами, вербовать себе наемников среди людей, и ему предложили стать одним из них…

Нельзя было сбрасывать со счетов и вероятность того, что аниранцы (или как там они называются на самом деле?) попросту захватчики, агрессоры, которым понадобилась планета, принадлежащая людям.

Но десятки мельчайших деталей в поведении Беатрис заставляли его в этом

сомневаться. Он был неплохим психологом и привык доверять собственной интуиции. Кроме того, он представлял, что последует за звонком в управление. Ее слова вовсе не пустая угроза…

И она права. Даже если он решится позвонить, его рассказу все равно не поверят.

У него не было ни одного доказательства, ни одного серьезного факта. Лишь собственные догадки и предположения да еще листки никчемных, ничего не значащих бумаг, которые она оставила. В отделе безопасности могут решить, что он ищет любой нелепый повод, чтобы вернуться на прежнюю работу, заинтересовать свою бывшую контору собственной персоной.

Арлан по своей натуре был гордым и самолюбивым человеком, и, вероятно, последнее соображение явилось одной из главных причин того, что звонок так и не состоялся.

Прикрытие ему бы, конечно, обеспечили. Хотя бы для того, чтобы проверить полученную информацию. Но платой за это прикрытие станет потеря возможности самостоятельно принимать решения.

В конце концов, он не первый раз попадал в ситуацию, когда приходилось действовать в одиночку, на свой страх и риск. Позже, когда у него появятся доказательства, когда он убедится в собственной правоте, он еще успеет набрать знакомый номер. Мавратис находится не на Марсе, а двенадцать тысяч километров не расстояние для современных средств транспорта.

Было и еще одно тайное обстоятельство, повлиявшее на его решение. Обстоятельство, в котором он не хотел признаваться даже самому себе. Только там, на далеком Мавратисе, только в таинственном «Д-корпусе», о котором он ничего не знал (хотя обязан был знать, работая инспектором внешней безопасности), появится у него шанс вновь увидеть Беатрис.

Огромные, нечеловеческие глаза этой женщины все время стояли перед его мысленным взором. Они становились то насмешливыми, когда сомнения терзали его, то полными скрытой горечи, когда он начинал упрекать себя за мальчишество и глупость, за то, что не может забыть об этом чертовом острове и купить билет совсем в другую сторону… В конце концов он решил, что яхта ждала его много лет, подождет и еще немного.

Лишь один раз живет на земле человек, и лишь однажды в его жизни появляется шанс, подобный тому, что повстречался Арлану. Шанс увидеть иные миры и чужие созвездия…

Никто не говорил ему об этом, но он знал, что самолет, летящий на Мавратис, никогда уже не вернется обратно, во всяком случае, для него…

Глава 5

Над Индийским океаном неторопливо плыли целые стада облаков. Лайнер летел значительно выше, и казалось, что облака лежат на поверхности голубой воды. Арлан с интересом наблюдал за игрой цветных теней в их призрачных замках, и порой можно было подумать, что они и в самом деле плывут по воде, похожие на стаю лебедей.

Подошла стюардесса и поинтересовалась, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Выбор показался

Заславскому поистине царским. Французский коньяк нескольких сортов, марочные сухие вина, шампанское…

Он был единственным пассажиром в салоне первого класса. Никогда раньше он не мог себе этого позволить, но сейчас его счет не уменьшится на ощутимую цифру, даже если он решит летать первым классом всю оставшуюся жизнь. Ему с трудом удалось найти авиакомпанию, совершавшую прямые авиарейсы на этот богом забытый остров.

В конце концов он остановил свой выбор на обыкновенном пиве. В салоне стояла жара, несмотря на пятидесятиградусный мороз за бортом, и пиво это было как раз то, что надо.

В мавратисском аэропорту он почувствовал себя не слишком уверенно, местные служащие на интерлекте изъяснялись с трудом, и ему пришлось потратить около часа, прежде чем он нашел такси с водителем, который понял наконец, куда его следует отвезти.

А нужно ему было попасть в местный заштатный городишко, в котором не было даже приличного отеля и который по этой причине не посещал ни один уважающий себя турист.

Заславский приехал слишком рано, в запасе у него оставалось целых две недели до назначенного в записке срока. Но он терпеть не мог спешки. Ему необходимо было все еще раз обдумать и осмотреться, прежде чем принять окончательное решение. Дополнительная информация никогда ему не мешала, на ее сбор он и отвел эти две недели.

Годы, проведенные в управлении внешней безопасности, научили его осторожности даже в том случае, когда он решался на заведомо нелепый поступок.

В конце концов с помощью водителя, выступавшего в роли переводчика, ему удалось снять комнату в довольно богатом, по местным понятиям, доме. Он подозревал, что не без помощи того же водителя здорово переплатил, но это была справедливая цена за незнание местного языка, состоявшего из пестрой смеси французского, испанского и хинди.

Многочисленная семья индусов жила в нижней части дома, а ему отвели всю верхнюю половину. Здесь находились большая веранда, кухня и две спальни.

Первая ночь прошла ужасно. Он долго не мог заснуть: сказалась перемена часовых поясов, утомительно долгий рейс и мешал постоянный шум, доносящийся снизу.

Лаяли собаки, кричали дети, хозяин что-то долго и внушительно говорил своей жене. Невольно, в который уж раз, Арлан спрашивал себя: что он здесь делает? Сейчас, в этом ночном бдении, все происшедшее с ним казалось совершенной нелепостью. Он даже не смог вспомнить лица Беатрис. Даже ее глаза, сопровождавшие каждый его шаг на континенте, теперь исчезли. С веранды в окно спальни заглядывала половинка луны, а рядом, чуть левее, висели незнакомые созвездия. Где-то среди них должен был быть Южный Крест, но он так и не сумел его отыскать. От чужого, непривычного неба веяло странной тоской, и он невольно подумал, что с ним будет, если все, о чем она говорила, окажется правдой… Если небо, которое ему предстоит увидеть, будет небом другого мира…

Лица Беатрис он так и не вспомнил, оно упрямо ускользало из его памяти и растворялось в небытии, оставляя лишь воспоминание о чем-то ярком и совершенно чуждом — словно и лица-то никакого не было, а была лишь маска, иллюзия, от начала до конца придуманная им самим.

Никогда раньше он не верил в пришельцев, в инопланетян, даже в чертей он не верил и потому знал, что не успокоится до тех пор, пока не узнает, что за всем этим скрывается.

Завтрака, полагавшегося вместе со снятыми «апартаментами», Арлан дожидаться не стал. Водитель подозрительно долго и подробно расписывал его достоинства, и Арлан решил не рисковать. Вряд ли его желудок способен переварить пищу, запах которой уже доносился снизу. Вместо этого он решил побродить по городку и найти на набережной какой-нибудь ресторанчик, открытый в это раннее утро.

В конце концов ему повезло, и вместе с чашкой вполне приличного кофе он получил еще и огромный кусок ароматной рыбы, видимо, только что пойманной стоявшим неподалеку рыбацким баркасом.

Покончив с завтраком, он купил в газетном киоске в двух шагах от ресторанчика подробную карту острова и решил отыскать указанный в записке дом. Ему хотелось взглянуть на него со стороны, не сообщая о своем прибытии. Это оказалось непростой задачей. Хотя карта была настолько подробной, что на ней можно было увидеть отдельные улицы поселка, названий у них не было.

Он решил не отступать от своего намерения, благо времени было достаточно. Среди местных жителей иногда встречались те, кто мог общаться с ним на исковерканном интерлекте.

В результате поисков улица под названием «Центральная аллея» объявилась в каком-то глухом закутке. Она начиналась у проезжей дороги и завершалась тупиком в конце небольшого мыса.

Нужный ему дом стоял у самого моря. Не желая привлекать к себе излишнего внимания, Ар-лан прошелся вдоль улицы всего один раз и скользнул по дому равнодушным

взглядом скучающего туриста, но и этого ему оказалось достаточно, чтобы отметить множество интересных деталей.

В доме, по-видимому, никто не жил, хотя за небольшим садиком и за самим зданием явно ухаживали. Очевидно, этим занимался сторож. Его небольшую лачугу, собранную из листов фанеры, с занавеской вместо двери, он рассмотрел под раскидистым платаном у самого входа во двор.

На веранде стояли прислоненные спинками к круглому столу четыре стула. Он уже успел заметить, что местные жители ставят их так специально, когда хотят оповестить случайных посетителей, что хозяев нет дома.

Центральное строение усадьбы производило какое-то двойственное впечатление. С одной стороны, оно было просторным и наверняка оборудованным всем необходимым для жизни, но во всем чувствовалось отсутствие хозяйского глаза и заботливых рук. Деревья стояли неподстриженные, кусты дикой бугенвиллеи разрослись так, что заполонили тропинку, ведущую от ворот к дому.

В остальном здесь не было ничего интересного, разве что дверь подвала… Для подвала в этом строении не было места. Дом стоял так близко к воде, что грунтовые воды наверняка начинались в полуметре от пола нижнего этажа.

С морской соленой подпиткой не справится никакой бетон. Если здесь в самом деле существует подвал, то для его устройства понадобилось бы сварить глухой металлический кожух — весьма дорогое удовольствие.

Вторым открытием, удивившим Арлана, было полное запустение и безлюдье. Ни следов машин, ни признаков жизни.

Этот дом посещался нечасто, и если это так, то подобных ему визитеров здесь бывало немного. Похоже, вербовка потенциальных сотрудников «Д-корпуса» проходила не слишком успешно. Оставалась, правда, вероятность, что при своих финансовых возможностях они готовили специальный дом для каждой встречи.

Свернув с Центральной аллеи на узкую тропинку, идущую вдоль самой кромки прибоя, и постепенно удаляясь от нужного ему дома, Арлан думал о том, зачем кому-то понадобилось сооружать здесь подвал. Ведь именно туда ему предлагали спуститься, когда подойдет срок, указанный в записке…

Беатрис сказала, что Вселенная не ограничивается окружающими Землю планетами. Интересно, что она имела в виду? Все время его одолевали сомнения. Слишком трудно сразу отказаться от привычных, усвоенных в школе понятий, от мировоззрения, так уютно заполнявшего все мозговые извилины любого жителя Земли.

Звезды слишком далеки и недоступны. И они вряд ли станут доступны в обозримом будущем. Никакое материальное тело не может двигаться быстрее света. А это означало, что до ближайшей звезды, даже приблизившись к скорости света вплотную, кораблю придется лететь никак не меньше четырех лет. При этом вес корабля вместе с топливом должен составлять миллионы тонн. Так каким же образом могли оказаться на Земле обитатели иных миров?

Из задумчивости его вывел вынырнувший из закоулка тощий субъект, одетый в потрепанный пиджак и такие же штиблеты, напяленные на босу ногу. Однако из-под пиджака виднелась недавно стиранная сорочка, на которой болтался совсем уж не к месту зеленоватый галстук в крапинку.

— Сеньор не желает позавтракать? Очень дешево!

Перед ним вертелся обыкновенный ресторанный зазывала, весьма назойливый, что не свидетельствовало об особых достоинствах заведения, интересы которого он представлял.

— А что, ваш ресторан открывается так рано?

— Мы работаем всю ночь. Еще не закрывались на дневной перерыв. Сеньор может выбрать любое блюдо, есть свежая рыба и крабы, их привозят сюда прямо после лова.

Действительно, напротив открытой веранды ресторанчика, на который указал зазывала, виднелась небольшая пристань для рыбачьих баркасов.

Сжалившись над несчастным парнем, Арлан согласился позавтракать второй раз. Сидеть под пышной шапкой цветущей бугенвиллеи и слушать шумевший прибой ему показалось приятней, чем бесцельно скитаться по улицам поселка, в котором он не знал ни одного человека.

Он сидел в совершенном одиночестве. Море разбивалось о каменную кладку в двух метрах от его столика. С веранды открывалась широкая панорама на залив, и Арлан видел, как от красивых, ухоженных домов одна за другой уходят в океан яхты на утреннюю рыбалку. Они уходили без него, хотя, будь на то его воля…

«Почему я не могу жить, как все нормальные люди?» — спросил он сам себя. Ответа не нашлось, *а* цена завтрака оказалась ровно в два раза выше той, которую назвал зазывала. Еще недавно это бы его возмутило. Сейчас же деньги потеряли для него всякое значение. В своем контракте, в графе наследников, он не сможет вписать ни одной фамилии. Если через двадцать лет он не вернется, все заработанные им деньги достанутся чужому человеку.

Он поймал себя на том, что принимает сделанное ему предложение слишком серьезно. И виновата в этом была Беатриса Ланье. Такие женщины, как она, не тратят свое время по пустякам.

Второй раз он решил навестить дом на Центральной аллее поздно вечером, после того, как стемнело настолько, что, подобрав соответствующую одежду и действуя осторожно, он мог надеяться проникнуть на территорию усадьбы незамеченным. Арлан хотел собрать как можно больше информации об этом таинственном месте до своего официального визита.

Две соседние виллы оказались пустыми, хозяева этих строений предпочитали жить на континенте и наведывались на остров лишь во время отпусков. Об этом режиме, типичном для местных богатеев, ему рассказала хозяйка «апартаментов», объяснив, что найти лучшее, чем у нее, жилье ему не удастся. «Большинство местных живут в лачугах, в которых сеньору не понравится, все эти виллы — частные владения, и они не сдаются».

Действительно, на распахнутых настежь воротах красовалась табличка на английском языке: «PRIVATE PROPERTY».

Арлан осторожно проскользнул вдоль забора. По-видимому, вилла не охранялась, на острове никто не слышал о воровстве. На территории усадьбы не было даже собак. Поблагодарив судьбу за этот подарок, Арлан выбрал подходящее раскидистое дерево, ветви которого поднимались достаточно высоко и давали возможность заглянуть в окна второго этажа интересующего его дома.

За час до того, как он здесь оказался, на остров упала южная ночь. Закатных сумерек почти не было, темнота наступала в считанные минуты. Арлан взобрался на дерево, достал небольшой бинокль ночного видения, оставшийся у него от прежней службы, и стал наблюдать за домом.

В течение всей ночи его добровольного дежурства ничего интересного не произошло. Дом выглядел пустым. Даже таинственный привратник, если он существовал, не подавал ни малейших признаков жизни.

Он вернулся к себе только под утро. Усталый и злой. Заснуть так и не удалось.

Казалось, к окну его комнаты собрались собаки со всего городка. Они устраивали разборки между стаями, кого-то драли, кого-то жевали под соседним бананом. Вой и визг стояли такие, что Арлану живо представились лежащее под бананом живое трепещущее тело и куски плоти, выдираемые из него зубами голодных собак.

В конце концов, не выдержав этой пытки, он встал и начал укладывать вещи. Сразу же, словно угадав его намерения, примчалась хозяйка.

— Сеньор собирает вещи? Сеньор хочет уехать?

— Слишком много собак. Слишком много шума.

— Сеньор обещал жить три дня. На два дня комнаты стоят дороже. У меня хорошие собаки, ночью они не лают.

— Я иногда сплю днем.

— Честные люди спят по ночам! — отрезала хозяйка, недовольно поджимая свои

пухлые губы.

В чем-то она, несомненно, была права, и Ар-лан, не тратя время на бесполезные споры, выложил на стол четыре сотенные кредитки. Недовольство в глазах хозяйки мгновенно сменилось алчным блеском.

Закончив сборы и прихватив свой багаж, помещавшийся в одном небольшом кейсе, Арлан отправился искать более спокойное жилье, расположенное поближе к нужному дому.

Он упрямо обходил виллу за виллой, решив пройти всю Центральную аллею, но хозяева почти везде отсутствовали, а слуги на его вопросы лишь недоуменно пожимали плечами.

В одном доме ему объяснили, что хозяева достаточно богаты, чтобы не пускать посторонних в свои владения. В арендной плате они, судя по всему, попросту не нуждались. Он совсем было решил, что дело безнадежно, когда в одном из домов в ответ на его вопрос, не сдается ли здесь свободное помещение, чернокожая служанка ответила коротким «да» и, ничего не добавив к этой фразе, направилась в дом. Уже привыкнув к глубоким знаниям местных жителей в области интерлекта, Арлан последовал за ней.

С противоположной стороны дома, на веранде, обращенной к океану, расположилась небольшая компания: пожилой мужчина в шортах, очень полная белая женщина и какой-то метис. Перед каждым из них стояла банка с пивом, а посреди стола лежала целая груда мелко порезанной копченой колбасы.

Вся компания обрадовалась появлению незваного гостя так, словно давно ждала здесь именно его прихода.

Арлана усадили за стол, напоили пивом и после недолгих расспросов о стране, из которой он прибыл, и о времени отпуска, которое он собирается провести на Мавратисе, предложили подняться наверх. Видимо, второй этаж изначально отводился для гостей. Туда даже вела отдельная лестница, и Арлана вполне устраивала подобная изолированность.

Переговоры длились недолго, вечер он уже встречал на новом месте и, стоя на веранде своего жилья, разглядывал расположенные от него в каких-то пятистах метрах густые заросли платанов, скрывавшие от посторонних взоров дом, в котором могла измениться вся его дальнейшая жизнь.

Глава 6

Вечером, как только стемнело, он вновь оказался на своем наблюдательном посту в густой кроне платана, росшего у самой изгороди.

В первые два часа ничего интересного не произошло. Дом казался совершенно покинутым, и Арлан уже с досадой начал подумывать о напрасно потерянном времени, когда неожиданно увидел возле сторожки крохотный движущийся огонек, в котором без труда распознал узконаправленный луч небольшого фонарика. К сожалению, его свет мешал прибору, и Арлан не мог рассмотреть лица человека, медленно идущего по двору от ворот к зданию.

Человек вошел с улицы, и, следовательно, у него должен быть ключ от калитки, поскольку Ар-лан еще днем отметил, что на вилле «Аннушка» ворота запирались надежно.

Прежде чем войти в дом, человек обошел здание вокруг, словно проверяя, нет ли в усадьбе посторонних. Его поведение показалось Арлану подозрительным, особенно после того, как в доме не зажгли света, хотя он отчетливо слышал звук открывшейся наружной двери.

Подождав еще минут пять, Арлан понял, что необходимо предпринять какие-то более решительные действия, если он хочет узнать, что же происходит в доме и кто этот соблюдающий все меры предосторожности ночной визитер.

Осторожно спустившись с дерева с внутренней стороны ограды, Арлан притаился в густых зеленых зарослях, оплетавших стену усадьбы.

Его прибор ночного видения показал расплывчатое тепловое пятно возле сторожки.

Еще один визитер? Однако пятно никак не удавалось сфокусировать. Человеческое тело в инфракрасных лучах давало более четкое изображение.

Решив проникнуть в дом вслед за ночным гостем, Арлан не хотел оставлять этот неопознанный предмет у себя за спиной. Если это собака, ему не удастся приблизиться к усадьбе незамеченным.

У него сохранилась лицензия на единственное пригодное для обороны оружие, и сейчас, мысленно похвалив себя за предусмотрительность, он достал небольшую, похожую на портсигар коробку и отрегулировал излучатель парализатора на минимальную мощность. Затем стал медленно приближаться к заинтересовавшему его пятну.

Он двигался так осторожно, что ни одна ветка на кустах не шелохнулась, но предосторожность оказалась напрасной.

Лежавший на земле возле сторожки человек был мертв. Кровь еще сочилась из раздробленной кости затылка. Рана оказалась глубокой, проникающей в череп, холодным оружием невозможно нанести подобную рану, разве что нападавший обладал нечеловеческой силой. Но Арлан не слышал звука выстрела, даже пистолет с глушителем должен был произвести достаточный для его тренированного слуха хлопок.

Возможно, было использовано какое-то неизвестное ему оружие, и теперь он знал, что человек, проникший в дом, — убийца, готовый на все для достижения своей, неизвестной Арлану цели.

Радиограмма, пришедшая по сверхпространственному каналу, выглядела как обыкновенный листок, вырванный из блокнота.

«Посланец прибудет на Землю двадцать второго. Нам не удалось перехватить корабль. Его цель — уничтожить канал. Нужно остановить его любой ценой».

Текст не оставлял Беатрис ни малейшей надежды. Радиограмма опоздала самое меньшее на двенадцать часов. Слишком долго добирался до нее бессмысленный теперь клочок бумаги.

Беатрис знала, чем грозит потеря единственного канала пространственной связи.

Двадцать лет полной изоляции. Именно столько времени потребуется кораблю «Д-корпуса», чтобы преодолеть огромное расстояние и доставить на Землю оборудование для нового канала. За это время они наверняка потеряют планету. Она не успеет даже вызвать подмогу из федерального центра, где работало еще двое аниранцев. Беатриса хорошо знала, какой силой обладал посланец Эль-Грайона, и понимала, чем закончится для нее эта встреча. Неторопливо и спокойно, как делала все, она передала свое последнее послание центру и стала готовиться к неизбежному…

Приблизившись к двери, выходившей на широкую заднюю террасу, Арлан почувствовал странный холод, словно невидимая ледяная рука сжала сердце и перехватила дыхание. Он умел неплохо контролировать собственные эмоции, но то, что он чувствовал сейчас, не имело к ним никакого отношения.

Он знал, что убийца находится в доме, и знал, что не позволит ему уйти безнаказанным. Ему предложили работу в организации, резиденция которой подверглась нападению. Даже не подписав контракта, он считал своим долгом остановить преступника.

Вот только этот странный холод… Он никогда не испытывал ничего подобного раньше. Когда наступало время действовать, он заставлял себя не думать о постороннем.

Дверь террасы оказалась незапертой. Похоже, именно здесь преступник проник в дом и не слишком заботился о маскировке. Вернувшись к сторожке, Арлан не мог следить за домом, но не сомневался, что убийца все еще находится внутри.

Дверь открылась бесшумно, и Арлан проскользнул в прихожую. Перед ним, очевидно в гостиной, виднелся голубоватый огонек ночника или какого-то прибора сторожевой охраны. Этого призрачного света оказалось достаточно, чтобы Арлан увидел узкую лестницу, ведущую в подвальное помещение дома.

Интуиция подсказала, что убийца находится там. Он не стал слишком долго разбираться в причинах своего ощущения. Вместо этого он, не теряя ни секунды, спустился

по лестнице. За распахнутой настежь дверью комнату слабо освещал еще один ночник. Но в его призрачном свете Арлан сразу же увидел смутный силуэт человека.

Положившись на то, что убийца не знает, какое у него оружие, он произнес ровным спокойным голосом:

— Руки за голову, лицом к стене!

У любого преступника, находящегося на месте преступления, подобная фраза вызывает хотя бы мгновенный шок.

Однако человек, вместо того чтобы выполнить команду, повернулся к нему и сделал это слишком быстро. Прием не сработал. Арлан знал, что у его противника должно быть оружие помощнее жалкого парализатора…

Ему не оставалось ничего другого, как только прыгнуть вперед, понадеявшись, что в полутьме прицелиться как следует невозможно.

Его расчет оправдался. Он услышал легкий хлопок. Левой щеки коснулся горячий ветер от пролетевшей мимо пули. Мгновением позже его правая рука нанесла короткий и резкий удар в предплечье противника. Оружие с грохотом, намного превосходившим по силе хлопок выстрела, упало на пол, но в ту же секунду Арлан почувствовал резкую неожиданную боль в висках, словно ему в голову ввертывали раскаленные сверла.

— Знаешь ли ты, на кого поднял руку, человек? — прошелестел в его сознании бесцветный, лишенный интонаций и обертонов голос.

— Знаю. На убийцу.

— Мой господин никого не убивает. Он забирает нас к себе. Ты тоже сейчас присоединишься к нам.

— Ну, это мы еще посмотрим!

Боль в голове была резкой и сильной, но она поддавалась контролю. Усилием воли Арлан отгородился от нее и сосредоточил все внимание на поединке. Хотя он и вывел из строя руку своего противника, тот не снизил темпа и не уменьшил быстроты выпадов. Несмотря на всю свою подготовку, Арлан едва успевал уклоняться.

Нападавший действовал как машина, казалось, он не чувствовал ни боли, ни усталости. В какой-то момент, передвигаясь по комнате, они очутились в непосредственной близости от ночника, и Арлан впервые увидел лицо своего врага.

Шок от этого был настолько сильным, что Арлан не успел поставить блок и пропустил удар в солнечное сплетение, от которого все поплыло у него перед глазами.

Боль, однако, имела и положительный эффект: она помогла Арлану вновь сосредоточиться и уйти в глухую защиту, выиграть время, чтобы переждать последствия болевого шока.

Это ему удалось, однако мелькнувшее в свете ночника нечеловеческое лицо все еще стояло у него перед глазами.

Собственно, нечеловеческим было не само лицо, а лишь его выражение. Застывшая мертвая маска и белесые, без зрачков глаза, которые, как казалось, смотрели сразу во все стороны одновременно.

Удары противника становились все безжалостней и все чаще достигали цели, по их характеру Арлан давно понял, что тот старается его убить. Не искалечить, не ранить — а именно убить.

Нужно было что-то немедленно предпринять, пока еще у него оставались силы.

Сосредоточив все свое внимание на защите, он стал медленно и осторожно отступать к тому углу комнаты, в котором, как он помнил, лежало на полу выбитое им в первые мгновения поединка оружие.

Оказавшись там, он сделал резкий выпад, нанося в прыжке удар обеими ногами. Это заставило его противника немного отступить и позволило Арлану «случайно» упасть на пол.

Противник сразу же бросился к нему, собираясь покончить с беспомощно лежащим человеком. Но рука Арлана уже прочно сжимала рукоятку выбитого у врага оружия. Если бы еще знать, как им пользоваться. Но времени на эксперименты не оставалось, теперь все

решали доли мгновения.

Направив навстречу несущемуся на него противнику широкий раструб, Арлан несколько раз нажал небольшую кнопку на рукоятке и, не услышав выстрелов, едва успел перекатиться в сторону.

Бросок его врага оказался последним. Ноги у него неожиданно подломились, и он, зашатавшись, рухнул на пол.

Ожидая подвоха, сгруппировавшись, Арлан мгновенно вскочил на ноги и отступил назад, обеспечив себе дистанцию, достаточную для того, чтобы блокировать новый неожиданный выпад.

Но противник больше не двигался. Подождав какое-то время, Арлан сорвал со стены ночник и, не приближаясь к лежавшему на полу человеку, направил луч синеватого света на его фигуру.

Сомнений не оставалось. Неизвестное ему бесшумное оружие сработало весьма эффективно. Развороченная грудная клетка нападавшего не оставляла в этом ни малейшего сомнения. Однако ни на стенах, ни на полу Арлан не заметил ни одного пятнышка крови. Остатки лежавшего перед ним хрупа, несомненно, принадлежали человеку, вот только умер тот довольно давно. Задолго до этого поединка…

Трудно понять подобный факт, еще труднее будет объяснить его полиции, которая могла оказаться здесь с минуты на минуту. Когда был убит привратник, соседи могли слышать шум или заметить подозрительных людей… Ему следовало убираться отсюда как можно скорее.

Он был в этой стране на правах туриста, и впутываться в расследование труднообъяснимых убийств именно сейчас, когда до срока официального визита в этот дом оставалось всего двадцать четыре часа, не было никакого смысла. Встреча с хозяевами дома может не состояться, если здесь окажется полиция. Он не сомневался, что его новые работодатели предпочли бы разобраться в случившемся без участия стражей порядка…

Он никак не мог прийти к определенному решению, поскольку его многолетние привычки подчиняться закону, представителем которого он сам являлся, довольно долгое время восставали против бегства с места, где только что было совершено преступление.

И все же ничего другого не оставалось. Он медленно поднялся по лестнице, ведущей из подвала в прихожую. Сбоку, за стеклянной дверью гостиной, горел свет настольной лампы.

Когда он проходил вниз, света здесь не было. Еще один посетитель? Сжимая в руке трофейное оружие, Арлан бесшумно приблизился к двери и резко распахнул ее.

Недалеко от погасшего камина, облокотившись на холодную мраморную полку, стояла Беатрис Ланье…

От неожиданности или от того, что сбылось то, о чем он тайно мечтал все последние дни, Арлан почувствовал, как волнение сжало горло, и, опуская оружие, он произнес неожиданно севшим голосом:

— У вас странная манера появляться там, где происходят необъяснимые вещи. Вы знали о том, что на дом готовится нападение?

Она лишь молча кивнула, не спуская с него своих внимательных изучающих глаз.

— Здесь вас не ждали так рано… И я не имею права разговаривать с вами сейчас. Но то, что вы сделали… Я должна поблагодарить вас.

— Что за странное создание напало на меня и убило привратника?

— Не надо об этом, у вас будет время познакомиться со слугами Эль-Грайона.

— Кто такой Эль-Грайон?

— Какой же вы, право… Я ведь уже сказала, что нарушаю все правила, встречаясь с вами сейчас. Неужели все сотрудники безопасности, даже бывшие, ни на минуту не могут забыть о деле?

Он почувствовал необъяснимое волнение от ее слов, за ними скрывалось нечто больше, чем простая благодарность.

Казалось, она ждала от него чего-то, замерев неподвижно у потухшего камина, не сводя

с Арлана своих огромных глаз. Пустой мертвый дом молчал. Они были одни здесь, и все остальное вдруг потеряло для него всякое значение.

Преодолеть разделявшие их несколько метров почему-то оказалось труднее всего, труднее, чем выиграть предшествующую их встрече смертельную схватку.

Неожиданно он оказался рядом с ней. Незнакомый дурманящий аромат шел от ее волос. Беатрис не шелохнулась, не произнесла ни слова, даже не ответила на его поцелуй. Ее губы остались холодны и неподвижны, но тем не менее после этого поцелуя… все поплыло у него перед глазами…

Он не помнил, как добрался домой и очутился в своей постели. Проснувшись утром, он даже не мог вспомнить, было ли у этого единственного поцелуя продолжение.

В голове осталась лишь память о чем-то, похожем на ослепительную вспышку молнии, поглотившую его сознание. Если бы не вдавившаяся в бок рукоятка трофейного оружия, он мог бы подумать, что все происшедшее ночью — плод его не в меру разыгравшегося воображения.

Глава 7

Пошатываясь от внезапно налетевшей слабости, он встал и с трудом выбрался на веранду своего дома.

Утро, как всегда в этой стране, было прекрасно. Чуть слышно рокотали ослабленные коралловым рифом океанские волны. Снизу, с газона, усыпанного блестками утренней росы, доносился аромат свежескошенной травы и незнакомых цветов.

Кучевые облака неторопливо проплывали по ослепительному небу и скрывались за линией горизонта, словно растворяясь в небесной сини, сливавшейся вдали с морем.

Никогда раньше не было у него провалов памяти. Никогда он не терял контроля над своим сознанием. Но сейчас произошло именно это. Поцелуй, ослепительная вспышка, и вслед за этим полная темнота… Зачем она это сделала, почему отняла у него воспоминания?

Он почувствовал, как изнутри поднимается темная волна гнева.

Сегодня день назначенной в записке встречи, и на этот раз он заставит ее ответить на все вопросы. Ждать оставалось совсем недолго.

Он достал из кармана необычный плоский пистолет с расширением на конце ствола и внимательно его осмотрел. Возможно, во время предстоявшего визита ему вновь понадобится оружие. В любом случае с трофеем следовало познакомиться более подробно.

С такой системой он сталкивался впервые. Магазин был маленький, заполненный небольшими капсулами красного цвета. Их там оказалось не меньше сотни, и оставалось совершенно непонятным, какое вещество могло метнуть в цель крохотный снаряд и произвести взрыв, способный развороти ть грудную клетку.

Любая технология подразумевает преемственность. Технологические циклы неизбежно переплетаются друг с другом. Дополняют друг друга. Именно так специалист всегда узнает новинку и сумеет определить ее основные параметры.

То, что он сейчас держал в руках, не имело аналогов в земном оружейном производстве. Он сомневался даже в том, что полный лабораторный анализ вещества капсул сможет ответить на теснившиеся в его голове многочисленные вопросы.

Но не слишком ли он увлекся фантастической версией о пришельцах? Что, если ему хотели внушить именно эту мысль? Он всегда гордился своей холодной логикой, и сейчас его подсознание восставало против насилия над собой.

На практике он привык рассматривать все возможные версии и лишь затем выбирать наиболее вероятную. Итак, если на какое-то время забыть о пришельцах, что у него останется?

Засекреченное правительственное подразделение? Подобные организации всегда оставляли какие-то следы своей деятельности. Рано или поздно о них становилось известно. Однако он за все годы своей службы ничего не слышал о том, что где-то может существовать

организация, располагающая собственными научными центрами и заводскими технологическими линиями, способными создать игрушку, которую он сейчас держал в руках.

Богатая частная фирма, до поры до времени державшая в тени свои разработки? В принципе, это возможно, хотя остается непонятным, кому и для чего понадобилось вкладывать огромные средства в разработку особого оружия и набирать подразделения агентов со специальной подготовкой.

С момента встречи с Беатрисой вопросам, на которые он не мог найти ответов, уже не было числа. Он начинал сомневаться в совершенно очевидных вещах. Например, это оружие… Действительно ли он стрелял из него прошлой ночью? А если это муляж, искусная подделка?

По крайней мере, последнее предположение легко проверить…

Он торопливо спустился к морю и, пройдя вдоль берега километра четыре, нашел совершенно уединенную бухточку, со всех сторон закрытую скалами, — благо такие дикие места здесь встречались довольно часто.

Поднявшись наверх и убедившись, что вокруг, насколько хватало глаз, на берегу никого нет, он решился испытать оружие.

Звук выстрела был слабее, чем хлопок от пробки шампанского. Но базальтовый валун в сотне метров от него после выстрела разлетелся на несколько кусков.

За два часа до указанного в записке срока Ар-лан вышел из дома. Его по-прежнему не покидало странное ощущение нереальности ночных событий. Это чувство еще больше усилилось, когда он свернул за угол. Отсюда уже хорошо был виден забор виллы со странным русским названием «Аннушка», выведенным на ее фронтоне английскими буквами. Он предполагал заметить какие-то следы своих ночных похождений, но не было ни полицейских машин, ни медицинской помощи, ни трупов…

Улица выглядела сонной, пожалуй, слишком уж сонной. К десяти здесь обычно появлялись школьники, спешившие на занятия в утреннюю смену, и их заботливые мамы, отправлявшиеся за покупками.

Сегодня улица словно вымерла.

Поравнявшись с таинственным домом и стараясь не показывать собственного волнения, на тот случай, если из окон за ним наблюдали, Арлан мельком осмотрел крыльцо сторожки.

Труп исчез, на солнце поблескивали свежевымытые доски. Здесь кто-то неплохо поработал, чтобы скрыть следы ночных событий.

У Арлана все еще оставалась возможность приостановить подхвативший его поток событий и позвонить в свою старую организацию. В конце концов, космическая служба безопасности и была создана для расследования подобных странных инцидентов, каким-то образом связанных с космосом.

Он почти не сомневался, что спрятать сложное производство, на котором был сделан его трофейный пистолет, на Земле невозможно.

Лукьяненко был единственным из всего аппарата отдела, кто его поддержал и до самого конца был против его увольнения…

Наверно, он все же должен ему позвонить или хотя бы оставить записку, прежде чем войти в эту калитку. Потом такого случая ему может и не представиться… Однако горечь недавней обиды пересилила доводы логики.

Контора выставила его и будет рада о нем забыть. Если он отсюда не вернется, никто не заинтересуется судьбой пропавшего сыщика. Он ввязался в дело, которое может оказаться ему не по зубам. Но была еще Беатрис. И когда он вспоминал о ней, все благоразумные мысли отступали на второй план.

Он тянул время, не торопясь нажимать на кнопку звонка. У него еще оставалось минут двадцать До назначенного часа, и, поскольку его предупредили, что ранний приход нежелателен, он не спешил.

Но стоять вот так, дурак дураком, перед этой Калиткой тоже было невмоготу, и в конце концов, *т* ихо выругавшись, он нажал на звонок.

Трель прозвенела в глубине дома отчетливо и гулко. Дом загадочно молчал, не желая обращать внимания на назойливого посетителя.

Арлан резко толкнул калитку. Щеколда звякнула, и калитка неожиданно легко подалась.

За минуту до этого он пробовал открыть ее, но засов был закрыт. Значит, в ответ на его звонок сработала какая-то автоматическая система. Наверняка за ним уже давно наблюдали.

Выбросив это из головы, неторопливой, небрежной походкой он медленно шел к дому, отмечая про себя самые незначительные мелочи.

Почему-то вспомнился визит на базу легинских террористов. Там было такое же напряженное ощущение опасности.

Листва на дереве шевельнулась не в ту сторону, куда дул ветер, значит, именно там замаскирован следящий глаз камеры.

Следов на дорожке нет, хотя песок влажен после утреннего полива сада. Либо он первый посетитель, либо дорожку тщательно подмели и разровняли — скорее всего второе, потому что на ней не было и следов ночной схватки.

Он поднялся на крыльцо дома и, поскольку его никто не встретил, настойчиво, с вызовом постучал.

На стук парадную дверь сразу же открыл невысокий пожилой человек в домашних шлепанцах и халате. Он подслеповато щурился, стараясь рассмотреть Арлана, и его вопрос прозвучал вполне искренне:

— Вам кого, молодой человек?

Все было правдоподобно, только дверь открылась чересчур быстро для такого искреннего недоумения.

— Мне было назначено на десять тридцать. Моя фамилия Заславский. Арлан Заславский.

— Ах да… Действительно. Вы уж простите, в моем возрасте всего не запомнишь. Только вы пришли рановато. Вам вниз. Вот сюда, по лестнице, вторая дверь направо. Придется немного подождать. Не понимаю я вас, — продолжал ворчать старик, отстав от него на полшага. — Кажется, что может быть проще — прийти вовремя? Так нет, обязательно опоздают! Или, того хуже, заявятся раньше, чем надо!

Не обращая внимания на брюзжание старика, Арлан продолжал спускаться по знакомой лестнице в подвал. Вскоре они оказались в помещении, где произошла ночная схватка. Здесь тоже не осталось никаких следов. Ничего подозрительного, ничего такого, что могло бы напомнить о трупе. Или чем там оно было, это странное, напавшее на него создание? Биороботом? Зомби?

Арлан остановился и осмотрелся. Пол блестел свежевымытыми панелями.

— Чистенько, — с иронией произнес он, не спуская глаз со старика и ожидая его реакции.

— Ходят тут разные, днем и ночью. Приходится по десять раз на день прибирать за вами! Вам сюда! — с раздражением произнес его спутник, указывая на дверь в конце комнаты и явно желая поскорее избавиться от Арлана. Непонятно было, знает ли он о ночном визите. Но не это сейчас занимало Заславского.

Ночью Арлан не заметил двери, перед которой стоял теперь. И готов был поклясться, что ее там вообще не было.

Однако сейчас дверь была, и она стала для него как бы последним рубежом, последней возможностью остановиться.

За дверью его ждала дорога, с которой, возможно, уже не удастся свернуть…

Только теперь предупреждение Беатрис приобрело окончательный и грозный смысл. Ее слова, сказанные в первую встречу, всплыли в его памяти:

«Если вы решитесь, обратного пути уже не будет. В течение двадцати лет вы не

сможете вернуться. Родные, друзья — вам придется забыть о них. Вы полностью исчезнете из своего мира на двадцать лет».

«У меня нет друзей!» — с легкостью ответил он ей тогда, не принимая всерьез эти слова. Однако сейчас, взявшись за ручку двери, вдруг понял — все это могло оказаться правдой…

Комната за дверью напоминала зал ожидания районного автобусного вокзала. Она была небольшой, без всякой мебели, если не считать нескольких стульев, в один ряд стоявших у стен. Там уже сидели три человека, а в глубине виднелась узкая дверь с металлической блестящей ручкой.

Почему-то именно эта дверь, а не находившиеся в комнате люди, привлекла внимание Арлана Минутой позже он понял почему. Это была еще одна прихожая, комната ожидания. Круглые настенные часы с прыгающими стрелками напомнили, что до срока, назначенного ему, все еще оставалось пятнадцать минут.

— Ждите здесь, пока подойдет ваше время! — бросил ему старик на прощание, захлопывая за собой дверь.

Двое мужчин только теперь посмотрели на Ардана. Третий читал газету и даже не приподнял го-ловы. Его лицо показалось Арлану знакомым.

Минутой позже, расположившись на свободном стуле, он вспомнил, откуда его знает.

Это был Стивенс Граев, чемпион последних Олимпийских игр, прославившийся жестокостью *в* поединках. Он искалечил нескольких своих соперников. Впрочем, недавно принятые правила «свободной» борьбы допускали подобное.

Видимо, все присутствующие в комнате люди были незнакомы друг с другом и хранили неловкое молчание. Словно стеснялись. Похоже, это молчание не слишком тяготило их, за исключением тощего высокого парня в пятнистой куртке военного образца.

Такие куртки носили ветераны последних войн и та часть молодежи, что старалась им подражать.

Парень то и дело оглядывался на дверь, через которую вошел Арлан, словно ждал кого-то или, возможно, жалел о том, что оказался здесь.

Часы неожиданно для Арлана издали мелодичный сигнал. Голос из невидимого динамика произнес:

— Стивенс Граев! Ваше время. У вас ровно одна минута.

Чемпион встал. Неторопливо сложил газету, бросил насмешливый взгляд на вертевшегося на своем стуле парня и решительно направился к двери с блестящей ручкой. Рядом на полочке с ключами он взял один из ключей, и Арлан только теперь вспомнил, что ему нужно будет сделать то же самое… Кажется, на нем должен быть какой-то номер, но вспомнить, какой именно, сейчас казалось совершенно невозможно.

Когда дверь перед Граевым распахнулась, Арлану стала хорошо видна совсем крошечная пустая комната с одним-единственным стулом посредине. Затем дверь за чемпионом захлопнулась.

Послышался звук, похожий на свист скоростной бормашины. Он постепенно усилился, достиг уровня, от которого неприятно заломило в висках, и неожиданно оборвался.

— Цирк какой-то! — пробормотал парень в куртке. — Зачем они устраивают это представление?

Он встал и осмотрелся, словно только что увидел комнату.

— Что мы здесь делаем?!

Ему никто не ответил.

— Это же обман, розыгрыш! Им нужна только наша кровь! Вы слышали о Центре трансплантации?

Ему опять никто не ответил, и в полном молчании парень направился к выходу.

Старика за дверью не оказалось, никто не остановил уходившего, и теперь в комнате остались только Арлан и мрачноватый небритый субъект, чем-то похожий на персонажа из плохого боевика

Вновь раздался сигнал.

— Арлан Заславский. Ваше время. У вас ровно одна минута.

Ключ нашелся сам собой, и ручка поддалась неожиданно легко. Крохотная комната за дверью оказалась совершенно пустой. Чемпион исчез.

Дверь за спиной Арлана захлопнулась, щелкнул замок, и все тот же безликий голос автомата произнес:

— Сядьте на стул и пристегните ремни.

— Это еще зачем? — спросил Арлан, но ответа не последовало.

Он опустился на сиденье мягкого стула, похожего на автомобильное кресло, и действительно обнаружил у своего плеча пряжку ремня.

Едва он защелкнул замок, как послышался знакомый нарастающий свист. Только теперь этот звук, усиленный в сотни раз, обрушился на него со всех сторон, словно обвал.

Последнее, что он запомнил, перед тем как наступила полная темнота, были растворявшиеся стены комнаты.

Глава 8

Арлан не знал, как долго продолжалось состояние полной потери ориентации. Однако мозг продолжал работать отчетливо.

Он помнил все, что с ним произошло, и несколько отстраненно пытался анализировать собственное состояние.

Звук исчез. Тела он не чувствовал, темнота вокруг не была полной. Впрочем, она никогда не бывает полной. Если очень плотно закрыть глаза, появляются различные световые пятна, они всего лишь иллюзия, но тем не менее они видны, и нужна долгая специальная тренировка, чтобы научить собственное сознание ощущать настоящую темноту.

Сейчас в окружавшем его пространстве то и дело возникали какие-то уплотнения и яркие световые пятна. Они появлялись высоко над его головой и смещались вниз, одно за другим.

Никаких других ощущений движения не было, не было вообще никаких ощущений, поскольку он полностью потерял контроль над собственным телом. Это ему не нравилось, но с этим он ничего не Мог поделать. Ему оставалось лишь равнодушно оценивать окружающую обстановку. Похоже, остановилось даже время. Во всяком случае, позже он так и не смог ответить на вопрос, как долго продолжалось состояние полной прострации. Минуту? Неделю? Год?

В конце концов световые пятна над его головой стали появляться чаще, они разрослись, заполнили пространство вокруг цветным туманом, и вместе с этим туманом к нему вернулось первое ощущение — он почувствовал вкус собственной крови во рту.

Какое-то время спустя он вновь ощутил себя сидящим в кресле, вот только стены комнаты исчезли. Казалось, кресло стоит на вершине горы, вокруг простирался туманный простор, словно у него под ногами медленно плыли сплошные облака.

Он попытался встать, но тело не слушалось его. Однако даже эта слабая попытка движения принесла неожиданный результат. Знакомый механический голос над головой произнес:

— Сидите спокойно. Вам нельзя двигаться.

Ему показалось, что тембр голоса отличался от того, что он слышал раньше. Этот звучал мягче, его звуки больше походили на человеческую речь, хотя все равно можно было понять, что с ним разговаривает машина.

— Где я нахожусь?

Ответа не последовало. Он ощутил боль от движения собственного языка и понял, что сильно прикусил губу. Тоненькая струйка крови стекала по подбородку. У него не было сил даже для того, чтобы поднять руку и вытереть ее.

Подобная беспомощность делала его уязвимым в этом новом непонятном мире, и он

решил до поры до времени скрывать ее, не предпринимая никаких попыток движения. Он чувствовал, что силы хоть и медленно, но все же возвращаются к нему, и вместе с этим приятным ощущением пространство вокруг постепенно менялось.

Появились стены. Они были далеко и выглядели необычно. Он находился внутри какого-то огромного купола. Зрение улучшалось, и нерезкие цветовые пятна, окружавшие его, постепенно превращались в очертания предметов. Сложные, незнакомые ему приборы заполняли все пространство купола. Между пультами ходили, разговаривали, сидели люди…

Он не заметил в их фигурах ничего странного, разве что одежда выглядела непривычно — какие-то серебристые, отражающие свет халаты. Вскоре один из людей приблизился к Арлану, и тот долго не мог оторвать взгляд от его лица.

Вся нижняя часть была скрыта защитной повязкой с респиратором, но вот глаза… Узкие длинные зрачки и двухцветная радужная оболочка с четко разграниченными концентрическими кругами меняли выражение лица так сильно, что не оставалось никаких сомнений — перед ним существо иного мира. Беатриса каким-то образом научилась хотя бы частично маскировать внешний вид своих глаз, возможно, с помощью специальных контактных линз. Но теперь у него не осталось ни малейших сомнений: он находился в чужом мире.

— Где я? — повторил он свой самый главный вопрос, и на этот раз получил ответ:

— Это распределительная станция. Сюда сходятся транспортные каналы из многих миров. Вы находитесь в созвездии Лебедя. В каталоге звезда, вокруг которой вращается наша планета, значится под номером двести шестьдесят четыре Лебедя.

Губы его собеседника двигались беззвучно, а механический голос переводчика по-прежнему звучал над головой.

Арлан получил обстоятельный вежливый ответ и почувствовал, как от этих слов все поплыло перед глазами. Сознание не желало принимать сообщенных ему фактов.

— Как далеко?… Сколько километров отсюда до Земли?

— Километров? Мне незнакомы меры вашей длины… Свет вашего Солнца достигает нашей планеты через сорок пять лет.

— Сорок пять световых лет? Этого не может быть…

— Конечно, вам в это трудно поверить. Слишком велика психологическая нагрузка на ваш неподготовленный мозг.

Он почувствовал легкий укол в руку и вновь провалился в небытие.

Второй раз, когда он пришел в себя, его куда-то везли на тележке. Мелькали стены длинного коридора, светящиеся знаки неизвестного языка на дверях. Он видел прямо над собой утопающий в голубоватом сиянии потолок без отдельных светильников. Чуть приподняв голову и изменив угол обзора, Арлан увидел, что тележка двигалась автоматически — не было даже оператора. Он решил этим воспользоваться, поскольку не хотел играть роль беспомощной игрушки в чужих руках, даже если эти руки вполне доброжелательны.

В голове почему-то все время вертелась фраза того новобранца, что передумал в последний момент: «Им нужна только наша кровь…»

Ну, может, не совсем кровь — но какой-то интерес к его необычному генетическому строению наверняка должен присутствовать. Не зря, прежде чем предложить подписать контракт, ему сделали полный генетический анализ. Если его судьбу станут решать медики, из этого вряд ли получится что-нибудь хорошее. Нужно поскорее выбираться из больницы, или как там она называется? Передаточная станция?

Тележка свернула за угол, затем остановилась у очередной двери. Застрекотало электронное устройство, передающее код для замка. Коридор был совершенно пуст в обоих направлениях. Момент казался подходящим, и, не теряя ни секунды, Арлан решительно перекатился с тележки на пол.

Он все еще был слишком слаб для того, чтобы проделать это обычным путем, однако сейчас тело слушалось его уже лучше.

Возможно, подействовало введенное ему лекарство или просто прошло достаточно времени с момента появления его на станции. Он не знал, сколько именно. Часы на его руке остановились, как только включилось передаточное поле кабины.

Больше у него не возникало сомнений относительно того, куда он попал. «Сорок пять световых лет» — эти слова все еще отдавались в его мозгу похоронным звоном. Сама цифра говорила о том, что обратного пути домой нет и быть не может. И хотя Беатриса обещала, что через двадцать лет он сможет вернуться домой, больше он в это не верил. Ему нужно было приспосабливаться к новому миру, в который забросила его судьба. Он Должен был научиться выживать здесь, а для этого необходима информация и хотя бы минимальная свобода действий. Лежа неподвижной безвольной куклой, он не много узнает. Возможно, время в его судьбе играло решающую роль. Пока что, судя по ощущениям, ему не ввели никаких препаратов, с которыми не сумел бы справиться его организм. Он не собирался больше рисковать, полагаясь на доброжелательность этих хоть и похожих на людей, но совершенно чуждых ему существ.

Двери наконец распахнулись перед пустой тележкой. Арлан откатился за косяк так, чтобы его не было видно из комнаты, но сам успел в нее заглянуть, прежде чем двери захлопнулись полностью.

В этой комнате, к счастью для него, тоже не было людей. Похоже, их здесь вообще не слишком много. Одни автоматы. Это давало ему какое-то время, прежде чем его бегство будет обнаружено.

Силы возвращались к нему с каждой минутой, он сумел подняться на ноги и, придерживаясь за стену, медленно двинулся вдоль нее по коридору.

У него не было никакого определенного плана, ему лишь хотелось уйти от медицинского центра как можно дальше. Похоже, судьба, а может быть, слепой случай благоприятствовали ему.

Станция, по крайней мере в той ее части, где он теперь находился, была полностью автоматизирована, и находившиеся здесь автоматы были запрограммированы на узкий диапазон вполне определенных действий.

Двигавшегося мимо них человека они даже не замечали. Однако Арлан прекрасно понимал, что с каждой минутой времени у него остается все меньше.

Очень скоро управляющий центр этого учреждения получит сигнал о том, что пациент исчез. И потому он спешил, насколько ему позволяли силы.

Метров через десять внимание Арлана привлек свист какого-то механизма, раздавшийся из-за двери, мимо которой он проходил.

Звук показался ему знакомым, и он задержался, решив посмотреть, что же произойдет. Вскоре дверь распахнулась, и из нее выкатилась точно такая же тележка, какую он недавно покинул.

На ней лежало укрытое куском ткани тело, по форме напоминавшее человеческое. Не раздумывая ни секунды, Арлан сорвал ткань.

Перед ним лежал искромсанный хирургическими инструментами, обескровленный труп человека. Вскрытая грудная клетка и брюшная полость зияли ужасными пустыми ранами. Внутри не было ни одного органа.

Но глаза в глазницах остались, и именно они не оставили ни малейшего сомнения в том, что это именно человеческое тело. Арлан почувствовал, как дурнота подступает к горлу, и тут же заставил себя полностью мобилизоваться.

Ситуация, в которую он попал, вышла за пределы оговоренных в контракте правил. Теперь ему предстояло бороться за собственную жизнь, и он не собирался отдавать ее слишком дешево.

Дождавшись, когда в конце коридора вновь появилась пустая, измазанная кровью тележка, он последовал за ней до самого лифта, а как только двери распахнулись, проскользнул внутрь.

Его расчет был прост — использованные тележки должны проходить обработку и

дезинфекцию — в этом автоматизированном мире подобные операции вряд ли проводятся вручную. Проследив за грязной тележкой, ему, возможно, удастся Найти место, где хозяева центра появляются достаточно редко…

К счастью для Арлана, несмотря на то что окружавшие его механизмы казались незнакомыми, все они были приспособлены для гуманоидов. Кроме того, он уже заметил, что в техническом отношении аниранская цивилизация имела общие истоки с земной. Это была одна из загадок, с которой он здесь столкнулся, но она давала ему дополнительный шанс. Если бы мир, в который он попал, был приспособлен для существ, совершенно отличных от людей, он не смог бы и шага ступить без посторонней помощи.

На панели внутри кабины лифта светился целый ряд огоньков, помеченных непонятными знаками. Пока лифт шел вниз, у него не было необходимости вмешиваться в управление, но он не сомневался, что в нужный момент сумеет остановить кабину.

Вскоре она остановилась сама. Двери распахнулись, и перед Арланом открылся ангар, заполненный различными механизмами, большинство из которых скорее всего предназначалось для передвижения.

Никакого обслуживающего персонала не было видно. Его расчет оправдался: он попал в нижние этажи гигантского здания, в его подсобный технический центр. Здесь располагались мастерские, склады и другие вспомогательные и ремонтные помещения. В этом месте легко спрятаться и, если повезет, можно найти что-нибудь полезное.

Выбравшись вслед за тележкой из лифта, Ар-лан пошел вдоль длинного ряда обтекаемых каплевидных аппаратов. Скорее всего они предназначались для полета в безвоздушном пространстве — у них не было крыльев, зато виднелись довольно большие отверстия реактивных двигателей. Часть аппаратов помещалась на движущейся дорожке транспортера, которая периодически включалась *й* перемещала длинную ленту этих аппаратов в недра огромного механизма.

С противоположной стороны этого механического монстра Арлан обнаружил такую же ленту, на которой стояли сверкавшие свежевымытыми поверхностями и, видимо, прошедшие техническое обслуживание аппараты. Вскоре он дошел до конца конвейера и стал пробираться сквозь ряды механизмов самого различного назначения, плотно стоявших у стены здания.

Он решил найти среди них машину с достаточно просторной кабиной, в которой можно было укрыться на случай, если в зале появятся аниранцы.

Вскоре ему попался подходящий, достаточно просторный каплевидный аппарат с откинутым колпаком кабины.

Аппарат стоял в стороне от остальных. Возможно, технический контроль обнаружил какие-то неполадки в его системах. Скорее всего этот аппарат не предполагали использовать в ближайшее время.

По мелким, незаметным непрофессиональному взгляду деталям Арлан сумел сделать подобный вывод почти безошибочно.

Пыль на поверхности корпуса свидетельствовала, что этот аппарат стоял здесь без движения Довольно давно. Похоже, Арлан нашел то, что ему было нужно.

Лестницы не оказалось, и, чтобы забраться в кабину, ему пришлось воспользоваться грудой пустых ящиков.

С трудом справившись с этой задачей, он наконец со вздохом облегчения опустился в кресло пилота.

Ракета (если, конечно, это была ракета) оказалась совсем крохотной, одноместной, и кабина была тесновата, несмотря на то что снаружи она выглядела просторной. Зато теперь его со всех сторон укрывали непрозрачные металлические стены, и у него наконец-то появился резерв времени для того, чтобы выработать план дальнейших действий, вместо того чтобы бесцельно метаться по коридорам незнакомого здания.

Впрочем, ничего стоящего в голову не приходило. Поддавшись импульсивному порыву, он совершил побег, совершенно к нему не подготовившись. Прежде всего ему

катастрофически не хватало информации, он понимал, что в этом незнакомом месте без умения управлять местными механизмами его предприятие обречено на провал. Рано или поздно его поймают. Странно, что до сих пор в ангаре не появилась поисковая группа. Возможно, они не слишком интересуются его персоной или попросту уверены, что он никуда не денется.

Страшно хотелось пить. Жажда мучила его еще больше от сознания того, что где-то здесь, рядом, почти наверняка была вода. Возможно, даже в самой ракете. Если бы он знал значение светящихся символов на квадратиках сенсорных переключателей… Но любой эксперимент с незнакомым управлением мог закончиться катастрофой.

Включится линия связи или того хуже — двигатели. Нетрудно представить, к чему это приведет в закрытом помещении.

Так что же делать дальше? Время текло слишком медленно. Сейчас ему уже не казалось, что побег был единственным выходом из той ситуации, в которой он оказался.

Выпотрошенный труп, который он видел, мог быть результатом обычного патологоанатомического вскрытия. Во всех земных моргах проводят подобные вскрытия, чтобы установить причину смерти. Правда, здесь не морг… Но откуда ему знать причины, побудившие их заняться исследованием человеческих организмов? И почему он решил, что для этого они использовали живых людей? По сходной цене на Земле можно приобрести сколько угодно трупов, а доставить их сюда по их транспортным каналам не составит труда.

Раз уж они заинтересовались Землей и генетикой людей, они должны были проводить анатомические исследования.

«Им нужна только наша кровь…» — фраза засела в памяти как гвоздь. Однако ее произнес человек, знавший об этом месте гораздо меньше самого Арлана.

Неожиданно он понял, что подсознательно пытается убедить себя в том, что слишком поспешил с побегом, не собрав достаточной информации. На больничной койке, по крайней мере, была вода и пища…

— Ну уж нет! Обратно я не вернусь! Этого вы не дождетесь. Поищите для своих экспериментов другой подопытный экземпляр! — проговорил он вслух, желая как-то подбодрить себя. Но слова прозвучали глухо и невыразительно, а жажда мучила его все сильнее.

Какого черта они медлят, почему его никто не ищет?

Ему хотелось хоть какого-то действия, затянувшееся ожидание становилось невыносимым. В конце концов он решил, что пора выбираться из ракеты. Придется отыскать более подходящее место. Без воды он долго не протянет.

Но едва он принял это решение, едва дотронулся до стенной скобы, чтобы взобраться на кромку бота, как резкий посторонний звук заставил его замереть на месте.

В равномерный гул работавших в ангаре многочисленных механизмов ворвались звонкие металлические щелчки. И прежде чем он понял, что они означают, колпак кабины, в которой он сидел, скользнул вперед и захлопнулся, отрезая Арлану путь к отступлению.

Глава 9

Тележка, на которой стояла ракета, неожиданно двинулась вперед, словно ей, как и Арлану, надоело слишком долгое ожидание.

Внизу под днищем слышался гул работающих механизмов. Арлан попытался сдвинуть колпак кабины, но невидимые защелки держали крепко. Он по-прежнему не решался экспериментировать с управлением ракеты. Сначала нужно понять, что именно происходит, для чего это перемещение.

Вскоре тележка с ракетой приблизилась к пустому транспортеру. Длинные щупальца автоматического погрузчика на несколько секунд присосались к бортам и без видимого усилия перенесли ракету на транспортер. Тот сразу же включился, и невидимый поток энергии понес ракету вдоль ленты

Несколько раз Арлан замечал, как из боковых карманов стены, мимо которой шла лента транспортера, появлялись захваты скрытых там механизмов. Прямо на ходу они что-то делали с аппаратом, оказавшимся для Арлана ловушкой.

Он слышал звонкое клацанье зажимов, что-то скрипело, жужжало, но при этом ракета неудержимо продолжала двигаться вперед со скоростью пешехода.

Впереди показалось отверстие круглого туннеля, диаметр которого соответствовал корпусу летательного аппарата.

Перед этим туннелем лента транспортера заканчивалась.

Невидимые Арлану захваты в последний раз приподняли аппарат, направляя его в отверстие трубы. Позади с лязгом захлопнулась крышка люка, и Арлан оказался в полной темноте, если не считать слабого свечения приборных щитков в кабине.

Неожиданно корпус затрясся, между ним и стенами туннеля заплясали мощные электростатические разряды.

За какую-то секунду до того, как включились двигатели, Арлан догадался, что должно произойти, и успел застегнуть антиперегрузочные ремни, болтавшиеся вдоль кресла.

Почти сразу же раздался пронзительный вой электромагнитных генераторов, расположенных снаружи. Аппарат швырнуло вперед с неудержимой силой. Тьма мгновенно сменилась ослепительным светом. Однако в первые секунды Арлан ничего не видел, втиснутый в кресло чудовищной перегрузкой. Было, наверно, не меньше восьми g, он чувствовал, как наружу рвется беззвучный крик боли. Беззвучный, потому что ему не удавалось протолкнуть внутрь своих легких ни одного глотка воздуха.

Ему казалось, что, если этот безумный полет будет продолжаться еще секунду, сосуды у него в голове не выдержат. Но все кончилось так же внезапно, как началось. В полной тишине аппарат описывал в безвоздушном пространстве параболическую кривую, находясь в нескольких километрах над поверхностью планеты.

Рев двигателей смолк, и чудовищные перегрузки сменились невесомостью. Теперь снаряд двигался только по инерции, используя полученное в трубе ускорение.

Пейзаж поражал воображение. Далеко внизу, среди полупрозрачных скал, словно созданных из дымчатого хрусталя каким-то художником, расположилось огромное куполообразное здание. Ракета все еще удалялась от него, постепенно набирая высоту.

Во все стороны от этого здания раскинулся девственный пейзаж небольшой планеты, никогда не знавшей атмосферы. Скалы, незнакомые с эрозией, составляли хаотические, немыслимые на Земле нагромождения.

Но еще больше, чем поверхность планеты, поражало ее небо.

На аспидно-синем фоне горели миллиарды неизвестных Арлану звезд. Они выглядели намного крупнее, чем привычные земные звезды.

Казалось, ими заполнено все пространство вокруг ракеты.

Низко над горизонтом, нисколько не затеняя звезды, полыхало зеленоватое светило этого фантастического мира.

Ракета, достигнув высшей точки своей траектории, стала медленно разворачиваться носом к поверхности планеты.

Стал виден вспыхивавший ослепительными бликами отраженного света весь небольшой диск планеты.

Только сейчас Арлан понял, что это не самостоятельная планета, а спутник розоватого раскаленного гиганта, заполнившего половину горизонта.

Арлан находился где-то в центре Галактики, в сорока пяти световых годах от своего родного Солнца. Даже его свет затерялся среди ослепительных местных созвездий. Теперь, безоговорочно поверив этому, Арлан подумал, что его опасения и страхи слишком ничтожны по сравнению с царственным великолепием мира, в котором он очутился.

Цивилизация, способная мгновенно перемещаться в пространстве на такие расстояния, не станет вспарывать животы обитателям иных звездных систем. Подобный технический прогресс обязательно должен подразумевать высокие нравственные критерии общества, его

породившего. В любом другом случае они бы никогда не достигли таких высот.

Слишком много примеров из истории земных цивилизаций говорило о том, что как только развитие науки и технологии входило в противоречие с моралью и нравственностью, цивилизации начинали медленно, но неизбежно уничтожать сами себя.

Чаще всего они сгорали в развязанных с соседями войнах, но путь к звездам в любом случае был им заказан.

Ракета, если только это была ракета, закончив разворот и постепенно увеличивая скорость, стремительно неслась вниз. Пора было включаться тормозным двигателям, однако ничего подобного не Происходило. Аппарат продолжал свободное падение к поверхности планеты.

Арлан вспомнил, что ничего похожего на двигатели в носовой части ракеты не было, да и кордовые во время старта не использовались. Ракета, или что там представлял собой этот аппарат, разгонялась внутри трубы магнитным полем, словно артиллерийский снаряд, а затем выстреливалась в безвоздушное пространство планеты. При небольшом местном тяготении подобным способом вполне можно было отправлять не слишком хрупкие грузы на весьма значительные расстояния.

По мере того как транспортный снаряд, в котором он находился, все больше ускорял движение к поверхности планеты, Арлан чувствовал, что ледяной холодок страха, постепенно разрастаясь, грозит перейти в панику.

Он выругался и приказал себе успокоиться. Он сделал то, что должен был сделать, и теперь обязан с достоинством встретить конец своего вынужденного путешествия, каким бы он ни оказался.

Те, кто запустил этот транспортный снаряд, наверняка не рассчитывали, что внутри может оказаться человек. Об этом свидетельствовала бешеная, хотя и кратковременная перегрузка во время старта. Изменить что-либо теперь он все равно не мог. Оставалось лишь ждать, чем закончится его очередная попытка испытать судьбу.

Внизу, в глубоком ущелье, между сверкавшими хребтами скал появилось еще одно здание, как две капли воды похожее на то, из которого отправили ракету.

Нос ракеты, медленно, но неуклонно следуя за баллистической траекторией падения, разворачивался в сторону этого здания, и в конце концов оно оказалось в самом центре прозрачного колпака кабины.

Теперь Арлан совершенно точно узнал, что должны были чувствовать японские камикадзе, направлявшие свои самолеты на американские корабли во время второй (и, к счастью, последней) мировой войны.

Тормозные двигатели все еще не включились. Собственно, теперь было уже поздно. Катастрофа казалась совершенно неизбежной.

Неожиданно в самом центре купола разошлись в стороны сероватые лепестки диафрагмы, открывая узкое отверстие.

— Это невозможно! Невозможно попасть в такую крохотную мишень! Ракета обязательно промахнется! Но даже если произойдет чудо, как они сумеют погасить огромную скорость снаряда на крохотном отрезке внутреннего туннеля?!

Купол стремительно летел навстречу, и через секунду наступила полная темнота. Слышен был только визг силового поля, принявшего в свои объятия падавший снаряд.

Арлан почувствовал, как антиперегрузочные ремни врезаются ему в тело. Ощущение было не из приятных, но вполне терпимым. Перегрузка во время торможения оказалась намного меньше той, которую он испытал при старте.

Когда аппарат остановился на приемной площадке в конце тормозной трубы, Арлан понял, что здесь его уже ждут. Не было ни вооруженной охраны, ни санитаров.

У трапа стоял один-единственный человек в обтягивающем серебристом комбинезоне с двумя широкими шевронами на рукавах. На вид ему было лет сорок—сорок пять, виски уже серебрились, а сеточка морщин вокруг иронически прищуренных и вполне человеческих глаз говорила о том, что повидал он немало, а в данный момент не без иронии наблюдает за

тем, как Арлан на подгибающихся ногах с трудом спускается по трапу.

— Вот что значит нарушать предписания медиков и все существующие полетные инструкции!

Впервые Арлан услышал здесь живую речь, без металлического голоса переводчика. Этот человек свободно говорил на интерлекте. Спустившись, Арлан протянул ему руку.

Незнакомец крепко пожал ее. Чувствовалось, что земные обычаи ему хорошо знакомы.

— Добро пожаловать, господин Заславский. Поздравляю с прибытием в «Д-корпус».

— А разве до этого, то первое здание…

— Контрольный пункт, центральная распределительная станция и медицинский центр. Как я понял, с медиками у вас отношения не сложились. Впрочем, я вас понимаю. Сам не слишком люблю медиков. Они считают, что все прочее человечество, не относящееся непосредственно к медицине, состоит из сплошных организмов, которые следует лечить, но с которыми не стоит терять времени на разговоры.

Арлан усмехнулся, новый знакомый определенно ему нравился.

— Ну что же, пойдемте ко мне, я введу вас в курс дела. Представляю, сколько у вас появилось вопросов с той минуты, как вы покинули Землю. Однако, если вы устали, можно отложить нашу беседу.

— Ну уж нет. Единственное, что мне действительно необходимо, так это стакан холодной воды и хорошая порция достоверной информации.

— Ну, это я сумею организовать.

Когда они очутились в кабинете лейтенанта Мерсона — именно так звали его нового знакомого, — Арлана поразила спартанская простота помещения. Вскоре он понял, что это сделано специально, чтобы произвести на землян нужное впечатление. Очевидно, и звание лейтенанта, и даже само имя Мерсон существовали лишь в этих стенах.

Арлан не осуждал за это психологов корпуса. Подобные простые приемы облегчали первый контакт, снимая с новичков излишнее эмоциональное напряжение.

— Это главное здание вашей конторы?

— Теперь уже и вашей тоже. Нет, это скорее приемный пункт.

— Мне показалось, людей здесь немного.

— Их у нас вообще немного. «Д-корпус» — элитное подразделение. Наша задача — разведка, сбор сведений и их обработка. Поэтому специалистов у нас мало, зато они самые лучшие.

— Вы хотите сказать, что полицейские функции в вашей стране выполняют другие военные подразделения?

— На Аниране вообще нет космической полиции в вашем понимании. В ней нет необходимости. Собственно, и наше подразделение было создано всего пять лет назад под давлением внешних обстоятельств.

— Я хотел бы подробнее узнать об этих обстоятельствах. Было обещано, что в случае моего согласия мне объяснят все, имеющее отношение к будущей работе. Мне пришлось отказаться от своего родного мира, чтобы очутиться здесь. Пришлось Даже убить человека, пытавшегося проникнуть в вашу земную контору.

Он тут же пожалел об этих сорвавшихся с губ словах. Наверно, говорить этого вообще не следовало. Сейчас он сам себе показался мальчишкой, выпрашивавшим какую-то подачку у взрослых. Или, По крайней мере, ожидавшим их одобрения. Если так пойдет и дальше, очень скоро он начнет относиться к аниранцам как к существам высшего порядка.

А Мерсон, несмотря на человеческие глаза, несомненно, был представителем иной гуманоидной расы. Об этом говорили десятки едва заметных, но все же существенных признаков. Непривычный оттенок волос, особый тембр голоса, резкий неприятный запах…

— Тот, кто на вас напал, не был человеком. Биоробот, управлявшийся извне. Вы тогда помогли нам предотвратить весьма серьезную неудачу. На многие годы мы рисковали потерять транспортный канал связи с вашей планетой, и вы сейчас не сидели бы здесь. У нас есть даже основания предполагать, что диверсия была предпринята специально с целью

помешать вашей доставке на Аниран.

Арлан мрачно усмехнулся:

— Если я такая важная персона, вам тем более следует объяснить, чего вы от меня ждете.

— Именно это я и пытаюсь сделать. Если у вас хватит терпения не перебивать меня, возможно, вы кое-что поймете.

Арлану не понравилась нотка превосходства, прозвучавшая в этой фразе, и он дал себе слово не задавать новых вопросов без самой крайней необходимости.

— История человеческой цивилизации в том виде, в котором она известна вашей науке, — не соответствует действительности. На самом деле тысячелетия назад на Земле уже существовала технически развитая цивилизация. Пришло время, и ваши прямые потомки научились строить звездные корабли. Затем они начали расселяться в космосе. Это была первая волна переселенцев. За ней последовала вторая. Аниранцы произошли от этой второй волны. Шло время, оторванные от своего мира колонии начали развиваться собственными, непохожими друг на друга путями.

Постепенно они забыли о своей родной планете, а она забыла о них. Тысячелетия — это такая бездна времени, которую трудно представить человеческому воображению.

На Земле вспыхнула война, и до вас не дошло никаких остатков, никаких следов этой древней цивилизации, породившей звездную историю человечества.

Вы начали свое собственное развитие с нуля, с диких пещерных костров, и это случилось, увы, не в первый раз. Не в первый раз человечество спотыкалось, падало, поднималось с колен и начинало свой звездный путь заново.

У Арлана захватило дух от этой невообразимой картины. Подобные факты не укладывались в рамки земной науки, но именно они объясняли, почему аниранцы фактически не отличались от людей. Стиснув зубы, Арлан молчал. Ни одного вопроса не сорвалось с его губ, и Мерсон, усмехнувшись, продолжил свой рассказ:

— Расселение человечества в космосе продолжалось до тех пор, пока мы не столкнулись с фактором, приостановившим наше дальнейшее продвижение. Рано или поздно это должно было случиться — космос слишком необъятен, чтобы принадлежать одной-единственной расе.

— Вы хотите сказать, что встретились в космосе с иной цивилизацией? — не удержался Арлан.

Но Мерсон не заметил, что его вновь перебили.

— В том-то и дело, что мы до сих пор не знаем, с чем именно столкнулись. Известно только, что эта враждебная людям сила весьма могущественна. Мы не знаем, обладает ли она разумом, мы не знаем, какими средствами она располагает. По существу, мы не знаем о ней почти ничего. Попытки наших разведчиков проникнуть в зараженный район всегда заканчивались неудачей. Они попросту не возвращались и не успевали передать ни единого сообщения.

— Возможно, это была лишь самозащита от вашей экспансии…

— Нет. Это была именно агрессия. Агрессия, с нашей стороны ничем не спровоцированная. Первый очаг поражения возник внутри давно освоенной нами зоны космоса, он уничтожил одну из наших старых колоний и пополз дальше. Тогда погибли миллионы ни в чем не повинных людей. Что бы это ни было, оно пришло извне и никак не связано с нашим продвижением в космосе.

Арлан подумал, что Мерсону, возможно, неизвестны все факты. Один из исследовательских звездолетов аниранцев мог разбудить «нечто» или как-то помешать ему и спровоцировать ответный удар Но вслух он ничего этого не сказал, а лишь спросил:

— Вы предполагаете, что это может быть какая-то инфекция?

— Инфекция — вряд ли. Слишком агрессивно и целенаправленно она действует, уничтожая все наши расположенные поблизости колонии. Одну за другой… Погибают все новые тысячи людей — а мы по-прежнему ничего не знаем о нашем враге

В ответ на эти события нашим правительством было принято решение о создании специального корпуса с единственной задачей — выработать действенные средства борьбы против нашего космического противника.

Глава 10

Рассказ Мерсона произвел на Арлана двойственное впечатление. С одной стороны, его поразило, что нашелся достойный противник могущественной аниранской цивилизации, покорившей огромные межзвездные расстояния. С другой стороны, он не понимал, какое отношение все это может иметь к землянам и к нему лично. Для чего вообще могли понадобиться аниранцам жители отсталой планеты, едва начавшей осваивать ближайшее космическое пространство.

— А вы не пробовали полностью уничтожить очаги поражения? Разве у вас нет необходимых для этого средств?

Мерсон ответил не сразу. Было заметно, что его мысли витали далеко от этой комнаты. Когда он заговорил, его голос звучал глухо, словно это был другой человек.

— У нас есть такие средства. Но мы до сих пор не знаем, что именно происходит в наших бывших колониях, захваченных противником. Есть свидетельства, что колонисты до сих пор живы… Они не в состоянии связаться с нами, они прекратили всякую промышленную деятельность, но каким-то образом они живы…

Мы получили несколько фотографий с автоматических зондов, направленных в зону поражения. Прежде чем их системы полностью вышли из-под контроля, они успели передать несколько снимков. Эти фотографии… На них видны жалкие клочки посевов, отдельные, изолированные друг от друга хутора…

Арлана поразила откровенная боль, звучавшая в словах этого много повидавшего, сдержанного человека. Лишь теперь он понял, насколько отстраненно воспринимает его рассказ, словно читает книгу… Ее в любой момент можно отложить в сторону, а события, описанные там, не имеют к нему прямого отношения.

Арлану пришлось напомнить себе, что теперь все изменилось. Все, о чем рассказывал Мерсон, имеет к нему самое непосредственное отношение. Возможно, в самом ближайшем будущем ему придется побывать на одной из таких пораженных планет… Он подумал и о том, что одной из очередных целей космических захватчиков может стать его родная планета, и вновь не удержался от вопроса:

— С какой скоростью распространяется захват ваших колоний и где именно проходит его нынешняя граница?

— Пока что она далеко от наших основных центров. Скорость ее распространения весьма неравномерна. Иногда в течение нескольких лет не происходит никакого движения. Иногда в течение месяца перестают выходить на связь сразу несколько наших колоний. В одном из таких миров осталась моя жена, и я до сих пор не знаю, что с ней произошло!

С минуту Мерсон молчал, застывшим взглядом уставившись на скомканный листок бумаги, который неожиданно оказался в его руках.

— Наверно, со стороны трудно понять нашу нерешительность, но мы так и не смогли отдать приказ о тотальном уничтожении всего живого в пораженных зонах. Вместо этого было решено направить весь научный потенциал нашего корпуса на решение задачи проникновения внутрь пораженной зоны. Сначала мы попытались создать автоматы, защищенные от внешнего воздействия, — но из этого ничего не вышло. Каким-то образом сила, выводившая их из строя, проникала через любые преграды, пробивала любую защиту, которую могли предложить наши ученые.

Год назад совершенно случайно мы обнаружили невдалеке от Альдебарана погибшую спасательную шлюпку. Анализ орбиты, по которой она двигалась, привел к выводу, что этот аппарат стартовал из пораженной зоны. Пилот, израсходовав весь энергетический запас, не смог дотянуть до ближайшей нашей колонии. Он знал, что его ждет, когда стартовал в

открытый космос на этом не приспособленном к долгим путешествиям корабле. Должна была быть очень серьезная причина, чтобы вот так, очертя голову, броситься навстречу собственной гибели…

Видимо, он не рассчитывал, что его найдут. На шлюпке не оказалось ни одной записи. Однако дело не в этом — дело в том, что этот человек, покинувший пораженную зону, в момент старта был жив и действовал вполне разумно.

Наши ученые потратили много месяцев на разрешение этой загадки. В конце концов было установлено, что генная структура этого человека слегка отличалась от структуры остальных людей. Мы выяснили все возможное об этом пилоте.

Подобная генная мутация могла возникнуть лишь при стечении совершенно исключительных обстоятельств. Все наши попытки вызвать ее искусственно окончились неудачей. В конце концов наши ученые установили, что пару столетий назад одной из аниранских экспедиций, в нарушение закона, была предпринята попытка проникнуть в карантинную зону Земли…

Мы избегаем контактов с цивилизациями, не достигшими определенного уровня развития. Как бы там ни было, но эта экспедиция, руководствуясь своими, неизвестными нам целями, тайно посетила Землю…

— И один из жителей Земли покинул свою планету, — произнес Арлан.

— Да, это был ваш предок. Впоследствии он поселился на Альдебаране. Как и зачем? Как ему удалось пройти карантинный контроль, как он получил необходимые для каждого колониста документы? Боюсь, мы этого никогда не узнаем.

— Мои соотечественники умеют устраивать свои дела — этого у них не отнимешь. В нашей семье сохранилось предание об этом событии. В нем сказано, что мой прапрадед заключил сделку с дьяволом и тот унес его на огненной колеснице. Вот почему я догадался…

Через неделю, когда все карантинные и эмиграционные формальности были закончены, Заславского отправили в Капулькар, столицу Анирана. Какие-то высокие чины из правительства желали с ним познакомиться, и он с нетерпением ожидал этого дня. Ему уже порядком надоела неопределенность его положения в корпусе.

До сих пор никто так и не ответил на его вопрос, чем он, собственно, будет здесь заниматься. Его включили в группу новобранцев, проходивших ознакомительный курс, но, поскольку никто не требовал от него обязательного посещения занятий, он присутствовал на них от случая к случаю. Как только все бюрократические формальности закончились, Мерсон вручил ему билет на станцию пространственного перемещения. От базы корпуса до анирансκой столицы было (всего лишь!) несколько световых лет…

Была еще одна причина, по которой Арлан стремился как можно скорее очутиться в Капулькаре.

Принимая решение покинуть Землю, открывая дверь, ведущую в иные миры, он надеялся встретить там Беатрис. Ведь именно она привела его на эту дорогу. Он понимал, что вряд ли увидит ее сразу после прибытия. Беатрис служила в военизированной организации. Ее народ уже много лет вел борьбу с могущественным противником. Само их знакомство состоялось именно из-за этой войны… Но втайне он надеялся, что была и другая причина их ночной встречи, детали которой она каким-то образом сумела удалить из его памяти.

Путь в столицу лишний раз показал Арлану, гражданином какой могущественной, достигшей немыслимых высот технического прогресса цивилизации он стал.

Сам пространственный переход показался ему во второй раз слишком уж будничным. Небольшая таможня, проверка документов, а затем уже знакомая кабина с единственным креслом. Короткое затемнение сознания, после которого, расстегнув ремни, он очутился в новом мире…

Для начала его ждал здесь не слишком приятный сюрприз. У выхода из станции пространственного канала стоял лейтенант Мерсон со своей Штатной, не слишком веселой,

словно приклеенной к лицу улыбочкой.

Арлан надеялся на самостоятельную прогулку по столице, и постоянное присутствие Мерсона начинало его раздражать.

— Вы же как будто остались на базе? Передумали или получен новый приказ?

— Не говорите ерунды. В любой столице, даже своего собственного мира, без знания языка вы немедленно заблудитесь. Здесь — тем более. Волей-неволей на первых порах мне придется вас сопровождать. Со временем, когда вы освоитесь и пройдете гипнокурс аниранского, вы сможете путешествовать самостоятельно.

С этим трудно было спорить, и Арлану пришлось согласиться с доводами Мерсона, хотя он подозревал, что начальство «Д-корпуса» попросту не желает терять из виду ценного новобранца.

Арлану совершенно не хотелось поддерживать разговор со своим сопровождающим, весьма смахивающим на конвоира, и едва они разместились в кабине общественного воздушного транспорта, как Арлан полностью переключил свое внимание на пейзаж незнакомого города, поражавшего своими размерами и непривычной архитектурой.

Тысячи проносившихся по воздуху аэробусов, шпили прекрасных полупрозрачных зданий, напоминавших своими внешними формами сверкающие скалы Лобиуса — спутника Анирана, на котором находилась передаточная пространственная станция, — все это поражало воображение человека, впервые попавшего в столицу.

Движение в этом огромном человеческом муравейнике регулировалось какими-то автоматическими устройствами: не видно было ни полиции, ни людей в армейской форме.

Единственным военным был его сопровождающий, и Арлан заметил, с каким любопытством смотрят на него случайные пассажиры — было видно, что к военной форме здесь не привыкли. Хотя, возможно, эти любопытные взгляды относились к нему самому. Его высокий рост, мускулистая сухопарая фигура, а главное — его необычные для аниранцев глаза, хоть и похожие на глаза Мерсона, замаскированные контактными линзами, явно привлекали внимание жителей столицы.

— Я снял вам номер в «Межзвездном», это лучший отель в Капулькаре.

— Разве мы собираемся здесь ночевать?

— В высоких инстанциях дела делаются медленно. Когда они будут готовы вас принять, я сразу же сообщу. Возможно, в столице нам придется провести несколько дней.

Единственное, что Арлану безусловно нравилось в поведении Мерсона, так это его умение разговаривать с ним на равных. В нем не чувствовалось излишнего высокомерия, хотя причины для этого были. Он сам сказал, что на Аниране землян считают отсталой расой. Ко всему прочему, он был лейтенантом корпуса, в который Арлана только что зачислили новобранцем.

Очевидно, его манеры — результат специальной психологической подготовки. Этот человек обладал странной особенностью все время меняться. Он то уходил в себя и тогда походил на выключенную механическую куклу, то становился преувеличенно любезен и предупредителен.

Когда аэротакси в конце концов опустилось на посадочную площадку отеля, Арлан сразу же понял, что цены здесь соответствуют обстановке. Их встречал робот-портье в позолоченной ливрее, а зимний сад на крыше отеля выглядел как сад Шехерезады.

Арлан не слишком хорошо представлял свое финансовое положение в этом мире и потому спросил:

— Кто за все это платит?

— Ваше пребывание до вызова к начальству оплатит корпус, а потом, если вы захотите здесь остаться, платить будете сами.

— Я могу обналичить свой земной банковский счет?

— Сомневаюсь, чтобы нашелся такой банк. Официально мы не поддерживаем с Землей никаких отношений.

— Тогда как же?

— Медицинский департамент назначил солидное вознаграждение за право исследования ваших генов, а если вы подпишете согласие на клонирование, то сумма будет удвоена.

— Клонирование? Для этого им понадобятся мои клетки?

— Они у них уже есть. Пока вы проходили карантин, медики взяли все полагающиеся стандартные образцы.

— Не уверен, что мне это нравится. Вряд ли я соглашусь на подобные эксперименты.

— И совершите ошибку. Они их все равно проведут. Только вы останетесь без денег.

— Разве у вас здесь не соблюдаются элементарные права человека?

— Перестаньте, Арлан! Вы же не наивный младенец. Ваши клетки представляют огромную ценность: наша цивилизация впервые за всю свою историю столкнулась с более сильным противником Неужели на нашем месте земные медики стали бы считаться с правами какого-то иномирянина? Речь идет о сохранении миллионов жизней!

— К тому же жизней аниранцев… — с горечью добавил Арлан, отметив про себя случайно вырвавшееся у Мерсона словечко «иномирянин». — Что же… Это звучит убедительно. Наверно, вы правы.

Гравитационный лифт остановился, и еще один позолоченный робот встретил их у самых дверей.

— Здесь вся прислуга — роботы?

— Почти вся. Только апартаменты высшей знати обслуживаются настоящими горничными, и то для этого понадобится специальный заказ, а счет составит астрономическую сумму. Наши женщины не любят работать в отелях.

Арлан усмехнулся про себя. Вряд ли земным женщинам было по вкусу работать в отелях — но у них не было выбора. Очевидно, здесь проблема безработицы не существовала.

Когда наконец они очутились в просторных апартаментах, Арлан не сразу оценил их достоинство Здесь не было бросавшейся в глаза роскоши. Все казалось предельно простым и функциональным. Лишь значительно позже ему стало ясно главное качество этого жилья. Вещи здесь умели предупреждать желания гостя. Они управлялись даже не голосом, а движением мысли…

Мерсон положил на стол небольшой предмет, похожий на блокнот или портсигар. Предмет выглядел совершенно монолитным. На нем не было заметно ни крышки, ни кнопок.

— Этот прибор называется «платом», что-то вроде вашей кредитной карточки. Здесь находится ваш гонорар, перечисленный медицинским центром. Вам достаточно взять прибор в руку и передать в любую кассу для расчета или вставить в специальный паз, если касса автоматическая. В прибор введены все необходимые параметры, в том числе и отпечатки ваших пальцев.

Это его не удивило.

— Сколько там?

— Около сотни кредантов.

— Что означает эта сумма? Что на нее можно купить?

— Да почти все, что пожелаете. Небольшой город или большой космический корабль. Спутник на орбите планеты грез. Двадцать лет дополнительной жизни. Мы еще успеем поговорить об этом подробней, а сейчас мне пора. Да и вы, наверно, устали. Дорога до столицы была неблизкой.

Мерсон повернулся, чтобы уйти, и уже у самой двери его задержал последний вопрос Арлана:

— Я могу уйти из гостиницы?

Мерсон, казалось, вполне искренне удивился и ответил, ни секунды не раздумывая. Обычно с такой скоростью выдают лишь заранее подготовленные ответы…

— Конечно. Вы уже стали полноправным гражданином Анирана. Но я бы не советовал с этим спешить. Вы новичок в нашем мире. Вы плохо знаете язык и совершенно не адаптированы к нашей цивилизации. Потерпите немного.

— Мне бы хотелось взглянуть на город без провожатых.

— Это у вас вряд ли получится. Вы слишком ценный экземпляр для нашего правительства. Мы не можем допустить никакого риска. Если вы выйдете из отеля, вас будет сопровождать охрана. Скорее всего вы ее не заметите. Но тем не менее она будет.

Мерсон уже стоял в коридоре, когда Арлан спросил, надеясь, что его голос звучит достаточно равнодушно:

— Зачем, собственно, нужен я сам, если для ваших целей достаточно нескольких образцов моих тканей?

— Эксперименты с клонированием, а тем более с генетикой, вещь достаточно ненадежная. Всегда предпочтительней иметь под рукой новые образцы. Да и задачи могут измениться. Вначале командование планировало отправить вас на Роканду, это одна из первых колоний, захваченных нашим космическим противником, но медицинский департамент противится этому. Я думаю, к моменту вашей встречи с руководством они окончательно решат, что для них предпочтительней в данный момент.

Когда дверь закрылась и Арлан остался один, он подвел невеселый итог.

За красивым внешним фасадом, за всеми этими разговорами о гражданстве и равенстве скрывался вполне очевидный и ординарный факт. Прежде всего он им нужен как материал для медицинских экспериментов, как источник ценного биологического сырья. И вновь, в который уж раз, в его памяти всплыла знакомая фраза того парня, что в последний момент сумел остановиться, не последовать в гостеприимно распахнутую дверь аниранской западни: «Им нужна только наша кровь…»

Первым делом, как всякий, попавший в ловушку зверь, Арлан почувствовал непреодолимое Желание бежать. Но в памяти слишком свежо было воспоминание о его предыдущем неудачном побеге. Они, наверное, смеялись над попавшим к ним дикарем, наблюдая со своих мониторов за его неуклюжими попытками освободиться.

На этот раз он будет осмотрительней. Он должен подготовиться. Найти какой-то выход из западни, в которой очутился. Важнее всего сейчас информация. Информация обо всем. Об этом народе, о его привычках, обычаях, о слабых местах аниранской цивилизации. Он был убежден, что идеального общества не бывает, здесь должны существовать свои изгои, и он найдет их. Он должен как можно больше узнать об этом городе. Теперь он понимал, что ему придется жить тут довольно долгое время.

А что касается охраны — ну что же, пусть это будет первым небольшим соревнованием. Сравнением возможностей. На Земле он неплохо умел уходить от «хвостов». Сейчас это умение ему пригодится.

Глава 11

Мерсон оказался прав, предупредив, что охранять его будут настоящие профессионалы. Наблюдения Арлан не заметил ни в самом отеле, ни после того, как поднялся на площадку аэротакси.

Он захватил с собой плат. Раз уж ему выдали местные деньги, он собирался научиться их использовать, и совсем не так, как предполагал Мерсон.

Площадка представляла собой огороженный круг метров десяти в диаметре, и едва он подошел к воротам, как откуда-то сверху, из неосвещенной зоны, опустился небольшой летательный аппарат.

Водителя внутри кабины не оказалось, что Арлана вполне устраивало. Всегда проще иметь дело с автоматом.

Больше всего он боялся сделать что-нибудь не так. От постоянного напряжения у него деревенели скулы. Собственно, эта поездка была всего лишь репетицией. Ему необходимо убедиться в том, что он сможет хотя бы передвигаться внутри города самостоятельно, не привлекая внимания окружающих. Он хотел определить реальную степень свободы, которой располагал.

В кабине аэротакси было прохладно. Свежий воздух, приправленный ароматом лаванды, подавался из невидимого воздуховода и надежно защищал пассажира от городского смога. Едва Арлан сел в глубокое кресло, как сразу же из спинки выскользнули ремни безопасности и защелкнулись у него на груди.

Больше ничего не происходило. По зеленоватому дисплею перед ним неторопливо проплывала череда каких-то знаков. Он ждал вопроса автопилота о предстоящем маршруте. Но ничего подобного не происходило.

Арлан подумал, что, не успев сделать и шага, вновь оказался пленником. Он не знал даже, как расстегнуть ремни и покинуть кабину.

В конце концов, поскольку в пределах досягаемости не было никаких рукояток или кнопок, он решил, что машина управляется голосом пассажира.

— Двигатель! — произнес он решительно.

— Анилон? — Слово было незнакомо, однако вопросительная интонация не вызывала сомнений. По крайней мере, он получил хоть какой-то ответ от этого чертова механизма.

— Анилон! — Он повторил незнакомое слово так, что его можно было принять за ругательство. Однако этого оказалось достаточно. Машина плавно, без всяких толчков, снялась с места, и через секунду он уже несся по воздуху между башнями небоскребов.

Машина летела слишком низко, и он не знал, как заставить ее набрать высоту. Движение на этом горизонте было чересчур плотным, но Арлану не оставалось ничего другого, как положиться на своего механического водителя.

Чувство беспомощности, которое он испытывал с того самого момента, как очнулся в медицинском центре, напоминало ему о себе на каждом шагу, во время любой попытки проявить самостоятельность. Он знал, что это будет продолжаться довольно долго, пока он не освоится с новыми для себя правилами чужого мира. Но он знал также и то, что если не будет стараться вырваться из этой западни, то может остаться в ней навсегда.

Колпак кабины был прозрачным со всех сторон, и Арлан несколько раз оборачивался, стараясь понять, следует ли за ним машина с охраной. Но в плотном потоке воздушного транспорта, окружавшем его, определить это оказалось совершенно невозможно. Аэробусы всех цветов и размеров мелькали мимо в разных направлениях, и оставалось только удивляться, что они не сталкивались друг с другом.

Оставив наконец бессмысленные поиски своего «хвоста», он откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться.

Однако равномерный свист и гул транспортного потока, непрерывное мелькание летательных аппаратов, проносящихся мимо в нескольких сантиметрах от его машины, угрожая неминуемым столкновением, держали его в постоянном напряжении.

В конце концов он перестал обращать на это внимание и стал думать о том, что казалось ему в данный момент наиболее важным.

Незадолго до этой поездки он спросил у Мерсона, как о чем-то не имеющем особого значения, сможет ли он увидеть женщину, занимавшуюся его вербовкой на Земле.

Но то ли лейтенант действительно не знал, где она находится, то ли по каким-то своим соображениям руководство корпуса предпочитало изолировать новобранцев от любых неофициальных контактов.

Пожав плечами, Мерсон ответил, что оперативники корпуса, как правило, незнакомы между собой. Они узнают о существовании друг друга только во время очередной операции, если этого требуют интересы дела, и сразу же забывают об этом после ее окончания. Таков устав корпуса.

— Что же касается женщин, об этом можете не беспокоиться. Сейчас руководство работает над решением данной проблемы. Позже вам обо всем сообщат.

Тогда Арлан ничем не выдал своего удивления. Руководство корпуса волнуют его отношения с женщинами? Оно считает это «проблемой»? Здесь скрывалось слишком много непонятного, и Арлан совершенно резонно предположил, что Мерсон не станет открывать ему планы руководства. Несмотря на все дальнейшие расспросы, ему так и не Удалось

узнать, что, собственно, он имел в виду.

От этих мыслей Арлана отвлек несущийся навстречу летательный аппарат, весь увешанный разноцветными мигалками.

Движение вокруг становилось все более плотным — видимо, его машина направлялась к центру города.

Без всякого перехода наступил вечер, и вокруг вспыхнули тысячи огней. Казалось, светились сами здания. Улицы, похожие на огненные реки, несли навстречу волны мягкого желтоватого света, отдельные пятнышки габаритных огней воздушного транспорта сливались в длинные разноцветные полосы. Иногда Арлану казалось, что он находится внутри огромной рождественской елки.

Неожиданно, без всякого предупреждения, его машина, не замедляя скорости, нырнула вниз. Столкновение с крышей ближайшего небоскреба казалось неизбежным. Но в последний момент скорость без заметного инерционного толчка была погашена, и машина мягко приземлилась на крышу здания.

Метрах в десяти над кабиной его аэротакси, то исчезая, то появляясь вновь, вспыхивало огромное неоновое слово «Анилон».

Арлан все еще не решил, стоит ли здесь выходить и разбираться, что же собой представляет этот «Анилон», когда механический голос робота, управлявшего его машиной, неожиданно произнес у него над самым ухом:

— В кафе на третьем этаже второго уровня вас ждут.

«Это еще что за номер? Кто может меня здесь ждать и как им удалось узнать, что я именно в этой машине? Выходит, моя попытка уйти от наблюдения провалилась?»

Разумеется, все так и должно было случиться. Наивно было полагать, что диспетчерский центр, управлявший движением этих летающих автоматов, не фиксировал все заказы…

— Кто меня ждет? Кто направил мне это сообщение?

В ответ слышалось лишь шипение помех. В конце концов, несколько раз повторив свой вопрос, *он* все же добился ответа:

— Информации нет. Запись уничтожена.

Это становилось все интереснее. Арлан решил, *ч* хо, даже если с ним просто играет в кошки-мышки местная служба безопасности, он обязан это проверить. И немножко им подыграть. Неплохо было бы сохранить в них уверенность в том, что они имеют дело с наивным, ни о чем не догадывающимся простачком.

Нерешенной, правда, оставалась проблема, как выбраться из кабины, но на этот раз все получилось само собой.

Едва он потянулся к колпаку, как ремни безопасности отстегнулись, крышка откинулась сама собой, и через минуту он уже стоял на ярко освещенной крыше здания.

Серебряный робот в ливрее с надписью «Анилон» направлялся к нему, утопая в мягкой ковровой дорожке. По всем признакам «Анилон» был еще одним дорогим отелем. Большое разнообразие для первого самостоятельного путешествия…

По крайней мере, он сумел прилететь хоть куда-то, не разбив по дороге машину.

Робот остановился от него на расстоянии шага и, вытянувшись, произнес:

— Добро пожаловать в «Анилон», сэр. Наш сервис оставит у вас приятное воспоминание. Могу я быть вам чем — то полезен?

— Да. Можешь. Мне нужно попасть в кафе второго уровня на третьем этаже. Проводи меня!

Это было правильным решением. По крайней мере, ему не придется задавать вопросов никому из постояльцев. Программы, заложенные в роботов, обязывали их беспрекословно повиноваться прямому приказу, исходящему от человека. Теперь Арлану оставалось лишь следовать за своим провожатым.

Они сменили два лифта и прошли через толпу народа в каком-то холле. Видимо, здесь что-то праздновали. За многочисленными красиво украшенными столами сидели и

оживленно беседовали люди. Никто не обратил на Арлана ни малейшего внимания.

Очевидно, робот, провожавший нового постояльца, — явление слишком заурядное, чтобы вызвать интерес у окружающих. Арлан это запомнил, любая полезная информация имела для него большое значение.

Наконец они достигли открытой террасы. Бесшумно проносившийся мимо на расстоянии нескольких метров воздушный транспорт производил на новичка столь сильное впечатление, что Арлан на какое-то время отвлекся. Когда же он повернулся к своему провожатому, чтобы выяснить, кем было отправлено сообщение о встрече, робота рядом не оказалось.

Посчитав свое задание выполненным, он незаметно удалился, и Арлан вновь остался один в сверкающем, ревущем, незнакомом мире.

Кто-то ждал его на этой террасе. Кто-то, сумевший отправить ему послание через автомат случайно подвернувшегося такси… Первое пришедшее на ум объяснение выглядело нелепостью. Не станет служба безопасности играть с ним в игрушки, здесь что-то совсем другое…

В полумрак террасы уходил длинный ряд пустых столиков. Казалось, им нет конца. Терраса, по-видимому, опоясывала все здание. Арлан медленно шел вдоль нее, все еще надеясь, что его привел сюда не глупый розыгрыш парней из охраны.

На террасе было по-настоящему холодно, и, наверно, поэтому здесь не оказалось случайных посетителей. Порывы ветра, несущиеся вдоль улицы, то и дело приносили с собой мелкие капли начинавшегося дождя, и, хотя дождь не попадал на террасу, хватало одного ветра.

В центре каждого столика время от времени вспыхивали желтые неоновые огоньки, приглашая отсутствующих посетителей сделать заказ автоматическому повару. Но желающих почему-то не находилось…

Терраса наконец кончилась. Он был здесь совершенно один.

Стараясь справиться с неожиданно сильным разочарованием, Арлан сел за ближайший столик. Без всяких вопросов откуда-то из компьютерной глубины стола появился высокий бокал со светящейся голубоватой жидкостью. Очевидно, для этого не требовалось даже делать заказ. Не раздумывая, Арлан взял бокал и жадно отпил половину.

Жидкость оказалась холодной и приятной на вкус. На языке таяли нежные пузырьки, вкус напоминал сок экзотических фруктов.

Прямо напротив террасы, заполнив своей громадой всю ширину улицы, медленно двигалась круглая летающая платформа, на которой толпились люди. Он поймал на себе несколько заинтересованных взглядов. Видимо, его одинокая фигура на пустой, продуваемой ветром веранде привлекала внимание.

Он совсем было собрался уйти, когда услышал чьи-то быстрые шаги, и, прежде чем успел обернуться, прежде чем успел поверить, знакомый голос за его спиной произнес:

— Вот уж не думала, что у меня это получится и что вы действительно окажетесь здесь…

Глава 12

Секунду он еще сидел, стараясь справиться с волнением, стараясь скрыть от нее, как ждал этой встречи. Но ничего у него не получилось, потрясение оказалось слишком сильным.

Он неуклюже вскочил, едва не опрокинув стул, и растерялся, не зная, как себя вести, следует ли подать ей руку. И лишь через секунду вспомнил, что Беатрисе прекрасно знакомы все земные обычаи.

Сжалившись над ним, она наконец улыбнулась, сама протянула ему руку и села.

— А вы неплохо освоились на Аниране. Даже такси заказываете самостоятельно.

— Но почему? — Он все еще не мог справиться с волнением и не знал, как начать

разговор.

— Почему я здесь? Я ведь обещала вам, что все объясню после подписания контракта.

— Да, и исчезли, не выполнив своего обещания. Оставили меня наедине со всеми проблемами. И потом… Вы не имели права так поступать со мной во время нашей последней встречи. Не имели права лишать меня памяти о нашем свидании.

Он почувствовал, как старая обида помогает ему справиться со слишком заметной растерянностью. Его лицо вновь приобрело свое обычное замкнутое и холодное выражение. Беатрис не обратила внимания на изменения в его настроении. Теперь уж она сама показалась Арлану подавленной и скованной. Во всяком случае, исчезло ощущение самоуверенной властности, всегда окружавшее эту женщину.

— Вы ничего не закажете для меня? — Он почувствовал в ней некоторую нерешительность, и э хо было совершенно необъяснимо. К тому же она игнорировала самый важный для него вопрос: зачем ей понадобилось экспериментировать с его памятью?

— Я не знаю, что вы любите, и не знаю, как сделать заказ. Несмотря на то что я случайно занял посланное вами аэротакси, я все еще чувствую себя на Аниране инопланетянином.

Он хотел пошутить, но шутки не получилось. Беатриса даже не улыбнулась. Похоже, ее мысли были заняты какой-то очень серьезной проблемой. Механически она набрала на панели столика неведомую ему комбинацию знаков, и перед ней появился бокал с таким же, как у него, напитком. Только цвет был другой.

— В нашу предыдущую встречу я пообещала вам еще одну вещь. Гораздо более важную. Я обещала, что игра будет честной.

— Да. Я помню об этом.

— Боюсь, честной игры не получится. У нашего начальства есть определенные планы вашего использования. Не знаю, понравится вам это или нет, пока что они все держат в тайне.

— Я это и сам почувствовал. Не понимаю только зачем. Ведь они и так получили от меня все, что хотели.

Видно было, что она все еще колеблется, не зная, стоит ли продолжать затеянный ею же разговор. И вдруг, без всякого перехода, сказала совсем о другом:

— Здесь слишком холодно.

До ее прихода он и сам об этом думал. Косые струи дождя не попадали на веранду, наталкиваясь на невидимую преграду, зато холодный ветер свободно разгуливал вдоль столиков. Арлан вдруг осознал, что после ее появления вообще забыл о том, где находится.

— Вы ведь сами выбрали это место, — напомнил он, словно хотел оправдаться.

— Да, конечно. Вы не будете против, если я приглашу вас к себе?

Конечно, он не был против, однако ее предложение прозвучало слишком неожиданно. Слишком невероятно, чтобы быть правдой. Они виделись всего третий раз. Знала ли она, что означает подобное приглашение в устах земной женщины? Наверняка знала… Он заметил легкий румянец на ее щеках и взгляд, упорно не отрывавшийся от бокала. Он хотел надеяться на то, что это было компенсацией за украденные воспоминания об их первом свидании.

С другой стороны, он прекрасно сознавал, что они находятся в особых условиях, что такое предложение могло быть продиктовано иными причинами и вспыхнувшая в нем надежда может оказаться совершенно необоснованной.

Даже на Земле случается, что за подобным приглашением не стоит ничего, кроме чашки кофе и светской беседы ради развития знакомства. Вот если бы она согласилась поехать к нему… Он вспомнил свой огромный безликий номер, наверняка нашпигованный следящей аппаратурой, золотого робота у двери, невидимую охрану…

Да, обстоятельства, вынудившие Беатрис пригласить его к себе, могли быть далеки от его предложений.

Кроме всего прочего, Арлану совсем не понравился ее тон. Она сказала последние

слова резко, словно бросила ему в лицо ругательство. Что с ней происходит?

— Как быть с охраной? Не сомневаюсь, что они не выпускали меня из виду ни на минуту и отправятся вслед за нами.

— Не имеет значения. — Пожалуй, это было самым странным из всего, что он услышал. Секунду он обдумывал ее ответ, затем спросил:

— Вы уверены, что хотите этого?

— Я всегда делаю только то, в чем совершенно уверена!

Тон по-прежнему оставался холодным, почти враждебным. Теперь она побледнела и смотрела ему прямо в глаза своим завораживающим, глубоким и холодным взглядом.

— Сомневаюсь, что вы хорошо знаете земных мужчин. Могу лишь сказать, что они не все похожи на диких зверей и не всегда набрасываются на пригласивших их к себе женщин. Даже в том случае, если женщины, сделавшие подобное приглашение, им очень нравятся.

Видимо, до нее не сразу дошел смысл его слишком витиеватой фразы. Но даже и потом, когда она поняла, что он имел в виду, ее глаза продолжали оставаться холодными.

— Я могу обещать, что не буду злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Этого от вас не требуется. Пойдемте.

Она решительно поднялась и направилась к выходу. Он едва успевал за ней, стараясь понять, что же она имела в виду. Что значит это «не требуется»? Он видел только ее спину, не было возможности следить за ее настроением. Он мог догнать ее и спросить напрямую, разрешив таким образов свое недоумение, но ему не хотелось выглядеть в ее глазах полнейшим идиотом.

Все эти сложности возникли из-за того, что его не устраивала еще одна случайная встреча с этой женщиной, близость на один вечер, подвернувшаяся удача, которой еще совсем недавно он так обрадовался. Арлан и сам толком не понимал, что с ним происходит.

Они вышли из кафе и оказались в огромном гостиничном холле, где было полно народу. Беатриса продолжала быстро идти впереди, не оборачиваясь и не обращая на своего спутника ни малейшего внимания. Арлана удивила ее беспечность

Она вела себя так, словно не слышала его предупреждения об установленной за ним слежке или полностью игнорировала ее. Во всем ее поведении, в неожиданной смене настроений и в этой беспечности было нечто странное, нечто такое, что заставляло его все время искать объяснения ее поступкам, искать и не находить…

Они вошли в кабину центрального гостиничного лифта, такую огромную, что на ее круглой площадке могло свободно разместиться человек сорок. Сейчас здесь стояло не меньше десяти пассажиров. Двери мягко закрылись, и лифт, стремительно набирая скорость, понесся вверх. Он шел слишком долго. По расчетам Арлана, при такой скорости они давно должны были миновать крышу здания.

Вдруг стены кабины исчезли или просто стали прозрачными. От неожиданности он едва не вскрикнул. Платформа лифта летела над городом. Внизу под ними мелькали огни вечерних улиц. Беатрис стояла у самого края, прямо у ее ног разверзлась пропасть, расчерченная мелькающими огнями и несущимися навстречу световыми реками. Совершенно инстинктивно он схватил ее за руку и, лишь поймав на себе ее удивленный взгляд, отпустил холодную как лед, совершенно безжизненную ладонь.

Без всякого предупреждения, без толчка инерции платформа замерла в воздухе и резко пошла вниз. Арлан никак не мог привыкнуть к местным летательным аппаратам, скользившим по воздуху, точно во сне, игнорируя законы инерции и притяжения.

Они вновь оказались на крыше здания. Стены кабины снова появились, несколько человек вышли в открывшуюся дверь, на их место вошла целая компания оживленно разговаривавших молодых людей.

Девушки в открытых платьях смеялись нарочито громко. Непривычная косметика делала их лица похожими на маски арлекинов. Лишь сейчас Арлан обратил внимание, что Беатрис вообще не употребляла косметики.

Платье ее было наглухо закрытым, но казалось строгим лишь на первый взгляд. Ткань

была слишком тонкой и мягкой, она так плотно облегала тело, что не скрывала никаких подробностей и представлялась всего лишь дополнительным слоем кожи. Арлан подумал, что под таким платьем невозможно носить белье — оно будет слишком заметно…

Лифт, отвлекая его от этих наблюдений, вновь снялся с места и понесся над городом. Казалось, этому затянувшемуся нереальному путешествию Не будет конца.

Он вновь и вновь задавал себе вопрос, почему она это сделала? Зачем нашла его, зачем назначила свидание? И каким образом ей вообще удалось провернуть всю эту сложную операцию с такси, звуковым посланием и свиданием в кафе? Он давно уже понял, что анираиские женщины не испытывают теплых чувств к гостям из других звездных колоний. Может, причиной тому была излишняя гордость за собственную цивилизацию, обогнавшую в развитии другие, или какие-то неизвестные ему традиции, замешанные на расовых предрассудках?

Как бы там ни было, он не ошибался. Ни один мужчина не ошибется, когда в ответ на свой оценивающий взгляд прочтет в глазах женщины холодное презрение.

Ему важно было уяснить причину, побудившую ее сделать это приглашение, до того как они очутятся в ее квартире. Он совершенно не представлял, как должен себя вести, оставшись с ней наедине. Если мелкие неловкости, которые он то к дело совершал из-за полного непонимания обстановки и традиций аниранского города, его мало трогали, то оказаться невоспитанным дикарем в глазах Беатрис ему совершенно не хотелось.

На третьей остановке воздушной платформы они наконец вышли. Арлан уже начал привыкать к тому, что крыши зданий использовались в этом городе вместо тротуаров, а внизу, на улицах, практически не было видно пешеходов.

Они спустились в другом лифте на шестой уровень. Арлан механически, в силу старых привычек, считал этажи. Он всегда предпочитал точно знать свое местонахождение на случай любых неожиданностей.

Беатрис открыла невидимый замок на двери, коснувшись ее поверхности ладонью, и посторонилась, пропуская его вперед.

Квартира оказалась большой, но совершенно безликой. Видимо, догадавшись о впечатлении, которое произвела на него гостиная, она сказала:

— Это стандартный блок. Он сдается любому приезжающему на заказанный заранее срок.

— А где находится ваш настоящий дом?

Она пожала плечами:

— У меня нет постоянного дома. Я живу там, где это требуется для дела.

Ни на минуту она не позволяла ему забыть о своей службе. Словно частые напоминания о ней доставляли ей какое-то болезненное удовольствие.

Арлан по-прежнему чувствовал себя скованно, так и не сумев понять, почему оказался в ее квартире.

— Выпьете что-нибудь?

Он согласно кивнул, лишь теперь сообразив, что квартира была не только неуютной, но еще и холодной. Рюмка старого доброго коньяка ему бы не помешала. Хотя, пожалуй, коньяка он здесь не увидит. В кафе ему удалось получить лишь странную жидкость, по цвету напоминавшую метиловый спирт.

— Бар! — произнесла она громким и четким голосом, каким здесь отдавали команды невидимым для глаз автоматам. В аниранской столице ими, похоже, был нашпигован каждый свободный метр пространства. Тотчас в углу комнаты вырос бутон огромного цветка. Его лепестки раскрылись, открывая зеркальные полки с напитками. Здесь был Даже земной коньяк. Он сразу же узнал знакомую этикетку. Заметив его удивление, она пояснила:

— Земные предметы считаются у нас контрабандой, но сотрудники корпуса не проходят таможенного контроля, так что пользуйтесь случаем, в другом месте вы его не увидите.

— Вам налить?

— Нет, я предпочитаю Регро.

Он не понял, что она имела в виду.

— Я приму ванну, у нас эта процедура называется по-другому, но суть та же. Включите температурный режим, здесь слишком холодно.

Если бы он знал, как это сделать! Окружающие слишком часто забывали о том, до какой степени он беспомощен в чужом для себя мире. Если бы сейчас у него появилась возможность еще раз все решить заново — он бы наверняка отказался от вербовки.

То, что он обнаружил за порогом двери, приведшей его в этот мир, оказалось слишком огромным и слишком холодным. Это относилось даже к Беатрис. Долгожданное свидание с ней заставило его испытать необъяснимое разочарование. Возможно, оттого, что до сих пор он не мог понять, была ли их встреча настоящим свиданием? Но если даже это так, он не испытывал по этому поводу никакой радости. Все произошло слишком уж просто, и ему казалось, что их встреча по каким-то неясным для него причинам связана с корпусом. И уж, во всяком случае, наверняка не является тайной для его руководства.

Если его догадка верна, тогда становится понятной нервозность Беатрис, ее неуверенность и подавленность.

Все время за его спиной велась непонятная возня, кто-то передвигал его, как фишку на игровой доске. Так будет продолжаться до тех пор, пока он *Н* е поймет правил этой тайной игры.

Обдумав все, он решил ничего не предпринимать, дать событиям развиваться естественным образом, полностью предоставив инициативу самой Беатрисе. Ему хотелось посмотреть, как далеко она сможет зайти в явно непривычной для себя роли коварной соблазнительницы.

Она появилась минут через пятнадцать в легком купальном халате, накинутом поверх неизменного вечернего платья, с которым она почему-то не пожелала расстаться даже после ванны. Он отметил ее новую прическу и успел почувствовать незнакомый соблазнительный аромат, прежде чем смысл заданного ею вопроса дошел до его сознания:

— Вы все еще здесь?

Он совершенно растерялся от этих слов.

— А где я должен быть?

Она молчала, стоя посреди комнаты. Кажется, он опять сморозил какую-то глупость.

— Простите меня, Беатрис, но я не понимаю… Вы хотели, чтобы я ушел?

— Нет.

— Тогда что же?

— Ничего. Я все время забываю, что правила поведения землян отличаются от наших.

— Может, вы сжалитесь над бедным дикарем и объясните, что вы имеете в виду?

Она молчала.

— Что я должен делать?

— Мне что, за руку вести вас к своей постели?!

В тоне ее ответа наконец-то прорвалась настоящая ярость, и он поразился силе этой долго сдерживаемой ярости.

— Сядьте, Беатрис!

Она не двинулась с места.

— У нас на Земле принято сначала поговорить.

— Я не обязана с вами разговаривать!

— Конечно, вы не обязаны. Значит, руководство корпуса знает о том, что я здесь?

— Какой вы догадливый!

— Я догадался только сейчас. Я знаю — это звучит глупо. Но это именно так. Наверно, мне очень хотелось увидеть вас, с той первой встречи я лишь об этом и мечтал, и вот теперь, когда это случилось, я словно ослеп. Я принимал желаемое за действительное. Я сейчас уйду, но сначала мы поговорим.

Наконец она сделала несколько шагов, отделявших ее от кресла, стоявшего напротив

бара, и, запахнув поплотнее свой халатик, вновь села. Оттого, что из-под розовой ткани халата проглядывала не женская кожа, а странная, почти живая ткань ее вечернего платья, Беатрис выглядела еще соблазнительней. И он ничего не мог с этим поделать, не мог не замечать всех этих деталей, сводивших его с ума.

— Значит, вы ничего не знаете?

— Не знаю чего? — Бесконечные загадки, сопровождавшие почти каждую фразу, каждое ее движение, становились совершенно невыносимы.

— Не знаете, почему вы здесь?

— Я здесь потому, что вы меня пригласили, потому, что вы мне нравитесь! Потому, что я оказался на Аниране из-за вас! — Он почти кричал.

— Успокойтесь, Арлан. Я вам верю. Мне сказали, что вы предупреждены и что вы согласились. Разочарование оказалось для меня настолько сильным, что я забыла, как часто они используют ложь для того, чтобы манипулировать людьми. Сейчас я вам все объясню.

Глава 13

Беатрис долго молчала, то ли не зная, как начать этот нелегкий разговор, то ли обдумывая что-то. Из стоявшего рядом с ней бара, похожего на диковинный цветок, она извлекла две рюмки и наполнила их земным коньяком. Молча, без всякого тоста, не дожидаясь, пока Арлан поддержит ее, осушила свою до дна и только после этого начала наконец говорить:

— Первоначально предполагалось, что вас будут использовать в качестве наблюдателя на одной из захваченных планет. Именно для этого им понадобилась ваша уникальная устойчивость к «Д-из-лучениям». Аниранским ученым удалось установить, что именно это излучение подчиняет всех аниранцев в захваченных поселениях чужому разуму. Оно же препятствует отправке разведывательных кораблей и получению любой информации из утраченных нами областей космоса.

Но теперь, насколько мне известно, они передумали. Они не хотят рисковать. Слишком ценный биологический материал содержится в ваших генах. Ведь если вы погибнете во время разведывательной экспедиции, нет никакой гарантии, что им снова удастся найти человека с генной структурой, создающей врожденную устойчивость к «Д-излучению». Такие поиски на Земле ведутся, но пока они не принесли положительных результатов. Логика здесь присутствует. Что касается этики… Мне кажется, эта сторона вопроса никогда особенно не беспокоила моих соплеменников. Я достаточно Долгое время провела на других мирах, могу сравнивать и судить объективно.

Она говорила медленно, тщательно подбирая слова. Чувствовалось, что весь этот разговор для нее мучителен, но Арлан до сих пор не понимал причины и не знал, как ей помочь.

— Но ваши ученые уже получили нужный им для исследований биологический материал! Во время карантинного медицинского обследования они взяли образцы моих тканей, даже пункцию костного мозга!

— Этого недостаточно, Арлан, — тихо проговорила Беатрис, не глядя на него.

— Недостаточно? Недостаточно для чего? Что им еще нужно?!

— Они хотят, чтобы от вас на Аниране родились дети. Много детей…

— Послушайте, какого черта, мне сказали, что моего согласия не нужно даже на проведение клонирования с моими собственными тканями. Чего они еще хотят?

Он все еще не понимал, куда приведет их этот разговор.

— С клонированием у них вышла осечка. Ваши ткани, развиваясь вне организма, теряют тот главный наследственный признак, ради которого и была задумана вся операция по вашей вербовке и доставке на Аниран.

— То есть вы хотите сказать… — Он остановился, не зная, как сформулировать промелькнувшую мысль, чтобы не шокировать ее.

— Они хотят, чтобы вы спали с нашими женщинами. Не со всеми подряд, а лишь с теми, кто пройдет специальный медицинский контроль на совместимость и гены которых, соединившись с вашими, с наибольшей вероятностью…

— Вы хоть понимаете, что говорите? Я что, по их мнению, бык-производитель?!

— Ну, большинство мужчин не стали бы отказываться от подобного предложения. К тому же у лих существует немало способов заставить вас подчиниться решению руководства.

— Подождите… Так, значит, вы?… — Мелькнувшая догадка ошарашила его. — Вы прошли этот самый контроль?!

Она кивнула.

— Зачем же вы согласились?!

— Меня не очень-то спрашивали… Я родилась в этом мире и обязана подчиняться его законам. Есть еще одна причина… Я была уверена, что вы знаете.

— Так вот почему вы на меня смотрели как на преступника весь сегодняшний вечер. На моей планете подобное уже было. Считалось патриотическим долгом для женщины родить фюреру лишнего солдата. Они даже писали на плакатах что-то вроде «Мы принадлежим тебе».

— Кто такой, этот фюрер?

— Военный диктатор, развязавший вторую мировую войну. Сейчас о нем уже мало кто помнит.

В комнате стало еще холоднее. Правда, теперь Арлану казалось, что этот холод шел изнутри.

Он встал, поставил на столик стакан с недопитым коньяком и осмотрелся, словно хотел надолго запомнить эту комнату. Но здесь нечего было запоминать. Слишком уж она походила на вокзал. Даже мебель появлялась и исчезала по мере необходимости. Разве что этот цветок вместо бара и ее лицо. Лицо раненой птицы. Чего-то она недоговорила, или он чего-то не понял. Он чувствовал — что-то важное оставалось недосказанным. Но после всего происшедшего не мог злоупотреблять ее гостеприимством.

— Я, пожалуй, пойду.

Она молча встала и проводила его до двери прихожей. И лишь когда протянула руку к панели замка, он, словно протестуя против этого прощального жеста, ставившего последнюю точку на его несбывшейся мечте о настоящем человеческом свидании с этой женщиной, совершенно неожиданно для себя обнял ее…

Она стояла так близко… Он почувствовал, как она вздрогнула, но не отстранилась и продолжала стоять рядом с ним совершенно неподвижно.

Тогда в полумраке прихожей он нашел ее губы и поцеловал ее. Она не ответила на этот поцелуй и по-прежнему стояла, словно окаменев. Он взял ее руки, холодные как лед, и прижал к себе, пытаясь согреть.

— Я мечтал увидеть тебя снова с той самой минуты, когда ты приехала в мой старый заброшенный дом. Я люблю тебя, Беатрис.

Она ничего не ответила.

— Возможно, я не имею права этого говорить после всего, что случилось. Но я хочу, чтобы ты это знала…

— Я знаю, Арлан. Только поэтому я согласилась на нашу встречу. Я хотела быть первой…

— Других не будет. Этого у них не получится. Подопытной лошади им из меня не сделать.

— Еще как получится. Правда, на вашем земном языке животное, которое ты имеешь в виду, называется по-другому.

Он все еще не отпускал ее, и тогда она осторожно высвободилась из его объятий.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Тебе придется остаться. Ты же знаешь, я получила приказ тебя соблазнить. До утра

ты должен оставаться в моей квартире.

— Ваш корпус занимается организацией свиданий?

— Вместе со многими другими делами.

— По-моему, сводничество у твоего начальства получается лучше всего.

Наконец она улыбнулась, и он почувствовал, что ледяной мост, находившийся между ними весь этот вечер, дал первую трещину.

Ни о чем больше не спрашивая, он снова вошел вслед за ней в гостиную, догнал у самого бара и снова жадно поцеловал. И опять она на секунду замерла, а потом решительно отстранилась.

— Подожди. Ты слишком спешишь. Мне нужно привыкнуть.

Но было уже поздно. Слова потеряли для него всякое значение. Он сорвал с нее халат и отбросил его на кресло, а затем начал сдирать находившееся под ним вечернее платье. Он сдирал его медленно, по частям, как кожу. Материя липла к ее телу и легко, без всякого усилия, расползалась под его пальцами. На платье не было ни одной застежки. Видимо, оно специально предназначалось для такого вот одноразового использования. Под тонким слоем материи ничего больше не оказалось, его догадка об отсутствии белья подтвердилась.

Он не знал, где в этой квартире находится постель, да если бы и знал, без дополнительных расспросов не сумел бы выдернуть ее из потайной ниши. Ему пришлось осторожно уложить Беатрис на пол, благо пушистый ковер, покрытый мягким ворсом толщиной с ладонь, устилал весь пол.

Она не сопротивлялась, но и не отвечала на его ласки. Все его старания растопить ее холодность не имели успеха. Тогда он остановился и все начал сначала.

Через какое-то время он заметил, что ее губы наконец дрогнули и Беатрис впервые ответила на его поцелуй. Ответила так резко и страстно, что он сразу же понял, каких невероятных усилий стоила ей показная холодность.

Желая наказать ее за слишком долгое сопротивление, он не торопился с завершением и, в свою очередь, резко уменьшил, почти прекратил атаку.

Теперь они поменялись ролями. Она неистово, страстно целовала его, а он, неподвижно расслабившись, лежал рядом и улыбался в полумраке невидимой для нее улыбкой.

Ему было хорошо в обществе этой женщины. Хорошо, независимо от того, чем они занимались.

Лишь после того, как она приостановилась и спросила: «Что с тобой, я тебя чем-то обидела?» — он рассмеялся и снова начал ее целовать.

Когда все кончилось, когда прошел угар первой страсти, они долго молча лежали рядом, и он первый спросил о том, о чем в подобных случаях спрашивает женщина:

— Что с нами теперь будет, Беатрис?

— Меня повысят в звании за хорошо выполненное задание, а тебе организуют гарем из аниранок.

— А если серьезно?

Она встала, нашла на кресле свой купальный халат и, закутавшись в него, села к бару.

— Будешь что-нибудь пить?

— Сначала ответь.

— Я не знаю, Арлан. Серьезно, не знаю. Я все время ищу выход и не вижу его. Я вовлекла тебя во всю эту историю. Я чувствую себя обязанной помочь тебе, но ситуация находится целиком в руках командования корпуса. В нашем мире они обладают слишком большой властью.

— Так не бывает. Всегда есть какой-то выход. и что касается обязанностей, я оказался здесь по своей воле. Я хотел тебя, и я тебя получил. Это больше, чем то, на что я мог надеяться. Вот только…

— Что?

— Я никогда не соглашусь, чтобы нас разлучили. Тебе придется найти выход. Ты уверена, что у тебя в доме нет следящей аппаратуры? Мы можем говорить обо всем?

— Неужели ты думаешь, что я позволю им вторгаться в мою интимную жизнь? Здесь нет никакой аппаратуры.

— Почему ты в этом так уверена?

— Потому, что каждый офицер корпуса проходит специальное обучение, потому, что у меня есть приборы обнаружения, а главным образом потому, что моему начальству никогда не придет в голову, что наше свидание может стать чем-то большим, чем выполнение очередного задания. Ни одна аниранская женщина не воспринимает иномирян всерьез. Причиной тому традиции, воспитание, уверенность в собственном превосходстве. Мне пришлось провести на Земле не один год для того, чтобы избавиться от всей этой чепухи.

— Самое главное для меня сейчас — избавиться от корпуса. Я хочу, пусть даже временно, отделаться от постоянной слежки, от того, чтобы они старательно подстраивали каждый мой шаг. Я привык к самостоятельной работе и уверен: если у меня появится время для сбора информации, я сам Найду выход. Чем больше я буду узнавать, тем труднее будет им управлять моими действиями. Вполне возможно, что они поймали совсем не того зверя, на которого ставили капкан.

— Я это знаю. Они всегда недооценивали землян. Я действительно хочу помочь. Но не знаю как…

— Зато ты хорошо знаешь Аниран. Ты здесь родилась. Подумай хорошенько, вспомни — должно быть место, в котором человека трудно или вовсе невозможно найти. Если бы ты оказалась на Земле в моем положении, я бы обязательно нашел такое место!

— Не знаю…

Она вышла в ванную и через несколько минут вернулась в другом халате, немыслимо пушистом и совершенно скрывшем всю ее точеную фигуру.

Ее брови были сведены, а во взгляде он увидел не то сомнение, не то надежду… Во всяком случае, он прочел на ее лице ту самую глубокую работу мысли, которая никогда не может появиться после любовного свидания на лице земной женщины.

— Ты что-то нашла! Что-то вспомнила! Я прав?

— На Аниране есть лишь одно место, где тебя никто не будет искать. И нам необычайно повезло, что на следующей неделе начнется паломничество.

— Что же это за место?

— Храм Триединого.

— Что он собой представляет?

— Храм нашего древнего бога. Каждый год верующие устраивают туда паломничество. Храм расположен высоко в горах, и добираться туда приходится по пешеходной тропе. Паломники идут один за другим трое или четверо суток… Я не раз видела по вифону такую процессию. Каждый может присоединиться к ним и испытать свою судьбу.

— Испытать судьбу?

— Да, это испытание. Каждый год жрецы выбирают одного из паломников для беседы с Триединым. Они говорят, что этот выбор подсказывает им сам бог. Счастливцу предоставляется возможность побеседовать с богом один на один. Но я не думаю, что с тобой может произойти что-нибудь подобное. В конце концов, ты же не аниранец… Зато в течение двух недель, пока длятся торжества по случаю встречи с богом одного из паломников, никто не посмеет тебя беспокоить. Храм неприкосновенен для светских властей. До сих пор нашему начальству не удалось заслать туда ни одного шпиона.

За то время, пока ты будешь совершать паломничество, я постараюсь найти и подготовить для тебя все необходимое — документы, пластификат внешности, ну и все прочее… Паломничество начинается ровно через неделю, с восходом солнца. Ты можешь отправиться на место сбора прямо сейчас.

— Нет. Это не годится. Первое, что сделает руководство корпуса, как только станет известно, что я исчез из твоей квартиры, так это возьмется за тебя всерьез. Ты не должна иметь к этому отношения. Я вернусь в гостиницу, покажусь своей охране и уж потом займусь побегом. Ты подробно расскажешь мне, как добраться до места, в котором

собираются паломники.

— Охрана тебя не выпустит.

— Ну, это уж моя забота…

Глава 14

Через два дня после свидания с Беатрис Арлану сообщили, что его переводят в новую резиденцию. Он ожидал этого, поскольку устраивать гарем в отеле вряд ли было удобно. Начальство, успокоенное его примерным поведением у Беатрис, решило, что теперь проблем с ним не будет. Для сопровождения Арлана к новому месту жительства выделили всего одного человека. Им оказался мрачноватый сержант с лицом, покрытым шелушащейся коростой — результат космического ожога.

Скорее всего этот опытный десантник расценивал предстоящее путешествие как отдых и Арлана вообще не принимал всерьез. В этом и была его главная ошибка.

Как только аэромобиль переключился в автоматический режим, его страж решил вздремнуть, справедливо полагая, что человеку, незнакомому с управлением военного аэромобиля, вряд ли придет в голову выкидывать фокусы во время полета. Однако сержант плохо знал землян и совершенно не представлял, чего можно ждать от Арлана.

В кабине, кроме них двоих, никого не было, и, едва охранник задремал, Арлан немедленно этим воспользовался.

Помня о том, что все аниранские машины снабжены несколькими блоками безопасности, Арлан решил устроить аварию. Он выдернул расположенную с его стороны панель автопилота и, запустив руку в образовавшееся отверстие, попытался разорвать ведущие к ней провода. Они оказались слишком прочными, зато ему удалось раздавить несколько хрупких кристаллов электронных устройств, расположенных на самой панели. Этого оказалось достаточно, чтобы машина, потеряв управление, резко пошла вниз.

Видимо, аварии здесь случались не часто, потому что охранник, проснувшись и схватившись за ручное управление, совершенно растерялся и с трудом выровнял машину.

Его проклятия и отборные ругательства мало помогали делу. Машина продолжала стремительно снижаться в районе какого-то городского парка. Блок безопасности в конце концов сработал, но было уже слишком поздно. Ветви мощного дерева встретили машину выше рассчитанной компьютером посадочной зоны.

Арлан почувствовал сильный удар, аэромобиль рвануло в сторону, затем повело вправо. Осколки пластикового колпака брызнули им в лицо, послышался отвратительный скрежет раздираемого металла, и остатки кабины заклинило в развилке дерева.

В нескольких сантиметрах от плеча Арлана острый обломок ветви прошил обшивку. И хотя падение наконец приостановилось, возникла новая опасность. После таких повреждений энергетический блок мог взорваться или загореться, нужно было как можно скорее покинуть машину. Отстегнуть заклинившиеся ремни оказалось совсем не простым делом, а когда Арлану все-таки удалось перебраться через борт искореженной кабины, сверху на него, вопя от ярости, словно курьерский поезд на всем ходу, обрушился охранник.

Его выбросило из кабины за несколько секунд до того, как разбитая машина окончательно остановилась, и, видимо, не удержавшись на ветках Дерева, охранник сорвался вниз.

Столкновение произошло метрах в двух от земли, и, обломив нижний ярус ветвей, оба рухнули на искореженные и горячие обломки аэромобиля.

В результате этого последнего падения острый кусок металла пропорол Арлану куртку и левый бок.

Боль хлестнула по нему, словно удар бича, и неожиданно для него самого вызвала почти неуправляемую вспышку ярости. Возможно, такая реакция была следствием накопившегося в нем протеста. Ему страшно надоело, что с ним обращаются как с человеком второго сорта.

Как бы там ни было, на какое-то время он полностью утратил контроль над собой, а когда красная пелена ярости прошла, окровавленный охранник с разбитым лицом и сломанной рукой неподвижно лежал у его ног. Несмотря на все усилия, Арлан не смог вспомнить, было ли это результатом падения или его собственных действий.

Только теперь он наконец осмотрелся и оценил последствия катастрофы.

Разбитая кабина все еще висела в ветвях дерева, обломки машины валялись в радиусе нескольких метров.

Несмотря на катастрофу, вокруг никого не было.

Авария произошла в середине дня, и шум от падения машины не мог не привлечь внимания. Но сегодня ему везло. Машина рухнула внутри какого-то частного владения с закрытым для посещений парком.

Снаружи уже доносились завывания полицейской сирены. Многое на Аниране было другим, только этот отвратительный вой оставался таким же, как на Земле.

Не теряя ни секунды, Арлан, используя густые заросли живой изгороди как укрытие, сумел проскользнуть на улицу за минуту до того, как в парке появился наряд полиции.

Ему еще раз повезло, потому что с противоположной стороны ограды протекал небольшой ручеек, позволивший немного привести себя в порядок и заняться раной. Она оказалась пустяковой. Перетянув ее обрывком рубашки, чтобы остановить кровотечение, он наскоро замаскировал прореху в куртке и умылся.

Полиция, видимо, решила, что в разбившемся аэромобиле был только один пилот, Арлана никто не преследовал. Он понимал, что это будет продолжаться недолго. Вскоре дежурный офицер свяжется с администрацией корпуса, которому принадлежала машина, и тогда его начнут искать. Но пока что он мог воспользоваться удачным стечением обстоятельств и результатом вовремя устроенной катастрофы.

Он приводил в порядок свой внешний вид, понимая, как много будет от него зависеть, пока над изгородью не мелькнул голубой силуэт санитарной машины. Теперь настало время убираться подальше от места аварии.

Ему удалось, не привлекая к себе внимания, смешаться с группой людей, стоявших на остановке городского аэробуса.

Дальнейшие его действия были точно рассчитаны, и благодаря помощи Беатрис, принимавшей участие в разработке плана побега, он сумел избежать грубых ошибок, хотя бы на первых порах. У Арлана имелась крупномасштабная схема городских кварталов с детально разработанным маршрутом и названиями всех пересадок.

Несколько часов, проведенных в языковом гипнозале корпуса, позволили ему довольно свободно читать по-аниранси и понимать разговоры окружающих, хотя сам он говорил с таким акцентом, что старался во время всей поездки хранить молчание.

Несмотря на все эти сложности, через пару часов Арлан все-таки выбрался за пределы мегаполиса.

Наверняка была погоня. Наверняка полиция давно уже искала его по всему городу. Но они опоздали. Время было упущено, а предположить, что иноземец сумеет так быстро покинуть городские кварталы и направится именно к горе Фуриока, они не могли.

Между последней остановкой пригородного аэробуса и местом сбора паломников Арлану еще предстояло пройти пешком километра четыре. Это была самая опасная часть маршрута, поскольку одинокий пешеход неизбежно привлечет к себе внимание. Зато потом, если ему удастся незаметно затесаться в толпу паломников, он окажется в относительной безопасности.

Среди тех, кто собирался совершить восхождение на гору Фуриока, преобладали случайные люди, собравшиеся из разных мест страны. Большинство были незнакомы друг с другом. Да и сама традиционная одежда паломника, предусмотрительно запасенная Беатрис, — свободный желтый плащ с капюшоном, скрывавшим лицо, — как нельзя лучше подходила для маскировки. Жаль только, что этой одеждой нельзя было пользоваться, прежде чем он доберется до подножия горы.

Лишь на самой тропе паломник мог находиться в ритуальной одежде. У этих людей было множество правил, и малейшая ошибка могла провалить весь план. Если его разоблачат до того, как он попадет на территорию храма, — его передадут в руки полиции, а оттуда он неизбежно вновь окажется в «Д-корпусе». Зато, если ему удастся незамеченным добраться до храма, его шансы на благополучное завершение всего плана побега значительно увеличатся.

Даже если оперативники корпуса в конце концов определят его местонахождение, они не риск-*н* ут беспокоить паломников во время религиозного праздника.

Старая религия до сих пор пользовалась большим уважением среди аниранцев, несмотря на то что число истинно верующих в Триединого сокращалось с каждым годом.

Главную опасность представляла встреча со жрецами храма. Они беседовали отдельно с каждым паломником, а Беатрис ничего не знала о том, как проходят такие беседы.

Арлан понимал, что, как только он войдет в храм и откроет лицо, скрывать дальше свое иномирян-ское происхождение станет невозможно.

Беатрис сказала, что он может потребовать права убежища, которое дается всякому, кто переступил порог храма, — но она не знала, распространяется ли это правило на иномирян.

Возможно, жрецы не захотят пойти на серьезный конфликт со светскими властями.

Слишком много неясного, слишком много риска во всем затеянном им предприятии. Но выбора не было, и решение Арлана оставалось твердым. Подопытным кроликом для аниранских медиков он больше не станет.

Небольшое дачное поселение, расположенное сразу за остановкой аэробуса, Арлан миновал благополучно. Здесь преобладали маленькие, спрятанные за высокими живыми изгородями коттеджи, в которых после окончания рабочего дня аниранцы укрывались от городского шума и смога. Сейчас был полдень, и народу на улицах оказалось совсем немного. Только няни с детьми да редкие случайные прохожие.

Сразу за окраиной поселения начались невысокие холмы предгорья, поросшие дикими зарослями. Сельское хозяйство на Аниране было втиснуто в автоматизированные заводские корпуса. Благодаря гидропонике и биологической генетике площадей им требовалось немного. Поэтому большинство земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, пустовало. За пределами городов простирались зоны дикой природы. Аниранцы не любили этих мест и мало ими интересовались.

Это было на руку Арлану, поскольку здесь вероятность встретить случайного прохожего уменьшалась. После недолгих поисков он обнаружил тропу, обозначенную на схеме и ведущую до самого места сбора паломников. Она пересекала гряды холмов почти по прямой, видно было, что за тропой ухаживали и часто ею пользовались.

Все колючие заросли с обеих сторон были тщательно подстрижены, чтобы ветки не мешали путнику. На этой прямой дорожке Арлан мог значительно ускорить темп ходьбы.

Задолго до заката он вышел на большую прогалину, по которой протекал бурный горный ручей. Теперь от шатров паломников его отделяло не более километра.

Он попытался отыскать в зарослях перед собой лагерь паломников, но заходящее солнце било прямо в глаза, и вся картина смазывалась от навернувшихся слез.

— Дерьмовое местечко! — неожиданно произнес хрипловатый голос за его спиной на аниранском.

Арлан скорее от неожиданности, чем по старой армейской привычке, мгновенно повернулся, приняв боевую стойку.

— Ну-ну, парень, не надо дергаться. Похоже, мы оба идем в одно место.

Человек, оказавшийся рядом с ним, выглядел невысоким, но в его слегка сгорбленной фигуре чувствовалась сила. Лицо неопределенного цвета, все покрытое сетью морщин, походило на сморщенную поверхность какого-то диковинного фрукта. И только глубоко запрятанные глаза смотрели зорко и молодо, не упуская ни одного движения Арлана.

Одежда незнакомца выглядела неряшливой и заношенной. Заляпанная пятнами жира, она давно нуждалась в стирке. За плечами у него болталась полупустая котомка, а в руке он

сжимал толстую гладкую палку, способную одновременно выполнять роль посоха и дубины.

— Кто вы такой и почему идете за мной?

— За тобой? Ты что, парень, рехнулся или впрямь иномирянин? Здесь нет другой тропы.

— Но я не слышал, как вы… Впрочем, это не важно.

Арлан уже справился с шоком, вызванным совершенно неожиданным появлением аниранца. Никогда раньше он не позволял вот так неожиданно, вплотную, приблизиться к себе сзади. Этот человек обладал феноменальными способностями в Маскировке.

— Вы хотите сказать, что вы тоже паломник?

— Такой же, как и ты. Хватит валять дурочку. Нам обоим нужно одно и то же, поэтому не надо Меня бояться. Полиция за мной не идет, хотя была бы рада познакомиться поближе.

Наконец Арлан кое-что начал понимать.

— Убежище?

— Конечно. В это время здесь немало таких, как я. Бесплатная кормежка. Защита от полиции. Можно сказать, мы здесь проводим отпуск, почти как на «Веселом» астероиде, только баб недостает.

— Раз уж нам по пути, скажи, как тебя звать?

— Зови Сэмом. А можешь Мореным, как больше понравится.

— Буду звать Сэмом. А я Заславский.

— Это еще что за имечко? Неужто и вправду иномирянин?

— Он самый.

— То-то я смотрю, слова не по-нашему говоришь. Ну, мне до этого дела нет.

— Так что же мы стоим? Скоро стемнеет.

Сэм пощелкал языком и, прикрывшись ладонью от солнца, внимательно посмотрел на лагерь паломников.

— Туда до утра лучше не соваться. Сразу прищучат. Утром, когда они начнут бормотать и отбивать свои поклоны, — вот тогда самое время к ним заявиться. Нипочем не заметят.

— Тогда нам надо позаботиться о ночлеге.

— Ну, эта забота не по мне. Опасных зверей здесь нет. Можно спать под любым деревом.

Однако когда Арлан натаскал сухих веток, разжег костер и начал готовить похлебку из прихваченных с собой концентратов, его новый знакомый уже сидел рядом на поваленном дереве.

— Вообще-то пахнет неплохо…

Арлан щедро отлил половину котелка и поставил его рядом с Сэмом, но тот не шевельнулся и к еде не притронулся.

— Я во многих местах побывал, но таких, как ты, не встречал даже среди иномирян.

— Чем же это я такой особенный?

— Ты незлопамятный и справедливый. За дело, которое считаешь правым, будешь бороться до конца. Друзей в беде не бросаешь, способен ради любви кинуться очертя голову в чужой мир.

— И откуда же ты, Сэм, все это про меня знаешь?

— Знаю, Заславский, знаю… Я многое про тебя знаю, потому что никакой я не Сэм.

Вся эта речь в устах бродяги прозвучала настолько дико, что Арлан, ощутив холодок внезапного страха, весь подобрался и, стараясь не показывать этого, спросил самым небрежным тоном:

— Кто же ты тогда?

— Я тот, кто отбирает избранных для встречи с Триединым.

«Господи! Только сумасшедшего мне сейчас не хватает», — подумал Арлан, пытаясь сохранять серьезный вид, чтобы не обидеть человека, от которого в сложившейся ситуации он мог получить помощь.

— Я совсем не сумасшедший, Арлан, я просто очень старый, настолько старый, что от меня, в сущности, осталась одна видимость, образ, неспособный произвести в твоем времени никакого действия. Все, что у меня есть, — это информация, но как раз это, насколько я понимаю, тебя совершенно не интересует.

— Я просто тебе не верю!

— Конечно, ты мне не веришь! С чего бы ты это вдруг поверил случайному встречному, несущему подобную белиберду! — Сэм словно повторял вслух его мысли.

— Ты не выглядишь слишком старым, — сказал Арлан первое, что пришло ему в голову, только чтобы отвязаться от странного собеседника.

— Я могу выглядеть как угодно.

Неожиданно лицо Сэма смазалось, словно смотрело с телеэкрана, и начало меняться. Исчезли морщины, заострился подбородок, появились щегольские, молодцеватые усики. Теперь он был похож на молодого Мефистофеля из земного кинофильма.

Одежда тоже изменилась и стала выглядеть как земная. Появились опрятная джинсовая куртка и такие же брюки, котомка превратилась в аккуратный рюкзачок.

— Так тебе больше Нравится?

— Я незнаком с возможностями аниранской науки и не знаю, как тебе удался этот фокус. Впрочем, это неважно, мне хотелось бы знать, кто ты есть на самом деле и что тебе от меня нужно?

Сэм тяжело вздохнул:

— И вот так каждый раз, когда нужно передать важную информацию. Дай мне твою руку!

— Для чего она тебе понадобилась?

— Излишняя осторожность тоже вредна. Ты ведь не боишься меня? Тогда дай руку!

Рука Арлана прошла сквозь руку Сэма, не встретив ни малейшего сопротивления.

— Теперь ты убедился? Меня здесь нет. Все, что ты видишь, это плод твоей фантазии.

— Или хорошая голограмма.

— Пусть так, это неважно. Важно другое. Важно, чтобы ты серьезно отнесся к тому, что сейчас услышишь.

— Как я могу относиться серьезно к словам какого-то призрака?

— Вот это уже лучше. По крайней мере у тебя прорезалось чувство юмора.

— Это не юмор, Сэм. Скорее горечь. Я попал в мир, где меня все пытаются одурачить и где я чувствую себя годовалым ребенком. Здесь у меня нет друзей.

— А Беатриса?

— Беатриса другое дело. Но если ты хочешь, чтобы я тебе поверил, ты должен доказать, что не принадлежишь к моим врагам, устраивающим за мной охоту, как за диким зверем.

— Я не могу этого доказать. Как сказал один ваш политик, вера — это продукт интуиции. Или ты мне поверишь и в дальнейшем сможешь извлечь пользу от полученной информации, или нет, и тогда усилия лучших умов той цивилизации, в которой я родился, окажутся напрасны, а твой собственный мир станет добычей инопланетных захватчиков. В любом случае, выслушав меня, ты ничего не потеряешь.

— Ты, пожалуй, прав.

— Спасибо и на этом.

— Ну так я слушаю, слушаю, черт тебя подери!

Какое-то время Сэм молчал, словно собираясь с мыслями, и во время этой паузы взгляд Арлана случайно упал на его котелок. Уровень жидкости в нем не уменьшился ни на йоту, и почему-то этот незначительный факт показался Арлану важнее всего остального.

— Сотни тысяч лет назад по вашему летосчислению, когда на твоей планете еще только зарождалась первая цивилизация, о которой в вашей истории не сохранилось никаких упоминаний, в мой собственный мир пришло древнее зло.

Дарсаны боролись с ним, как умели. У нас были для этого необходимые средства. Но

мы не смогли победить. В этой схватке никогда не бывает победителей. От моего народа мало что осталось. А зло…

Оно затаилось и стало ждать своего часа. Теперь этот час пробил, оно вернулось. Если его не остановить — оно будет уничтожать один мир за другим, превращая народы, живущие там, в своих рабов. Главное оружие этого космического агрессора — полное подчинение психики тех, кто пытается бросить ему вызов.

Мы знали, что в далеком будущем, в другой цивилизации должен родиться человек, мозг которого сможет противостоять внешнему воздействию.

— «Д-поле». Аниранцы называют излучение, подчиняющее чужую психику, «Д-полем», — едва слышно произнес Арлан.

Под воздействием тишины, окружавшей их и нарушаемой лишь легким потрескиванием догорающего костра, или по какой-то другой неясной для него причине сомнения покинули его, и он весь обратился в слух.

— Пусть «Д-поле». Термины не имеют никакого значения. Важна лишь суть. Я должен был дождаться рождения человека, способного противостоять воздействию этого поля. Встретиться с ним, передать ему знания, без которых он не сможет попасть на Роканду и выжить там. Так уж получилось, что судьба выбрала тебя. Аниранцы собирались отправить тебя на Роканду, но передумали. Они полагают, что их жалкая наука способна повторить то, что дается человеку Триединым. И все-таки тебе необходимо попасть на Роканду. Сделай так, чтобы они изменили свое решение.

— Каким образом?

— В храме Триединого ты получишь необходимые знания и силу.

— Ну хорошо, предположим, я доберусь до Роканды. Что я там буду делать?

— Ты должен узнать, откуда пришло зло. Аниранский корабль совершил посадку в неизвестном месте и принес оттуда зло на Роканду. Возможно, сохранились какие-то записи о маршруте этого корабля… С тех пор прошло не так уж много времени.

— И что мне с ними делать?

— Ты должен найти это место. Логово зла находится где-то там.

— А если я его найду, что дальше?

— Ты должен его уничтожить.

— Как? Взорвать планету, на которой оно находится?

— Взрыв не поможет, ты лишь раздробишь его тело на тысячи кусков. Из каждого такого куска в будущем родится новое зло.

— Тогда что же я должен делать?

— Этого я не знаю… Вообще-то Эль-Грайона нельзя уничтожить.

— Послушай, Сэм, ты что, издеваешься надо мной? Зачем тогда понадобился этот дурацкий разговор?

— Какой-то способ все-таки существует. Моим народом было создано оружие, способное убить Эль-Грайона. Но оно действовало на небольшом расстоянии. Прежде чем кому-нибудь удавалось приблизиться на нужную дистанцию, он погибал. Многие пытались, но никто не вернулся. Возможно, тебе повезет больше, чем воинам моего народа…

Он замолчал ненадолго, словно собираясь с мыслями, и наконец с горечью произнес:

— Их было много, тех, кто отдал свою жизнь в этой битве. Позже их назвали Часовыми Вселенной, ведь они сражались не только за свою собственную планету.

— А как обстоит дело с оружием? Оно сохранилось?

— Не знаю. Слишком много времени прошло с тех пор. Древнее оружие навсегда утрачено. Создайте свое собственное, или Эль-Грайон вас всех превратит в рабов.

Фигура Сэма начала бледнеть, его силуэт становился все прозрачнее, сквозь него уже просвечивали кусты.

— Эй, подожди! А как же храм? Кто поверит в дурацкий рассказ какого-то иномирянина? Что я должен сказать жрецам?

Секунду силуэт Сэма колебался, словно на него налетел порыв внезапного ветра, потом

его черты вновь обрели четкость.

— Спасибо, что напомнил про храм, я чуть не забыл. Ты должен передать Верховному жрецу всего лишь одну фразу: «Бельтрамон Ар».

— Что это означает?

— Это тайное слово древнего языка моего народа. Жрец поймет. Так называли каждого Часового…

Фигура Сэма вновь начала бледнеть.

— Я увижу тебя еще когда-нибудь?

— Не думаю. Я всего лишь запись. Считай, что пленка в аппарате кончилась и энергия тоже. Я и так ждал слишком долго. Теперь все будет зависеть от тебя самого.

Голос Сэма все больше слабел, становился похожим на едва различимый шорох листвы под случайным порывом ветра. Казалось, каждое слово теперь стоило ему огромных усилий.

— Да, и вот еще что… Не отказывайся, если жрецы предложат тебе умереть. Ты многое потеряешь.

— Странные у тебя шуточки, Сэм!

— Это не шутка… Это очень важно… Только так ты сможешь получить силу Триединого. А теперь прощай.

Первые лучи восходящего солнца неожиданно вырвались из-за края горной гряды.

Ствол дерева, на котором только что сидел его загадочный спутник, четко обозначился на фоне скалы, но Сэма там уже не было. Только легкий клочок тумана медленно плыл над ветвями, постепенно тая под солнечными лучами.

Глава 15

Сотни людей бродили по поляне, собирали свои нехитрые пожитки, тушили костры. Никто не обратил внимания на Арлана, когда он смешался с толпой паломников. Те, кто пришли первыми, уже занимали очередь перед началом тропы.

Прошло не меньше часа, прежде чем стоявшие перед Арланом люди растянулись по тропе в длинную цепочку с интервалами в несколько десятков метров. Этого требовали строгие правила. Нельзя было нарушать уединение и внутреннюю сосредоточенность людей, идущих на встречу со своим богом. Во время очистительного восхождения следовало соблюдать молчание и пост. Здесь Арлан мог избежать досадных ошибок и промахов, подстерегавших его в городе на каждом шагу и немедленно выдававших в нем иномирянина.

С момента наступления дня великого очищения паломники не подходили друг к другу ближе, чем позволял посох в вытянутой руке. Даже вечером, когда стемнело, они оставались в одиночестве, и каждый коротал ночь на том месте, где его застала темнота. Никто не разжигал костров, не готовил пищи — ничто не выдавало в ночных зарослях присутствия массы людей.

На Аниране давно истребили всех опасных зверей, и в ночном лесу людям ничто не угрожало, если не считать назойливых насекомых и огромных летучих мышей, питавшихся, как гласила легенда, кровью уснувших паломников. Спать во время великого очищения не полагалось. Суровая кара ждала того, кто нарушал священные правила. Арлан не верил подобным сказкам, но тем не менее не заснул до самого рассвета. Да и спать совершенно не хотелось. Ему было о чем подумать. Встреча с Сэмом не выходила из головы.

Кем бы тот ни был, набором энергетических волн или интерференцией силовых полей, в нем сохранилось что-то человеческое, нечто, вызывавшее одновременно жалость и уважение. Мир Сэма погиб, но он все еще хотел отомстить за его гибель, все еще продолжал бороться. Он передал Арлану эту тяжкую эстафету мести и горечи. Груз оказался не таким уж легким, не таким простым, как представлялось вначале. Чем больше он размышлял над полученным посланием, тем больше возникало вопросов. Особенно странным выглядело предложение Сэма не отказываться от смерти, которую ему могут предложить в конце этой тропы.

Ритуальная смерть? Только ли ритуальная? Или за этим скрывалась какая-то новая, неизвестная опасность?

Раздумывая о послании, Арлан долго не мог заснуть и задремал лишь под утро, прислонившись к стволу дерева, похожего на земной баобаб.

С первыми лучами солнца восхождение продолжилось. Вскоре из-за зубчатой вершины горы показалось главное строение храма Триединого, повисшее над пропастью. Арлана удивил внешний вид здания.

Земные храмы своими куполами стремились ввысь, к далекому небу. Этот же словно врос в землю, распластался на ней, притаился среди отрогов гор, стараясь слиться с ними, чтобы стать незаметнее.

Такая архитектура наверняка имела в своей основе какую-то историческую причину.

Здания часто хранили память о трагедиях, уже забытых людьми.

Второй день паломничества Арлана также прошел без происшествий, и он уже начал надеяться, что все закончится благополучно.

Его раздражало однообразное и слишком медленное продвижение к цели, которое он не мог ускорить. Не разрешалось обгонять впереди идущих, да и тропа не позволяла подобной вольности. Местами она становилась такой узкой, что на выдолбленном в скалах карнизе с трудом помещалась ступня.

Убаюкивающие однообразные движения в полном молчании, среди неторопливо бредущих людей, странным образом действовали на Арлана.

Цивилизация города, проблемы «Д-корпуса», его собственная перевернувшаяся жизнь — казалось, все это здесь потеряло значение.

Возможно, в этом виноват был воздух, наполненный испарениями почти невидимых полупрозрачных цветов. Они росли повсюду. Вначале Ар-лан ощущал их резкий аромат, потом постепенно привык к нему. Но, видимо, эти цветы росли здесь не случайно.

Их запах помогал расслабиться, и, возможно, *ег* о действие на психику было гораздо глубже, чем Арлан мог предположить.

Исчезла нервозность, досада на слишком медленное движение паломников, даже лицо Беатрис виделось сквозь дымку, словно сама его память перешла на замедленный, неспешный ритм работы.

К вечеру второго дня здание храма почти не приблизилось. Панорама ущелья, в котором оно располагалось, казалась неизменной, хотя Арлан знал, что это всего лишь обман зрения. Паломничество должно было продлиться ровно три дня, и завтра вечером он будет стоять перед воротами храма.

Как всегда в горах, темнота пришла неожиданно и резко, словно рухнула с небес на землю. Сразу же вспыхнули непривычные для его земного восприятия огромные звезды аниранского небосвода. Они светили так ярко, что тропу было видно на десятки метров в обе стороны.

Арлан выбрал для последней ночевки небольшую полянку, закутался поплотнее в толстый шерстяной балахон и устроился на стволе рухнувшего от бури дерева, ветки которого образовали настоящий шатер и защищали от резкого ночного ветра.

Лишь теперь он оценил все достоинства одежды, которую носили паломники. Днем она хорошо защищала от палящих лучей солнца, особенно коварных в разреженном горном воздухе, а сейчас надежно спасала его от холода.

Еще вчера ночью воздух не казался таким холодным, но за день они поднялись не меньше чем на тысячу метров, и здесь, в высокогорье, климат был уже иным.

Он пожалел, что нельзя развести костер, и тут же подумал, что тогда не смог бы любоваться ослепительным ночным небом. В городах люди лишены этого удовольствия. Многие правила, связанные с восхождением, казались непосвященному случайными, но чем дольше длилось восхождение, тем чаще Арлан убеждался, что в каждом из них заключен глубокий тайный смысл.

Чужие звезды заставили его глубоко задуматься о сложном переплетении собственной

судьбы, занесшей его в этот мир, а еще он думал о том, сохранилась ли в безбрежных просторах космоса звезда, которая когда-то была родным домом Сэма… Что вообще осталось от его некогда могущественной цивилизации, кроме послания? Вряд ли он когда-нибудь это узнает. Пески времени безжалостно засыпают следы целых народов. Даже звезды рождаются и умирают, как люди…

Он так глубоко задумался, глядя в сверкающие огромные глаза звезд, что не сразу услышал шаги человека, идущего по тропе сверху.

Арлан мгновенно весь подобрался, готовый к любой неожиданности.

Паломники не ходят по ночам. Тем более они не станут поворачивать обратно, не дойдя до храма. Тогда кто же это?

Он знал, что его нельзя заметить среди густых ветвей дерева, и не шевелился, весь обратившись вслух.

Тропа в двадцати шагах от него хорошо просматривалась в свете звезд в обе стороны, другой Дороги по обрывистым склонам в этом месте не было. Значит, таинственный путник должен был с минуты на минуту появиться в его поле зрения.

Так и случилось. Человек шел по тропе, не скрываясь и не заботясь о том, что звук его шагов разносится в застывшем горном воздухе далеко вокруг.

В руках он держал какую-то сучковатую палку Или посох. На нем были пятнистые зеленые брюки военного образца и толстая куртка с многочисленными карманами. Таких курток не носят на Аниране. Одежда сразу же выдавала его принадлежность к Земле, наверняка это обстоятельство не было случайным, и оно еще больше насторожило Арлана.

Дойдя до места, где тропа скрывалась за обрывистым склоном, путник не пошел по ней дальше, а, не раздумывая, свернул к дереву, в ветвях которого скрывался Арлан.

Оружия у незнакомца не было видно — разве что посох. К тому же он один. Арлан знал, что легко может справиться с одним человеком в рукопашной схватке, даже если противник хорошо подготовлен, и потому, не двигаясь с места, ждал, чем закончится этот странный ночной визит. Он бы многое сейчас отдал, чтобы узнать, каким образом ночной гость догадался о его убежище.

Арлан сосредоточил все свое внимание на приближавшемся человеке, и это едва не стоило ему жизни. Его спасла сухая ветка, случайно попавшая под ноги второго, подкравшегося к нему справа человека.

Резкий треск, прозвучавший в застывшем ночном воздухе, заставил Арлана мгновенно оказаться на ногах. Сразу вслед за этим раздался свист стали, рассекавшей воздух, и глухой удар. В то место на стволе дерева, где он только что сидел, глубоко вонзилось широкое лезвие, внешне напоминавшее давно забытые секиры.

Сходство еще больше увеличилось, когда Арлан увидел рукоять боевого топора, не менее полутора метров длиной, которую держал в руках напавший на него человек.

Понадобилось несколько секунд, чтобы извлечь из ствола накрепко засевшее в дереве лезвие, и это обстоятельство вновь спасло Арлана, поскольку нападавших оказалось двое. Пока его противник возился со своей секирой, Арлан успел уклониться от удара копья второго нападавшего.

Третий человек, который свернул с тропы, нападать, похоже, не собирался. Он уже сделал все, что полагалось, — отвлек внимание Арлана от подкравшихся к нему убийц, — и теперь наблюдал за схваткой со стороны.

Оружие нападавших для ближнего рукопашного боя было не самым удачным. Очевидно, с ним собирались покончить одним ударом, однако теперь, лишившись фактора неожиданности, его противники оказались лицом к лицу с человеком, в совершенстве владевшим приемами рукопашного боя без оружия. Арлан знал, какая страшная сила может быть заключена в ребре ладони, и умел пользоваться ею сполна.

Вновь уклонившись от нападавшего, он резко ударил ладонью по древку копья перед самым наконечником и услышал сухой треск сломанного дерева. Наконечник отлетел в траву, а в руках его противника осталась обыкновенная палка.

К этому времени второй уже выдернул из ствола свою секиру и вновь бросился на Арлана.

Арлан знал, что в настоящем, не показном, бою очень трудно контролировать сразу двух противников, даже в том случае, когда один из них вооружен обыкновенной палкой.

Он тратил слишком много сил на прыжки, перевороты и уходы от ударов, не имея возможности ответить, поскольку нападавшие, используя свое Длинное оружие, держались за пределами досягаемости. Усталость уже давала о себе знать, дыхание стало прерывистым, а движения слегка замедленными. В неверном свете звезд легко было допустить ошибку. У него оставалось совсем немного сил. Пригнувшись, он бросился в яростную атаку, стараясь сократить дистанцию между собой и человеком с топором, чтобы попытаться вывести из боя самого опасного противника.

Ему это почти удалось. В ответ на его бросок противник обеими руками приподнял топор над головой, надеясь одним ударом покончить с Арланом, и на долю секунды оставил незащищенным свое горло — наиболее уязвимую часть в поединке с применением боевого искусства ляо-тан.

Арлан довел свой выпад до завершающего удара, но ощущение было таким, словно его ладонь со всего маху врезалась в автомобильную резиновую покрышку.

Он едва не вскрикнул от боли, но ни один мускул в лице его противника не дрогнул. Даже движение топора, направленного Арлану в грудь, не изменило своей траектории.

Арлану удалось уклониться буквально чудом, и теперь оставалось лишь спасаться бегством. Существо, стоявшее напротив, не знало, что такое боль, а чтобы вывести его из строя, нужно было оружие помощнее человеческой руки…

Арлан понял, что самым опасным будет момент выхода из боя, но выбора у него не осталось.

После очередного прыжка, когда между ним и нападавшими оказался ствол дерева, Арлан изо всех сил оттолкнулся от поверхности почвы, посылая свое тело назад.

Совсем рядом мелькнуло лезвие боевого топора, распоров его балахон, у него не хватило времени даже на то, чтобы сбросить сковывавшую движения одежду.

Прыжок назад почти всегда заканчивается падением, однако Арлану удалось удержаться на ногах — Не теряя ни секунды, до конца используя выбранные мгновения, он повернулся спиной к нагадавшим и бросился в лес.

Лицо мгновенно покрылось испариной, он почти физически ощущал, как вращающееся в воздухе лезвие настигает его незащищенную спину…

Но то ли убийца с топором не умел его метать, хо ли слишком дорожил своим оружием и не хотел рисковать — во всяком случае, броска не последовало. Вместо этого Арлан услышал за собой топот погони.

Едва он оказался под покровом леса, как темнота сомкнула вокруг него свои мягкие коварные лапы.

По старой военной привычке, располагаясь на ночлег в незнакомом месте, он произвел короткую рекогносцировку местности. И сейчас его фотографическая память подсказывала направление движения.

По топоту за своей спиной он знал, что преследователи находятся совсем рядом. Но бежать оставалось недолго — метров пять-десять. Вот и знакомая рытвина с белым валуном.

Через два шага он резко рванулся влево и, вцепившись в ствол дерева, чтобы погасить инерцию, неподвижно замер.

Дальше, у самого обрыва, начиналась коварная осыпь, незаметная в ночном свете звезд.

Его расчет оказался абсолютно точным. Бежавший за ним шаг в шаг человек с топором не успел остановиться. Ноги противника поехали по осыпи, он пошатнулся, упал и почти тут же сорвался с °брыва, не издав при этом ни единого звука.

Какое-то время спустя снизу донесся глухой Шмякающий звук, будто в пропасть упал мешок Картошки.

Второму преследователю, вооруженному обломком копья, повезло больше. Он успел

остановиться в двух шагах от Арлана, перед самым обрывом Несколько секунд он стоял неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то.

Затем швырнул сломанное древко в пропасть, повернулся и, не обращая на Арлана ни малейшего внимания, пошел обратно.

Арлан давно уже понял, что напали на него не люди, а те самые биологические живые машины, управляемые извне, с которыми он познакомился во время своего ночного визита на виллу «Аннушка».

Он не стал преследовать своего врага. Не было смысла рисковать. На него напали перед самым рассветом, теперь небо на востоке посветлело.

Больше ему ничто не угрожало. Среди бела дня его противники не рискнут повторить нападение, опасаясь привлечь к себе внимание паломников. Кто бы они ни были, они хотели остаться незамеченными не меньше самого Арлана…

Наверно, именно этим объяснялось отсутствие огнестрельного оружия во время ночного нападения. Любой энергетический разрядник, даже тот странный пистолет, что достался ему в качестве трофея, издавал при выстреле шум, достаточный, чтобы превратиться в горном воздухе в устрашающий грохот.

Горы не любят стрельбы…

Глава 16

Чем ближе подходил Арлан к зданию храма, тем меньше оно ему нравилось, и это впечатление лишь усиливалось по мере приближения. Храм выглядел слишком заземленным, слишком грубым и чересчур древним. Его построили не меньше тысячи лет тому назад. Если с момента основания религии Триединого прошла такая бездна времени, оставалось лишь удивляться, как ей удалось до сих пор сохранить свое влияние в аниранском обществе.

Замшелые камни ограды потрескались от времени. Арлан стоял рядом со стеной в цепочке одинаково одетых людей, ничем от них не отличаясь.

Очередь двигалась довольно быстро, примерно каждые пятнадцать минут калитка открывалась, и привратник впускал внутрь очередного паломника.

Не задавалось никаких вопросов, и, видимо, не требовалось никакого подтверждения праву войти внутрь.

Подошла его очередь, и Арлана впустили внутрь ограды.

Двор оказался совсем небольшим — каждый метр свободной площади на такой высоте отвоевывался у скал с огромным трудом. Он был вымощен грубо отесанными камнями. Здесь не росло ни единого деревца, ни одной травинки.

Вблизи храм выглядел еще более мрачно и напоминал какой-то мавзолей. Наверно, так оно и было — здесь похоронено прошлое аниранской цивилизации.

Привратник провел Арлана к боковому нефу. Небольшая дверца открылась, и он очутился внутри храма.

Один-единственный огромный зал занимал все внутреннее пространство приземистого строения. Возможно, в глубине находились другие помещения, но их не было видно из главного зала.

В центре возвышался не то алтарь, не то какая-то статуя. В полумраке трудно было рассмотреть очертания единственного находившегося здесь предмета.

Подойдя ближе, Арлан понял, что это все-таки алтарь. На его возвышенной части, в самом центре, находился единственный предмет — Золотая чаша.

Своим живым блеском золото словно бросало вызов окружавшему его мертвому камню.

Стоявший возле алтаря священник или, скорее, жрец обернулся, услышав шаги Арлана. На нем была малиновая туника без всяких украшений. Лицо суровое, властное. Глаза внимательно, наверно, с минуту изучали Арлана. В этом не было ничего удивительного.

Войдя в храм и подчинившись требованию привратника, Арлан снял капюшон, и теперь любой мог признать в нем иномирянина. Наверняка они были здесь редкими гостями…

Наконец жрец сказал:

— Я знаю всех иномирян, принявших нашу веру. Вы к ним не принадлежите. Зачем вы здесь?

Арлану надоело скрываться, храм был единственным местом, где он мог найти защиту от аниранской администрации. Рано или поздно ему придется попросить убежища. Он решил сделать это прямо сейчас.

— Я плохо знаю аниранский. Я прибыл сюда из другого мира.

— Это я уже понял. Вы можете говорить на интерлекте — я его знаю. Так что же привело вас сюда? Как я понимаю, вера в Триединого не имеет к этому отношения?

Каждый раз, когда аниранец узнавал, что ему приходится иметь дело с иномирянином, в его голосе, во всей манере поведения появлялись презрительные нотки, и трудно было понять, чего здесь больше — остатков былого величия, когда аниран являлся центром огромной империи, или результата традиционного воспитания.

Со школьной скамьи детям вдалбливали в головы замшелые идеи о том, что аниранцы — особая раса, избранная Триединым для воплощения в жизнь его божественной воли.

Со временем влияние религии в обществе ослабло, веры в Триединого поубавилось, однако старые традиции умирали медленно.

Арлан невесело усмехнулся:

— Любой человек имеет право войти в ваш храм и попросить убежища, если его преследуют.

— Человек — да. Дело в том, что, когда принимался закон убежища, под словом «человек» понималось «аниранец». В то время мы просто не знали о существовании иных рас.

— Что ж, теперь вы о них знаете. Вам следует пересмотреть свои собственные правила, если вы с ними не согласны. Но мне кажется, Триединый придерживается на этот счет иного мнения. В моей религии принято считать, что все народы равны перед Богом, каким бы именем вы его ни называли.

— Вы, иномирянин, берете на себя смелость утверждать, что вам известно мнение Триединого? Убирайтесь отсюда!

— Я так не думаю, — медленно проговорил Арлан. — Вы совершаете грубую ошибку. Если я уйду, как вы сможете выбрать среди паломников того, кому предоставляется высочайшая честь беседовать с Триединым? Вдруг это я и есть? Вы обязаны Проверять всех претендентов.

— Стража! Выбросите отсюда этого наглеца!

Но помещение храма было слишком велико, и Арлан знал, что пройдет достаточно времени, прежде чем приказ жреца будет выполнен.

— Я не шучу, Вамахетон! — Арлан и сам не знал, почему с его губ сорвалось имя человека, которого он не знал, откуда возникло оно в его памяти. В одном он был уверен. Ошибки нет. Ни в этом имени, ни в тоне, которым оно произнесено.

— Если ты сейчас же не уберешься…

— Прежде чем уйти, я должен передать два слова вашему Верховному жрецу.

— Так передай их мне!

— Ты не поймешь, жрец. Эти слова возникли раньше, чем был построен ваш храм. Только Ара-датор знает священный язык древних.

Какое-то время жрец молчал, разглядывая чашу на алтаре, и в храме звучали лишь шаги приближавшихся стражей. Вамахетону никогда бы не удалось достичь высокого сана жреца, если бы он не умел подавлять собственные эмоции и быстро принимать правильные решения.

— Ты говоришь странные вещи, иномирянин, но я обязан доложить о тебе Арадатору, раз уж ты знаешь его имя. Иди за мной.

В одном из боковых нефов храма находилась узкая каменная лестница с выщербленными от времени ступенями. Один из стражей шел впереди, освещая путь чадящим факелом. Вскоре они оказались в нижних помещениях храма, расположенных внутри вырубленного в теле горы пространства.

Арлан подумал, какая титаническая работа была проделана для того, чтобы вытесать в граните бесконечную череду холлов, коридоров и залов. Внизу, под храмом, находился настоящий, скрытый от глаз посторонних дворец. Здесь, по-видимому, располагались все подсобные и жилые помещения.

Пройдя через длинную галерею, расположенную вдоль сплошной внешней стены, они очутились в роскошно убранной комнате, представлявшей собой нечто среднее между старинной библиотекой и современным кабинетом делового человека.

Здесь были полки со свитками рукописей, бумажные книги и стеллажи с кристаллоносителями компьютерной информации.

Небольшой плоский дисплей в центре стола наверняка был связан с внешней информационной сетью.

Окна отсутствовали. Свет шел сверху, от свободно плававшего под потолком светящегося шара. Арлан так и не смог определить, что он собой представляет — искусственный светильник, выполненный в виде воздушного шара, или неизвестный ему живой организм.

Человек за столом, одетый в просторную удобную хламиду, оторвался от свитка рукописи, которую читал, и пристально посмотрел в лицо Арлана.

Ничто не указывало на то, что это Верховный жрец храма. Не было никаких знаков отличия, никаких украшений в его простой, удобной для работы одежде. Разве что возраст и глаза человека, уверенного в собственной власти, говорили о том, что перед Арланом тот, кто может решить его судьбу.

Лицо Верховного жреца, в отличие от его коллеги, казалось совершенно непроницаемым. За этой бронзовой кожей лба, за тусклыми, ничего не выражающими глазами нельзя было прочитать ни одной мысли. Однако речь Арадатора, опровергая первое нелестное впечатление, сложившееся у Арлана, оказалась на редкость живой и эмоциональной.

— Садитесь, — пригласил он на интерлекте, указывая на удобное кресло, расположенное так, что горевший в глубине комнаты камин не обделял своим теплом ни посетителя, ни хозяина. — Оставьте нас одних.

— Но, ваша святость…

Арадатору не пришлось дважды повторять свое распоряжение, он лишь нахмурил брови и взглянул в сторону жреца, сопровождавшего Арлана от самого алтаря. Тот мгновенно исчез вместе со стражем, и они остались наедине. Видимо, Верховного жреца успели предупредить о появлении Арлана, потому что он сразу же перешел к делу:

— Расскажите мне подробно, откуда вы узнали о древнем языке?

— Разве вначале вы не хотите услышать самих слов послания?

— Это успеется. Важнее самого послания — источник вашей осведомленности.

Не видя причины что-нибудь утаивать, Арлан рассказал о встрече с Сэмом, не называя, впрочем, его имени. А в конце, дойдя в рассказе до места передачи послания, он произнес и сами эти странные слова: «Бельтрамон Ар».

Жрец долго молчал. Его глаза смотрели в пустоту, сквозь Арлана. Через время, показавшееся Арлану многими часами, жрец прошептал едва слышно:

— Часовые Вселенной… Тысячелетия о них ничего не было слышно. А сам посланник не появлялся так давно, что его существование стало легендой. Но ваш рассказ в точности совпадает с описанием «Того, кто выбирает», изложенным в этой рукописи. Она существует в единственном экземпляре, и вы не могли о ней знать.

В голосе жреца звучала некоторая растерянность, и Арлан хорошо его понимал. Он представил себе сцену, как какой-нибудь иностранец, вдруг явившись к владыке, заявит о

том, что он только что беседовал с архангелом Гавриилом, и представит доказательства такой беседы.

— Скажите мне, как его звали. Вы ни разу не упомянули его имени. У него должно быть два имени.

— Да, и довольно странных… Одно из них Сэм — это имя свойственно представителям нации, живущей на моей планете. Второе показалось мне кличкой… Он сказал, что я могу называть его Мореным — кожа на его лице действительно напоминала кору мореного дуба.

— Вы поставили меня в очень затруднительное положение, — сказал жрец, помедлив. — До сих пор ни один иномирянин не удостаивался чести быть избранным для беседы с Триединым.

— Я ведь не добивался этой чести. Все, что мне было нужно, — это получить убежище в вашем храме.

— Вас преследуют?

— Мирские власти собираются использовать генотип моих клеток в своих экспериментах с клонированием. Я не давал своего согласия, но, похоже, меня и спрашивать не собирались.

— Мы не одобряем подобных экспериментов. Триединый запрещает изменять человеческую при-Роду.

— Я надеялся на вашу поддержку.

— Вопрос не в этом. Вы появились в неподходящее время. В государстве разгорается смута. По-*Те* ря внешних колоний и угроза непосредственно метрополии обострили ситуацию еще больше. Мы и до этого находились в сложных отношениях с мирскими властями, а сейчас, если я объявлю о появлении Истинно избранного…

— Вам необязательно это делать. Оставьте все, как есть. Чем меньше людей будут знать о моем появлении в храме, тем лучше и для меня, и для вас. Просто предоставьте мне убежище на пару месяцев.

— Нет. Этого недостаточно. Тайно или явно — в любом случае теперь только вы один имеете право на встречу с Триединым. Мы обязаны все подготовить и провести соответствующий обряд.

— Но для чего? Разве нельзя заменить меня любым из тех, кто так стремился попасть на эту церемонию?

— Это невозможно. Воля «Того, кто выбирает» для нас священна.

— А если я не соглашусь?

— Тогда вы должны будете немедленно покинуть храм. Но помните — обряд встречи с Триединым нужен прежде всего лично вам.

Арлан скептически поморщился.

— Вы кажетесь мне вполне здравомыслящим современным человеком. Забудьте на минуту о своем положении Верховного жреца и ответьте мне чисто по-человечески: зачем? Зачем мне это нужно?

— Вы не понимаете самой сути… После встречи с Триединым человек рождается заново. Он получает обновленное тело и укрепленную душу.

— Меня вполне устраивает моя душа в ее теперешнем виде.

— Возможно. Но раз уж вам передали послание… Вы ведь не все мне сказали, мне и не надо знать все, но раз он говорил с вами, значит, на вас возложено нечто большее, чем передача мне древних слов… Теперь я обязан подготовить вас к той миссии, которая вам предстоит. Отныне ваша судьба неразрывно связана с силами света. После встречи с Триединым, возможно, вы сами станете одним из Часовых, одним из тех, кто охраняет жизнь на всех мирах от рвущегося из космоса зла.

— Ну, знаете! Меня постоянно пытаются использовать для каких-то великих миссий, не спрашивая на то моего согласия!

— У каждого человека всегда есть выбор. Он есть и у вас. Вы можете покинуть храм и забыть обо всем. Или вы можете умереть, чтобы встретиться с Триединым, и возродиться

заново.

— Сэм предупреждал, что вы предложите мне что-то подобное… А что, находятся ненормальные, которые соглашаются умереть ради встречи с Триединым?

— Ну, это не настоящая смерть. Вернее, не совсем настоящая. Умрет на какое-то время только ваше тело. Мозг останется бодрствовать. Освобожденный от шумовых сигналов внешнего мира и от управления органами собственного тела, он окажется способен к восприятию очень тонких сигналов, идущих к нам от разума, руководящего Вселенной.

Есть, правда, одна опасность… Далеко не каждый возвращается. Большинство избранных навсегда остаются в неведомых для нас глубинах космоса, и тогда их смерть становится необратимой. Именно поэтому обряду встречи предшествует длительная специальная подготовка кандидата.

— В чем она состоит?

— Это трудно объяснить словами. Вы должны будете постигнуть управление собственным разумом, научить его концентрироваться, чтобы он оставался единой системой даже во время сильных внешних воздействий. Мы постараемся укрепить вашу силу воли и ваши ментальные способности. В итоге вам предстоит серьезная психологическая подготовка, которая уже сама по себе изменит вашу личность, сделает ее сильнее…

Те, кому удалось пройти все ее этапы и вернуться, становились после этого великими учеными или государственными деятелями. Некоторые из них стали великими воинами, но каждый оставил заметный след в истории нашего народа. Вот почему даже сегодня, в век всеобщего неверия, находится немало людей, добивающихся чести быть избранными для встречи с Триединым.

— Но ведь только раз в тысячелетие избирается кандидат…

— Это верно лишь в вашем случае, когда человека избирает посланец самого Триединого. Такое в истории Анирана происходит первый раз, хотя в наших священных книгах и было предсказано это событие, к нему относятся как к мифу. В остальных случаях сами жрецы решают, кого следует готовить для встречи с Триединым. И этому предшествует огромная работа по отбору каждого кандидата.

— Который потом, как правило, не возвращается…

— Что делать. Великая цель требует великого риска.

Несколько минут они сидели молча. Только сейчас Арлан начал понимать, какое серьезное и рискованное решение он должен принять. Но, переступив порог пространственного канала, порвав со своим прежним миром, он не хотел чувствовать себя на Аниране постоянным изгнанником, человеком второго сорта.

Второй раз бросаться в ледяную прорубь кажется уже не так страшно… Да и послание древних, хотел он того или нет, лежало на нем тяжким грузом.

Древнее зло, проснувшееся в этом мире, перестало быть чем-то отстраненным, не имеющим к нему отношения. Теперь ему предстояло с этим жить.

Нападение на него по дороге к храму свидетельствовало о том, что его новые враги уже знали о его существовании и по какой-то причине не желали, чтобы он попал в храм… Однако он здесь, и ему предстоит сделать выбор…

Сэм говорил, что силу для борьбы с космическим злом можно получить лишь в храме Триединого…

Глава 17

Психологическая подготовка Арлана к обряду встречи с Триединым началась с довольно простого упражнения. К потолку его кельи прикрепили два небольших шара, размером с куриное яйцо. Они висели на длинных нитях и ничем не отличались друг от друга, за исключением того, что один шар с помощью скрытого от глаз механизма все время раскачивался наподобие маятника, а второй оставался неподвижным.

Задача Арлана состояла в том, чтобы усилием воли заставить второй шар сдвинуться с

места. Это казалось совершенно невыполнимым. Изо дня в День он раскачивал проклятый шар в глубине собственного воображения — он видел его даже в темноте, по ночам, в своих снах. Но и во сне шар не желал двигаться, словно прикрепленный к потолку стальной несгибаемой балкой.

Жизнь его остановилась, подчинившись замедленному, неспешному ритму времени, царившему в здании храма. Завтрак, состоящий из небольшой чашки риса, целый день упражнений и сухая овсяная лепешка на ужин. Хорошо хоть заваренный на травах чай разрешалось пить в неограниченном количестве. После ужина встреча с учителем.

Арадатор сам выбрал ему в учителя Ошана, сухонького и невзрачного старика, который добросовестно выполнял порученные ему обязанности, но, как казалось Арлану, особого восторга от ежевечерних встреч со своим учеником не испытывал. В одну из таких встреч Арлан решился попросить Ошана сменить осточертевшее ему упражнение.

— Ты слишком нетерпелив. Как все новички, ты хочешь сразу добиться успеха. Забудь о времени, забудь о том, что ты оставил за порогом храма. Когда ты научишься не отвлекаться, когда твое сознание очистится от мусора — только тогда шар сдвинется с места.

Ошан, казалось, не имел ни возраста, ни эмоций. Видимо, его далекие предки на Земле были китайцами. Они оставили ему в наследство узкие глаза и способность полностью скрывать от окружающих свои чувства.

Арлан так и не сумел понять, как он отнесся к решению Верховного жреца, назначившего ему ученика. По крайней мере Ошан ни разу не показал, что принадлежность Арлана к другому миру имеет для него какое-то значение.

Однако это нисколько не облегчило Арлану установление человеческих контактов с его учителем. Даже на просьбу воспользоваться интеркомом Ошан ответил отказом, объяснив это тем, что любые контакты с внешним миром отвлекают от «работы».

«Работой» называли здесь бесконечные упражнения. Постепенно они заполнили все свободное время Арлана, все его мысли. Даже желание поговорить с Беатрис с каждым днем становилось все слабее. Тускнел и размывался в памяти ее образ… Все, что он оставил за порогом храма, приобретало нереальный оттенок сна. Собственно, вся его жизнь постепенно превращалась в сон.

В храме он вел замкнутый, изолированный от остальных священнослужителей образ жизни.

Хотя никто не запрещал ему покидать своей кельи, его попытки завести знакомства среди жрецов каждый раз наталкивались на стену отчуждения.

Попробовав однажды посетить общую трапезную, он сразу же понял, что совершил поступок, не вызывающий одобрения у окружающих. Все разговоры за столом мгновенно смолкли, едва он появился в зале.

Жрец, рядом с которым он попытался занять место, немедленно встал и пересел на противоположную сторону стола.

Ответом на все его вопросы оставалось глухое молчание. Он даже не знал, имеет ли право воспользоваться пищей, которую служки приносили в больших подносах. И хотя еда в общей трапезной была более обильной и разнообразной, чем та, которую приносили в его келью, Арлану пришлось отказаться от посещения общественных мест.

Казалось, время в конце концов остановилось вовсе.

Он все реже вспоминал Беатрис, все реже думал об оставленном за биллионами километров родном доме.

Все его сознание, все время и все мысли занял неподвижный маятник. И тогда это случилось.

Стояла темная ночь. Арлан ощущал ее даже сквозь сплошные каменные стены своей кельи, на которых не было и намека на окна. Ночью в храме царила та удивительная тишина, которая бывает только на заброшенных мертвых планетах. Прямо перед глазами Арлана высоко на стене горел светильник — он горел весь день и всю ночь, чтобы даже ночью, даже во сне, он не мог забыть о своих упражнениях.

Накануне вечером Ошан сказал:

— Ты слишком стараешься, этого не нужно делать. Твои чрезмерные усилия лишают тебя надежды на успех. Все должно произойти само собой. Ты должен хотеть этого, но нельзя отдавать себе осознанные приказы. Нельзя даже думать об этом. Ты должен отключить все посторонние мысли, ты должен остановить беспрерывную болтовню, которую день за днем воспроизводит твой разум. Ты не должен больше думать о маятнике — ты вообще ни о чем не должен думать во время упражнений. Ты должен видеть, как раскачивается маятник. Ты должен в это поверить.

Арлан без сна лежал на жестком ложе и смотрел в потолок. Сбоку, у самой стены, висел ненавистный маятник. Арлан видел его боковым зрением, но совершенно забыл о нем. Он забыл о себе, о том, зачем он здесь и кто он такой. Краешком сознания он понял, что впервые ему удалось остановить непрерывный хаотический поток мыслей в своей голове, рождавшихся независимо от его воли.

Сейчас он не думал ни о чем. Он ничего не хотел, ни о чем не вспоминал, ничего не воображал. Он не думал о маятнике, когда тот вдруг дрогнул и изменил свое положение.

Вместе с ним по стене прыгнула огромная тень, отметая всякие сомнения. Дыхание прервалось на секунду, потом Арлана прошиб холодный пот.

Маятник раскачивался все слабее и через несколько секунд остановился вовсе. Почти сразу же на Арлана навалилась страшная усталость, словно он только что приподнял с пола непомерный груз.

Неожиданно ему показалось, что стены его кельи сложены из глаз. Глаза наблюдали за ним из каждого уголка пространства. Они окружали его со всех сторон, они холодно и равнодушно изучали его, препарируя его мозг на отдельные составляющие. Они проникали все глубже в его сознание, добираясь до самой его сути, до той центральной, становой жилы, которая и составляла его индивидуальность.

Тогда он закричал. От боли и от страха безвозвратно потерять себя, пытаясь разорвать липкие путы, стянувшие его мозг.

В комнату почти сразу вбежал Ошан, словно он все эти дни спал за порогом его кельи. Возможно, так оно и было…

С появлением учителя леденящие глаза отступили, ослабили свою мертвую хватку и наконец исчезли вовсе.

Когда Арлан полностью пришел в себя, Ошан потребовал от него подробного отчета о том, что произошло, а выслушав, сразу же, несмотря на глубокую ночь, повел Арлана в покои Верховного Жреца.

Арадатор появился из алькова, едва они вошли в его покои. Верховного жреца уже предупредили о случившемся. То, что произошло с Арланом, видимо, имело огромное значение, хотя он сам все еще не понимал, почему его упражнения, приведшие в конце концов к какому-то результату, вызвали такой переполох.

— Теперь Темный Властелин знает о тебе. Это очень серьезно и очень опасно.

— Как он узнал обо мне?

— Твой мозг впервые вышел в ментальный космос. Эль-Грайон услышал твою мысль и сумел определить, где ты находишься.

— Значит, надо ждать беды… — сокрушенно прошептал Ошан.

— Зачем нужно было прилагать такие старания, чтобы разбудить мои ментальные возможности, если это способно вызвать несчастье?

— Потому что они приносят не только несчастья и еще не раз тебе пригодятся. Не обладая ими, нечего и думать вступать в противоборство с темными силами. Беда в том, что Темный Властелин обнаружил тебя слишком рано. До того, как ты научился закрывать свой мозг непроницаемым мысленным щитом. Ты научишься этому только после встречи с Триединым. А пока нам придется перевести тебя в самые нижние этажи храма.

— Для чего?

— Гора, в которой высечен храм, содержит металлическую руду, а она задерживает

ментальное излучение. Там ты будешь в безопасности до тех пор, пока не научишься защищаться. Мне кажется, строители этого храма предусмотрели все, даже необходимость в такой защите.

— Вы знаете, кто построил храм?

— У нас сохранились старинные рукописи и легенды, но сегодня мало кто им верит. В одной *де* них говорится, что храм был построен самим Триединым тысячи лет тому назад. Но, повторяю, это всего лишь легенда.

— Возможно, не только легенда… Сэм рассказал мне о древней цивилизации дарсанов. Мне кажется, именно она создала религию Триединого, а затем вступила в войну с Темным Властелином и проиграла. Теперь нам придется продолжить начатое ими.

— Беда в том, что мы еще не готовы. Эль-Грайон слишком быстро увеличивает свои силы, его слуги появляются повсюду.

— Мне уже пришлось столкнуться с ними, даже дважды.

— Я знаю об этом.

— Но что они такое? Внешне они похожи на людей.

— Когда-то они были людьми. Ему нужны наши тела. Это одна из причин, по которой мы потеряли Роканду. Тысячи человеческих душ были безвозвратно погублены, и тысячи новых рекрутов влились в его войско.

— Но как он это делает, как ему удается превратить человека в робота, лишенного воли и наделенного огромной силой?

— У темных есть тайны, о которых мы ничего не знаем. Возможно, после того, как ты побываешь на Роканде, завеса тайны немного приоткроется… Если мы узнаем, как он это делает, мы сможем разработать защиту или противоядие. Теперь ты понимаешь, насколько необходима твоя помощь. Ведь только ты один можешь проникнуть на Роканду и вернуться оттуда невредимым. Вот почему так важно защитить тебя сейчас, пока твой разум еще не может сам постоять за себя.

Келья, в которую Арлана перевели после этого разговора, выглядела совсем крошечной и располагалась в подвальных помещениях храма, в срединной части горы, там, где толщина породы была наибольшей.

Арлан и раньше ощущал себя пленником если не людей, то, по крайней мере, обстоятельств.

Теперь же в этой крохотной каморке, похожей на тюремную камеру, он почувствовал себя настоящим заключенным.

Сильнее всего его угнетала полная оторванность от внешнего мира. Даже сознание того, что Беатрис находится где-то недалеко — стоит ему по-настоящему захотеть, и он пробьется через все заслоны, чтобы увидеть ее, — даже сознание этого больше не утешало его.

Глава 18

И все-таки прошел почти месяц, прежде чем Арлан по-настоящему взбунтовался против своего заточения в храмовой келье. К тому времени предварительный цикл подготовки уже завершился, и Арлан должен был дать Верховному жрецу свое официальное согласие на обряд встречи с Триединым, слишком сильно смахивавший на жертвоприношение. Этой процедурой он и решил воспользоваться, заявив, что для принятия окончательного решения ему необходимо сменить обстановку и ненадолго покинуть храм.

— Это совершенно невозможно! — резко сказал Ошан, вставая со своего места. Впервые за все время знакомства с этим человеком Арлан заметил на его лице следы настоящего волнения.

Они втроем сидели в апартаментах Арадатора, и только Верховный жрец сохранял полную невозмутимость во время последовавшей эмоциональной вспышки.

— Очень даже возможно! Я не давал вам подписки о невыезде!

— Это еще что такое? — спросил Ошан, останавливаясь напротив Арлана.

— Это такая бумажка, которую преступник выдает властям моего мира, обязуясь не покидать определенной территории!

— Простите меня, ваша святость! — с горечью произнес Ошан, обращаясь к Верховному жрецу. — Я ничему не смог научить этого человека. Голова иномирянина устроена иначе. Мне не удалось пробиться сквозь заслоны эгоизма и пласты мусора, забившие эту голову.

— Твоей вины в этом нет, Ошан. Он еще не осознал, что больше не принадлежит себе. Понимание придет позже. Сейчас в нем преобладает влияние воспитания, полученного у себя на родине. Все, что в детские годы входит человеку в голову, остается там на всю жизнь — с этим очень трудно бороться, — тяжело вздохнул Арадатор.

— Послушайте, что вы надо мной причитаете, что такого особенного случится, если я на пару дней отлучусь?

— Если ты забыл о ментальной защите, которую дает тебе храм, то вспомни хотя бы последнюю ночь своего восхождения!

Ошан впервые упомянул о ночной стычке, и Арлан, который не счел нужным рассказывать ему об этом, воскликнул:

— Так вы знали об этом?!

— Конечно, я об этом знал! Какой же я учитель, если не буду знать, о чем думает мой ученик!

— Вы читаете все мои мысли?

— Разумеется, нет. Только те, что случайно вываливаются из тебя наружу, с тех пор как ты научился уходить в ментал.

— Тогда вы должны знать и то, что я действительно собираюсь на время покинуть храм и никто меня не остановит!

— А я и не сомневаюсь в этом. Я лишь боюсь, что ты не справишься с опасностями, которые ждут тебя за оградой храма. Ты не умеешь по-настоящему контролировать свои ментальные способности, вокруг тебя существует целое облако ментального мусора. Обрывки мыслей, желаний, неосуществленные намерения, туманные мечты. Любой, кто может проникать в ментал, обнаружит тебя сразу же, как только ты покинешь пределы храма!

— И все-таки нам придется его отпустить, — вмешался в их спор Арадатор. — Он слишком молод, он хочет встретиться с женщиной, ради которой оказался на Аниране, а решение о том, идти ли ему дальше по дороге света, может быть принято только добровольно и только им самим.

— Слишком большой риск! Мы потеряем его! Сколько столетий мы ждали прихода этого человека, а теперь мы его потеряем!

Арлана поразила глубина горечи, почти отчаяние, которые слышались в голосе Ошана. Он не собирался причинять учителю так много огорчений, но и отказываться от своего решения не хотел.

— Я справлюсь с этим и обязательно вернусь!

— Возможно, он прав. Возможно, необходимо еще одно испытание, — задумчиво произнес Арадатор. — Ведь если он не научится обороняться от слуг Темного Властелина здесь, на чужой для них территории, то что же он будет делать, когда окажется на Роканде?

Арадатор медленно поднялся из своего кресла. Он двигался так, словно каждое движение причиняло ему тщательно скрываемую боль.

Подойдя к стене, в нише которой находился небольшой алтарь, он сдвинул его в сторону и из тайника в основании достал небольшую золотую шкатулку.

— Это наша самая большая святыня. Талисман света.

Арадатор открыл шкатулку и достал из нее овальную вещицу, сделанную из матового белого металла, усыпанную крупными драгоценными камнями.

Камни, отшлифованные заподлицо с поверхностью и лишенные всяких граней,

выглядели непривычно. Внутри их таился переливчатый живой огонь. Казалось, он теплится в глубине самого Талисмана и не зависит от наружного освещения. Это живое пламя то разгоралось, то почти угасало, сохраняя свой собственный, неповторимый ритм.

— Копия этой вещицы есть почти в каждом аниранском доме, но сам Талисман видели очень немногие. Он пришел к нам из глубины веков вместе со священной книгой Триединого, и в этой книге сказано, что в день, когда тьма будет готова поглотить нас, придет тот, кто осмелится бросить вызов темным силам. Теперь Талисман принадлежит тебе. Не расставайся с ним никогда. Талисман света обладает волшебной силой и способен защитить того, кто его носит.

— Что вы делаете, ваша святость?… — прошептал Ошан. — Он даже не прошел обряда встречи, мы можем потерять и его, и сам Талисман…

— Много ли будет пользы от Талисмана, если силы тьмы захватят Аниран? Вся наша надежда на этого человека. Если он не вернется… Ну что же, тогда мы достойно встретим предначертанное Триединым.

Арлан снова шел по тропе паломников — на этот раз вниз, прочь от давящей громады храма, назад к людям, к городу, к оставленной им далеко внизу нормальной жизни. У него было время обдумать все, что произошло в покоях Верховного жреца. Только сейчас он начинал по-настоящему понимать, какое значение придавали жрецы его миссии и какие могущественные силы хотят воспрепятствовать ее выполнению…

Покинув храм, пусть даже ненадолго, он совершал явную глупость и страшно рисковал. Что самое удивительное, он прекрасно понимал это и все-таки шел вниз. Он был молод, и он шел к женщине, встреча с которой значила для него сейчас больше всего на свете.

Он шел вперед, а под рубашкой, согревая его своим теплом, билось живое сердце величайшей аниранской святыни…

Осень на этой планете уже вступила в свои права, залив все вокруг неправдоподобным голубоватым цветом.

Листья на деревьях, готовясь к зиме, сворачивались в хрупкие, рассыпавшиеся под пальцами голубые трубочки. Трава тоже приобрела заметную голубизну.

На Земле осень золотая, немного печальная как прощание. Здесь она была холодной и совершенно чужой.

И только сердце Талисмана все время напоминало ему о том, что в глубине этой холодной планеты есть скрытое от постороннего глаза, не сразу заметное чужому, тепло…

До станции аэробусов он добрался без всяких приключений. Его устраивало, что большинство такси на стоянке были оборудованы автопилотом и не требовалось отвечать на вопросы водителя о предстоящем маршруте. Нужно было лишь набрать необходимую последовательность цифр.

Сбоку, на борту кабины, висела табличка с кодами различных станций. Он выбрал главный торговый центр — там больше всего народу, там легко остаться незамеченным, и там наверняка найдется вифон, чтобы позвонить Беатрис.

Через двадцать минут он уже набирал знакомый номер. Арлан несколько замешкался, перед тем как набрать две последние цифры. Что-то его остановило. Ощущение опасности? Нет, дело не в этом. Что-то было не так с самим номером. Он совершенно отчетливо увидел глаз, притаившийся на конце линии, ведущей к номеру Беатрис. Чужой, враждебный, ожидающий его вызова глаз… Ну конечно. Он должен был догадаться раньше. На вифоне Беатрис после его исчезновения установили подслушивающее устройство.

Он вышел из кабины вифона, так и не набрав две последние цифры, чувствуя, как холодный пот заливает лицо. Причина его волнения была не в том, что он только что благополучно избежал расставленной на него ловушки. Она была в другом… Откуда взялось предупреждение? Неужели так действует защита Талисмана? Или это был первый практический результат его долгих изнурительных упражнений? Выходит, ментальное поле способно предупредить его об опасности? Если это действительно так, то Ошан прав.

Подготовка в храме делала его сильней, вот только обряд встречи с Триединым все еще вызывал некоторое сомнение.

Большинство избранных не вернулись… Риск был слишком велик. А он все еще не был до конца уверен в том, что готов посвятить борьбе с силами тьмы остаток своей жизни. Ошан готовил его к отказу от всего, что было для него дорого или таковым казалось…

Сейчас нужно было решить более насущную проблему — как связаться с Беатрис, не выдав своего появления в городе? Ему не хотелось, чтобы свора местных ученых вновь вцепилась в него своей железной хваткой.

В конце концов он решил отправить Беатрис записку по электронной почте. Текст нужно составить так, чтобы посторонний не мог догадаться о подлинном ее содержании. Он долго ломал голову над этой задачей, пока на дисплее вифора не появились следующие слова:

«Однажды в кафе вы назначили мне встречу. Я передал вам тогда ценные сведения. У меня есть для вас новая информация. Буду ждать там же, сегодня в шесть».

Ему понравилась собственная выдумка с информацией. У каждого агента «Д-корпуса» есть свои осведомители, и такая записка не должна вызвать подозрений. Беатрис наверняка догадается. Ведь это была ее идея — отправить ему послание через робота такси и назначить их первую на Аниране встречу в кафе. Никто, кроме нее, не знал, что кафе, где он собирался ее ждать, находилось в гостинице «Авалон».

Она появилась ровно в шесть. Арлан заметил ее еще издали, когда Беатрис проходила мимо стойки бара, но не встал ей навстречу, чтобы не привлекать излишнего внимания к своему столику. В кафе на этот раз было полно народа.

Она шла к нему медленно, словно преодолевала сопротивление встречного ветра, и по ее непроницаемому лицу он не мог решить, рада ли она их неожиданной встрече.

На ней был строгий рабочий костюм, который лишь подчеркивал изящество ее фигуры. И никакой косметики. Он уже знал, что это общепринятый стиль сотрудников «Д-корпуса». Беатрис была образцовой служащей. Он не видел ее почти месяц и сейчас невольно удивился тому, что не испытал при ее появлении той радости, которую ожидал.

Наверно, причиной была слишком долгая разлука или их первое свидание, слишком бурное и в то же время слишком деловое. Он до сих пор мучил себя вопросом о том, какую роль сыграл в поведении Беатрис приказ начальства провести с ним ночь…

Правда, была еще одна ночь, самая первая… Земная… И тогда к желанию Беатрис поцеловать его никакое начальство не имело отношения. Разве что тут сыграло роль чувство благодарности, а значит, сомнения оставались. В той первой близости он сомневался постоянно, даже в том, что она была вообще.

Беатрис подошла и села рядом. Он сразу же утонул в ее темном, ничего не выражающем взгляде.

— Тебя не было целый месяц. Паломничество давно закончилось. На этот раз по вифону ничего не объявили о новом избраннике. Что с тобой произошло? Где ты был все это время?

Он так и не смог определить, насколько для нее это важно. И что скрывалось за ее вопросами? Простое любопытство, привычка к сбору полезной информации или все-таки нечто большее?

— Видишь ли, избранником случайно оказался я…

— Это невозможно. Иномирян не избирают для встречи с Триединым.

— На этот раз решали не жрецы…

— Что ты имеешь в виду?

— Ты что-нибудь знаешь о Талисмане света? Она пожала плечами.

— Каждый ребенок о нем знает. Это все равно что крест в религии твоего народа.

Холодок в ее голосе все еще не исчезал. Беатриса, очевидно, считала, что он ее разыгрывает или что-то скрывает. Скорее всего она не поверила ни одному его слову. И тогда он медленно расстегнул куртку

Узор из драгоценных камней на его груди сверкнул неожиданной волной света, и Беатрис на мгновение словно окаменела.

— Ты хочешь сказать, что он настоящий?

Арлан увидел, что она смертельно побледнела. Он ожидал совершенно другой реакции, возможно, более бурной. Ведь для него обладание этой вещью граничило с чудом.

— По-твоему, это можно подделать?

— Застегни куртку!

Только сейчас он понял, как сильно она испугана, и не мог разобраться в причине. Он полагал, что Талисман на его груди может вызвать восторг, недоверие, протест — что угодно, только не испуг.

— Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Что именно? Мой знак?

— Если ты пройдешь посвящение, ты уже не будешь рядовым членом нашего общества.

— Я им никогда и не был.

— Ты сможешь сам определять свою судьбу и судьбы многих других людей. Если ты захочешь, ты сможешь стать президентом или руководителем «Д-корпуса». Ты сможешь занять любое место в анирансkом обществе, какое только сам пожелаешь. И никакого значения не будет иметь тот факт, что ты родился на другой планете — об этом просто все забудут.

— Так много мне не нужно. И мне говорили, что большинство кандидатов не возвращаются после посвящения. Очень может быть, что мне вообще больше ничего не понадобится.

— Я знаю об этом.

Неожиданно он почувствовал, что ее страх каким-то образом связан именно с этим. Неужели она боялась за него? Никогда так остро он не чувствовал состояния другого человека, словно смотрел на мир ее собственными глазами. Что-то с ним происходило… Внутри сознания проснулось незнакомое седьмое чувство и теперь смотрело на мир глазами других людей…

— Одна из причин, по которой мне необходимо было увидеть тебя, прежде чем дать согласие на посвящение, заключается в том, что шанс вернуться не так уж велик.

— Есть и другие причины? — Впервые с момента их встречи она попыталась улыбнуться, но улыбка Почти сразу же погасла. — Если хочешь поймать свою удачу, приходится рисковать. Это ведь ты говорил. Я знаю, что ты все уже решил и пришел ко мне, чтобы проститься.

— Ну, кое в чем ты не права. Я собираюсь вернуться. Ты знаешь хоть что-то об обряде встречи с Триединым? Жрецы ничего не хотят об этом говорить.

— Я мало что знаю. В храме умеют хранить секреты. Они дают избранному для встречи какой-то наркотик. После этого препарата тело на несколько дней полностью отключается. Пульс исчезает, дыхание прекращается. Наступает состояние клинической смерти. Что происходит с сознанием человека в этот момент, не знает никто, кроме самих испытуемых. Но те, кому удалось вернуться, хранят упорное молчание. Нет ни одного достоверного свидетельства. В точности известно лишь, что личность человека во время этой процедуры претерпевает глубокие изменения. Коэффициент умственного развития увеличивается в десятки раз. Возможно, после возвращения ты обо мне даже не вспомнишь… — произнесла она с неподдельной горечью, и он почувствовал волнение и одновременно радость оттого, что она боится его потерять. Впервые перед ним с лица этой женщины словно упало забрало.

— Что, изменяется даже память?

— Нет, память — основа личности, она остается прежней. Меняются лишь критерии оценок.

Она замолчала, и он тоже молчал, хотя знал, что она ждет от него возражений или хотя

бы простого заверения в том, что он не забудет ее. Но он не любил красивых и пустых фраз и упорно молчал, понимая, что многое теряет от своего молчания. Женщинам нужны такие слова. Но он не находил их в себе. Слишком значительным было то, что ему предстояло, и слишком неопределенное будущее ждало его в конце пути. Он не хотел привязывать к себе женщину, которую любил, пустыми обещаниями. Если он. не вернется, она должна остаться свободной.

Кафе постепенно пустело. Поздний час. Пора уходить отсюда, а он все не мог решиться попросить ее, чтобы она пригласила его к себе.

После всего, что было между ними, ему казалось, что она должна это сделать сама. Но Беатрис молчала, и постепенно ее молчание становилось тяжелым и холодным, как глыба льда.

Он сам был виноват в этом, он обидел ее, не найдя нужных слов. Однако это была лишь верхняя часть айсберга, он неожиданно уловил обрывки ее мыслей. Она подумала о другом мужчине, о руководителе своего отдела, с которым, похоже, ее связывали не только служебные отношения…

Его новый дар нес внутри себя не одни лишь радостные открытия. Он начинал понимать, как не просто будет жить с этим и общаться с другими людьми, остро чувствуя любую недоговоренность, любую незначительную ложь… Наконец, пересилив себя, он сказал:

— У меня по-прежнему нет пристанища в этом городе, и тебе снова придется пригласить меня к себе.

— Это невозможно, Арлан. После твоего исчезновения они следят за каждым моим шагом.

Он едва сдержался, чтобы не спросить имя человека, которого так интересовали «шаги» Беатрис. И удивился тому, каким сильным оказалось разочарование. Он слишком долго думал об этой встрече, слишком часто представлял ее в своей одинокой келье.

Словно догадавшись, какую боль она причинила ему своим отказом, Беатрис сказала:

— Тебе придется придумать что-нибудь самому, если хочешь продолжить наше свидание… Ни одна гостиница в этом городе не подходит. И у меня нет друзей, которым я могла бы довериться до такой степени. Начальство подняло по тревоге весь корпус, тебя разыскивают повсюду. Везде разосланы твои фотографии, они есть в каждом отеле

— Бог с ним, с отелем, я тут заметил небольшую туристическую фирму около станции аэротакси. Они торгуют палатками, рюкзаками и всевозможным походным снаряжением. Если взять напрокат машину и комплект такого снаряжения, то в городе оставаться необязательно.

Она раздумывала над его предложением, наверно, с минуту. И, несмотря на все старания, он так и не понял о чем. Его дар периодически исчезал и появлялся снова. Он еще слишком плохо знал законы, управляющие ментальными способностями, и действовал чисто интуитивно. К примеру, совсем недавно он понял, что чем более явные старания прилагать, тем меньше шансов на успех.

И еще он знал, что, стараясь угадать ее мысли, нарушает этический запрет. Нельзя без согласия вторгаться в мозг другого человека, если это не враг. Он знал об этом запрете — но все происходило помимо его воли, на уровне подсознания.

Арлан еще слишком плохо умел управлять работой собственного мозга. Он начал понимать, что казавшиеся бессмысленными упражнения, которыми его заставляли заниматься в храме, на самом деле предназначены для того, чтобы научить его владеть силой, просыпавшейся в его сознании.

Наконец Беатрис сказала:

— Я не люблю выезжать за город. Там свои опасности. Но, похоже, у нас нет другого выхода.

Для лагеря Арлан выбрал место своего первого привала на тропе паломников. Здесь, ближе к храму, он чувствовал себя в большей безопасности. Местные жители избегали

заходить в этот лес без особой нужды. Исключение составляли только паломники, но их время давно прошло.

Уже стемнело, когда он закончил устанавливать палатку. Как и Беатрис, ему не слишком нравилась полевая романтика, и он сожалел о том, что не может предложить ей ничего лучшего.

Когда солнце окончательно исчезло за скалами, вспыхнули крупные аниранские звезды и своим ледяным светом еще больше усилили ощущение холода. Время летних пикников давно прошло.

Арлан испытал чувство признательности к незнакомому аниранскому инженеру, создававшему эту универсальную палатку.

Ее надувные стены и пол хорошо защищали от холода, и, несмотря на небольшие размеры, внутри оказалось достаточно свободного пространства.

Беатрис вела себя отстраненно, точно извне наблюдала за ним и за собой одновременно, равнодушно следя за его усилиями по разбивке лагеря, и даже не предложила помощи. Иногда он ловил на себе ее изучающий взгляд, словно она видела его впервые.

— А что, земные женщины охотно соглашаются на такие походы?

Это был ее первый вопрос с момента прибытия.

— Не знаю. На Земле мне не приходилось прятаться. Там за мной не устраивали охоты.

— После встречи с Триединым на Аниране тоже никто не посмеет преследовать тебя. Кто вручил тебе Талисман? Сам Верховный жрец? — Арлан подтвердил это, и тогда она спросила, почти робко: — Можно мне подержать его?

— Мне запрещено снимать его, но если хочешь…

Он подошел к ней, сел рядом и, не снимая цепочки, протянул ей серебристый овал, в глубине которого полыхала разноцветная радуга.

Она осторожно приняла его в раскрытые ладони, и тотчас по ее лицу заструился переливчатый волшебный свет.

— Знаешь, я все время сомневалась в том, что он настоящий. Каждому избранному для обряда встречи вручают серебряную копию Талисмана. Но теперь я начинаю верить, что это он, хотя до сих пор не понимаю, как жрецы согласились с ним расстаться.

— Это далось им нелегко, но были серьезные причины… — Секунду он колебался, не зная, стоит ли ей рассказывать о своей встрече с Сэмом и поверит ли она ему. Уже и сам Талисман на его груди был слишком невероятен. В конце концов он решил, что не должен этого делать. Вместо новых слов он прижался к ее губам и почувствовал, как холодное облако, окружавшее их с первой минуты встречи, растворяется без остатка.

Глава 19

— Подожди минутку… — произнес Арлан, отстраняясь от нее и прислушиваясь. Нет, это был не звук… Крохотный мирок палатки, отделивший их от остального мира, создавал иллюзию безопасности, но он знал, что это ощущение обманчиво. Там, снаружи, был кто-то посторонний. Он едва успел расстегнуть полог, когда мощный энергетический заряд разворотил крышу палатки.

Возможно, их спасла темнота, и поэтому первый выстрел оказался недостаточно точным. Но Арлан сразу же понял, что их хотят убить и что на этот раз враги выбрали оружие более совершенное, чем секира и копье.

Теперь здесь не было паломников, они не боялись привлечь к себе внимание, и во второй раз стрелок не промахнется — вспыхнувшая ткань палатки давала достаточно света.

Арлан рванулся вперед, в спасительную темноту леса. По счастью, Беатрис не понадобилось ничего объяснять, она была опытным солдатом и не отставала от него ни на шаг.

Она не стала тратить время на одевание, лишь выхватила из груды сброшенной одежды свой бластер и теперь бежала рядом с Арланом. Он видел, как в темноте белеет ее

обнаженное тело, и знал, что этого может оказаться достаточно для точного прицела невидимого им стрелка.

За мгновение до следующего выстрела он своим ментальным чувством ощутил, как палец его врага уперся в спусковую кнопку, и резким движением увлек Беатрис на землю, падая рядом с ней.

Огненный луч пронесся над самыми их головами, опалив волосы женщины. В нескольких метрах перед ними разорвался голубой шар и вспыхнул кустарник.

На какое-то время вспышка взрыва ослепила стрелка, и Арлан полностью использовал подаренные ему секунды.

Рванувшись в ту сторону, где заметил между скал углубление, достаточное, чтобы укрыть их обоих, он, не тратя время на ненужные объяснения, лишь показал ей ладонью, что нужно сделать, и она словно ящерица нырнула в узкую каменную расщелину.

Теперь они оказались в недосягаемости для прямого огня.

— Что дальше? — спросила Беатрис.

Он слышал, как сквозь стиснутые зубы женщины со свистом вырывается дыхание. В голосе Беатрис не чувствовалось страха, только гнев и азарт боя. Арлан знал, что с такой же легкостью, с какой она подчинилась его указаниям, Беатрис заставит их поменяться ролями, если заметит, что он совершил ошибку.

— Теперь он будет вынужден сменить позицию, но и мы не будем сидеть сложа руки.

— Сколько их?

— Трое. Один стрелок наверху утеса и еще двое внизу на тропе.

— Откуда ты знаешь?

— Я и сам толком не понимаю, но я их чувствую. Как ты думаешь, это могут быть агенты «Д-корпуса»? — Собственно, ответ он знал заранее…

— «Д-корпусу» не нужна твоя смерть. Эти люди пытаются нас убить.

— Да, это так. Дай мне твой бластер. Я заставлю их пожалеть об этом намерении.

Не возражая, она протянула ему свое оружие. Он хорошо понимал, как много значит для опытного бойца подобный жест. Случайно прикоснувшись в темноте к ее обнаженной коже, он почувствовал дрожь желания, даже сейчас, в этих обстоятельствах, несмотря ни на что, он хотел продолжить свидание, которое так подло прервали, в самый неподходящий момент. Словно прочитав его мысли, она сказала:

— Это не может быть никто из аниранцев. Наш кодекс чести не позволяет им нарушать уединение чужого свидания.

— Сейчас мы это проверим…

Линия прицела уперлась в чернильную темноту. Глазами, даже приблизительно, он не смог бы определить место, откуда по ним стреляли.

— Там ничего не видно…

— Я и не собираюсь на них смотреть.

Он закрыл глаза и постарался, отключившись от всего, сосредоточиться на злобной ауре ментального поля невидимого стрелка. В сознании возникло неясное, туманно светящееся пятно мишени и линия его прицела. Когда они совпали, Арлан нажал спуск и только после этого открыл глаза.

Звук выстрела напоминал свистящее щелканье бича. На вершине скалы расцвел огненный цветок разрыва, и секунду спустя до них донесся вопль смертельно раненного человека или животного…

— Ты в него попал! Это невозможно! Ты видишь в темноте?

— Я целился по его ментальному полю — это результат тренировок, которым подвергли меня жрецы. Они собирались сделать из меня настоящего воина, и кое-что у них начало получаться.

— Ты решил вернуться в храм, чтобы пройти обряд?

Вместо ответа он притянул ее к себе и стал жадно целовать. С трудом вывернувшись из его объятий, она прошептала:

— Арлан, опомнись — там же еще двое, они могут напасть в любую секунду.

— Они уходят. Они знают, что стрелок погиб и что их план сорвался. Они рассчитывали прежде всего на внезапность. Теперь мы одни.

Больше она не возражала. И холод ночного леса, и мокрая роса на траве перестали быть для них помехой.

Лишь утром, когда взошло солнце и от котелка, висевшего над костром, донесся аромат утреннего кофе, Арлан решил побольше разузнать о нападавших и осмотреть следы, оставленные ночным боем.

На вершине утеса, куда он стрелял, не оказалось ни трупа, ни следов крови — лишь опаленная листва и оплавленные камни свидетельствовали о том, что ночное происшествие ему не пригрезилось.

Вернувшись к костру и наблюдая за тем, как Беатрис хлопочет над «завтраком туриста с автоматическим разогревом», он какое-то время обдумывал то, что решил ей сказать.

— Пожалуй, для тебя будет лучше вернуться в город одной. Тем, кто находится рядом со мной, постоянно угрожает опасность. Я ее притягиваю, словно громоотвод.

— А ты?

— Я вернусь в храм.

— Значит, ты решился…

— Да, еще раньше, когда ты мне объяснила, что для аниранцев означает обряд встречи с Триединым, я решил пойти на это.

Случившееся ночью лишь укрепило мое решение. Мне кажется, встреча с Триединым — единственный способ завоевать себе право строить жизнь на вашей планете по собственному желанию. Если у меня получится… Если мне удастся выкарабкаться из всего этого и вернуться, ты подождешь меня?

Он пожалел было, что слова просьбы и одновременно признания сорвались с его губ, но тут же забыл об этом, увидев, какой радостью вспыхнуло лицо Беатрис. Ответила она не без лукавства, но и не пряча своих тигриных глаз:

— Если только ожидание не затянется слишком надолго.

— Я постараюсь, чтобы этого не случилось.

Обряд посвящения оказался долгим и мрачным. Жрецы заполнили почти весь главный зал храма, и, слушая их заунывное пение, Арлан решил, что их здесь слишком много. Для такого количества здоровых, полных сил мужчин можно придумать более полезное занятие.

Сам он, облаченный в сверкающий золотом нелепый балахон, стоял на возвышении возле алтаря рядом с Верховным жрецом, руководившим всей церемонией. Время от времени пение прекращалось и Арадатор задавал ему какие-то вопросы. Он отвечал, почти не задумываясь, не вникая в смысл.

Теперь для него было совсем просто отвечать именно то, что от него ожидал собеседник. Долгая подготовка к обряду не прошла бесследно, его телепатический дар окреп, и Арлан научился наконец скрывать его от окружающих. Даже Верховный жрец не знал, до какой степени обострились его ментальные способности.

Наконец пение прекратилось, и Арлан понял, что обряд приближается к своему завершению.

Верховный жрец снял с алтаря золотую чашу с таинственным напитком смерти и осторожно, чтобы не расплескать содержимое, медленно сошел с возвышения, держа перед собой чашу на вытянутых руках.

Арлан, повинуясь его приказу, встал рядом, по бокам появились двое факельщиков, и процессия медленно двинулась к дальнему нефу, где находилась лестница, ведущая в подземные этажи храма.

Жрецы длинной узкой колонной шли за ними. Теперь они затянули заунывный мотив без слов, еще больше усиливавший впечатление мрачности и безысходности, которыми так и веяло ото всей церемонии обряда.

Арлан хорошо понимал, какую цель преследовала вся эта мрачная церемония,

предназначенная для того, чтобы лишний раз показать жалкому человеческому существу, на какой путь он дерзнул ступить, заставить его одуматься, отступить в последний момент. Одного его слова было бы достаточно, чтобы прервать обряд, но он знал, что не произнесет его никогда.

«Нет возврата из страны мертвых. Смертный, дерзнувший проникнуть в нее, останется там навсегда».

Заунывный мотив «Гимна мертвых» словно заранее захлопывал над ним каменную крышку саркофага.

Наконец долгий путь вниз был окончен. Они очутились в зале, о существовании которого Арлан не подозревал.

Огромное пустое помещение заполнилось жрецами. В центре находился единственный предмет — большой каменный саркофаг. Тот самый, в который ему предстояло лечь, чтобы умереть в этой жизни и навсегда остаться в холодном каменном ящике…

Четверо жрецов с трудом сняли крышку каменного гроба и отошли в сторону. Теперь между Арланом и разверзшимся чревом саркофага не было никого. Все молча ждали, в полной тишине. Никто не произносил ни слова, не торопил его, не отдавал никаких приказов или указаний.

Решение по-прежнему зависело только от него. Он все еще мог передумать. Никто бы не остановил его и даже не упрекнул. Разум подсказывал, что ему следует бежать отсюда без оглядки.

Вот только от себя самого не убежишь, и позор малодушия останется с ним на всю жизнь. Что он скажет Беатрис, как объяснит? Он нашел в безликой толпе жрецов ободряющий взгляд Ошана и сделал первый шаг к саркофагу. Потом еще один, и еще. «Что я делаю? — спросил он себя, остановившись у самого края каменного ящика. — Разве мне надоела жизнь?» Из саркофага тянуло ледяным холодом и тьмой. Свет факелов не проникал в глубину гроба. Пахло ладаном и крысами. Наверно, этот запах одинаков во всех склепах.

«Сколько времени мне придется лежать здесь? Неделю, месяц или вечность? Ошан сказал, что не-вернувшихся замуровывают в стену вместе с этим гробом. Для каждой встречи готовят новый саркофаг. Сколько их уже замуровано в стене, скольким удалось вернуться?»

Он так и не смог этого выяснить. У жрецов были свои секреты, раскрыть которые не могли даже его ментальные способности.

Беатрис говорила, что летописи хранят сведения о троих вернувшихся. Двое из них стали великими императорами древней истории Анирана, третий был президентом столетие назад. Но Арлан хорошо знал, как часто лгут исторические летописи, подправленные руками нечестных людей.

Теперь было поздно об этом думать. Он знал, что не изменит своего решения и не покажет им своего страха. Была одна вещь, которая укрепляла его в эту минуту.

Талисман света. Он остался с ним, и в этот трудный момент Арлан чувствовал под золотым саваном его живое тепло.

Сэм посоветовал ему, не без иронии, согласиться на предложение жрецов умереть. Сейчас, однако, ему было не до шуток. Стиснув зубы, Арлан сделал еще один шаг и оказался на каменной приступке перед саркофагом. Затем одним решительным движением он перебросил ноги через край.

Теперь он сидел внутри каменного ящика, и его голова едва возвышалась над краем. Внутри не было ничего. Ни подушки, ни клочка материи — он сидел на ледяной каменной плите. Как долго он сможет выдержать этот пронизывающий душу холод? Ведь ему придется остаться с ним один на один и после того, как крышка захлопнется…

Верховный жрец приблизился к Арлану и протянул золотую чашу с напитком смерти.

«Ты все еще можешь отказаться. Еще не поздно», — прошептал внутренний голос его сжавшегося от ужаса сознания.

«Тогда я останусь рабом на этой планете, — возразил он. — Вечным изгоем. Неужели

такая жизнь лучше смерти?»

Он взял чашу и осушил ее до дна в несколько долгих глотков.

Напиток показался ему горячим, слегка горьковатым, отдававшим корицей и еще какими-то незнакомыми специями.

Арлан еще успел подумать, что у напитка довольно странный для яда вкус, но тут сознание его начало меркнуть. Темнота, вырвавшись из-за стены желтых огней факелов, упала на Арлана, словно каменная крышка саркофага.

Он очнулся внутри этой темноты. Мозг работал отчетливо, и он понял, что по-прежнему лежит внутри каменного гроба. Крышка была уже закрыта, и ни один звук не проникал снаружи.

Тело не повиновалось ему, возможно, у него вообще не было больше тела. Во всяком случае, он его не ощущал и не мог пошевелить даже пальцем. Для того чтобы понять, что крышка саркофага над ним захлопнулась, ему не нужны были никакие органы чувств.

Он просто знал, что она там, на своем месте. И не испытывал от этого знания ни малейшего страха. Любые эмоции умерли вместе с телом.

Вскоре темнота начала вращаться у него перед глазами, постепенно складываясь в какой-то мрачный вихрь.

Это стало возможным, потому что теперь она не была больше такой плотной и непроницаемой, как раньше. Внутри ее появились вращающиеся светлые полосы. Они вертелись все быстрее, вычерчивая огромную воронку, которая начала засасывать Арлана в свои глубины.

Казалось, он летит внутри этого темного вихря, уносящего его в неведомые глубины космоса. Вокруг стремительно мелькали незнакомые созвездия. Он понимал, что, с точки зрения нормальной логики, такая скорость движения невозможна, но в мире, в котором он очутился, нормальная логика отсутствовала.

Далеко в конце воронки появилось все увеличивавшееся пятно ослепительно синего света. Когда Арлан достиг этого светового дна, его сознание и память заполнились чужим сознанием.

Оно было настолько огромным и непостижимым для человеческой логики, что никогда позже он так и не смог словами описать свое состояние.

Одновременно он находился в разных точках пространства, в разные времена. Калейдоскоп непонятных для человеческого мозга картин обрушился на него со всех сторон, сменяя друг друга с невообразимой скоростью. Сколько это продолжалось, он не знал — время в этом мире не имело никакого значения.

Но в какой-то момент началось обратное движение. Позже он вспомнил, что этому предшествовало его четко сформулированное желание вернуться.

И когда обратное движение внутри темной воронки закончилось, он вновь оказался в саркофаге.

Стоило ему подумать о том, что крышку пора открывать, как она беззвучно сдвинулась с места. Появилась узкая щель, сквозь которую внутрь каменного гроба ворвался живой свет факелов.

И он услышал гимн. Это был гимн возвращения, гимн восторга и радости.

Крышку сняли, отставили в сторону, чьи-то заботливые руки помогли ему приподняться.

Когда он, опираясь на плечо Ошана, переступил край саркофага, жрецы, заполнявшие зал, упали ниц, продолжая держать над своими головами горящие факелы. Зал был наполнен морем чадящих желтых огней. Запах горящего льняного масла напоминал ему о том, что он все-таки остался жив.

— Ты помнишь что-нибудь? — громко спросил Ошан в самое его ухо, стараясь перекричать восторженный напев хора. Жрецы ухитрялись продолжать свой гимн даже лежа. Арлану еще трудно было говорить, губы не повиновались ему, и он просто отрицательно помотал головой.

— Никто ничего не помнит… Никто…

Увидев, как сильно разочарование Ошана, он прошептал:

— Одну картину я все же запомнил. Я помню город мертвых на проклятой планете.

— Это означает, что ты должен там побывать.

Гимн оборвался сразу же, как только Арлан сошел с возвышения. При полном молчании распростертых ниц присутствующих трое участников этой заключительной сцены спустились в зал. Даже Верховный жрец держался позади Арлана, склонив голову в полупоклоне.

Не сразу, постепенно Арлан начал понимать, что ему удалось вернуться в мир живых, что он прошел через испытание.

— Я свободен? Никто больше не сможет преследовать меня на Аниране? — спросил он Арадатора.

— Теперь ты сам будешь принимать решения, и люди последуют за тобой. Тебе нужно отдохнуть несколько дней, а потом ты сможешь покинуть храм. Темный Властелин больше не сможет причинить тебе зла, по крайней мере, на планетах, которые ему не принадлежат.

Глава 20

Неделя пролетела незаметно. Арлана перевели в старую келью, не в подземную камеру, где его прятали от Темного Властелина, а в ту, первую, в которой он начинал свой путь ученика.

Никто, кроме старого учителя, не общался с Арланом после его встречи с Триединым. Любой жрец или послушник, случайно встреченный им во время долгих прогулок по храму и его окрестностям, немедленно исчезал, согнувшись в полупоклоне. Если же он пытался к кому-то обратиться, люди падали ниц и лежали так молча до тех пор, пока он не уходил.

— Они боятся, — пояснил Ошан. — Никто не знает, какая сила скрыта внутри тебя. Ты и сам этого еще не знаешь.

— Но я ничего не чувствую, только голова болит по утрам, и я не могу вспомнить ни одного сна.

— Твой мозг не успел усвоить знания, полученные во время встречи с Триединым.

— Не было никакого Триединого. Был свет. Было какое-то гигантское информационное поле, охватившее всю Вселенную.

— Это и есть Триединый. Ты что же, думаешь, он похож на те картинки, которые рисуют в храмах для невежественных прихожан?

— Чего же боятся жрецы, разве я способен причинить им зло?

— В древних свитках описан случай, когда Избранный вернулся воином зла и принес неисчислимые бедствия в наш мир. Но гораздо большее бедствие возможно, если человек не знает, как управлять могуществом, полученным от бога. Любая непонятная сила вызывает страх.

— Да нет у меня никакого могущества! Я даже маятник качнуть не могу! Я пробовал!

Ошан усмехнулся.

— Эти детские упражнения тебе больше не нужны. Ты слишком спешишь. Должно пройти время. Наступит пора, и ты об этом узнаешь.

— Я могу покинуть храм?

— Ты можешь теперь делать все, что хочешь. Никто на Аниране не осмелится причинить тебе зло.

— Как руководство корпуса узнает о моей встрече с Триединым? Вы сообщали в информационные сети?

— Нет. Мы никогда этого не делаем. Настоящий избранник бога не нуждается в рекламе. Иди в мир и живи там. Вскоре ты поймешь, что у тебя нет больше необходимости в нашей защите. Но не забывай о мертвом городе. Это указание. Как только ты почувствуешь, что готов исполнить свою миссию, не теряй времени.

— Мне может понадобиться совет и помощь. Если я попрошу тебя пойти со мной, ты сможешь это сделать?

— Не сейчас. Позже, если ты призовешь меня, я исполню твою волю. Какое-то время ты должен пожить среди тех, кто ничего не знает ни о тебе, ни о твоей миссии. Я могу лишь помешать неосторожным словом. Никто не должен вмешиваться в твое становление. Пути Триединого неисповедимы для простых смертных.

Это и было его прощанием с храмом. Никого больше он не захотел видеть. Даже в глазах Верховного жреца мелькал при встрече затаенный страх. Похоже, один Ошан не изменил своего отношения к нему.

Утром следующего дня Арлан собрал свои нехитрые пожитки и покинул храм. Никто не вышел его проводить, никто не сказал прощальных слов. Сейчас он чувствовал себя еще более одиноким, Чем раньше. Возможно, Ошан прав. Возможно, внизу, среди обычных людей, он не будет испытывать постоянного отчуждения, но в глубине души он знал, что и там ничего не изменится…

Вскоре Арлан достиг места, где когда-то стояла палатка. Он почувствовал, как воспоминания нахлынули на него с неожиданной силой. После обряда встречи с Триединым он ни разу не вспомнил о Беатрис, но сейчас словно кто-то распахнул дверь в тот осенний вечер…

Местность трудно было узнать. В горах выпал снег, и все-таки Арлан вспомнил знакомые очертания утеса, куда попал заряд бластера.

Он сел на поваленное дерево и прислушался. Лес словно притаился под снежным покровом, только потрескивали ветки от первого зимнего морозца. Но он слушал не звуки леса, он пытался разбудить в себе прежний, ментальный слух, позволявший ему определять приближение врага и ощущать присутствие лесных животных.

Сейчас он не слышал ничего, кроме свиста ветра. Он поежился, не столько от холода, сколько от ощущения незащищенности. Не ошибся ли учитель? Есть ли у него защита от могущественных врагов, совсем недавно пытавшихся его убить на этом самом месте?

Он не знал и перестал об этом думать.

С небольшой полянкой, лежавшей перед ним, были связаны и другие приятные воспоминания… Сколько же времени прошло с тех пор, как он простился с Беатрис?

Месяц на подготовку, две недели он провел в каменном саркофаге, хотя сам об этом не помнил, потом адаптация… Получалось два месяца — не такой уж большой срок. Она обещала ждать.

Он представил себе их скорую встречу. Если верить Ошану, больше ему не нужны меры предосторожности. Можно будет позвонить из ближайшего автомата на стоянке аэротакси. Он не разделял уверенности Ошана в полной своей безопасности, но учитель редко ошибался…

Через несколько часов на первом же полицейском посту ему представится возможность проверить, насколько это соответствует истине.

Круглая асфальтовая площадка аэротакси располагалась прямо на лесной поляне. Впрочем, это был не асфальт, а какая-то голубоватая пластмасса, летом почти сливавшаяся с травой, а сейчас резко выделявшаяся на белом снегу.

На площадке не было ни одной машины — оно и не удивительно. Время паломничества и лесных походов давно прошло. Ему придется вызывать аэротакси из города и ждать здесь не меньше получаса. Хорошо хоть на стоянке были небольшой навес, скамейка и автомат с горячими напитками.

Оказалось, что автомат выключен, но вифон работал нормально, и ему удалось сделать заказ. Во время этой процедуры пришлось назвать номер своего электронного кошелька.

Почти наверняка автоматы такси прослеживались полицией, и власти сразу же узнают о его появлении.

Если Ошан ошибся, вместо вызванного аэробуса через несколько минут тут будет полно полицейских машин.

Его худшие ожидания оправдались. Уже через пятнадцать минут в уши ударил оглушительный свист полицейских машин.

Хорошо хоть человеческое ухо не воспринимало половину той звуковой какофонии, которую они производили.

Арлан решил ничего не предпринимать. Раз уж Жрецы втравили его в эту историю, пусть сами и заботятся о том, чтобы их «Посвященный» не сидел в тюрьме. Впрочем, не тюрьма ему грозила, нечто гораздо худшее — медицинские лаборатории «Д-корпуса»…

И все-таки он не двинулся с места даже после того, как четверо одетых в знакомую форму «Д-корпуса» аниранцев с энергетическими хлыстами в руках оказались рядом с его скамейкой.

Направив на него оружие, все четверо держались на приличном расстоянии, дожидаясь, пока из приземлившейся машины не выйдет начальник наряда. Вскоре появился и их командир.

Он шел нарочито медленно, поигрывая своим хлыстом, и с его тонких губ не сходила презрительная усмешка, хорошо знакомая Арлану. Такой ухмылкой большинство аниранцев встречали выходцев из других миров. «Иномирянин» — это словечко прочно пристало к нему с того момента, как он попал на Аниран. Он продолжал сидеть неподвижно, всем своим видом стараясь показать, что не замечает полицейского наряда. Турист любуется зимней природой, не стоит его беспокоить.

— А ну встать, мразь! — рявкнул офицер, подходя к нему вплотную и приподнимая хлыст.

Что он почувствовал? Гнев? Может быть. Но, когда он ответил, в его голосе не слышалось ни гнева, ни иронии:

— Мне не хочется вставать, лейтенант. Может быть, вы присядете?

— Конечно, сэр. Как пожелаете, — неожиданно произнес офицер, опуская хлыст и присаживаясь рядом с Арланом.

С минуту они молча сидели рядом. Арлан, не понимая, что происходит, с недоумением смотрел на четверых полицейских, застывших перед ним как изваяния.

— Может, и вы опустите оружие?

Все четверо беспрекословно подчинились.

«Что, черт побери, означает странное поведение этих вояк?»

Мысли лихорадочно проносились в его голове. После появления нарядна должен был состояться арест. Но солдаты, пустыми глазами уставившись в пространство, неподвижно стояли напротив него, а их командир сидел рядом на скамейке, и ничего не происходило.

Постепенно для него начинала проясняться суть того легендарного могущества, которым обладали «Посвященные» после общения с Триединым. Однако он пока не знал, до каких пределов распространяется его влияние на окружающих, и решил немного поэкспериментировать.

— Вы должны доставить меня в контору?

— Нет, сэр, — ответил офицер. — Нам приказано отвести вас в лабораторию.

— Я отменяю этот приказ. Отвезите меня к вашему начальству. Лучше всего к самому полковнику Рикарскому.

— Слушаюсь, сэр!

Словно получив заряд необходимой энергии, за минуту до этого распоряжения похожий на безвольную куклу офицер вскочил и бросился к своему аэробусу.

В тесной кабине Арлан уселся рядом с водителем, оперативники разместились сзади, в помещении, предназначенном для арестованного.

Никто не произнес ни слова, и ничто не мешало ему думать. Его триумфальное появление в конторе «Д-корпуса» наверняка будет воспринято властями Анирана как вызов их могуществу.

Никто не захочет добровольно делиться властью и безоговорочно выполнять его приказы. Как только власти поймут, какую угрозу он представляет, они приложат все силы,

чтобы от него избавиться.

Жаль, что он лишился такого подспорья, как интуитивное ощущение опасности. Но за все приходится платить. Видимо, его мозг не в состоянии справляться со многими задачами сразу, он слишком перегружен гигантским и еще не обработанным пластом информации, полученным во время посвящения.

Пока аэробус несся над кварталами столицы, Арлан обдумывал план дальнейших действий. Первое время ему следует весьма осторожно пользоваться своими новыми способностями. Он не знал, как долго действует его влияние на окружающих и что подумают о нем люди, попавшие под такое психологическое давление, после того как от него освободятся.

Насколько критична будет их оценка собственных поступков того периода, когда им пришлось выполнять посторонние приказы вопреки собственной воле?

Его необычный дар убеждения должен оставаться в глубочайшем секрете как можно дольше. Странно, что исторические предшественники нынешнего «Посвященного» выполняли свои миссии достаточно долго.

Наверно, они разработали какие-то методы защиты, но, к сожалению, он ничего об этом не знал.

Ему многое предстояло выяснить. Например, на всех ли людей без исключения распространяется его влияние? И если нет, то возможны весьма неприятные ситуации… Необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность каждый раз, когда он будет использовать свой дар.

Он представил, что произойдет в кабинете Рикарского, если тот услышит от арестованного примерно следующую фразу:

«Господин полковник, не могли бы вы связаться с президентом? Мне необходим его указ о создании специального военного подразделения…»

Именно с этого следовало начинать, с создания собственного боевого отряда, подчиненного только ему. Такое подразделение, пусть даже немногочисленное, но состоящее из классных специалистов, защитит его от многих неожиданностей.

Он ни на минуту не забывал и о своей главной задаче. В ближайшее время ему придется организовать специальную экспедицию на Роканду и на какое-то время покинуть Аниран.

В столице необходимо оставить надежное прикрытие, иначе трудно будет вернуться…

У тех, кто захочет от него избавиться, появится для этого немало удобных способов. Корабль, который доставит их на Роканду, может неожиданно исчезнуть с орбиты, посадочный челнок никогда не прилетит за ними, и путь к возвращению будет отрезан…

Пространственные каналы в зоне пораженных планет давно не действовали. Их отключали задолго до того, как возникала непосредственная опасность захвата. Это делалось в попытке затруднить проникновение неизвестного противника на новые территории, хотя никто не знал, каким способом Темная Сила передвигается в космическом пространстве.

Резкий толчок приземлившейся машины вернул Арлана к действительности. Они уже находились на крыше главного здания «Д-корпуса».

Сразу же машину со всех сторон окружили роботы охраны, державшие в своих захватах мощные боевые сканеры, недвусмысленно направленные на них. Только сейчас Арлан сообразил, что во всех своих расчетах совершенно упустил из виду роботов. Уж они-то наверняка не станут подчиняться его приказам, и от них, в случае провала встречи с Рикарским, будет исходить главная опасность.

Он многое узнал о руководителе «Д-корпуса» от Беатрис, но не подозревал, что эти знания ему вскоре предстоит использовать. Все получилось слишком неожиданно, слишком спонтанно — но отступать сейчас было поздно. Он мог провалить весь свой план на самой первой стадии. Без специального приказа механическая охрана не пропустит их к полковнику. Это же совершенно очевидно. Вот только он понял это слишком поздно…

Они уже стояли на крыше, и сопровождавший его лейтенант что-то жалко лепетал по

вифону внутренней связи, пытаясь объяснить свое странное поведение. За этим должен был последовать немедленный арест, но, видимо, необычный поступок лейтенанта, доставившего арестованного в его личную резиденцию, не на шутку заинтересовал руководителя «Д-корпуса».

Охрана расступилась, пропуская их к внутреннему лифту.

Глава 21

Кабинет Рикарского поражал обилием всевозможной техники. Здесь находилось по меньшей мере пятнадцать работающих дисплеев различных устройств. Оставалось лишь удивляться, как со всем этим хозяйством управлялся один человек.

Полковнику было лет пятьдесят, но седые виски не украшали его угрюмое худое лицо. Возможно, он красил волосы, желая оставаться привлекательным для женщин, но скорее даже время отступало перед волей этого человека, вот уже двадцать лет железной рукой управлявшего самым большим аниранским силовым объединением. Корпус фактически контролировал и полицию, и внешнюю разведку, и многие другие государственные институты Аниранского союза.

Не обращая на Арлана ни малейшего внимания, полковник сразу же обратился к начальнику патруля:

— Почему этот человек до сих пор не в наручниках и почему он доставлен в мою резиденцию, лейтенант?

— Я получил приказ, сэр…

— Какой приказ?

— Доставить арестованного в лабораторию номер восемь…

— Тогда почему же вы здесь?

— Он обратился ко мне с убедительной просьбой привести его лично к вам.

— С такой убедительной, что вы нарушили приказ?

— Да, сэр… Я не совсем понимаю, как это получилось.

— Хорошо, мы разберемся с этим позже. Ждите моего вызова в приемной.

Оставшись наедине с Арланом, полковник долго не сводил с него изучающего, тяжелого взгляда.

— Вы сами объясните, как вам это удалось, или вас придется отправить в подвал?

Полковник сцепил руки под подбородком, не сводя с Арлана взгляда своих ледяных аниранских глаз с вытянутыми нечеловеческими зрачками.

Арлан медлил, не рискуя испытывать на этом человеке свои новые способности. Внутренний голос подсказывал ему, что с Рикарским ничего не получится. С другой стороны, ему необходимо было выяснить пределы собственных возможностей. Он знал, что подобных психологических поединков предстоит достаточно. Это не последняя такая встреча, это всего лишь начало долгого пути, на котором ему придется иметь дело с людьми, наделенными большой властью и волей.

— Я жду ответа! — прервал его раздумья полковник.

— Мне нужно, чтобы вы мне поверили, — с упором на слове «поверили» начал Арлан. — Речь идет о деле чрезвычайной государственной важности. Мне необходимо побывать на Роканде. Вы наверняка уже знаете, что только я могу беспрепятственно там находиться…

— Мы нашли еще десять человек, обладающих такими же способностями. Теперь нам есть из кого выбирать. Можете не полагаться на свою уникальность. Но я спросил не об этом. Я спросил, как вам удалось заставить командира патруля исполнить столь необычную просьбу?

— Я пришел сюда потому, что прошел обряд встречи с Триединым. Ваши жрецы подготовили меня к походу на Роканду. Я прошу вашей помощи не для себя лично. Всему Аниранскому союзу нужна информация, что же на самом деле произошло на Роканде. Я мог

бы добыть для вас эту информацию. Подписывая свой служебный контракт, я не знал, что из меня собираются сделать подопытное животное для биологических экспериментов ваших медиков!

Неожиданно для себя самого он выложил почти все свои козыри, хотя и не собирался этого делать. Он надеялся, что ему удастся увести полковника от опасного для себя вопроса, но ошибся.

— Прежде чем рассуждать на любую постороннюю тему, я хочу услышать ответ на вопрос: как вам удалось заставить лейтенанта отказаться от выполнения приказа? Каким образом вы смогли подчинить себе конвой?

— Я не подчинял себе конвой! Я лишь попросил лейтенанта доставить меня сюда.

— Выходит, вы не простой человек, Арлан Заславский. Ваши просьбы трудно не выполнить. Сейчас, например, меня просто распирает от желания поверить вам. Значит, вы его попросили, просто попросили?

— Именно так!

— Может, вы и меня попросите о чем-нибудь? Ну, хотя бы о том, чтобы я выпустил вас из этого здания целым и невредимым. Вы должны очень убедительно попросить меня об этом.

И он попытался. Попытался, хотя знал, что ментальные способности уменьшаются, если их вызывать усилием воли. Попытался еще раз, уже понимая, что первая осторожная попытка провалилась. Волю полковника ему не удалось сломить.

И он снова потерпел фиаско. Полковник разглядывал его, как разглядывают букашку, пришпиленную к поверхности стола. Минуту или две он, видимо, решал, что с ним делать дальше, и наконец спросил:

— У вас есть какое-нибудь доказательство, что вы прошли обряд встречи с Триединым?

Теперь Арлану не оставалось ничего другого, как использовать свой последний козырь.

Он извлек из-под одежды Талисман света и оставил его висеть снаружи, чувствуя себя немного глупо. Драгоценные камни потемнели, и яркий внутренний свет, исходящий от амулета, теперь исчез.

— Талисман похож на настоящий. Давайте-ка сюда, я должен рассмотреть его поближе.

— Этого я не могу сделать!

— Придется. Мои приказы следует выполнять беспрекословно.

Полковник нажал клавишу на одном из своих терминалов. Рядом с тем местом, где стоял Арлан, открылись скрытые в стене ниши, и два робота неожиданно оказались с обеих сторон от него.

Эти создания действовали стремительно и весьма эффективно. Очевидно, необходимая программа была заложена в них заранее, потому что полковнику не пришлось даже отдавать никакой дополнительной команды.

Прежде чем Арлан успел понять, что происходит, его руки были заведены назад, а стальные захваты приподняли его над полом, лишив малейшей возможности к сопротивлению.

Боевые роботы, похожие на металлические конусы, передвигались на четырех суставчатых лапах и обладали огромной силой и скоростью. Арлан только что получил возможность в этом убедиться.

Резкая боль в вывернутых плечевых суставах сделала его совершенно беспомощным. Но уже через минуту ему удалось с этим справиться, заблокировав болевые сигналы, идущие в мозг. Уроки Оша-на не прошли даром.

Роботы непонятным Арлану способом получали приказы от полковника, потому что один из них вырастил на своем теле дополнительную суставчатую руку и сорвал с Арлана Талисман света. Величайшая реликвия аниранской религии перешла в чужие руки. Едва успев покинуть пределы храма, Арлан уже ухитрился нарушить один из главных заветов

Арадатора.

Роботы выволокли его из кабинета в боковую дверь, ведущую в специальный лифт, доставивший их прямо из кабинета руководителя «Д-корпуса» в подвальные этажи здания. Здесь проводились допросы и располагались камеры заключенных. Арлан хорошо знал, какими могут быть эти допросы…

Войдя в небольшую камеру, роботы грубо швырнули его на узкие стальные нары, застеленные жидким матрасом без одеяла и простыни. Не было даже подушки. Зато под потолком он сразу же обнаружил глазки следящих за ним видеодетекторов.

Можно было не сомневаться, что эта камера оборудована всеми необходимыми защитными и следящими механизмами, делавшими побег совершенно невозможным.

Арлан почувствовал, как темная волна отчаяния нахлынула на него. Он наделал слишком много ошибок, без всякой подготовки начал использовать дар управления людьми и сразу же натолкнулся на человека, воля которого успешно противостояла его воздействию. Теперь за это предстояла жестокая расплата. Он полностью оказался во власти полковника Рикарского, который сразу же сумел понять, какую опасность представляет собой Арлан.

Теперь его прежде всего лишат всякой возможности контактировать с другими людьми.

Никто в храме не знает, где он находится, и ждать Помощи от жрецов бесполезно. Положение казалось совершенно безнадежным.

Если Рикарский действительно догадался о его способностях, а судя по всему, так оно и было, он попытается избавиться от него как можно быстрее. Живым из этой камеры его не выпустят.

Разве это справедливо? Разве для того, чтобы все кончилось столь нелепо, он сумел вернуться из смертельных объятий Триединого?

Кому он адресовал свои вопросы? Может, самому Триединому? Почему-то вспомнилась притча о муравье, рассказанная Ошаном в период его начального ученичества.

Муравей жил в муравейнике, построенном под яблоней. Он честно выполнял все обязанности, возложенные на него общиной и с человеческой точки зрения мог бы считаться праведником. Он ничего не знал ни о яблоне, ни о том, кто ее посадил.

Он пас на листьях яблони стада тлей, молоко которых было необходимо для жизни его колонии. Но тли разрушали листья яблони, и это не нравилось садовнику, посадившему ее. В одно прекрасное утро гнездо муравья и он сам были уничтожены.

«Так почему же это произошло? — спрашивал его Ошан. — А главное, справедливо ли это по отношению к муравью и что такое справедливость вообще?» Мораль этой притчи заключалась в том, что пути Триединого неисповедимы для человека. Человек никогда не может знать всех причин, скрытых за внешними событиями его жизни, так же, как муравей не мог знать о садовнике.

Ну что же, если нельзя полагаться на божественную справедливость, то ему остается рассчитывать лишь на самого себя.

Арлан решил бороться за свою жизнь до конца. Прежде всего ему необходимы информация и время.

Последнее зависит не от него. Он не знает, сколько у него осталось времени и когда именно Рикарский решит, что сведения, которые он может получить от Арлана, не стоят риска, связанного с самим фактом пребывания на Аниране опасного для него человека.

Возможно, ему потребуется пара дней для того, чтобы проверить, действительно ли Арлан прошел обряд посвящения. Как только Рикарский в этом убедится, он его немедленно уничтожит. Слишком опасно держать под замком человека, перед которым преклоняется вся жреческая каста. Следовательно, нужно ориентироваться на два дня. Вряд ли у него будет больше.

Оставалась — информация. Он собирал ее весь первый день, отмечая все особенности своей камеры, наличие и места расположения следящих устройств, а также распорядок этой тайной подземной тюрьмы «Д-корпуса». В камере не было окон, и здесь никогда не

выключали свет. О времени он мог догадываться лишь по визиту робота, приносящего пищу.

Даже в действиях этого робота соблюдалась максимальная осторожность.

Он не входил в камеру к заключенному, а просовывал сквозь небольшое оконце в стальной двери длинный запечатанный контейнер с горячей пищей.

Самую большую ошибку Арлан совершил, рассказав Рикарскому о Талисмане. В результате он лишился своей единственной защиты. Оставалась еще надежда на то, что Талисман в чужих руках не проявит своих волшебных особенностей и Рикарский примет его за обычную копию. Надежда эта была такой слабой, что он не стал даже обдумывать ее всерьез.

Вечером, закончив свои дневные наблюдения, он подвел первый безрадостный итог — бежать из этой камеры обычными способами невозможно.

Оставались только те, которым учил его Ошан. Первое правило воина гласило: «Воин не имеет права считать ситуацию безнадежной». Он всегда обязан бороться до самого конца, и, если смерть все же приходит, она приходит неожиданно. Для человека нет ничего страшнее пассивного ожидания собственной смерти.

Арлан вытянулся на своей жесткой койке и попытался сосредоточиться. Больше всего мешал бьющий в глаза свет. В конце концов он решил эту проблему, заклеив глаза толстым слоем хлебной мякоти.

Если бы ментальные способности, которые проявились у него до посвящения, остались в силе, он сумел бы, наверное, связаться с Ошаном. Хотя и в этом у него не было уверенности. Слишком велико расстояние, отделявшее его от храма. А толстые стальные стены камеры наверняка экранируют любую попытку ментального контакта. Казалось, Рикарский предусмотрел все.

Ночью ему снилась черная воронка, ведущая в вечность. Он падал вдоль ее вертящихся стен, изо всех сил стараясь приостановить это бесконечное падение, но все было тщетно.

И лишь утром, когда его разбудил звук откинувшейся металлической крышки пищевого приемника, падение прекратилось.

Робот принес завтрак. Возможно, это его последний завтрак, поскольку сегодня истекал им самим вычисленный срок оставшегося у него времени. Ему хотелось бы сейчас выпить холодного земного пива. Но пива здесь не было, не было и аниранского тоника. Приходилось довольствоваться безвкусными синтетическими белками, запивая их кружкой холодной воды.

Он с трудом проглатывал горьковатые куски пищи и думал, что в любом из них могла притаиться смертоносная крупинка яда.

Наверняка они это сделают тихо и благопристойно. Никакой крови, никаких криков жертвы. Нервно-паралитический газ, выпущенный в систему воздухоочистки, неожиданный разряд высокой энергии из стены или яд.

Времени у него почти не оставалось. В этом все дело. Рикарский не станет рисковать. Он понимает, что лишнее время для Арлана — это возможность воспользоваться любым обстоятельством, любым контактом со случайным посетителем.

Вероятно, Рикарский уже убедился, что его слова об обряде посвящения — не пустой блеф. Оставалась лишь небольшая надежда на Талисман света. Рикарский не станет уничтожать человека, пока в точности не установит, что побудило жрецов вручить Арлану свою самую драгоценную реликвию.

Арлан знал, что в научных лабораториях корпуса сидят настоящие специалисты, им не составит никакого труда отличить подлинный Талисман от его копии. Вопрос лишь в том, захочет ли Рикарский провести подобное исследование. Слишком трудно поверить, что жрецы могли добровольно расстаться со своей величайшей реликвией.

Если же они все же установят подлинность знака, тогда ему начнут задавать вопросы.

Много вопросов. И надо к ним подготовиться. Надо отвечать достаточно правдоподобно. Надо отвечать так, чтобы извлечь из предстоявшего до-Проса всю возможную выгоду…

Он стал думать над этой проблемой, учитывая каждую деталь, каждую мелочь, так, словно это уже произошло.

И когда он закончил, когда ответил на последний вопрос, заданный самому себе, в левой части стены, над самой его койкой, вспыхнул невидимый раньше экран дисплея.

Глава 22

Дисплей, вспыхнувший над койкой Арлана, слегка искажал краски, смещая спектр в зеленый диапазон, в остальном же голографическое изображение создавало полную иллюзию присутствия.

В стальной стене камеры словно вырезали окно, и из него зловеще глянули тигриные глаза Ри-карского. С минуту Арлан и Рикарский молча разглядывали друг друга.

— Каким образом он оказался у вас? — спросил наконец полковник, приподнимая над столом Талисман света так, чтобы он попал в поле обзора видеодатчика.

— Наверняка вы уже знаете, что это не муляж.

— Разумеется, я это знаю, иначе не разговаривал бы с вами. Так как же эта вещь оказалась у вас?

— Я ее не крал, полковник. Можно сказать, мне ее подарили.

— Кто вам ее «подарил»?

— Кажется, его звали Арадатор. Довольно внушительная персона. — Арлан не скрывал своего злорадства и не отказал себе в удовольствии слегка поиздеваться над озадаченным полковником, хотя и понимал, что теперь времени у него совсем не осталось.

— Они там все с ума посходили, в своем древнем храме! — произнес полковник, отключаясь. Теперь ему не придется решать головоломную задачу, как объяснить бесследное исчезновение Истинно Избранного, прошедшего ритуал встречи человека… И при этом сделать так, чтобы бесценная реликвия как можно дольше оставалась у него в руках.

Наживка была слишком жирной, чтобы такой честолюбивый человек, каким был полковник Ри-карский, не клюнул на нее.

Возможно, теперь у Арлана появится дополнительное время — задача была слишком сложна даже для Рикарского. Этот амулет, подлинный символ власти древних правителей, реликвия, исследовать которую управление «Д-корпуса» стремилось не первый год и всегда натыкалось на ожесточенное сопротивление жрецов, теперь сама упала в руки Рикарского, и соблазн был слишком велик, слишком высока ставка. Если полковник ошибется, у Арлана появится шанс вклиниться в борьбу двух могущественных сил Анирана. Кроме того, с каждым часом возрастала вероятность того, что жрецы сумеют обнаружить его местонахождение, и тогда полковнику придется туго. Арадатор, единственный из всех жителей Анирана, имел право появляться на приеме у президента без специального приглашения.

Важно предугадать следующий ход Рикарского и подготовиться к предстоящему поединку.

Хуже всего то, что он не может ни о чем договориться с полковником — не стоит даже пытаться. Единственный способ вырваться из застенков Рикарского и начать новый тур борьбы — найти Подходящего человека, подавить его волю и заставить подчиняться.

Сила воздействия внушения возрастала пропорционально расстоянию от объекта. Следовательно, человек должен находиться достаточно близко. Кроме всего прочего, у него должен быть электронный ключ сразу от нескольких дверей. Слишком много невероятных совпадений. Арлан почувствовал, как им вновь овладевает отчаяние.

Духота в камере стояла невыносимая, и он, забыв обо всех проблемах, мечтал о стакане холодного земного пива.

С минуту он забавлялся тем, что представлял себе несуществующий стакан во всех подробностях. Запотевшую поверхность толстого стекла. Пузырьки газов, пробивающие себе дорогу наружу сквозь слой янтарной жидкости, увенчанной белой пеной. Хорошее пиво

всегда пенится… Не может не пениться… И у него горьковатый вкус…

Словно желая убедиться в этом, он протянул руку к несуществующему бокалу, взял его со столика, ощутил ладонью его вес и прохладу. Затем неторопливо отхлебнул напиток и лишь после этого от неожиданности уронил бокал на пол.

Секунду назад в его руках находился вполне реальный бокал… Бокал напитка, не существовавшего на Аниране…

Повторить условия удачного эксперимента оказалось непросто. Лишь с десятой попытки ему удалось вновь воссоздать на столике бокал с напитком, напоминавшим по вкусу верблюжью мочу. Но это было уже неважно. Никакого значения не имел вкус, потому что он только что обрел способность телепортировать предметы… Возможно даже, это была не телепортация. Он готов был поклясться, что в радиусе ближайшего десятка световых лет пива не существовало в природе. Тем не менее он совсем недавно попробовал этот желанный напиток, а значит, сумел получить его из воздуха усилием своей воли…

Полковник и его планы потеряли для Арлана всякое значение. Все его время уходило на опыты с трансформацией предметов. Через пару часов он установил, что для преобразования годится любая материя.

Единственным необходимым условием была масса исходного предмета, который он изменял. Она должна была соответствовать массе полученного в результате его усилий предмета.

Еще одно ограничение он осознал несколько позже. Слишком большие массы оказались непригодны для трансформации. Очевидно, существовал какой-то предел. Он мог трансформировать за один прием не более ста граммов материи. При этом ему ни разу не удалось создать хоть что-то полезное. Получались лишь грубые поделки, муляжи.

К вечеру он стал обладателем кучи ненужного хлама и тогда сообразил, что не знает, как объяснить появление в его камере этих странных предметов.

Неожиданная резкая боль в голове заставила его забыть обо всем. Ему едва удалось добраться до койки. Его охватила такая слабость, словно он только что бегом взобрался на гору.

Расход психической энергии оказался чрезмерно велик. Он так и не научился осторожности в своих ментальных экспериментах.

Примерно через час, когда боль несколько ослабла и к нему вернулась способность соображать, он попытался понять, откуда взялась гигантская кинетическая энергия, необходимая для преобразования материи? Ведь не из его же головы?

И вдруг он понял. Энергия была здесь, рядом, в каждом атоме, в каждой частице вещества. Его мозг произвел работу своеобразного переключателя, и на это ушли все его силы.

Прежде чем он окончательно пришел в себя, прежде чем успел подготовиться к следующей схватке с Рикарским, двери камеры распахнулись, и два робота грубо схватили его. Он даже не успел вскочить с койки.

Боевые роботы, модернизированные для охранной полицейской службы, действовали чрезвычайно эффективно. Их реакция намного превосходила человеческую, а сила и возможность действовать несколькими гибкими конечностями одновременно делали из них идеальных тюремщиков.

Арлан не знал, получали ли они команды извне или действовали по заранее заложенной в них программе. Одно было совершенно очевидно — у них имелись сложные индивидуальные устройства управления, позволяющие им мгновенно реагировать на изменяющуюся обстановку.

Рикарский сделал все, чтобы исключить возможность прямого контакта Арлана с персоналом «Д-корпуса». И в отличие от него избежал почти всех возможных ошибок.

Коридор, по которому Арлана волокли роботы, был пуст в обоих направлениях. Казалось, в этом здании никогда не было людей.

Расслабившись и внешне безвольно обвиснув в могучих стальных захватах, Арлан

лихорадочно искал выхода, экономя силы для предстоящего поединка. Он не сомневался, что Рикарский продумал все и постарается избежать любого риска. Единственное, о чем полковник пока еще не имел информации, так это о его способности трансформировать материю. Ему необходимо найти способ использовать свое единственное преимущество.

Проблема состояла в том, как это сделать. Жалкими кусками стекла и пластика, которые ему удавалось получить, боевых роботов не одолеть. И он ничего не может сделать с самими роботами — слишком велика их масса…

Недолгий путь по коридору закончился, они оказались в просторной лаборатории, в которой Арлану еще не приходилось бывать. Как он и предполагал, обслуживающий персонал отсутствовал. Все механизмы и аппаратура работали автоматически.

Роботы защелкнули на его руках стальные захваты стоявшего на возвышении кресла. К этому креслу от различных устройств шли пучки проводов, световоды и трубки с какой-то жидкостью.

Когда стальные захваты обхватили ноги и голову, Арлан в полной мере ощутил собственное бессилие и почувствовал, как в глубине его существа зарождается страх, постепенно переходящий в панику, грозящую сломить его волю.

Он понял, что, если немедленно не справится с этим, Рикарскому не придется прилагать слишком много усилий, чтобы сломать его окончательно.

Фигура полковника между тем возникла на большом голографическом дисплее, заполнявшем часть стены напротив кресла, к которому приковали Арлана.

С двух сторон из спинки кресла появились стальные иглы. Арлан видел их увеличенное изображение на двух специальных экранах. Палачам, сконструировавшим кресло, нельзя было отказать в изобретательности. Жертва должна была видеть во всех деталях все, что с ней происходит. Полковник молча и с видимым интересом наблюдал за началом экзекуции.

Иглы, направляемые гибкими металлизированными трубками, развернулись и уперлись в болевые точки, расположенные под лопатками.

Арлан знал, что будет дальше, и заранее покрылся холодным потом.

Боль была еще сильнее, чем он ожидал, потому что между иглами был пропущен электроток высокого напряжения. Его сила была рассчитана так, чтобы человек не потерял сознания.

Боль оказалась настолько сильной, что на какое-то время нервная система полностью вышла из-под его контроля. Кажется, он закричал, потому что иглы дернулись и исчезли в спинке кресла, а Рикарский сказал:

— Вот видите. У меня есть возможность преодолеть порог болевой сопротивляемости любого организма. Даже вашего. Так что советую правдиво отвечать на мои вопросы. Это была всего лишь демонстрация возможностей аппаратуры. Сеанс может продолжаться несколько часов, и после него вы навсегда забудете о психологических фокусах с чужим сознанием.

— Подонок!

Полковник сделал вид, что не расслышал.

— Итак, начнем. Вопрос первый: как вы этого достигаете, каким образом вам удается воздействовать на чужую психику?

Арлан понимал, что если немедленно не найдет выхода, то не найдет его уже никогда. Он знал, что полковник сказал правду и что у него не хватит сил сопротивляться слишком долго. Вскоре его нервная система превратится в сплошной комок боли.

Если бы он мог добраться до электронных мозгов охранных роботов! Но он знал, что это невозможно. Его пси-поле воздействовало только на человеческий мозг.

Арлан лихорадочно искал выход и не ответил на вопрос полковника. Неожиданно первая волна боли подстегнула его сознание.

Конечно, он не может воздействовать на мозги этих проклятых электронных тварей! Зато может превратить стальные иглы, доставлявшие ему невыносимые мучения, в обыкновенные стекляшки!

Едва успев подумать об этом, он уже знал, что превращение произошло, потому что электроток, терзавший его тело, исчез. А это означало, что теперь он должен действовать стремительно, пока Рикарский не разобрался в том, что происходит.

Прежде всего захваты на его теле… Сталь ведь можно превратить в бумагу… Он рванулся и почувствовал, что свободен.

Один из роботов, тот, что стоял к нему ближе остальных, немедленно бросился на него. Но теперь Арлан знал, что делать.

На стальной шарообразной груди робота появилось прозрачное стеклянное окно.

Это нужно было, чтобы видеть внутренние кабели, снабжавшие энергией основные узлы робота. Теперь оставалось превратить в пластмассу внутренние жилы проводов.

Само воздействие заняло десятые доли секунды. Робот неожиданно споткнулся и рухнул на пол, так и не сумев преодолеть расстояние, отделявшее его от Арлана.

Второй робот стал поспешно отступать к двери — и Арлан переключил свое внимание на него.

Нижние манипуляторы, позволявшие роботу довольно быстро передвигаться, со звоном разлетелись на составные части. Экономя силы, Арлан превратил в стекло не сами манипуляторы, а лишь скреплявшие их шины. Но и этого оказалось вполне достаточно. Робот беспомощно рухнул на пол, потеряв способность двигаться. Однако его верхние манипуляторы все еще представляли потенциальную угрозу.

Через секунду и они отделились от туловища. Однако в то же мгновение Арлан ощутил импульс опасности и плашмя бросился на пол.

Этот бросок спас его, потому что скрытые в стене бластеры открыли огонь на поражение. Видимо, Рикарский наконец решил, что дальнейшие эксперименты с этим узником слишком рискованны. Но было поздно.

Лежа на полу, Арлан перевернулся на спину. Его глаза, обладающие невиданной доселе разрушительной силой, прошлись по щелям в стене, отыскивая стволы лазеров, и те замолчали навсегда, превратившись в порошок ржавого цвета.

Чего-то он не рассчитал, поскольку разрушение коснулось энергетического магазина одного из бластерных автоматов. Грохнул взрыв, и на стене сразу же образовалась глубокая прореха с загнутыми раскаленными до малинового жара краями.

Воздух в лаборатории наполнился удушливым дымом от горящей пластмассы. В общую сумятицу вмешались автоматические пожарные системы, выбросившие в лабораторию струи густой пены.

Изображение Рикарского на дисплее съежилось и исчезло. Но Арлан знал, что, если он немедленно не доберется до полковника, его жизнь не будет стоить ломаного гроша, потому что в руках Рикарского находилась могучая машина разрушения «Д-корпуса» и после всего происшедшего в лаборатории он запустит ее на полную катушку, не считаясь ни с какими последствиями.

Глава 23

Арлан бежал по коридору в непривычном, замедленном темпе. Его мотало из стороны в сторону. Очертания предметов двоились перед глазами. Энергия, которую ему пришлось израсходовать на схватку с роботами, оказалась непомерно высока, и порой ему казалось, что сил не осталось вовсе.

Коридор выглядел бесконечным. Лишь фотографическая память, обострившаяся после встречи с Триединым до неузнаваемости, не изменила ему. Он помнил каждый поворот, каждую дверь, мимо которой вела его охрана во время первого посещения Рикарского.

Лифт, конечно же, был выключен или не работал после того разгрома, который он устроил в лаборатории. Он и не надеялся на лифт. Это было бы слишком большой удачей. Теперь ему придется взбираться вверх по лестнице. Восемь этажей… Нет, сейчас эта задача ему явно не по плечу. Необходимо найти какой-то выход…

Он рванул на себя ближайшую дверь, ничем не отличавшуюся от десятка таких же, расположенных вдоль всего коридора.

Внутренний электронный замок оказался запертым, и ему вновь пришлось израсходовать частицу драгоценной энергии на уничтожение запорного механизма. Непонятно откуда, но он знал, что ему нужна именно эта дверь.

Разрушив замок, он оказался внутри большого помещения, не то ангара, не то какого-то склада. Это было удачей, потому что в подобных помещениях бывают дополнительные грузовые лифты. Он не сразу его нашел. Ему все время мешала земная память, услужливо подсовывавшая готовый образ зарешеченных кабин с огромными дверями-воротами. Однако здесь не было ничего подобного. Лента эскалатора уходила в никуда, обрываясь за блестящей полупрозрачной завесой, — это и был лифт.

Проходя сквозь завесу, Арлан почувствовал легкое покалывание электрических разрядов и очутился на открытой грузовой платформе, которая сразу же дрогнула и медленно оторвалась от пола — очевидно, вес его тела включил невидимый механизм. Не было никаких кнопок — вероятно, этот лифт управлялся прямо из помещения склада.

Как бы там ни было, но он шел вверх, постепенно набирая скорость. Потолок верхнего этажа стремительно приближался, и было мгновение, когда Арлан подумал, что сейчас его расплющит об него как муху.

Но платформа уже пронеслась сквозь очередную энергетическую завесу, и Арлану оставалось лишь считать пролеты.

Когда их число достигло шести, возникла новая проблема. Он не знал, как остановить лифт.

Арлан пронесся вверх лишних пять этажей, прежде чем проклятый механизм наконец остановился.

Ему пришлось утешаться мыслью, что вниз спускаться намного легче. За время подъема усталость несколько отступила, и теперь он лучше владел своим телом.

Выйдя из лифта, Арлан оказался в помещении верхнего склада, почти в точности повторявшем нижний. Разве что его размеры были немного меньше. Здесь на полках в образцовом порядке стояли пластиковые ящики с номерами и этикетками. Его знание аниранского улучшилось в храме настолько, что он мог, не задерживаясь, бегло просмотреть надписи: «боезапас», «энергетические батареи», «парализаторы», «бластеры»… Около этого ящика он остановился. Следовало позаботиться об оружии, раз уж представилась такая возможность. Это даст ему возможность сохранить силы и свою внутреннюю энергию на самый крайний случай. Но с этим типом бластеров ему не приходилось раньше иметь дела. Минуты две он потратил на изучение небольшого тупорылого предмета, пожалуй, слишком легкого для серьезного оружия. Управление огнем оказалось предельно простым, и он освоил его за несколько секунд. Проверил заряд в батарее и даже разнес на куски один из ящиков, предварительно убедившись, что в нем нет энергетического оружия.

Бластер стрелял сгустками энергии. При попадании в любое материальное препятствие происходил взрыв с кумулятивным эффектом, пробивающий любую броню. Арлан не знал, на сколько выстрелов рассчитана батарея, и потому на всякий случай прихватил пару запасных.

Он хорошо понимал, как много значит сейчас каждая секунда. Полковник был слишком серьезным противником.

Словно подтверждая справедливость его мыслей, в дверях ангара появилась четверка боевых роботов. Рикарский по-прежнему не хотел использовать против Арлана людей, и это было очень плохо, так как Заславский еще не успел восстановить запас своей ментальной энергии и мог сражаться с роботами лишь обычным оружием. Реакция этих автоматических устройств в десятки раз превышала человеческую. Они были слишком быстрыми, а их бластеры по мощности не уступали его собственному.

Он успел спрятаться за стойку с ящиками, однако это было небезопасно… Если в них хранились батареи для энергетического оружия — первое же попадание разнесет вдребезги

весь ангар. Времени сменить позицию у него не осталось, роботы открыли беглый огонь по его укрытию. Ящики не взорвались — но это мало ему помогало, потому что после каждого попадания они разлетались на мелкие осколки и его защита становилась все тоньше.

Обогнув стойку с противоположной стороны, он сделал два выстрела и вернулся на прежнее место.

Прием сработал, на какое-то время роботы перенесли огонь туда, где он стоял секунду назад, и это позволило ему сделать первый прицельный выстрел.

После прямого попадания плазменного сгустка один из роботов развалился на две части. Теперь у Арлана оставалось лишь трое противников Однако и этого было вполне достаточно.

Огонь был слишком плотным, он едва успел отступить в глубь ангара, бегом преодолев несколько извилистых проходов между стеллажами. Теперь его отделяло от роботов гораздо большее расстояние. Они сразу же прекратили огонь и начали продвигаться к нему.

Аналитический блок этих аппаратов справлялся с менявшейся ситуацией гораздо лучше, чем он надеялся. Ему вновь пришлось прибегнуть к опасной уловке с отвлекающей стрельбой, и вновь этот фокус сработал. Теперь у него осталось всего двое преследователей.

Шансы почти уравнялись, он чувствовал, что времени прошло достаточно и теперь он сумеет уничтожить по крайней мере одного из них с помощью своего ментального оружия.

Каждая выигранная в этом бою секунда работала на него.

Используя свой предыдущий опыт, Арлан сумел нанести удар по управляющему центру робота с минимальной затратой энергии — однако и этого хватило для того, чтобы в глазах снова потемнело. На несколько секунд он потерял контроль над ситуацией. А когда вновь пришел в себя, последний робот был от него метрах в десяти, на линии прямого огня, и уже поднимал свой бластер…

В такие мгновения голова работает намного быстрей, время словно сжимается и начинает нестись с невероятной скоростью Арлан знал, что не успеет воспользоваться своим оружием для ответного выстрела. А даже если успеет, это уже не будет иметь никакого значения — видя перед собой цель, роботы не промахивались…

И тогда он сделал единственно возможное в его положении. Собрав в комок всю свою волю и остатки сил, он направил удар ослабленного ментального поля по одному-единственному крохотному контакту, соединявшему спусковое устройство направленного на него бластера с энергетическим разрядником. Бластер робота дал осечку, и Арлан сумел еще несколько мгновений удержать собственное сознание в рабочем состоянии Ровно столько, сколько было необходимо, чтобы приподнять свое оружие и произвести прицельный выстрел по последнему противнику. Затем почти сразу он потерял сознание.

Он вновь очнулся от грохота. Ощущение было такое, словно обломки скал, разлетаясь на сотни осколков, летели к нему со всех сторон.

Но это были не скалы. С потолка, усиленный десятками скрытых под панелями динамиков, гремел голос Рикарского:

— Заславский, слушайте меня внимательно, отвечать необязательно. Достаточно внимательно слушать.

Он и слушал. Ничего другого ему просто не оставалось. Сил не хватало даже на то, чтобы встать и выйти из этого помещения.

— Вы помните женщину по имени Беатриса Ланье?

Он почувствовал, как сердце сильно ударило два раза и стремительно понеслось куда-то вниз. Он летел в эту пропасть, но голос Рикарского настигал его и там, от него некуда было скрыться.

— Она ждет вас в комнате номер двенадцать на третьем уровне. Вы запомнили номер? Номер двенадцать. Она ждет вас с большим нетерпением. Хотите увидеть ее? Я вам сейчас покажу…

Он не хотел этого видеть и не мог не смотреть.

Беатрис сидела в кресле для пыток, из которого недавно выбрался он сам. Мелкие

капельки пота блестели на ее лице, в глазах застыл ужас.

Голограмма передавала мельчайшие детали ее лица. Он знал, каково сидеть в этом кресле и видеть, как электроды медленно приближаются к твоей коже…

— Прекратите! Немедленно прекратите, вы, негодяй, способный воевать только с женщинами! Вы ответите за все, когда я до вас доберусь!

Угрозы — верный признак бессилия. Он знал об этом и все же выкрикивал их в пустое пространство.

— Конечно. Я с удовольствием с вами побеседую. Моим людям надоело за вами гоняться. Итак, комната номер двенадцать. У вас есть двадцать минут. Если через двадцать минут вас там не будет, мы начнем наши эксперименты вместе с демонстрацией по всем внутренним каналам. Вы сможете любоваться подробностями, где бы вы ни находились.

Он снова попал в ловушку. Только теперь из нее уж точно не было выхода. Он знал, что не позволит им издеваться над Беатрис. Значит, придется сдаться. В конце концов Рикарский перехитрил его.

Собственно, этим и должна была закончиться вся его эскапада. Бессмысленно в одиночку поднимать оружие на целую армию. Бессмысленно затевать силовые игры с людьми, умудренными опытом, всю жизнь проведшими в интригах и подлости.

Двенадцатая дверь на третьем уровне ничем не отличалась от остальных. С минуту он молча постоял перед ней, разглядывая пластиковую карточку с номером лаборатории, вплавленную в поверхность двери. Полковник рассчитал все. Времени, чтобы восстановить силы и подготовиться к новому ментальному поединку, ему не хватало.

В последний раз он взглянул в круглое равнодушное око часов, висящих в конце коридора. Минута. Оставалась всего минута. Он не хотел рисковать, не хотел, чтобы они причинили Беатрис ту страшную боль, которую совсем недавно испытал на себе, и потому решительно толкнул дверь.

В первую минуту ему показалось, что в просторном пустом кабинете никого нет. Затем он увидел Рикарского, сидящего в низком кресле за небольшим столом.

Только Рикарского. Только его одного. Не было боевых роботов, не было охраны. Это настолько поразило Арлана, что он растерялся, не зная, как вести себя в этой неожиданной ситуации, противоречившей всему, что он ожидал увидеть.

— Садитесь. Я решил, что нам стоит поговорить еще раз, пока вы не разнесли все здание.

Арлан молча сел, предоставляя полковнику возможность высказаться и еще не решив, что ему теперь делать. Броситься на Рикарского? Приподнять бластер и просто нажать на спуск? И хотя их разделяло не больше метра, он прекрасно понимал, что не успеет. За панелями стен невидимые и быстрые оптические датчики автоматов следят за каждым его движением.

— За время, прошедшее с нашей предыдущей встречи, я изучил все исторические рукописи и все прочие источники информации, относящиеся к пяти подлинным случаям возвращения на Аниран тех, кто встретился с Триединым. Ваши необычные способности подтверждают, что ваш случай шестой…

— До сих пор вы в этом сомневались?

— Я и сейчас сомневаюсь. Вы ведь для нас почти Мессия, если проводить аналогии с земной религией. Но сомнения сомнениями, а факты фактами… Во всех предыдущих случаях попытки ликвидировать подобных вам людей, избавиться от них любой ценой заканчивались весьма плачевно для тех, кто этим занимался. Я решил не повторять исторических ошибок и попробовать с вами договориться. Итак, чего вы хотите на самом деле? Прошлый раз вы говорили, что ваше единственное желание — организовать экспедицию на Роканду. Это действительно так?

— Что вы сделали с Беатрис Ланье? Где она?

Это был сейчас главный вопрос, и он знал, что ответ на него однозначно решит все дальнейшее.

Полковник поморщился.

— Далась вам эта женщина. Она, конечно, красива, но сейчас мы говорим о вещах более серьезных. С ней все в порядке, и, если мы договоримся, вы сможете забрать ее из корпуса.

— Я действительно собираюсь организовать экспедицию на Роканду. И меня совершенно не интересуют ваши аниранские дела. Во всяком случае, я не собираюсь в них вмешиваться до тех пор, пока мне не будут чинить препятствий.

— Почему вы не собираетесь вмешиваться в наши дела? Во всех предыдущих случаях вернувшиеся от Триединого занимались как раз тем, что полностью подчиняли себе существовавшую в то время государственную власть.

— Есть одно существенное отличие. Я не аниранец. И зло, появившееся на Роканде, угрожает моей собственной планете. Если мне удастся вернуться из этого пекла — у меня хватит дел на Земле.

— Что же, допустим, я вам поверю, но где гарантии, что вы не нарушите условий нашего договора, не передумаете в какой-то момент?

— Гарантий не будет ни у меня, ни у вас. У меня есть больше оснований спросить, для чего вы затеваете такую сложную комбинацию? И что, если вдруг, неожиданно вы решите от меня избавиться в тот момент, когда я меньше всего буду этого ожидать?

— Сколько времени вы собираетесь пробыть на Аниране? Какой срок необходим для подготовки вашей экспедиции?

— Я думаю, месяца будет достаточно.

— Вот вам и гарантия. Для меня гораздо проще и безопаснее подождать месяц. Конечно, мои люди будут наблюдать за каждым вашим шагом, и если через месяц вы не уберетесь с планеты…

Рикарский остановился, не договорив. Откровенная ненависть и чувство бессилия, которые он испытывал, становились слишком очевидны для его противника.

Было еще одно свидетельство полной капитуляции полковника. На краю стола на самом видном месте лежала небольшая коробка. Полковник открыл ее и пододвинул Арлану.

— Возьмите. У меня слишком много неприятностей из-за этой вещи.

Талисман света. Значит, все это время за стенами управления безопасности шла невидимая для Арлана работа. Арадатор и Ошан… Каким-то образом они узнали, что Талисман находится в чужих руках, и сделали все необходимое для его возвращения.

Возможно, эта работа стала одной из главных причин капитуляции полковника. Жреческая каста на Аниране обладала достаточной властью, чтобы оказать давление даже на президента, в прямом подчинении которого находились все силовые структуры планеты.

Глава 24

Здание, которое по распоряжению Рикарского выделили для подготовки экспедиции на Роканду, находилось на территории управления корпусом.

Ничего другого Арлан и не ждал. Он прекрасно понимал, что полковник не захочет выпускать его из поля зрения.

Подошел к концу его первый рабочий день в новой должности начальника специального подразделения.

Арлан весь день просидел в своем кабинете, расположенном на верхнем этаже выделенного ему здания. Сюда сходились все линии связи, и, пользуясь голографическими терминалами, он мог присутствовать одновременно в нескольких местах.

Беатрис, выполняя официально пока не закрепленную роль его личного секретаря, сидела в небольшой приемной перед кабинетом и освобождала его от всех второстепенных дел, звонков и посетителей.

Весь день он помнил о ее присутствии рядом, за стеной, хотя и не успел толком поговорить с ней после всех перемен, вихрем ворвавшихся в их жизнь.

Конечно, нужно было взять что-то вроде отпуска, хотя бы на несколько дней. Но не было у него лишнего времени. Работа лучшее лекарство. Им обоим надо было освоиться со своим новым положением, заново привыкнуть друг к другу.

Но вот прозвучал сигнал отбоя, здание замерло, словно затаилось в неожиданно наступившей тишине. Арлан выключил последний терминал и теперь неподвижно сидел за столом, не находя в себе сил встать, пересечь отделявшее его от Беатрис пространство, открыть дверь и сказать слова, которых он не знал…

Слишком все изменилось с их последней встречи.

— Ты подождешь меня? — спросил он ее, перед тем как уйти в храм и пересечь незримую черту, отделившую его теперь от всех остальных людей.

Сумеют ли они с этим справиться? Как сделать, чтобы его желания не довлели над ее психикой, не превратили его очаровательного друга, сражавшегося рядом с ним плечом к плечу в ночном лесу, в безвольную куклу, покорно исполняющую любое его желание?

Этого он боялся больше всего.

Дверь открылась бесшумно. Так работали все двери в этом здании. Их электронные замки не щелкали, а петли не скрипели.

Она стояла на пороге, словно так же, как и он, не могла найти в себе силы переступить его. Словно порог был незримой чертой, за которой начиналась другая жизнь…

Он заметил, что за время рабочего дня она успела привести себя в порядок. Видимо, даже приняла душ. Ее кожа блестела, а волосы, уложенные в незнакомую высокую прическу, изменили лицо настолько, что в первую минуту он ее не узнал.

Глаза стали спокойней, уверенней, и лишь глубоко внутри очень внимательный наблюдатель, хорошо знающий Беатрис, мог заметить страх. Затаенный, спрятанный, но от этого не ставший менее сильным.

Чего же она так боялась? Уж, наверно, не Рикарского…

Она не боялась его, даже когда от него зависела ее жизнь. Там, в кресле, она боялась боли — но не Рикарского… Чего же она боялась сейчас?

— С тобой все в порядке?

Вопрос вырвался сам собой. Он не собирался показывать ей, что понял ее состояние. Но она не расслышала его слов. Молча, пройдя через пространство слишком большого сейчас кабинета, она уселась на краешек стула, предназначенного для посетителей.

— Мы не виделись слишком долго… — Ее слова задели его, и, видимо, она почувствовала это, потому что сразу же поправилась: — Я не это имела в виду… Я ждала тебя, как обещала… Но за два месяца, пока тебя не было, слишком многое изменилось. Происходит что-то странное с моей страной, со мной, со всеми нами… За последнее время таких людей, как Рикарский, появилось слишком много. Они везде — в банках, в правительстве, на голографических станциях, в медицине — везде, где решаются судьбы людей.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Ведь Рикарский появился не вчера. Он и раньше руководил «Д-корпусом», еще до того, как мы встретились на Земле.

— Это так. Но он изменился, стал совершенно другим человеком — я его хорошо знала раньше, а сейчас просто не узнаю.

Арлан предпочел не уточнять, какой смысл заключался в словах «я его хорошо знала раньше…». Вместо этого он постарался успокоить ее и ответил как мог мягче:

— В каждом человеке скрывается до поры до времени темная область, о которой не знают окружающие. Обстоятельства сложились так, что ты лишь недавно узнала об этой стороне личности полковника.

Ты только что пережила сильный стресс. Сейчас твои оценки не могут быть объективны. Ты Должна успокоиться, прийти в себя, и тогда мы попробуем во всем разобраться.

— Боюсь, тогда уже будет слишком поздно. Нас уже пытались убить. Это повторится снова, гораздо более успешно.

— Ты считаешь, что к тому ночному происшествию имеет какое-то отношение полковник Рикарский?

— Может, не он сам, но кто-то из них.

— Как же ты их отличаешь от остальных людей? У тебя есть какой-то способ?

— Это довольно просто. Если для человека деньги и власть, которую они дают, ценнее человеческой жизни, значит, он один из тех, кем управляет Темный Властелин.

— Твоим методом нелегко пользоваться. Такой выбор возникает не так уж часто.

— Это верно. Именно поэтому их так долго не видно. Именно поэтому они не спеша проводят свою подготовку, а когда приходит срок, начинают исчезать люди… Тысячи людей.

— Ты хочешь сказать, что это происходит на Аниране?

— Пока ты был в храме, исчез профессор Ракимов. Он был профессором права и наиболее вероятным кандидатом на пост президента Аниранской республики. Он вышел из дома поздно вечером, и с тех пор его никто не видел. Последней была жена, ее и обвинили в том, что она причастна к его исчезновению.

Таких примеров за последний месяц множество. В официальных сообщениях появляются лишь фамилии известных людей, молчать о которых невозможно, но у меня есть доступ к секретной информации корпуса.

— Если это так, то это очень серьезно. Завтра я ознакомлюсь со всей информацией об этих исчезновениях.

— Ты думаешь, тебе позволят?

— У них не будет выбора. После свидания с Триединым у меня появились свои методы, против которых они бессильны.

— А Рикарский? Ему же удалось посадить тебя в тюрьму.

— Да, это так. Есть люди, психику которых я не могу подчинить своим мысленным приказам… — Он тут же пожалел о своем признании — но было уже поздно. Казалось, она приняла это как должное, видимо, ей и в голову не приходило принимать эти слова на свой счет. — Бывают досадные исключения…

— Может быть, все «они» исключение?

— Этого я пока не знаю. Но если ты права, мы должны максимально ускорить подготовку экспедиции на Роканду. Если у них будет достаточно власти, они воспрепятствуют ее отправке. Мне кажется, именно там находится ключ к их могуществу.

— Почему же тогда Рикарский хочет, чтобы ты скорее туда улетел?

— Возможно, он надеется, что там будет легче со мной справиться, возможно, ему необходимо как можно скорее выпроводить нас с Анирана. Я не знаю всех его планов.

— Почему ты выбрал для первой экспедиции именно Роканду? Есть же и другие захваченные колонии.

— На эту планету Зло пришло раньше всего, там могла сохраниться информация о первоисточнике, о той точке космоса, где оно обитало, до того как завладело вашими мирами. Мне нужна первопричина. Первоисточник этого Зла.

— Но там оно всего сильнее…

— Конечно. Но уничтожить надо именно первопричину, место, где оно родилось.

— На Аниране Зло с каждым днем становится все сильнее… Если бы ты помог, вместе мы могли бы это остановить.

— Может, и так, но тогда они просто обойдут стороной вашу планету и займутся другими мирами — моей Землей, например. Это не выход, Беатрис. С ними надо бороться там, откуда они приходят.

— Тебе не кажется, что наш разговор слишком деловой для первой встречи? Мы не виделись целую вечность…

Он потянулся к ней, попытался обнять, но она отстранилась.

— Я не это имела в виду, Арлан. Я должна привыкнуть. Слишком многое изменилось в тебе за эти месяцы. Я так рада, что ты вернулся, но сегодня… Прости, этот день… Столько

всего случилось.

— Как хочешь! — Он сказал это достаточно резким тоном и тут же пожалел о собственной несдержанности. В конце концов, она была права. Его не было почти два месяца, он изменился настолько, что иногда сам с трудом себя узнавал. Нельзя же требовать от женщины, чтобы она сразу бросалась к нему в объятия! Или все-таки можно?

— Я хочу, чтобы ты была со мной, сейчас и здесь!

Позже, стараясь разобраться в событиях этого вечера, он так и не понял, что заставило его произнести эту фразу — уязвленное мужское самолюбие, обида или желание до конца выяснить их будущие взаимоотношения, поставить все точки над «i».

Он ведь знал, что она не сможет возразить, понимал, что поступает подло по отношению к Беатрис, но почему-то не сумел вовремя остановиться…

— А другие приказы будут? Ты забыл, что официальное распоряжение о моем переводе еще не подписано. Ты даже не мой начальник!

Лед в ее голосе, серьезность тона вначале подействовали на него как ушат холодной воды. И вдруг он понял, что больше всего на свете боялся, что она подчинится. Он все еще не верил.

— Ты ничего не чувствуешь? Ты не испытываешь непреодолимого желания выполнить мое требование?

— Что с тобой, Арлан? Ты в порядке? После возвращения из храма я с трудом тебя узнаю.

— Это совсем неудивительно. Там слегка подправили мою психику. После встречи с Триединым большинство людей на этой планете безоговорочно выполняют любое мое требование, любую просьбу, я ведь тебе уже говорил об этом!

— И ты хотел, чтобы я?… Ах ты, мерзавец!

Он почувствовал на своей щеке вспышку пощечины и радостно усмехнулся.

— Конечно, нет! Но я должен был проверить, я должен был знать наверняка, что даже ненароком, случайно, не сделаю этого с тобой. Давай забудем. Днем ты хотела показать мне здание, которое нам досталось, но времени не нашлось. День и в самом деле был не из легких. Может, нам сделать это сейчас?

— Подожди… Я не совсем понимаю, как же тогда Рикарский? Ты говорил, что он тоже не поддается твоему психологическому влиянию. Но почему?

— Он, как и ты, принадлежит к категории людей, на которых мои чары не действуют.

— Ты напрасно над этим шутишь. И много таких?

— Откуда мне знать? С охраной, во всяком случае, проблем не было. Чтобы это выяснить, нужно проводить специальные исследования.

— Должна быть какая-то причина… Возможно, наследственная. Мне бы хотелось в этом разобраться.

— Я иногда забываю, что ты еще и ученый. Что же, займись. Как только у нас появится свободное время, я полностью предоставлю себя для твоих экспериментов.

— Это очень серьезно, Арлан. Важно знать, какие люди и по какой причине могут стать твоими потенциальными врагами. В этой истории не все так просто, как кажется на первый взгляд. Рикарский каким-то образом связан с волной исчезновений людей и перестановок в правительстве. Возможно, эта ниточка тянется гораздо дальше.

— Я начинаю понимать, за что тебе платят в «Д-корпусе» такую высокую зарплату. Но мне еще не совсем понятно, какое отношение может иметь все это к тебе самой. Ведь и ты тоже…

— Вот с этого и следует начинать. Необходимо выяснить не только причину, по которой люди имеют возможность сопротивляться твоему психологическому воздействию, но и следствия… Знают ли они об этом сами? Или воздействие на психику возможно на уровне подсознания, так что жертвы даже не догадываются до тех пор, пока не наступит решающий момент. Мне кажется, сила, которой ты теперь обладаешь, сродни той, что использует Темный Властелин для манипулирования нашим обществом.

— От твоих догадок становится страшно жить.

— Что делать. Как ты сам только что сказал, я еще и ученый. Я привыкла анализировать и принимать реальность такой, какая она есть на самом деле.

Права была Беатрис или нет в определении характера той силы, которой он теперь располагал, — это уже не имело значения. Как только возобновился его контакт с окружающими, он в полной мере почувствовал, какой огромной властью обладает. И не мог не признать, что использование этой власти доставляло ему удовольствие.

Охрана, шпионы, обслуживающий персонал — все без исключения люди Рикарского один за другим переходили на его сторону.

Для этого не требовалось прилагать никаких усилий — достаточно было один раз доверительно побеседовать с человеком и высказать какую-нибудь пустяковую просьбу в форме обычной, ни к чему не обязывающей фразы вроде: «Я хочу, чтобы мы стали друзьями…»

Этого было достаточно в девяноста случаях из ста.

Все попытки полковника ограничить передвижения Арлана в пределах территории корпуса потерпели неудачу. Вскоре Арлан узнал, что Рикар-ский исчез, испарился и никто не знает, куда отбыл руководитель самого могущественного ведомства в стране, хозяином которого, по существу, стал теперь Арлан.

Он старался сохранить в тайне все те изменения, которые произошли с ним в храме Триединого, предпочитая нормальное общение с людьми, не искаженное ни страхом, ни религиозным почитанием. Но слухи ползли вслед за ним, куда бы он ни направлялся, и следствием этого стало ощущение полного одиночества, более полного, чем то, что он испытывал, находясь в камере Рикарского.

Разрушить это ощущение не смогла даже Беатрис.

С того момента, как он забрал ее из управления корпусом, она помогала ему как могла в организации нового подразделения.

Беатрис, прекрасно осведомленная обо всех делах «Д-корпуса», оказалась незаменимой помощницей при подборе кадров, выделении помещений и оборудования. Он доверил ей всю работу с администрацией, значительно уменьшив ту лавину дел, которая обрушилась на него сразу же, как только приказ полковника вступил в силу.

И лишь одно оставалось неизменным. После их последнего разговора прежней Беатрис, лежавшей с ним в палатке под пологом ночного леса, ему так и не удалось вернуть.

Глава 25

На следующий день Арлан потребовал от заместителя Рикарского предоставить в его распоряжение всех десятерых землян, завербованных «Д-корпусом» и обладавших таким же, как у него, врожденным иммунитетом к воздействию излучения.

Арлана сильно беспокоило исчезновение Рикарского, но у него не было времени, да и особой необходимости устраивать поиски до тех пор, пока Рикарский соблюдал достигнутое между ними соглашение и не мешал подготовке корабля. В конце концов работать с людьми, не задающими никаких вопросов и беспрекословно исполняющими любое его распоряжение, было гораздо удобнее, а главное, быстрее.

Уже через десять дней с момента образования его собственного специального подразделения в производственном ангаре, расположенном в подвале выделенного ему здания, стоял небольшой космический корабль, и работы по его переоборудованию для полета в район Роканды шли полным ходом.

Прежде всего пришлось заменить всю автоматику и перевести на ручное управление основные навигационные системы корабля. Пропавшие зонды и многолетние наблюдения доказали, что любая автоматика в этом районе ненадежна.

Арлан подозревал, что сложные электронные устройства переключались на внешнее управление и выходили из-под контроля, так же как и человеческая психика, хотя прямых

доказательств этому у аниранских ученых до сих пор не было. Ни один автоматический разведчик из двух десятков, запущенных на бывшую аниранскую колонию, не только не вернулся, но и не передал ни одного стоящего сообщения.

За всеми делами, связанными с подготовкой корабля, Арлан ни на минуту не забывал о команде и подборе людей, с которыми ему придется отправиться на Роканду.

Пока шли работы по переоборудованию корабля, он решил не отрывать членов своей будущей команды от специальной программы подготовки, разработанной разведотделом «Д-корпуса».

Он лишь немного подкорректировал ее, выбросив всевозможную муштру, ненужные психотесты и биологические исследования, в которых был заинтересован Аниранский медицинский центр.

Зато специальная программа выживания в экстремальных условиях была значительно увеличена. Арлан дорожил каждым днем, который удавалось выкроить для обучения членов его будущего отряда этой нелегкой науке.

Ознакомившись с анкетами землян, он понял, что большинство из них были не готовы к предстоящей экспедиции. Критерием их отбора из миллионов жителей Земли являлся стойкий генетический иммунитет к «Д-излучению», во всем остальном выбор оказался совершенно случайным.

Среди них был председатель сельского кооператива, отставной генерал, торговец мелкооптовым товаром, какая-то дама, бывшая на Земле политическим деятелем. Придется с ней порядком повозиться, если он решит включить ее в состав экспедиции…

К сожалению, землян, обладавших иммунитетом, удалось найти совсем немного. Каждый из них ценился на вес золота.

После долгих раздумий Арлан все же решил отобрать из десяти человек только половину. Для экспедиции в экстремальную зону гораздо большее значение имел профессионализм участников, а не их численность.

Закончив предварительный отбор по анкетным данным, Арлан решил для встречи с членами будущей команды устроить небольшой банкет.

Эти люди еще ничего не знали о предстоящей миссии, и Арлан решил понаблюдать за ними в неофициальной обстановке, прежде чем принимать окончательное решение по каждому кандидату. Да и не мог он отказать себе в удовольствии провести вечер среди соотечественников. Не как их будущий начальник, а как один из них.

Он знал, что, как только будет объявлено, кто является их командиром, между ним, и подчиненными возникнет некая дистанция, некий невидимый барьер — особенно здесь, на Аниране, в обстановке вполне обоснованного недоверия к своим нанимателям.

Земляне с момента прибытия содержались отдельно друг от друга, и Арлан решил использовать это обстоятельство. Он вполне мог быть одним из них.

Он поручил Беатрис выступить на этом вечере в качестве официального аниранского представителя. Для этого ей понадобилось всего лишь снять глазные линзы, маскирующие ее тигриные глаза, и сменить одежду.

Без какого-то указания с его стороны с того момента, как он забрал ее из корпуса, она носила только земную одежду. Он попросил ее в течение предстоящего вечера не афишировать их знакомства и ничем не выделять его из остальных землян. Только в самом конце банкета все должны узнать о том, что он будет руководить экспедицией.

В небольшой зал, где стоял прекрасно сервированный стол с лучшими земными блюдами, всех пятерых предварительно отобранных Арланом землян охрана ввела одновременно с ним.

Люди, столпившись у дверей, с изумлением разглядывали друг друга. В первые минуты они даже не обратили внимания на сидевшую во главе стола Беатрис.

До сих пор Арлан знал каждого из этих людей только по стереофотографиям и анкетным данным. Теперь ему предстояло составить о них более важное личное впечатление.

— Кто бы мог подумать… Я был уверен, что я один попал в эту переделку, — пробормотал полковник Версон, высокий, явно молодящийся мужчина, седые виски которого говорили, однако, о том, что призывной возраст остался для него далеко позади. Арлан чувствовал, как сильно он взволнован, но на лице этого человека не дрогнул ни один мускул.

Зато молодая немка из Бремена не скрывала своих чувств. На глазах у нее появились слезы, и, ничуть не стесняясь, она обняла стоявшего рядом с ней китайца Ли Карта, а затем и всех остальных, включая Арлана.

Закончив с представлениями друг другу, все двинулись к столу, и лишь двое остались стоять у дверей. Индуска Сандри Лан и россиянин Степан Рудин. Единственный «полный» соотечественник Арлана.

Это понятие к трехтысячному году стало на Земле весьма расплывчатым. Исчезли границы между государствами, народы перемешались, и зачастую трудно было определить национальность землянина.

Но Арлан тщательно подготовился к встрече. Досье каждого из приглашенных на банкет занимало не меньше мегабайта информации на компьютерном сервере разведки «Д-корпуса». Там хранились сведения, которые, возможно, не знали о себе и они сами.

Сандри Лан и Рудин вместе учились в колледже второй ступени, у них был роман. Потом их пути надолго разошлись. Степан уехал в дальнюю памирскую экспедицию, а вернувшись, узнал, что Сандри вышла замуж за морского офицера.

Фактически аниранцы похитили Сандри, вырвав из семьи против ее воли, и она, единственная из всех, так и не согласилась подписать контракт. На Земле у нее остались муж и ребенок.

Арлан надеялся, что встреча с Рудиным поможет ей хоть немного заглушить горечь утраты.

Когда все начали рассаживаться, отыскивая на столе карточки со своими фамилиями, Арлан с удивлением обнаружил, что Беатриса нарушила заранее оговоренный порядок вечера.

Карточка Арлана оказалась рядом с хозяйкой. Он знал, что она никогда не сделала бы этого без серьезной причины. Но если она заговорит с ним, его надежды на неофициальное знакомство со своими соотечественниками окажутся утраченными.

Когда все шумно задвигали стульями и зазвенели столовыми приборами, рассаживаясь по своим местам, Арлан, улучив момент, тихо спросил по-аниранси, не глядя в сторону Беатрис:

— Что-нибудь случилось?

— Мне только что удалось узнать, что среди них есть агент Рикарского.

— Этого нам только не хватало! Кто же он?!

— Не знаю. Кто-то из этих пятерых.

Оба говорили по-аниранси, не раздвигая губ и старательно наполняя свои тарелки. Вряд ли даже сосед Беатрис слева, полковник Версон, мог заметить, что они обменялись короткими фразами. И все-таки Арлану показалось, что он бросил в их сторону насмешливый взгляд.

Несколько минут Арлан молчал, уткнувшись в свою тарелку и усваивая полученную информацию. Впервые за много дней он повстречался со своими соотечественниками. Он хорошо понимал жен-Щин, на глазах которых навернулись слезы, как только они узнали, что на Аниране есть и другие земляне. Арлан знал, каким может быть одиночество в чужом мире, за десятки световых лет от родной планеты.

И вот теперь этот радостный праздник встречи с соотечественниками был безнадежно испорчен.

Невидимый Рикарский нанес им свой первый удар. Теперь он должен будет подозревать каждого, ежеминутно ожидая какой-нибудь пакости. Если опознать и обезвредить шпионов-аниранцев не составило бы особого труда, теперь все было гораздо

сложнее.

За несколько минут, пока земляне знакомились, стоя на пороге зала, Арлан успел понять, что его ментальное поле не оказывает на этих людей никакого воздействия. Возможно, это было связано с их нечувствительностью к «Д-полю». Ведь спектр излучений его собственного мозга состоял из тех же самых волн.

Наука слишком мало знала о «Д-волнах». Даже аниранская наука еще только приступала к их изучению. Его уникальные ментальные способности не помогут обнаружить шпиона среди них…

Беатрис редко ошибалась. Информация, полученная ею, почти всегда оказывалась правильной, и сейчас у него не было причин сомневаться, что и это ее сообщение соответствует действительности.

В любом случае, несмотря на то что Рикарскому удалось завербовать среди землян своего агента, Арлану предстоит работать именно с этими людьми — других не будет. Не один год потратили ани-ранцы на их поиски. Выбор оказался достаточно случаен — но и с этим придется смириться.

Службы «Д-корпуса» не плохо поработали за те два месяца, что они находились на Аниране, стараясь превратить этих мирных и таких разных людей в опытных солдат.

Что-то удалось, что-то нет. Но, главное, земляне толком не знали, для чего все это нужно. Когда они поймут, что от них зависит судьба родного мира, только тогда они станут настоящими солдатами — Арлан хорошо знал своих соотечественников.

Когда появлялся враг, угрожавший их дому, они умели становиться солдатами. А враг у них будет достойный.

Наливая бокал своего любимого тоника, похожего на земное вино, он думал о том, с каким могущественным противником им придется помериться силами. С противником, уничтожившим древнюю цивилизацию Сэма и играючи захватившим несколько миров, несмотря на все могущество Ани-ранского союза, на всю их технику и науку.

Что сможет сделать маленький отряд землян, если на Роканде все живые существа превращены в роботов? В таких, как те, что напали на него?

Аниранские ученые полагали, что с помощью «Д-излучения» можно полностью подчинить психику жителей любой планеты одному хозяину. Нет ничего страшнее армии, управляемой единой волей, армии, не знающей ни сомнений, ни страха.

Ей будут противостоять пять плохо обученных солдат, наугад вырванных слепым случаем из привычной жизни. А один из них к тому же будет выполнять свое собственное задание, о котором известно только Рикарскому…

Что они смогут сделать? И что он им скажет, когда наступит время первого откровенного разговора?

Он никогда не брал с собой на задание людей, которые плохо представляли, что ждет их на линии огня. Значит, придется рассказать все без утайки. Поймут ли они, как много зависит от предстоящей экспедиции?

Разве они виноваты в том, что генетическая рулетка выкинула именно их числа? Разве они хотели этого? И при чем здесь вина вообще?

Вот сейчас они веселятся, радуются вкусной еде и неожиданному общению с соотечественниками, но завтра… Завтра они, возможно, не вернутся обратно. Никто еще не возвращался с проклятых миров. Ни один аниранский разведчик.

Но кто-то должен выйти на передовой рубеж, кто-то должен выяснить, что собой представляет их таинственный враг. Случилось так, что жребий пал на них. В конце концов все они добровольцы. «Не все», — тут же поправился он.

Разные бывают добровольцы… Арлан хорошо знал, какими методами агенты «Д-корпуса» добиваются выполнения поставленной задачи. Шантаж, угрозы, подкуп… Они не гнушаются ничем. Человека выбрасывают на улицу, и, когда он находится на грани отчаяния, приходят «спасители». Одна из этих женщин попробовала отказаться, и все равно она здесь.

И все же… «Я скажу им, что под угрозой находится наш собственный мир, что мы должны хотя бы попытаться… Что, кроме нас, некому это сделать. Я объясню им все, и если они откажутся… Что ж, тогда я полечу один. В этой экспедиции должны участвовать только добровольцы».

К тому же неизвестно, что делать со шпионом… По крайней мере, он знает о его существовании, и это уже кое-что. Только здесь, на Аниране, он и его люди представляют для Рикарского реальную опасность.

Задача агента Рикарского, кроме сбора информации, скорее всего состоит в том, чтобы не допустить их возвращения на Аниран. Зная об этом, *о* ни смогут обезопасить себя от его действий.

Возможен и другой, более опасный вариант. Под личиной такого агента мог скрываться посланец тех самых сил, что уже дважды пытались его убить.

С помощью ментального поля или каким-то иным неизвестным ему способом они узнали, кто их главный враг. С того самого дня, когда он принял для себя бесповоротное решение лететь на Аниран, на него началась незримая охота. Пока что здесь, на Аниране, его враги не располагают достаточными силами и не могут нанести завершающего удара. Вероятно, они просто ждут, когда он окажется на их собственной территории, где разделаться с ним будет гораздо проще. Арлан серьезно отнесся к предупреждению Беатрис о том, что сам Рикарский может иметь непосредственное отношение к надвигавшемуся захвату Анирана. Личности, подобные ему, в любой момент готовы сменить хозяев.

Пока Арлан сидел, полностью погрузившись в свои мысли, разговоры за столом становились все громче, все непринужденнее.

Полковник, слева от Беатрис, что-то тихо говорил ей, пригнувшись к самому уху, и Арлан почувствовал неожиданный укол ревности.

А что будет, когда они улетят? Станет ли она снова ждать его возвращения? И что ему делать потом, если удастся вернуться? Останется ли он здесь, чтобы сражаться с людьми, подобным Рикарскому, или вернется на Землю? Согласится ли она уехать с ним или останется на Аниране?

Будущее выглядело совершенно туманным, и он перестал о нем думать. В конце концов, на этот вечер он поставил для себя совершенно иную задачу. Его внимание вновь вернулось к сидящим за столом людям. У него еще оставался резерв из пяти человек, и пока еще у него есть выбор, хотя и не слишком большой.

Он отобрал этих пятерых только потому, что они были моложе остальных и, следовательно, лучше приспособлены к тяжелым физическим нагрузкам и тяготам походной жизни.

Если пятеро землян, не вошедшие в его отряд, останутся на Аниране, то, как только его корабль стартует, ими снова займется медицинский департамент.

Нужно что-то сделать для них, возможно, вернуть обратно на Землю. Он решил, что сделает это завтра же, не откладывая. Но сегодня он еще может заменить одного из членов своей будущей команды. Знать бы только, кого именно следует заменить…

Справа от него сидел Ли Карт, известный на Земле ученый-физик. Хотя бы в этом им повезло Есть кому поручить исследование многочисленных загадок, связанных с захватом Роканды. Был среди землян и механик с большим практическим опытом, Степан Рудин. Конечно, аниранская техника отличалась от земной, но умелые руки необходимы при ремонте любой техники.

Ли Карт, не обращая на Арлана никакого внимания, полностью сосредоточился на соседке. Немка Сельма Штрауб была хороша собой и к тому же держалась совершенно непринужденно. Чувствовалось, что внимание мужчин для нее привычно и желанно

На Земле она успешно заправляла небольшой гостиницей. А судя по тому, что в свои двадцать пять лет так и не обзавелась семьей, кратковременные романы для нее дело обычное.

В экспедиции это может стать причиной многих неприятностей. Уже сейчас она

завладела вниманием не одного Ли. Рядом с Сельмой сидел и Степан, отвернувшийся от своей соседки справа. Грустное лицо Сандри, единственной из женщин, предоставленной самой себе, заставило Арлана подумать о том, не изменить ли состав участников прямо сейчас.

Он тут же одернул себя. Хорош лишь тот командир, который не вмешивается в личную жизнь своих подчиненных. Его дело — искать шпиона, а не устраивать дела Сандри, какое бы глубокое сочувствие ни вызывала у него эта женщина.

Глава 26

Наконец вечер подошел к концу. Даже Джеймс Версон был вынужден отвлечься от Беатрис, после того как она, постучав по хрустальному бокалу, сделала объявление, представляющее Арлана как командира будущей экспедиции на Роканду. Только тут земляне поняли, для чего был организован сегодняшний торжественный ужин.

Представление звучало так, словно аниранцы случайно выбрали его из общей группы землян. Внимание всех присутствующих сразу же переключилось на Заславского.

Полковник, уставившись на Арлана своим гипнотизирующим, как у удава, взглядом, спросил:

— Можно узнать, каково ваше звание в табели о рангах Земного союза?

— В земных войсках мои успехи не слишком велики. — Арлан в тоне ответа не удержался от сарказма. — Я всего лишь лейтенант.

— Тогда не понимаю выбора вашего руководства, дорогая! Надеюсь, это не ваш собственный выбор?

Беатрис, усмехнувшись в ответ на нарочито фамильярное обращение полковника, пояснила:

— Лейтенант Арлан Заславский служил в земных войсках внешней безопасности. На рейсовом марсианском корабле он спас жизнь нескольким пассажирам, но поставил под угрозу репутацию сенатора Рыжлова. Те из вас, кто читал земные газеты этого периода, знают, что Заславский был разжалован несправедливо. Его земное звание фактически аннулировано. Зато Аниранский союз готов предложить ему любое звание, какое он сам для себя выберет.

Гробовое молчание, установившееся за столом после этого заявления, свидетельствовало о том, как сильно поражены присутствующие. Лишь полковник Джеймс Версон не потерял своего апломба.

— Вы так легко разбрасываетесь званиями?

— Совсем нет. Но иногда, за особые заслуги перед Аниранном, у нас принято выдавать белую наградную карту, в которую кандидат имеет право вписать звание по своему выбору.

— Иными словами, эти люди автоматически становятся генералами или у вас есть более высокие чины?

— У нас нет даже генералов. Высший чин в нашей армии можно приравнять к вашему полковнику, но и этот чин выбирают совсем немногие. Поскольку присвоение подобного звания не дает никаких привилегий, зато налагает огромную ответственность.

— И что же нужно было сделать, чтобы получить подобную карту?

— Всего лишь умереть и суметь вернуться.

Арлан произнес эту фразу совсем тихо, и предназначена она была одной Беатрис. Но полковник, обладавший феноменальным слухом, все же услышал.

— Шутки здесь неуместны! Могу я узнать без излишнего словоблудства, какой чин выбрал себе наш уважаемый руководитель?

Поскольку Арлан не пожелал отреагировать на этот вопрос самоуверенного и нагловатого англичанина, за него ответила Беатрис:

— Заславский проставил в графе «звание» прочерк.

— И что это означает?

— Только одно. Он вообще отказался от званий.

— Значит, нами будет командовать рядовой?

Несмотря на то что Арлан не хотел объяснений, он понял — персонально Версону ему придется кое-что растолковать.

— Видите ли, полковник, в задании, которое нам предстоит выполнить, звания не имеют никакого значения. Мы будем действовать небольшой группой, полностью оторванной от базы и вообще от всякой цивилизации. В этих условиях только два понятия имеют смысл — командир и подчиненные. Так вот, я буду вашим командиром. — Арлан произнес эту фразу ровным спокойным тоном, но впервые за этот вечер вложил в нее всю свою ментальную силу, стараясь прорваться сквозь природный барьер, защищавший полковника.

Ему необходимо было проверить, сумеет ли он в случае необходимости влиять на этих людей, несмотря на их врожденную нечувствительность к ментальным излучениям.

В экстремальной ситуации на убеждения у него может не хватить времени, а из всей отобранной пятерки полковник выглядел наиболее крепким орешком. Арлан понимал, что полностью сквозь барьер ему не пробиться, но даже небольшое косвенное влияние могло оказаться чрезвычайно полезным.

Арлан так и не узнал, в какой степени ему удалось воздействовать на полковника, но что-то, несомненно, получилось. Потому что Версон неожиданно побледнел, поднялся со своего места и, сославшись на крепость местных напитков, удалился.

Банкет вскоре закончился. Все разошлись, тактично предоставив возможность своему новому командиру побеседовать с представительницей Аниранского союза. За столом остались только Арлан и Беатрис.

Беатрис, в своем аниранском мундире, без привычных контактных линз, вызывала у него двойственное чувство. С одной стороны, его уязвленное мужское самолюбие ни на минуту не позволяло забыть о том, что с момента возвращения из храма ему так и не удалось вернуть прежнюю, желанную для него близость. С другой стороны, сейчас Беатрис казалась ему совершенно непохожей на ту женщину из палатки в ночном лесу, которая, не остыв еще от его ласк, с оружием в руках отражала нападение их общих врагов. Видимо, его молчание слишком уж затянулось, потому что Беатрис наконец спросила:

— Тебя беспокоит полковник?

— Меня беспокоишь ты. Твой излишний интерес к этому нагловатому Версону меня совсем не радует.

— Но он же иномирянин! — Слово сорвалось непроизвольно и неожиданно для нее самой. Эта случайная фраза сразу же показала Арлану, до какой степени беспочвенна его ревность. Однако она заставила его вспомнить и о том, что это в полной степени относится и к нему самому. Почему-то сегодня ему не удавалось контролировать свои чувства. Они слишком явно отражались на его лице. Беатрис обезоруживающе улыбнулась и сказала:

— Прости… Я иногда забываю, что ты тоже не аниранец.

Она всегда умела легко и непринужденно уйти от его упреков. Вот и сейчас у него пропало желание продолжать неприятный разговор. Иногда Арлану казалось, что в присутствии этой женщины он сам становится объектом ментального воздействия. Не желая показывать своего очередного поражения в скрытой борьбе за лидерство, которое происходит между мужчиной и женщиной постоянно, едва только они окажутся в одной постели, он лишь буркнул, не глядя на нее:

— Что там, с этим агентом? Насколько я знаю, до сих пор вы не слишком доверяли землянам. Ты уверена, что Рикарский изменил общепринятым правилам?

— У него не было выбора. Ты можешь подчинить себе психику почти любого аниранца и сразу же установишь его настоящую роль. Другое дело земляне…

— Представляю, до какой степени Рикарскому хотелось найти среди аниранцев хотя бы одного человека, способного противостоять «Д-излучению», и отправить его с нами.

— Возможно, он все-таки его нашел.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он чувствовал, как сильно взволнована Беатрис, и не понимал причины.

— Дело в том, что наши ученые разработали медикаментозное средство защиты от «Д-излучения». Оно небезопасно для нашего организма и еще не прошло клинических испытаний, но оно существует, а это означает, что тебе придется включить в свою экспедицию еще одного человека.

— Если бы такое средство существовало, вам бы не понадобились земляне. А о включении аниранца в состав нашей экспедиции не может быть и речи.

— Новое средство открыто совсем недавно. А что касается аниранца в твоей экспедиции — придется с этим смириться, потому что провести испытания химической защиты в полевых условиях поручено мне…

— Это слишком опасно! — Слово «слишком» явно выдало его беспокойство за нее, и он тут же поправился: — Ты хочешь сказать, что в моем согласии на твое участие в экспедиции нет необходимости?

— Иногда мне кажется, что в психике землян самолюбие занимает главное место.

— Мы называем это иначе — чувством собственного достоинства.

— Можешь не беспокоиться о своем достоинстве. Если ты откажешься включить меня в экспедицию, «Д-корпус» организует еще одну, специально, чтобы провести испытания нового препарата. Так что в любом случае на Роканде мы будем вместе.

— Дурацкая идея! Представляю себе экипаж корабля, полностью зависимый от приема неиспытанного химического препарата в условиях чужой враждебной планеты! Вы не протянете там и суток!

Она ушла, хлопнув дверью, а он не сделал попытки остановить ее.

В опустевшем зале появились роботы-уборщики, но Арлан все еще сидел на своем месте, не двигаясь.

«Неужели она не понимает, насколько это опасно? Неужели не понимает, что я не могу ее потерять, не могу рисковать ее жизнью?

Все она понимает… Это я не могу привыкнуть к этическим нормам другого мира. Здесь женщина не считается слабым существом. Оберегать ее, опекать — признак дурного тона. Немудрено, что она оскорбилась. К тому же Беатрис солдат, и, судя по тому, что я о ней знаю, — неплохой солдат…»

В результате и в этот вечер он вновь остался один. Идея пойти к ней прямо сейчас была тут же отвергнута. Нужно дать ей время успокоиться, спешить с таким важным разговором не стоит.

Он уже почти не сомневался, что ему придется включить Беатрис в экспедицию.

С каждым днем эта женщина занимала в его жизни все большее место, и он боялся, что во время экспедиции это обстоятельство может повлиять на него не лучшим образом.

В конце концов он признался себе, что слегка побаивается ее. Много было в ней непонятного, как и во всякой женщине, а Беатрис к тому же ни на минуту не позволяла ему забыть, что она уроженка иного мира.

Роботы, закончив уборку помещения, столпились вокруг его стула, ожидая, когда он освободит место. Арлан чувствовал плохо объяснимую брезгливую неприязнь к этим синтетическим существам, возможно, потому, что в них слишком мало осталось от механизмов.

Память о недавних стычках с охранными роботами накрепко засела в его подсознании. И сейчас уборщики напоминали ему притаившихся в засаде зверей, терпеливо дожидавшихся, когда он потеряет бдительность, совершит оплошность, сделает один неверный шаг… Не так уж трудно превратить рабочего робота в боевого. В этом бочкообразном туловище за несъемными металлическими щитками могли скрываться любые устройства.

Чтобы справиться с приступом излишней подозрительности, ему пришлось покинуть банкетный зал, хотя он собирался посидеть здесь в одиночестве и обдумать стремительно

обрушившийся на него каскад событий последних дней, в которых просматривалась странная и пока непонятная логика.

Взять хоть эту историю со шпионом… Почему Беатрис не захотела подождать, пока закончится банкет, и спокойно поговорить с ним об этом наедине? И почему она сразу же после этого сообщила потрясающую новость о своем участии в экспедиции да еще заявила об этом так, словно вопрос уже решен?

Он начал сомневаться даже в том, существовал ли на самом деле этот пресловутый агент Рикарского. Не пыталось ли управление «Д-корпуса» подсунуть им фальшивую информацию?

Если они хотели таким образом ослабить его группу, заставить их следить друг за другом — они своего добились. Его ссора с Беатрис — явление того же порядка. Все, что затрудняет слаженную работу его отряда, на руку Рикарскому и тем, кто стоит за его спиной.

Арлан медленно шел в сторону информатория, все еще не решив, следует ли ему повернуть в знакомый коридор, в конце которого располагалась личная комната Беатрис.

Обслуживание здания, включая охрану, производилось роботами. В огромном наружном холле двенадцатого этажа не было ни одного аниранца. Рабочий день давно кончился, и, если бы не вездесущие роботы, он чувствовал бы себя здесь, как в маленькой земной крепости, заброшенной в глубины вражеской обороны.

Холл заканчивался открытой панорамой ночного города. Не было видно ни стены, ни окон. Казалось, пол и потолок этого зала висят на некотором расстоянии друг от друга в темном ночном воздухе.

Арлан знал, что стена существует, но ее сделали из чрезвычайно прочного и совершенно прозрачного материала, незаметного в вечернем освещении.

Он не мог принять эту непривычную для землянина архитектуру открытых пространств и чувствовал себя неуютно на заканчивавшихся обрывом в пропасть полах.

Хотя иногда, в такие дни, как сегодняшний, он начинал признавать, что в этом что-то есть.

Казалось, город всеми своими огнями летит ему навстречу, словно он находился в гигантской кабине космического корабля, идущего на посадку.

Он постоял здесь секунду и решительно повернул в сторону, противоположную коридору, ведущему к Беатрис.

Информаторий встретил Арлана потрескиванием и шорохами постоянно включенной аппаратуры. Здесь тоже не было обслуживающего персонала — одни автоматы. Арлан уселся в удобное кресло и часа два работал, изучая все имевшиеся в архивах данные о начале захвата Роканды, о потере связи с близлежащими колониями и обо всем, что с этим связано.

Сведения оказались настолько скудными, что он начал сомневаться в подлинности пароля, разрешавшего ему доступ к любой секретной информации. То ли пароль был фальшивый, то ли аниранской разведке и в самом деле ничего не известно о том, когда именно и каким кораблем было завезено на Роканду бедствие, которое он про себя называл космической чумой, поскольку до сих пор не мог установить, как же происходил захват планеты.

Возможно, он получал предварительно отфильтрованную информацию. Трудно было поверить, что разведка «Д-корпуса» именно в этом, наиболее важном вопросе работала из рук вон плохо. Не было никаких данных о первоначальном периоде захвата, о том, с чего все началось.

Невозможно поверить, что связь с многомиллионной колонией прервалась мгновенно. Какие-то сообщения со спутников или кораблей должны были поступать. Но в архивах он их не обнаружил.

Картина получалась пестрая. Как головоломка, в которой не хватало важных деталей, и потому сложить ее полностью никак не удавалось.

Опасения Беатрис по поводу того, что в управляющих центрах самого Анирана не все обстоит благополучно, получали все новые подтверждения «Надо отсюда убираться как

можно скорее, пока Аниран не постигла судьба Роканды…» Если его интересовала первоначальная стадия захвата, то, возможно, сейчас он находится в самом центре этого события… Если захват произойдет до старта — их отсюда не выпустят.

Проработав часа два, Арлан решил, что на сегодня с него достаточно. Завтра предстоял не менее напряженный день.

Отключив рабочий терминал инфора, Арлан вновь вышел в холл двенадцатого этажа.

В этот поздний час здание казалось вымершим, и лишь город снаружи продолжал жить своей таинственной ночной жизнью.

Тысячи разноцветных огней текли по его улицам — картина бегущих огней притягивала и завораживала. Арлан вновь ненадолго задержался у невидимой наружной стены и в этот момент услышал шаги у себя за спиной.

— Простите, сэр, но мне необходимо с вами поговорить, — произнес невидимый в полумраке человек голосом полковника Версона.

Глава 27

На какое-то мгновение Арлан инстинктивно подобрался. Он не слышал, как этот человек подошел к нему почти вплотную. Раньше он не допускал подобных промахов.

Ничем не выдав своей настороженности, Арлан повернулся нарочито медленно и встал так, чтобы свет с улицы падал в лицо неожиданному визитеру.

— Если у вас есть необходимость в конфиденциальном разговоре, вы могли поговорить со мной После банкета, а не подкрадываться в темноте.

— Еще раз простите. Это старая десантная привычка — ходить бесшумно, да и полы здесь покрыты мягким материалом, скрадывающим шаги. Мне пришлось ждать, пока вы выйдете из зала, где полно роботов. Из-за них я и не мог с вами там говорить.

— Вы не любите роботов? — насмешливо спросил Арлан, все еще не понимая, куда клонит Вер-сон.

— В общем, я к ним безразличен, но не сомневаюсь, что внутри аниранских роботов скрыты подслушивающие устройства. Люди быстро привыкают к снующим повсюду механизмам и перестают их замечать. А я не могу допустить, чтобы наш разговор подслушали. После банкета вы перешли в информаторий, в котором тоже полно электроники. Мне снова пришлось ждать.

— У вас наверняка существует серьезная причина для таких предосторожностей. Мне не терпится о ней услышать.

Арлан согласился с логичностью доводов полковника, но по-прежнему не скрывал своей неприязни. Он не мог понять, зачем тому понадобилась эта конфиденциальная беседа после столь вызывающего поведения во время банкета.

— Так чем я могу быть вам полезен?

Его тон вряд ли показался Версону дружелюбным. И, чтобы не терять объективности в оценке собственных действий, Арлан тут же признался себе в том, что полковник вызывал в нем раздражение прежде всего своим показным бравым видом и излишним вниманием к Беатрис.

— Я хотел бы извиниться за свое поведение на вечере. Когда я вам все расскажу, вы поймете его причину.

— Я слушаю вас.

— За банкетным столом вы сидели недалеко от меня, у меня хороший слух, и, хотя я разобрал лишь часть ваших слов, я догадался, о чем вы говорили с аниранкой, заправлявшей на этом вечере.

Признание полковника удивило Арлана. Он убедился на собственном опыте, что изучить аниранский, даже с помощью гипнокурсов, за те два месяца, в течение которых десять земных новобранцев здесь находились, невозможно.

— Вы знаете аниранский?

— Я оказался на Аниране гораздо раньше остальных. Намного раньше и совсем по другому поводу. То, что у меня впоследствии обнаружили генетический иммунитет к «Д-излучению», — чистая случайность.

— Для чего вас завербовали?

— Они хотели подготовить из меня специального агента для последующего использования на Земле. Что касается подготовки, им это вполне удалось. У аниранцев неплохие инструкторы и хорошо разработанные методики адаптации для иномирян. А в остальном… Месяц назад мне было предложено войти в состав вашей группы. Меня перевели в одну из изолированных комнат в той части здания, где содержались недавно доставленные с Земли новички. Мое официальное досье было заменено, и меня ознакомили с новой легендой. Полковником я никогда не был.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— Потому что я и есть тот самый аниранский шпион, которого вы ищете.

— Это вполне возможно, но тогда я тем более не понимаю, почему вы решили раскрыться.

— Сейчас объясню. На Аниране земляне должны держаться вместе. Нас слишком мало, и, если мы начнем шпионить друг за другом, если будем работать на них — ничего хорошего из этого не получится.

— Но вы же согласились сотрудничать с ними и выполнять роль аниранского агента на Земле!

— Конечно. Это для меня был самый верный способ получить максимум информации обо всем, что замышляют аниранцы.

Затем, после небольшой паузы, он тихо сказал:

— Вендетта.

Это слово было старым секретным паролем, по которому сотрудники внешней безопасности Земли могли узнать друг друга при любых обстоятельствах.

— Пароль выведен из употребления несколько лет назад.

— Конечно, но это слово кое-что значило в то время, когда вы сами еще были сотрудником земной безопасности.

Сам по себе пароль, изъятый из обращения, мог использовать кто угодно. Но существовали сотни различных способов, чтобы убедиться, действительно ли этот человек работал в земной разведке.

Фамилия сержанта, ведущего картотеку в Петрограде… Цвет дверей компьютерного зала… Надпись, вырезанная ножом на коре дерева, растущего во внутреннем дворе управления.

Версон отвечал не сразу, иногда сбивался, как всякий специально не подготовленный к подобным расспросам человек, но минуты через две Арлан уже не сомневался в том, что «полковник» действительно работал в земной разведке. Хотя этого еще было недостаточно, чтобы ему доверять. Он мог быть двойным и даже тройным агентом.

Зато теперь по крайней мере отпала необходимость в проверке остальных участников будущей экспедиции.

— Ну хорошо, предположим, вы меня убедили. Однако я до сих пор не понимаю, зачем вы пошли на этот разговор и чего, собственно, хотите от меня. Я в службе земной безопасности давно не работаю.

— Прежде всего мне нужна дополнительная информация. Я плохо представляю наше будущее задание. Чего, собственно, хотят от нас аниранцы?

— Они хотят, чтобы мы высадились в захваченной зоне на Роканде и выяснили, что там происходит.

— Совсем просто… А вы догадываетесь, что там случилось?

— Я стараюсь не делать предположений, когда информации недостаточно. Это часто мешает правильному пониманию происходящего.

Он все еще говорил холодно, официальным тоном. Весь этот разговор не изменил его

неприязненного отношения к Версону.

— Каким образом аниранцы определяют границы зоны, за которой влияние излучений становится опасным?

— Они довольно условны. В самом космосе вроде бы ничего не происходит. Старт космических кораблей с поверхности Роканды после ее захвата ни разу не зафиксирован. Зато любой аниранский аппарат, пересекая условную границу зоны, выходит из-под контроля.

— И никому не удалось пробиться?

— Никому. Мы будем первыми.

— Если долетим.

— Вот именно.

— Я понимаю, что вы, как командир группы, имеете право замены любого участника. Я решился на этот разговор только для того, чтобы вы понимали, насколько важно мое участие в этой экспедиции.

— Важно для кого?

— Для Земли, капитан Заславский. Для Земли… Вы уволились из разведки, но землянином вы тем не менее остались.

— Можно подумать, у вас есть канал связи с Землей!

— Конечно, у меня его нет. Но рано или поздно он появится. И независимо от этого обстоятельства в отличие от вас я из земной безопасности не увольнялся. Мне поручено узнать все, что возможно, об Аниранском союзе, раз уж он занимается вербовкой на Земле, и обо всех его космических делах. В особенности о колониях. Мы должны знать, не интересует ли их или их космических противников наша собственная планета как объект возможного захвата.

После этих слов Арлан почувствовал, что груз ответственности, который он добровольно взвалил на собственные плечи и в одиночку тащил на себе все эти долгие месяцы, неожиданно стал вдвое легче. У него появился если и не друг, то, по крайней мере, соратник, на которого он мог положиться.

«Северная звезда» — так Арлан назвал небольшой, но мощный звездолет, постепенно заполнявший своим корпусом весь нижний ангар.

Пока у этой бесформенной металлической конструкции было только имя — не лучше и не хуже других. Оно ему напоминало о родной планете, и, наверно, не ему одному. Люди из его отряда, проводившие на сборке весь свой рабочий день, с удовольствием повторяли имя будущего корабля.

Возможно, потому, что земляне не слишком доверяли аниранским роботам, а скорее всего потому, что каждый из них понимал — их жизнь будет зависеть от того, насколько тщательно и безошибочно проводится сборка всех узлов и агрегатов звездолета, — они трудились здесь не за страх, а за совесть.

Учитывая это обстоятельство, Арлан каждому из пятерых своих новых сотрудников выделил отдельный участок работ, освободив себе время для общего контроля за проектом.

Когда сборка будет закончена, ворота ангара придется снести, а восточную стену убрать. Это цена повышенной конспирации, на которой настояли сами аниранцы. Здесь собирался не обычный корабль…

Роботы трудились в ангаре и днем и ночью. Каждое утро Арлан сам обходил строительные леса, сверяя с проектом уже готовые секции. Он не слишком хорошо разбирался в устройстве аниранских космических кораблей, но отличить ручное управление от автоматического устройства он, конечно, мог, и ему постоянно приходилось бороться с аниранскими инженерами, руководившими сборкой.

Иногда это был пустяк вроде запорного электронного замка на двери, иногда нечто более серьезное. В своей повседневной работе аниранцы привыкли пользоваться стандартными заготовками, здесь же им постоянно приходилось искать новые решения.

Труднее всего работы продвигались в двигательном отсеке. Людям вход в активную

зону плазменного реактора был заказан. Контроль и управление можно было осуществлять только на расстоянии, но Арлан категорически запретил использовать на корабле устройства сложнее обычного транзисторного триггера.

Никто не знал, на каком уровне сложности электронных устройств становился возможным перехват управления извне.

Арлан потребовал, чтобы сборка корабля велась параллельно с разработкой его проекта — это экономило массу времени, но порождало многочисленные проблемы. В конце концов с двигателем они зашли в тупик, из которого никто не знал, как выбраться.

Арлану пришлось согласиться на весьма сомнительный вариант со сбросом главного двигателя при подходе к Роканде.

Посадку придется осуществлять на вспомогательных ионных двигателях, не требующих для управления автоматических устройств, зато пожирающих огромное количество топлива.

И никто не знал, каким образом им удастся вернуться. Этот корабль становился билетом в один конец.

Конечно, существовало несколько теоретических вариантов возвращения. Например, они могли захватить рокандскую станцию телепортационной связи с Аниpаном. Такие станции раньше существовали во всех аниранских колониях, но они прекратили работу в самом начале захвата.

Никто толком не знал, что именно происходило с этими станциями в Проклятых мирах. Если на Роканде канал был разрушен, то возвращение этим путем вообще исключалось.

Оставался еще вариант вывода «Северной звезды» на орбиту спутника Роканды, где их будет ожидать транспорт с горючим. Но у Арлана были все основания сомневаться, что к моменту их возвращения с этим транспортом все будет благополучно. Слишком могущественные силы на Аниране были заинтересованы, чтобы они никогда не вернулись.

Арлан обсуждал проблему возвращения с Недаром — одним из трех аниранских инженеров-проектировщиков, руководивших сборкой корабля. Они стояли в одном из отсеков будущего корабля. Листы обшивки здесь были установлены не полностью, и снаружи просвечивали огни плазменной сварки.

Возможно, для того, чтобы защитить свои излишне чувствительные к свету глаза от огней сварки, аниранин носил темные очки. Но Арлан считал, что он делает это по другой причине. Недару приходилось довольно много общаться с членами будущей команды корабля, и ему не хотелось слишком выделяться в обществе землян. Арлан высоко ценил мягкую тактичность этого аниранина и его глубокие знания.

— Каждый раз, когда мне приходится вывихивать мозги, чтобы заменить очередное работоспособное устройство самоделкой на проволочных тягах, я думаю о том, каким образом они перехватывают управление?

— Кто именно? — не понял Арлан.

— Я имею в виду тех, кто захватил Роканду. Управляющая автоматическая система не способна принять, а тем более обработать поступающие из внешней среды сигналы. Взять под внешний контроль теоретически возможно лишь системы с Достаточно высоким уровнем интеллекта. Вы же требуете замены всех, даже простейших автоматических устройств. Я думаю, у вас есть определенные данные, заставляющие проводить подобные работы. Но мне по-прежнему непонятно, каким образом возможен перехват управления нашими автоматическими устройствами, кроме прямого подключения к их кабельным линиям.

— Все, что управляется электрическими импульсами, поступающими на внешние контакты, теоретически возможно взять под внешнее управление. Представьте себе поле, способное в нужный момент генерировать на наружных контактах автоматических устройств весь необходимый для их управления набор энергетических импульсов.

— Но послушайте, для этого нужно пропустить через кабели корабля достаточно сильный ток, независимый от его внутренних устройств! Это совершенно невозможно!

— Вовсе не обязательно. Вы забываете об индуктивных токах и токах Фуко, хаотично возникающих в любом проводнике, находящемся в сильном радиочастотном поле. Вполне возможно, кто-то научился управлять этими токами, и разгадку надо искать именно здесь. Но даже если я ошибаюсь — остается совершенно бесспорным факт: ни одно автоматическое устройство не вернулось с Роканды. Мне бы не хотелось рисковать ни своей жизнью, ни жизнью людей, которые со мной полетят. Так что давайте лучше решать головоломки здесь, на строительных лесах, а не в лесах Роканды.

Глава 28

На самой окраине Капулькара, далеко за кольцом жилых зон, начинался стандартный защитный лесопарк, состоящий из гигантских лишайников Элмоса. Только эти растения могли выстоять в отравленной промышленностью атмосфере городского мегаполиса. За зоной лесопарка находилась официально не существующая свалка мусора.

Именно здесь, в густом ядовитом тумане, в крохотных фанерных пещерках или упаковочных пластиковых ящиках жили отбросы аниранского общества. Те, кто принадлежал к его самой низшей социальной ступени.

Но даже здесь существовал определенный порядок, и среди жителей этого призрачного города соблюдалась строгая иерархия. Те, кто обладал достаточной физической силой или хорошо припрятанной суммой (как ни странно, здесь жили далеко не нищие люди), получал для разработки гораздо более выгодные участки и реальный шанс еще больше приумножить свое богатство.

Богатство — весьма относительное понятие. Для одних оно исчисляется в миллионах кредантов, живущим же на свалке было достаточно и сотен.

Даже улетев к звездам, даже построив здесь свои новые автоматизированные производства и мегаполисы, даже здесь человечество не смогло избавиться от своих извечных болячек — чрезмерной жадности и вопиющего неравноправия в распределении жизненных благ.

Какой долгий путь ему еще необходимо пройти, прежде чем бедность и болезни останутся в прошлом, говорил тот факт, что и на самом дне аниранского общества существовали свои парии, отвергнутые даже гильдией нищих. Они жили на окраине свалки, где нельзя было найти ни одной приличной упаковки пищевых концентратов с просроченным сроком хранения.

Здесь, в крохотной пластиковой пещерке, наспех сооруженной из обломка газопроводной трубы, сидели два странных существа, которых лишь весьма условно можно было отнести к человеческой расе.

Их мертвенно-бледная кожа местами шелушилась, а движения казались неестественно замедленными. Они никогда не разговаривали. Хотя именно в данный момент между ними осуществлялся весьма интенсивный обмен информацией. Он шел через канал информационного поля планеты, удаленной от Анирана на биллионы километров. А перевод этого необычного диалога на любой из известных человеческих языков выглядел бы примерно следующим образом:

— Как ты думаешь, Зар, долго еще нам придется сидеть на этом чертовом Аниране?

— Не слишком долго. Начала поступать информация о подготовке к завершающей стадии задания.

— Меня это не радует. Ведь после выполнения задания наши нынешние тела наверняка уничтожат.

— Конечно. Ну и что с того? Ты ведь совсем недавно потерял на Земле свое прошлое тело, а тебе уже выдали новое, стоит ли жалеть о таком пустяке?

— Процесс перехода для меня неприятен. Да и существование в информационной бестелесной среде дается нелегко. Там слишком скучная и однообразная обстановка.

— Что ты такое говоришь, Зар?

Если бы в процессе мыслительного обмена в ментальном поле существовали эмоции, то Зар услышал бы в голосе своего собеседника откровенный страх. Но эмоций здесь не существовало, и Зар ничего не заметил.

— Ты слишком недавно стал запасником, и твоя человеческая сущность не полностью прошла цикл очищения. Тебя могут подвергнуть ему вновь.

— Возможно. Мне уже все равно. Такая жизнь *Н* е по мне. Это жалкое тело, которым меня снабдили, не способно испытывать ни боли, ни голода. Я чувствую себя, как лягушка в стеклянной банке.

— Замолчи! Я не хочу вместе с тобой отправиться на прочистку. Нам пора заняться делом.

— И что это за дело?

— Аниранец Рикарский, действия которого мы должны контролировать, только что отправился на встречу с президентом.

— Ну и что с того?

— Он собирается просить поддержки космического флота для операции «Северная звезда», и нам приказано не допустить этого.

— Мы должны убрать полковника?

— Нет. Всего лишь остановить.

— Эти задания, которые сообщают только через твой канал, выглядят иногда совершенно абсурдными. Каким образом сможем мы остановить полковника, если его нельзя убивать?

— Ты бы лучше помолчал, Зар, и почаще вспоминал о том, что вся нынешняя операция стала необходимой лишь потому, что ты допустил ошибку.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Если бы на Земле ты вовремя уничтожил человека, который теперь будет руководить операцией «Северная звезда», нам бы здесь нечего было Делать.

— Ему тогда повезло больше, чем мне, такие вещи случаются. Ты лучше скажи, почему его до сих пор не уничтожили? Ведь с того случая прошло почти два месяца. И я не единственный, кому было поручено его ликвидировать.

— Это не нашего ума дело. Пора активизироваться для выполнения задания.

Кортеж из трех аэробилей следовал по улицам Капулькара, постепенно приближаясь к президентскому дворцу. Охрана, выполняя распоряжение Рикарского, значительно отстала, затерявшись в общем потоке машин, заполнивших в этот вечерний час сплошным свистящим потоком все нижние горизонты города.

Рикарский пожалел, что не воспользовался воздушной правительственной трассой, свободной от любого постороннего движения, но менять маршрут, после того как расчеты всех транспортных коридоров были закончены, занятие неблагодарное.

Он представил себе лицо диспетчера и те многочисленные действия, которые потребуется осуществить, чтобы создать окно в нескольких встречных потоках аэробилей.

Его тщательно разработанная конспирация полетит ко всем чертям. Подобными действиями он привлечет к своей особе внимание всех городских служб движения.

Ко всему прочему это было еще и опасно. Половина подобных экстренных переходов заканчивалась катастрофой.

И все же нужно было что-то предпринимать. Он знал, что президент никому не прощает опозданий. Аудиенции назначались с точностью до минуты, и любое опоздание наказывалось простым, но весьма эффективным способом. Аудиенция откладывалась, а дело, с которым приходил опоздавший чиновник, на этом заканчивалось, независимо от степени его важности.

Краткую аннотацию цели визита личный секретарь президента запрашивал накануне дня аудиенции, и Рикарский знал, что все его многочисленные уловки и интриги, непревзойденным мастером которых он был, в данном случае окажутся бесполезны. «Северная звезда» отправится на Роканду одна, без поддержки флота, а вся дорогостоящая

затея с ее разведкой окажется под угрозой.

У него еще был небольшой резерв времени — минут десять—пятнадцать. Он приказал водителю увеличить скорость и включить полицейскую сигнализацию.

Полицейских машин в столице было вполне достаточно, и вряд ли эта мера могла привлечь к нему внимание. Но тем не менее ультразвуковой свист сигнала заставил его поежиться…

Вот уже второй месяц он жил на тайной конспиративной базе корпуса, находившейся на недавно открытой и не занесенной ни в один реестр планете.

Ему приходилось принимать столь неординарные меры безопасности, потому что он знал, с каким опасным противником имеет дело.

Заславский, этот проклятый иномирянин, заставил его, командующего элитным разведкорпусом, забиться в какую-то вонючую тайную нору! Он знал, что отомстит за это, неизбежно и жестоко, а потому терпеливо выжидал своего часа, как всегда, обуздав личные чувства и постаравшись извлечь из сложившейся ситуации максимальную выгоду

Получить информацию непосредственно с захваченных миров, узнать главную составляющую могущественной силы, надвигавшейся на границы федерации из глубин космоса, — да за одну такую возможность можно было до поры до времени потерпеть землянина. Главное — не попадаться ему на глаза, дождаться, когда дело будет сделано, информация передана, и сразу же после этого немедленно уничтожить.

Для того чтобы осуществить это безболезненным и наиболее эффективным способом, ему необходимо участие флота в предстоящей операции.

На улицах между тем творилось что-то совершенно непонятное. Плотность движения вокруг его машины с каждой минутой возрастала. Казалось, полицейская сирена, вместо того чтобы расчистить дорогу, притягивала к его маршруту дополнительные потоки транспорта.

В конце концов наметанный глаз полковника обнаружил в транспортном потоке желтый кар, в четвертый раз попадавший в его поле зрения. Совпадение? Четыре раза маршрут резко менялся, и каждый раз на новом направлении он видел этот кар.

Полковник не верил в подобные совпадения. Он вызвал по специальному, закрытому от прослушивания каналу одну из машин охраны и приказал задержать подозрительный кар.

Почти сразу же из бокового транспортного коридора вырвался вперед голубой «Сервал» и поравнялся с каром. Взвыл полицейский сигнал, приказав водителю немедленно остановиться.

Ослепительная вспышка бластерного выстрела сверкнула в ответ на это требование, и «Сервал» превратился в пылающий факел.

— Подстрели этого мерзавца! — приказал Рикарский водителю, решив, что в данной ситуации о конспирации можно больше не беспокоиться.

Бластерный выстрел при такой плотности движения означал смерть десятка ни в чем не повинных водителей, но Рикарского мало волновали подобные мелочи, когда дело касалось его личной безопасности.

Однако он почти сразу же отменил собственный приказ. Весь его многолетний опыт оперативного работника говорил о том, что на улице происходит что-то очень странное.

То, что случилось, не было просто выстрелом преступников по полицейской машине, попытавшейся их остановить.

Слишком много каров, словно подчиняясь неслышному приказу, неслись к месту аварии из всех горизонтов сразу, создавая невероятную сумятицу на нижних этажах. Пробки, которая должна была образоваться вокруг них через несколько секунд, хватило бы до конца дня.

— Уходим отсюда. Красный код дежурному диспетчеру движения. Прорывайся в верхние горизонты.

— Но, сэр, это же невозможно… Он не успеет ничего изменить!

— Делай, что тебе говорят! Это рокандцы.

— Но нам говорили, что они никогда… что они не могут появиться здесь…

— Ты хочешь это проверить?

Мотор наконец взвыл от форсажа, и машина, Делая немыслимые рывки из стороны в сторону, чтобы избежать столкновений, понеслась вверх по головокружительной спирали, ежесекундно уходя *От* грозящих ей отовсюду столкновений.

Рикарский умел подбирать людей и хорошо знал своего водителя. Он иногда был медлительным, позволял себе обдумывать и обсуждать приказы, но если уж начинал действовать, то действовал стремительно и безошибочно. В воздухе ему не было равных.

И все же, несмотря на успешный прорыв в верхние горизонты, на прием к президенту Рикарский опоздал на целых четыре минуты.

Глава 29

То, что Рикарскому, несмотря на опоздание, не было отказано в аудиенции у президента, само по себе являлось событием из ряда вон выходящим.

Позже, разобравшись в причинах столь необычного поступка президента, Рикарский удивился еще больше.

Оказалось, что этот старик, державший в своих руках управление огромной звездной империей, именуемой для благозвучия Федерацией свободных планет, был способен на обыкновенное человеческое любопытство.

Когда длительная церемония проверок и досмотров, обязательная даже для него, наконец закончилась, Рикарский очутился во внутреннем сферическом кабинете, стены и потолки которого плавно переходили друг в друга и были отлиты из рогосского кролита. Разработки этого драгоценного минерала, обнаруженного в одном-единственном месте, были полностью прекращены, как только закончилось создание сферического кабинета. Президент не пожелал, чтобы кто-нибудь, кроме него, мог любоваться красотой и совершенством камня, способного за день изменять миллионы оттенков своей окраски.

В глубине огромного сверкающего яйца, за плавающим в воздухе столом сидел старый больной человек. Казалось, жизнь в этом изможденном высохшем теле теплилась только благодаря усилиям медиков. Но Рикарский хорошо знал, что порой этот дряхлый лев способен пробуждаться и наносить неожиданные укусы своим противникам, которые, убаюканные многочисленными болезнями старца, позволяли себе иногда слишком вольные высказывания в его адрес.

Остановившись у порога и не переступая четко обозначенной черты для посетителей, Рикарский ждал, пока стол вместе с креслом президента приблизятся к нему настолько, что можно будет начинать разговор. А когда это после затянувшейся паузы наконец произошло, ему пришлось ждать еще не меньше минуты, прежде чем президент соизволил заговорить.

Рикарский знал, что люди, хотя бы раз нарушившие приемный этикет, никогда больше не появлялись в этом кабинете, сколь бы высокое положение они ни занимали.

Наконец сухие, как пергамент, губы старца разомкнулись.

— Ну-ка, Чарли, расскажи мне, что творится во вверенном тебе ведомстве?

На подобные вопросы президента следовало отвечать правду. Президент располагал своей собственной осведомительной службой, называвшейся корпусом его личной безопасности, и рано или поздно все, что он хотел узнать, докладывалось ему с Мельчайшими подробностями. К тому же в данном случае как раз правда могла помочь Рикарскому добиться от президента необходимой силовой поддержки задуманной им операции. Да и тащить одному, на собственных плечах риск возможного провала экспедиции на Роканду было ему не с руки.

Получив «добро» президента на поддержку флотом рейда «Северной звезды», он убивал сразу нескольких зайцев, и потому в этот раз Рикарский не стал откладывать про запас почти никакой информации…

Его рассказ, начатый с вербовки Арлана на Земле и последующего визита новобранца в храм Триединого, занял почти полчаса, и за все это время ни президент, ни дважды

появлявшийся и тут же исчезавший по знаку старика его личный секретарь не остановили полковника.

Все назначенные для аудиенции сроки давно истекли, а Рикарский все еще стоял на пороге яйцевидного зала под портретом отца нации, рядом с земным позолоченным камином, представлявшим здесь, на Аниране, такую ценность, что антиквары вряд ли могли установить его подлинную стоимость.

Все, что мог себе позволить Рикарский, — время от времени переносить тяжесть с одной ноги на другую, чтобы смягчить боль в затекших мышцах.

Минут пять прошло с тех пор, как он закончил свой доклад, и теперь никак не мог понять, не задремал ли старец во время его речи. Казалось, плотно прикрытые веки президента подтверждали его догадку, и он с нетерпением ожидал очередного появления секретаря, чтобы прервать слишком затянувшуюся аудиенцию. Но неожиданно веки президента дрогнули, и из-под них сверкнул молниеносный взгляд, от которого мурашки прошли по спине полковника.

Старик думал, и не было проступка хуже, чем помешать ему в такую минуту.

Наконец под сводами президентского кабинета прозвучал первый вопрос старца, и по нему Рикарский понял, что ни одна мелочь из его рассказа не была упущена.

— В этой истории мне непонятна всего одна вещь. Почему он согласился улететь на Роканду? Если все, что ты мне о нем рассказал, соответствует истине, то, оставшись здесь, на Аниране, через год или два он добьется неограниченной власти, даже это кресло может поменять хозяина.

Президент постучал по подлокотнику своего знаменитого летающего кресла, давно ставшего историческим и сменившего на своем веку не так уж много хозяев.

— Так почему же он согласен улететь?

— Психология иномирян не всегда доступна нашему пониманию, ваше превосходительство. — Рикарский наконец решился высказать свое мнение. — Мне кажется, он считает, что после успешного завершения операции на Роканде он скорей достигнет своих целей здесь, на Аниране.

— Вот! В этом и скрыта истина. Я выделю вам эскадру крейсеров для сопровождения экспедиции. Надеюсь, они хорошо справятся со своей задачей. — Президент усмехнулся своей мрачной Мертвой улыбкой, тронувшей лишь уголки губ.

Рикарский прекрасно понял, что он имеет в виду уничтожение экспедиции вместе с землянином При первом удобном случае, например, при подходе к Роканде или перед самым возвращением. Множество кораблей уже погибло в этом районе, нетрудно будет спрятать концы этой темной истории от внимания аниранской общественности.

Момент был самым подходящим для того, чтобы добиться от старика большего, гораздо большего… Невысказанный приказ — воспрепятствовать возвращению «Северной звезды» — давал Рикарскому реальный шанс получить согласие на свою главную просьбу.

— Одной эскадры недостаточно, господин президент.

— Да? Это еще почему? Вполне достаточно даже одного крейсера.

— Дело в том, что в результате экспедиции «Северной звезды» у нас может появиться реальный шанс впервые за весь период захвата нанести противнику сокрушительный ответный удар.

— Объясните! — резко бросил президент, и по его тону Рикарский понял, что настала пора расстаться со своим последним козырем, с единственной информацией, которую до сих пор он так и не довел до сведения вышестоящих руководителей.

Это было опасно. Никто не мог предсказать реакцию президента на такое нарушение служебной дисциплины, как утаивание жизненно важной для государства информации. Но Рикарский привык рисковать, и он знал, что дальнейшее сокрытие этой информации чревато еще худшими последствиями.

В конце концов, в этом деле была его немалая заслуга. Он взвешивал все «за» и «против» не более секунды и наконец произнес:

— Химиками моего ведомства открыто средство временной биологической защиты от «Д-излучения». Оно еще не изучено как следует и не прошло проверки. На «Северной звезде» будет находиться наш агент со специальным заданием. Он должен будет испытать средство защиты в полевых условиях. Лабораторные установки не в состоянии имитировать «Д-поле» достаточной для испытаний мощности. Только когда агент попадет в активную зону Роканды, мы получим окончательный ответ на вопрос об эффективности препарата. Если ответ окажется положительным, мы сможем воспользоваться этим и в считанные часы после посадки «Северной звезды» нанести массированный удар нейтронными ракетами по Роканде. Экипажи наших кораблей во время этой атаки будут неуязвимы для полей противника.

— Почему я ничего не знаю о таком средстве?

— Прошла всего неделя с момента, когда нашим химикам удалось синтезировать препарат. Никто не знает, насколько эффективным будет его применение. Я снабжаю вас только проверенной информацией. Однако на этот раз промедление с ударом может иметь непоправимые последствия. И я вынужден просить вас санкционировать операцию с участием всего Южного флота.

— В чем причина такой поспешности?

— Если препарат окажется эффективным, нельзя давать противнику время разобраться в причинах неуязвимости наших людей. Если он поймет, в чем дело, то, возможно, найдет способ нейтрализовать нашу химическую защиту. Чтобы сбить с толку противника, я посылаю с экспедицией землян аниранца, замаскированного под человека. Он отправится вместе с группой генетически защищенных от излучения людей, и до момента отправки сообщения вряд ли кто-нибудь догадается, в чем здесь дело. Но после того как сообщение будет передано — для результативного удара у нас, возможно, останется совсем немного времени.

Президент раздумывал целую минуту. Рикарский все поставил на кон и знал, до какой степени рискует. Он чувствовал, как холодные капельки предательского пота стекают по его щекам, хотя в кабинете было прохладно.

— План неплохой, но каким образом вы собираетесь подвести наши корабли на дистанцию удара? Даже если команды окажутся неуязвимы, не станете же вы кормить все автоматические устройства кораблей своими таблетками?

— Мы создадим группу рейдеров. Достаточно десять кораблей оборудовать ручным управлением, аналогичным тому, какое сейчас устанавливается на «Северной звезде». Под защитой флота эти корабли будут ждать сообщения агента, на безопасном расстоянии от планеты, и как только оно придет…

— Достаточно. Я понял. Одобряю ваш план. Приказы флоту будут отданы. Уже завтра капитаны кораблей и командиры эскадр начнут подготовку к рейду. Желаю успеха, генерал.

Заметив удивление в глазах Рикарского, президент усмехнулся:

— Командовать такой операцией в чине полковника было бы неприлично. И отныне я ввожу в наших войсках новый чин, аналогичный земному. Вы будете первым аниранским генералом. Я сегодня же подпишу соответствующий указ.

Рано или поздно все кончается. Закончился и длительный период сборки корабля, его проверки и загрузки. Наступил последний вечер. Вечер прощания. На следующее утро «Северная звезда» должна была отправиться к Роканде.

Официальный прощальный ужин, который Арлан устроил для своей команды, закончился довольно рано. У всех в этот последний вечер в цивилизованном мире нашлись какие-то собственные личные дела, и лишь Арлан, оставшись в огромном пустом здании корпуса наедине с самим собой, лишний раз ощутил горечь потери.

Его отношения с Беатрис оставались в каком-то странном, полузамороженном состоянии. Возможно, виной этому была ссора, когда он отказал ей в праве участвовать в экспедиции. Приказ о ее зачислении в отряд был давно подписан, однако это почти ничего не изменило в их отношениях.

Так ли уж они были заняты все эти дни? Настолько, что не смогли или, вернее, не пожелали встретиться и откровенно поговорить? Он попытался однажды, но, наткнувшись на ее официальный холодный тон, на вежливый завуалированный отказ, надолго замкнулся в себе.

Для его уязвленного мужского самолюбия оказалось вполне достаточно одного такого отказа, чтобы надолго отбить желание повторить попытку. А потом время и напряженная работа затянули все, что произошло между ними, странной призрачной пеленой. Он хотел и не мог прорваться через эту почти мистическую преграду. Смесь самолюбия, гордости, обиды…

И вот теперь он один. И совершенно непонятно, во что выльются их странные взаимоотношения во время экспедиции. Он не знал даже, как вести себя с ней. Он не мог все время играть роль командира этой женщины, тем более на глазах у остальных членов экспедиции, он знал, как остро в напряженной полевой обстановке люди чувствуют любую фальшь.

Она не пожелала даже прийти на официальный прощальный банкет, хотя этим поступком наверняка испортила отношения со всеми землянами, которые у нее и без этого складывались не слишком удачно.

Правильно ли он поступил, согласившись на зачисление Беатрис в свой отряд? Ведь она заняла место другого полноценного бойца, на которого он мог бы положиться в трудной ситуации…

Впрочем, надо быть справедливым. Она ни разу не дала ему повода усомниться в своей профессиональной пригодности. Она была великолепным психологом и биологом. Она прекрасно знала аниранскую культуру. И она была отличным солдатом. И если уж быть до конца откровенным с собой, то беспокоила его не ее профессиональная пригодность, а лишь запутанный клубок недомолвок, взаимных обид и неоконченных ссор, который им придется взять с собой на Роканду.

Сейчас, спрашивая себя, почему это произошло, он вдруг понял, что должна была существовать еще какая-то неизвестная ему причина, которая заставила Беатрис все время поддерживать в общем-то случайную ссору. Даже обычные земные женщины всегда казались Арлану загадочными существами, а Беатрис — дочь другого мира. Психология, воспитание, правила морали — все здесь было не таким, как на его родной планете.

Он стоял на своем любимом месте у стеклянной стены и смотрел на сумасшедшие, вечно несущиеся куда-то огни города, когда вдруг услышал шелест шелковой материи и, удивленный этим неожиданным звуком, повернулся.

В двух шагах от него стояла аниранка, которую он знал так хорошо, что решился ради нее покинуть свой родной мир, и в то же время знал так плохо…

Беатрис улыбнулась, заметив его растерянность. Длинное вечернее платье с глубоким разрезом вдоль одной из ее точеных ног заканчивалось кружевной оторочкой у лифа.

Тонкие кружева не скрывали, а скорее подчеркивали совершенную форму ее груди. Выше сверкала нитка фиолетовых бриллиантов, стоимость которых он затруднялся определить.

— Ты опоздала, — сказал он как мог равнодушнее. — Все уже разошлись. Мне кажется, твое присутствие на этом ужине было крайне желательно.

— Я знаю, но у меня оставалось одно очень важное дело, которое я должна была закончить до нашего отлета.

— И что же это за дело?

Она продолжала молча улыбаться, наверное, с минуту, пока он не почувствовал, что ему вновь, в который уж раз в ее присутствии, начинает изменять его хваленая выдержка.

— Может, ты все же пригласишь меня к столу? Там, наверно, еще найдется бокал тоника?

— Конечно. Однако ты так и не ответила на мой вопрос.

— Тебе нравится мое платье?

— Беатрис, пожалуйста, не надо. Просто ответь.

— По-твоему, это просто, объяснить мужчине из другого мира то, что я могла бы объяснить только аниранке?

Она медленно пила тоник, задумчиво разглядывая его, словно видела впервые.

— Когда мы вернемся… если, конечно, вернемся, у меня будет ребенок.

— Ты хочешь сказать, что беременна?!

— Была беременна.

— Ты сделала аборт? Ты избавилась от ребенка, ты это хочешь сказать?!

Он совершенно забыл о ее словах, о том, что у нее будет ребенок, он не мог их понять. Он чувствовал, что его душит гнев. Она ничего не сказала ему, даже не намекнула, она решила все самостоятельно так, словно его это совершенно не касалось. Но, возможно, это был не его ребенок? Он понял, что окончательно запутался. Схватил бокал и молча проглотил хорошую порцию тоника. Глядя на его лицо, она решила, что объяснить все же придется.

— Видишь ли, Арлан, очень немногие аниранки самостоятельно рожают детей.

— Кто же, черт побери, за них это делает?

— Зародышевую клетку на ранней стадии беременности извлекают из тела матери и затем выращивают в идеальных условиях искусственной плаценты. Это совершенно безболезненная операция.

— Для тебя или для ребенка?

— Его еще нет, Арлан. Он родится только через пять месяцев.

— И у него никогда не будет матери?

— Никто не запрещает мне навещать его в интернате. Все родители так делают.

— Ты хочешь сказать, что ни дома, ни семьи у него тоже не будет?

— Обычаи и правила жизни на твоей планете отстали от нашего мира на многие сотни лет. Воспитание в семьях уродует психику ваших детей. Только в интернате, под наблюдением опытных педагогов, они могут стать достойными гражданами.

— Ты сама это придумала или цитируешь мне свод аниранских золотых правил?

— Арлан, ты все время забываешь, что находишься в другом мире, отличном от твоего.

— И в чужой огород со своими законами не ходят. Но если это мой ребенок, никто не сможет запретить мне позаботиться о нем, и никто не сумеет помешать, даже если очень захочет.

В его голосе зазвучал металл, но она в ответ лишь пожала плечами.

— Никто и не собирается тебе мешать, только мне почему-то трудно представить тебя в роли няньки, Избранный Триединым. Ты ведь, кажется, собирался посетить Проклятые миры? Это может занять много времени… Возможно, гораздо больше, чем ты предполагаешь сегодня.

— Ответь мне еще только на один вопрос. Мне кажется, ты скрывала свою беременность и теперь избавилась от ребенка с одной-единственной целью. Ты боялась, что это помешает твоему участию в экспедиции. Так почему же попасть на Роканду для тебя так важно?

— Я солдат, Арлан. Я привыкла выполнять приказы. Я должна испытать новое оружие, которое сделает аниранцев неуязвимыми в этой бесконечной и жестокой войне. И я хочу завоевать для нашего ребенка право жить без войны. Есть еще одна причина. Я хочу полететь туда вместе с тобой.

Глава 30

В холодный осенний день, когда ветер один за другим приносил с собой заряды дождя, а небо, затянутое серой пеленой облаков, опустилось До самых крыш городских небоскребов, «Северная звезда» стартовала с главного космодрома Капулькара.

Несколько секунд казалось, что кораблю никогда не удастся пробить бесконечные слои

облаков, но планетарные двигатели отключились в расчетной точке орбиты, и из сопел кормовых дюз вырвалось яростное пламя, сжигающее под собой бесчисленные гряды туч.

Словно испугавшись этого рукотворного пожара, небо наконец расступилось, выпуская ракету в открытый космос.

Они прошли стратосферу, и теперь на экранах бортовых дисплеев медленно поворачивался зеленоватый шар Анирана.

Почти сразу же изображение планеты смазалось и задрожало от ряби помех. Корабли эскорта подошли слишком близко, и Арлану пришлось попросить штурманов ближайшей эскадры выдерживать безопасную дистанцию.

Он не был капитаном «Северной звезды» в полном смысле этого слова, поскольку не имел практики управления звездолетом, если не считать занятий на тренажерах. Пришлось согласиться на временное присутствие на корабле аниранского пилота. Аниранец должен был покинуть «Северную звезду» перед тем, как они войдут в зону действия «Д-поля».

Впрочем, пока работы у пилота было не слишком много. Лишенная всей автоматики, «Северная звезда» не могла сама, без посторонней помощи, разогнаться до скорости, необходимой при пространственном переходе, и была вынуждена плестись на буксире у кораблей эскорта.

Так будет продолжаться больше месяца. Медленный, постепенный разгон необходим, чтобы не повредить буксировочных тяг.

Перед самым стартом Арлан позвонил Арадатору и спросил, как ему поступить с Талисманом света. Он не хотел подвергать драгоценную аниранскую реликвию опасностям предстоящего похода. Но Арадатор сказал, что отныне Талисман всегда должен быть с ним, в особенности на Проклятых мирах, оберегая Избранного от Темных Сил.

Арлан не стал настаивать. За время, пока Талисман находился у него, он успел привыкнуть к этой вещи. Необъяснимая игра света в глубине плоских драгоценных камней притягивала и завораживала. Иногда вечерами, после трудного дня, он мог часами разглядывать эту необычную вещь, чувствуя, как игра волшебного света снимает усталость и приносит успокоение.

Начало похода получилось гораздо более эффектным, чем предполагал Арлан. Слишком много аниранских кораблей сопровождали их с момента старта.

Несмотря на его протесты, половина федерального флота аниранцев плелась вслед за ними, держась на самой границе действия радаров.

Арлан понимал, что за стартом такого количества боевых кораблей скрывается нечто гораздо большее, чем эскорт «Северной звезды» к месту назначения. Аниранцы наверняка планировали какую-то свою военную акцию, деталями которой забыли с ним поделиться.

Возможно, их действия связаны с испытанием химической защиты. Если он не ошибался в своем предположении, то, как только данные будут переданы, последует массированная бомбардировка Роканды кораблями аниранского флота. Такой бомбардировкой Рикарский мог решить сразу несколько проблем — избавиться от опасного врага в лице Арлана и вернуть Аниранской федерации потерянную планету.

Как только они подойдут к Роканде, необходимо сделать все, чтобы данные о результате испытаний не дошли до Рикарского, пока «Северная звезда» не закончит своих исследований и не покинет планету.

Полет проходил без всяких осложнений. Наконец шлюпка с аниранским пилотом отошла от корабля, а желтый шар Роканды засверкал прямо перед ними. Арлан распорядился прекратить радиосвязь с кораблями сопровождения. «Северная звезда» начала медленное сближение с планетой, используя ручное управление своими планетарными двигателями.

Казалось, они погружаются в темные глубины океанской бездны. Арлан чувствовал, как постепенно увеличивается напряжение «Д-поля». Ощущение было такое, словно он оглох. Исчезли привычные ментальные шумы, сопровождавшие его с того самого дня, как он покинул храм Триединого.

Неожиданно он ощутил тепло у себя на груди. Температура резко увеличивалась, грозя

ожогом. Торопливо расстегнув куртку, он выхватил из-под одежды раскаленный Талисман света. Его камни пылали, а поверхность всегда холодного серебристого металла раскалилась.

Энергия внешних ментальных полей каким-то образом аккумулировалась внутри этой вещицы и превращалась в тепло. Не рискнув расстаться с ним, Арлан оставил Талисман снаружи. И хоть он по-прежнему чувствовал сильное тепло, защитная ткань костюма предотвращала ожог.

Сложнее всех возросшее напряжение внешних ментальных полей переносила Беатрис. Она была вынуждена увеличить дозу химической защиты, но, несмотря на это, страдала от сильнейших головных болей.

Если после посадки не произойдет улучшения, им придется положить ее в анабиозную ванну. Это было предусмотрено на тот случай, если защита окажется неэффективной.

Несмотря на ежеминутно возникающие сложности и мелкие аварии, корабль продолжал свое медленное неуклонное сближение с планетой. Они давно уже находились внутри опасной зоны излучений. Постепенно диск Роканды заполнил весь носовой экран, уже можно было различить отдельные горные цепи и коричневатые пятна пустынь. Лишь в зоне экватора на безжизненном фоне остальной планеты широкой зеленой полосой выделялся пояс тропических лесов.

Роканда страдала от недостатка влаги. Здесь почти не было открытых водоемов, и потому большую часть ее поверхности покрывали каменистые пустыни, лишенные растительности, хотя в экваториальной части постоянно дули насыщенные влагой и облаками ветры.

Суровое, безжизненное лицо планеты постепенно надвигалось на них из непроницаемой черноты космоса, заполняя собой весь горизонт и всю оставшуюся у них часть жизни. С момента захвата еще никому не удавалось так близко подойти к этой смертельно опасной планете.

Беатрис чувствовала, что боль в ее голове перешла тот предел, когда человек еще способен воспринимать окружающее. Казалось, голову сжали раскаленные щипцы и кто-то все сильнее давил на рукоять, причиняя ей невыносимые страдания. Ей хотелось крикнуть Арлану, чтобы он сделал что-нибудь: включил анабиоз или повернул обратно, — но даже на это у нее уже не осталось сил.

Корабль содрогался от рева посадочных двигателей, работавших в ручном режиме на форсаже. Переборки вибрировали, добавляя в какофонию звуков свою тоскливую ноту.

Кажется, в конце концов она закричала, но это уже ничего не смогло изменить — ее никто не услышал. В этот ответственный момент посадки каждый из членов их немногочисленной команды выполнял работу сразу нескольких человек.

Неожиданно боль потеряла для Беатрис всякое значение. Нет, она не исчезла, но сознание молодой женщины перешло тот пограничный рубеж, за которым внешние ощущения теряют свою остроту.

Это не было полной потерей сознания, мозг Беатрис перешел в какую-то пограничную, неизвестную психологам зону, на грани полного отключения рефлексов.

Защищаясь от непереносимого воздействия, ее организм словно окуклился, загнав все свои ощущения и восприятия глубоко внутрь.

В странной пустоте сознания, образовавшейся вокруг нее, мысли звучали неестественно громко. Ей даже показалось, что ее собственный внутренний голос больше не принадлежит ей. Кто-то чужой, далекий и суровый спрашивал Беатрис о чем-то чрезвычайно важном. Но смысл вопросов оставался ей непонятен, хотя в то же самое время другая часть ее сознания знала об этом все.

«Ты собираешься сделать это? Сейчас самое время… Позже, после посадки, такой возможности уже не представится… Они все заняты, все борются за выживание корабля, за собственное выживание…» Беатрис думала об Арлане и обо всех своих спутниках так, словно сама больше не разделяла их судьбу, словно ее не интересовало, что случится с кораблем и со всеми ними.

Сейчас имело значение лишь одно-единственное обстоятельство: спрятанный на корабле передатчик, о котором ничего не знал Арлан и о существовании которого до этого самого момента она тоже ничего не подозревала. Гипнотическое внушение, сделанное специалистами «Д-корпуса», оставило в ее памяти неизгладимый и незаметный до поры до времени след.

Ей нужно было всего лишь протянуть руку, нащупать за обшивкой бортовой панели маленькую коробочку и нажать кнопку.

Закодированный сигнал, прорвавшись сквозь обшивку корабля и атмосферу планеты, уйдет в космос. Получив сигнал, Рикарский узнает о том, что испытания препарата прошли успешно.

Она догадывалась, что вслед за этим должно последовать что-то страшное, что-то такое, что принесет гибель ей самой и единственному близкому ей человеку…

Она старалась не думать об Арлане, полностью сосредоточившись на своей боли и на том, что ей необходимо сделать.

Независимо от того, как она поступит, предательство произойдет. Если она отправит сигнал, то предаст Арлана, свое чувство к нему, своего ребенка, оставшегося на Аниране. Впрочем, нет, сына она предаст как раз в том случае, если не нажмет эту проклятую кнопку.

Как только он вырастет, он узнает, кем была его мать, не пожелавшая внести свою лепту в борьбу за свободу Анирана. Рикарский позаботится и об этом, и о том, чтобы ее малыш навсегда остался на задворках аниранского общества.

Одним из главных его жизненных правил было обязательное и неизбежное наказание предателей. Где бы они ни были, он всегда находил для этого способ…

Слишком поздно раздумывать, ничего уже не изменишь, и остается только отыскать этот проклятый ящичек за обшивкой и нажать кнопку, иначе боль вернется с новой, еще не испытанной силой…

Несмотря на силу гипнотического внушения, которым тайно от нее самой был обработан ее мозг, остатки здравого рассудка Беатрис продолжали бороться с обрушившимся на нее наваждением.

Она не могла не думать о том, что случится после отправки сигнала. Несмотря на тщательную конспирацию, которую соблюдал Рикарский, она догадалась, что произойдет… Недаром за ними увязался весь федеральный флот.

Ни автоматика, ни люди не способны подвести корабли на нужное для удара по планете расстояние. Но как только они получат ее сообщение, как только узнают, что химическая защита действует…

Сейчас еще слишком рано принимать решение. Прошло всего два часа с момента захода «Северной звезды» в зону действия поля. Ей напомнил об этом назойливый сигнал зуммера на ее наручных часах — пора было доставать вторую порцию таблеток.

Ей предстояло принять препарат еще четыре раза небольшими порциями, лишь после этого в крови должно образоваться устойчивое соединение, на протяжении длительного времени нейтрализующее негативное воздействие «Д-поля» на ее мозг. Она уже знала, что препарат действует успешно, хотя и старалась убедить себя в обратном.

После приема таблетки боль в ее голове не уменьшилась, но стала глуше, словно оставляя ей последнюю возможность подумать, прежде чем принять бесповоротное решение.

Она опустила правую руку и, нащупав в подлокотнике антиперегрузочного кресла нужную кнопку, превратила его в удобную лежанку. Теперь ее тело покоилось на мягкой горизонтальной плоскости, заполнив почти все свободное пространство крохотной каютки.

Сейчас она видела перед собой только белую поверхность потолка.

Это был интересный потолок. Интересный хотя бы потому, что вдоль угловых швов по его поверхности расположились прямые ряды заклепок. Их было ровно девяносто восемь. Пересчитав их в четвертый раз, она наконец решила, как поступить.

Больше всего Арлана беспокоило отсутствие какой бы то ни было активности со стороны противника. Роканда лежала под ними затаившаяся и молчаливая. На темной

стороне планеты не было видно ни единой вспышки света. Казалось, там не осталось даже признаков жизни.

«Северная звезда» уже вошла в плотные слои атмосферы и завершала третий орбитальный виток, постепенно гася скорость и теряя высоту.

В кресле пилота, совсем недавно покинутом аниранцем, теперь сидел Версон, и Арлан слышал его Учащенное дыхание. На лице полковника выступили мелкие бисеринки пота. Системы охлаждения с трудом справлялись с увеличившейся температурой. Но Арлан знал, что причина нервозности Джеймса Версона совсем не в этом.

— Нет ничего хуже такого вот неопределенного ожидания, — наконец признался он. — Не понимаю, почему они до сих пор не стреляют?

— У них может не быть оружия. Мы слишком мало знаем о том, что собой представляют наши противники. Возможно, они считали, что поля вполне достаточно, чтобы взять под контроль любой корабль. Возможно, у них просто нет другого оружия, кроме самого поля.

Но, сказав это, он сразу же вспомнил стрельбу из бластеров в ночном лесу и свой трофейный пистолет, захваченный на Земле… У них было другое оружие…

— Где вы решили садиться?

— Колония аниранцев на Роканде просуществовала не так уж долго. Они успели построить всего один город и несколько небольших старательских поселков. Город расположен в районе высокогорного плато. Его уже видно. Хотя нет ни огней, ни признаков активной жизни. Плато связывало с нижними поселками несколько канатных трасс, похоже, они сохранились, хотя и бездействуют.

Если верить архивам, аниранцы боялись рокандских лесов и старались обеспечить максимальную изоляцию своих поселений. Прежде всего нам нужны космодром и городской архив. Только там могли сохраниться данные об экспедиции, предшествовавшей захвату. Садиться нужно на плато. Для того чтобы выяснить, что здесь произошло и остался ли в живых кто-нибудь из колонистов, нам придется начать исследования с города.

— Прошло почти двадцать лет с тех пор, как аниранская колония на Роканде прекратила свое существование. Но посмотрите на эти снимки! Можно подумать, что они до сих пор убирают улицы — нет никаких намеков на развалины.

— Я это заметил. С трудом верится, что колония мертва.

— А вдруг они до сих пор живы? Что, если их просто лишили средств космической связи?

— Заодно и транспорта. Видите — улицы города совершенно пусты.

От поверхности планеты их теперь отделяло не больше десяти километров. Арлан, предупредив экипаж об увеличении перегрузок, включил форсаж тормозных двигателей и резко повел корабль вниз, решив не тратить времени на четвертый, контрольный облет планеты. Занятия на тренажере не прошли даром. Ему удалось подчинить себе корабль.

Каменистая, усеянная неровными обломками поверхность горного плато, на котором лежал единственный город Роканды, понеслась им навстречу.

Жесткая рука перегрузок стиснула мышцы, вдавила людей в кресла и лишила их возможности разговаривать. До приземления оставались считанные минуты.

Глава 31

Они сели в нескольких километрах от городской окраины на небольшой ровной площадке, около которой торчала покосившаяся водонапорная башня. Посадка получилась жесткой, но все четыре амортизатора выдержали. Прочно вцепившись в грунт, они удержали корабль в вертикальном положении.

Поднятые тормозными двигателями тучи пыли какое-то время скрывали от них окружающий пейзаж. А когда пыль наконец рассеялась, глазам семерых космонавтов предстала безрадостная картина.

Коричневатое лавовое плато, усеянное крупными валунами, тянулось до городской стены, а слева, в сотне метров от корабля, заканчивалось глубоким обрывом.

Ни одного живого кустика травы, ни одного насекомого или птицы…

Раз за разом башенка, торчавшая на самом носу ракеты, пробегая по кругу, передавала в командную рубку одно и то же изображение. Казалось, планета замерла, притаилась в ожидании того момента, когда они решатся покинуть надежные стены своего корабля.

Они не торопились, ожидая результатов анализов наружного воздуха и почвы, хотя Арлан и понимал, как дорога сейчас каждая минута.

В любое мгновение противник мог начать атаку на преодолевший «Д-поле» корабль. В любое мгновение болтавшийся недалеко от Роканды флот аниранцев мог предпринять непредсказуемые действия, вплоть до мезонной бомбардировки планеты. Так что время сейчас ценилось на вес золота. Ощущение было такое, словно после посадки чья-то незримая рука запустила секундомер смертоносной бомбы и он начал отсчитывать последние оставшиеся у них секунды.

Но вот наконец результаты анализов были готовы. Состав атмосферы с момента захвата не изменился. Никаких ядовитых газов, никаких новых, вредоносных микроорганизмов — хоть в этом им повезло.

Была и еще одна хорошая новость. Давление «Д-поля» на поверхности планеты оказалось намного меньше, чем на границе ее стратосферы. Даже камни Талисмана остыли настолько, что он смог снова вернуть его на привычное место под курткой.

Беатрис постепенно приходила в себя после болевого шока, полученного во время спуска. Арлан ввел ей несколько кубиков транквилизатора, и она решительно заявила, что будет участвовать в первой вылазке наравне со всеми. Зная по опыту, что спорить с ней в таких случаях бесполезно, он решил сразу же согласиться. По крайней мере она все время будет у него на виду.

Вскоре шестеро десантников закончили проверку скафандров, разобрали оружие и столпились в переходном тамбуре, ожидая, пока компрессоры выровняют наружное давление.

Корабль — их последняя надежда на возвращение. Тоненькая ниточка, ведущая к дому… Если она оборвется — они навсегда останутся в этом мертвом мире. После нелегких раздумий Арлан решил, что может доверить важнейшую задачу по охране корабля во время их отсутствия только Джеймсу Версону. Без Версона весь его отряд, включая и его самого, состоял всего из шести человек.

Атмосфера Роканды, хоть и более разреженная, чем атмосфера Анирана, раньше была вполне пригодна для дыхания. Однако Арлан, соблюдая все меры предосторожности и не слишком доверяя результатам анализов, приказал, чтобы все пристегнули шлемы и герметизировали скафандры.

В архивах Анирана был описан случай, когда исследовательский звездолет попал в зону «полосатой атмосферы». Вокруг корабля сохранялся пригодный для дыхания воздух, но когда люди, положившись на результаты анализов, покинули корабль без скафандров, они очутились в облаке ядовитого газа.

Арлан старался предусмотреть все и не повторять старых ошибок.

Только убедившись в том, что его распоряжение выполнено, он повернул рычаг наружного люка.

В серых защитных комбинезонах все выглядели одинаково. Светофильтры на шлемах скрывали лица людей, и он не мог почувствовать их настроения. Давление «Д-поля» снаружи корабля, вопреки прогнозам, еще больше ослабло, хотя это и противоречило логике. Казалось, металл обшивки должен был экранировать их от излучений, но все получилось наоборот. Наука еще слишком мало знала о ментальных полях, и им оставалось лишь строить предположения. Возможно, металл, наоборот, притягивал к себе излучение, создавая внутри металлического кокона обшивки нечто вроде наведенного поля. Возможно, металл корпуса действовал как антенна или мембрана.

Освоившись, они медленно двинулись в сторону городской стены. Арлан никак не мог понять, для чего аниранцам понадобилось строить вокруг города стену — в их распоряжении были гораздо более мощные и современные средства защиты, но они предпочли стену, сложенную, очевидно, роботами из огромных каменных глыб, в изобилии усыпавших плато.

Сейчас они пробирались сквозь нагромождения этих глыб. Вокруг преобладали коричневые, серые и черные цвета безжизненного камня. Только ветер нес справа от них, там, где заканчивалась кромка плато и начинался почти километровый обрыв, длинные гряды облаков.

Постепенно стена приближалась, уже можно было различить за распахнутыми настежь воротами переплетения чистеньких улиц.

Перед самой посадкой Арлан долго изучал полученные с близкого расстояния снимки мертвого города и сравнивал их с архивным планом. В строении улиц мало что изменилось — кое-где появились развалины, отдельные дома исчезли, не оставив после себя ничего. Кое-где изменилась конфигурация некоторых улиц. Но в основном старый план оказался достаточно точным. Стоило Арлану на секунду прикрыть глаза, как память услужливо вызывала в сознании светлую нить маршрута, ведущую сквозь городской лабиринт.

Благодаря фотографическому свойству его зрительной памяти заблудиться они не могли и должны были потратить минимальное время на розыски городского архива. Арлан предполагал, что именно здесь наиболее велика вероятность обнаружения журналов старых космических экспедиций. И только если нужных записей в архиве не окажется, он собирался исследовать управление космодрома, расположенного гораздо дальше от места посадки «Северной звезды».

— Оружие без приказа не применять. При малейшей опасности возвращаемся на корабль. Запомните: наша единственная задача — разведка.

Никто ему не ответил. Вряд ли они нуждались в этом последнем напутствии. Но он знал, как важна в такой ситуации осторожность. И все время напоминал об этом не только всем остальным, но и себе самому.

Люди его отряда получили неплохую подготовку в «Д-корпусе», но у них нет опыта самостоятельных действий в сложных ситуациях, и уж тем более у них нет никакого боевого опыта. Даже его приказ надеть защитные костюмы вызвал целый взрыв недовольства. Выполнять приказы без возражений он так и не успел их научить, и пройдет еще немало времени, прежде чем они к этому привыкнут. Если, конечно, оно у них будет — это самое время.

Им пришлось выбрать пеший вариант для своей вылазки, поскольку ни одно аниранское транспортное средство не предусматривало ручного управления. Переделка заняла бы слишком много времени. Они взяли с собой специально подготовленный вертолет на ручном управлении, но его еще нужно было собрать.

Солнце перевалило середину небосклона и заметно клонилось к закату, когда они наконец достигли городской стены. До сих пор ничего не произошло, и это было странно, потому что кем бы ни были их противники — они свободно передвигались в космосе и не могли не заметить целого ани-ранского флота, вышедшего на тропу войны.

И уж, во всяком случае, они должны были обратить внимание на шумную посадку «Северной звезды».

Но, возможно, рокандцы любили поспать днем, или за двадцать лет полной изоляции они настолько отвыкли от космических кораблей, что теперь решили просто не обращать внимания на докучливых гостей.

Отряд подошел к воротам. Казалось, даже ветер, все время швырявший им в лицо пригоршни пыли, не смел нарушить городскую черту.

— Похоже на силовую защиту.

Шлемофоны искажали звук, и трудно было определить, кто говорил.

— Там нет защиты, — ответил Арлан. Он не стал уточнять, откуда ему это известно, поскольку и сам этого толком не знал. Не колеблясь, первым он переступил черту,

обозначенную перед воротами валиком пыли. Ничего не произошло. Он уже стоял на городской улице.

Вокруг не было видно ни одной живой души. Он повернулся и внимательно осмотрел оставшийся за его спиной пылевой нанос. За пределами города пыль была, но дальше, на мостовой, она отсутствовала. Все выглядело так, будто кто-то старательно подмел улицу города и оставил сметенную пыль перед воротами. Однако ветер дул в сторону города и, врываясь в ворота, свободно продувал улицу. Но это был уже чистый ветер, непонятным образом очищенный от пыли.

— И все-таки это похоже на завесу. Я видела подобную защиту на Торидане, но там она не пропускала ничего.

Теперь он узнал голос Беатрис, предупредительным жестом она остановила всех остальных перед невидимой преградой.

— То, что она пропустила одного из нас, вовсе не значит, что остальные пройдут так же беспрепятственно.

Беатрис отыскала подходящий камень и швырнула его в пространство между ворот. Камень, не встретив никакого сопротивления, пролетел внутрь и, подпрыгивая, покатился по чисто выметенной мостовой, выложенной гравипластовыми плитами.

Все-таки там что-то было. Арлан чувствовал между створок присутствие непонятной энергии — но приборы молчали, и в конце концов он приказал всем остальным десантникам пересечь роковую черту, отделявшую город от пустыни.

Не произошло ровным счетом ничего, и теперь уже все шестеро космонавтов стояли на городской мостовой.

Глава 32

Место катастроф всегда притягивает внимание людей, завораживает, словно омут или край обрыва. Сознание того, что в этом городе не так давно жили миллионы людей, которые затем исчезли неведомо куда, оставив после себя пустые молчаливые дома с мертвыми глазницами окон, заставляло десантников замедлять шаг и пристально вглядываться в переулки, в распахнутые настежь двери подъездов.

Им все время казалось, что вот-вот из этих дверей покажется живое существо — кошка, собака или хотя бы крыса. Но постоянные спутники человека исчезли вместе с жителями.

Арлан запретил отходить в сторону от намеченного маршрута, и отряд компактной группой успешно продвигался в сторону информатория вот уже в течение часа.

Тишина стояла такая, словно этот город находился в безвоздушном пространстве. Только скрипели подошвы их ботинок да ветер, отфильтрованный от пыли, завывал между крыш. Иногда в стороне возникали посторонние звуки, но десантники очень скоро убедились, что все они связаны с ветром. Хлопали незапертые рамы окон, звенела сорванная черепица, шелестели иглы на рокандских деревьях, заботливо рассаженных вдоль улиц исчезнувшими горожанами.

Все время казалось, что стоит войти в подъезд очередного, возникшего на перекрестке здания, и тайна мертвого города будет раскрыта. Но Арлан знал, как обманчивы и бесперспективны подобные надежды. Если поддаться им, город затянет их в свои глубины, мертвые чрева домов, сменяя друг друга, проглотят и растворят крошечный отряд. А маятник проклятого хронометра будет неумолимо отсчитывать оставшиеся у них секунды.

Арлану стоило немалого труда пресекать любые попытки параллельно заняться исследованиями. Беатрис даже упрекнула его в бесчувственности и в том, что его не интересует причина гибели аниранской колонии лишь потому, что сам он не аниранец.

Он вытерпел и этот упрек. Время важнее всего — об этом он помнил постоянно и вел отряд вперед, только вперед, по светлой линии маршрута, проложенного в его памяти.

Наконец они оказались на городской площади. В центре ее, на белом постаменте, возвышалась статуя аниранского президента, восседавшего в глубоком кресле. Миновав

статую, они оказались перед многоэтажным зданием городского управления и администрации бывшей колонии с широкой каменной лестницей.

Справа от здания управления, на углу площади, в точном соответствии с планом, Арлан сразу же заметил приземистое строение информатория — цель их сегодняшнего похода и первое помещение погибшей колонии, внутрь которого он разрешил войти.

Лифты, естественно, не работали. Света не было, а узкие окна, не приспособленные для освещения, оставляли большую часть здания в темноте. Им пришлось включить фонари и медленно продвигаться с этажа на этаж в поисках центрального хранилища информационных кристаллов.

Нижние этажи здания занимали просторные залы с терминалами и удобными рабочими столами.

Во всех аниранских городах были подобные общественные центры информации. Каждый житель мог бесплатно работать в таком зале, пользоваться книгами, инфоновостями и даже архивами, разумеется, в пределах материалов, разрешенных для свободного доступа.

Именно то, что здание это всегда было открыто для любого жителя рокандской колонии, и вызвало у Арлана повышенный интерес. Но и здесь они не нашли ничего, что дало хотя бы намек на судьбу посетителей этого некогда полного людей общественного дома.

Аппаратура, несмотря на то что прошло много лет с тех пор, как эти залы покинул последний пользователь, выглядела так, словно ее только что выключили.

Не было даже статической пыли, всегда покрывающей рабочие поверхности дисплеев. Их черные глаза смотрели на людей с немым укором, словно старались напомнить о трагедии, невольными свидетелями которой они стали.

Пытаясь сэкономить время на поисках, а может, отдавая дань необъяснимому чувству вины, не оставлявшему их с того самого момента, как они очутились в мертвом городе, Арлан попытался привести в рабочее состояние один из дисплеев.

С энергией особых проблем не возникло, поскольку все энергетические цепи в аниранских устройствах давно стандартизировали. Батарея от бластера годилась для того, чтобы насытить энергией целый дисплейный зал. Почти все устройства оказались работоспособны, но на экранах не появилось ничего, кроме снега.

Кто-то или что-то стерло все внутренние рабочие программы на этих машинах, и запустить их стало невозможно, хотя вся электроника работала исправно. Надежда Арлана с помощью устройств самого информатория узнать, где расположено центральное хранилище, не оправдалась.

Пришлось продолжать поиски вслепую. У них не было плана здания, и лишь часа через два в подвалах левого крыла удалось обнаружить на полках в беспорядке сваленные груды информационных кристаллов.

Впервые они столкнулись со следами какой-то разумной деятельности, свидетельствовавшей о том, что колонисты знали о надвигавшейся на них катастрофе.

Кто-то пытался упаковать и подготовить к эвакуации самое ценное — информацию. Но не слишком преуспел в этом.

Несколько разбитых пластиковых ящиков валялось у самого входа. Десятки уже упакованных и готовых к отправке стояли вдоль стены в неровном, наспех сложенном штабеле. Их так и не успели вывезти.

Минут через пятнадцать Ли Карт, специализировавшийся во время своего обучения в «Д-корпусе» на аниранской электронике, наладил переносной терминал. Теперь появилась возможность выяснить, что именно они нашли. После кропотливой многочасовой работы Арлану стало ясно — все их усилия оказались напрасны.

Самую важную часть записей куда-то эвакуировали или, что было вполне вероятным, уничтожили, чтобы не дать возможности получить доступ к Жизненно важной для аниранцев информации.

Однако Арлана интересовали на первый взгляд совершенно безобидные данные о рейсе

исследовательского корабля в неизвестный район космоса. Обо всех подобных рейсах, произведенных накануне захвата.

Они-то как раз могли сохраниться, и теперь десантникам предстояли почти безнадежные поиски тайного хранилища информкристаллов в незнакомом городе.

Сразу же стало ясно, что без выяснения причин того, что здесь произошло, им не удастся продвинуться ни на шаг.

Задача казалась совершенно неразрешимой. Для того чтобы бегло исследовать территорию многомиллионного города силами отряда в семь человек, потребуется несколько лет.

Им оставалось надеяться на шальную удачу или на информаторий самого космодрома. Но Арлан знал, что по анирaнским правилам отчеты о подобных исследовательских экспедициях всегда передавались в центральный информаторий, и потому не слишком рассчитывал на космодром.

После того как осмотр ближайших домов не принес ничего интересного, Арлан решил разделить свою поисковую группу на две части, чтобы осмотреть за оставшееся до темноты время возможно больший район.

К шести вечера по местному времени все должны были собраться в районе центральной площади. Город строили по единому плану, и заблудиться здесь было практически невозможно — все дороги вели к центральной площади. Кроме того, У каждого из них были компьютерные распечатки плана города.

Вместе с Арланом остались Рудин и Сандри Лан. При малейшей возможности Арлан старался объединить эту пару, словно в нем теплилась надежда склеить то, что разрушило само время и неподвластные ему обстоятельства чужих жизней.

Город молчал, они шагали по его пустынным улицам уже несколько часов, проходя дом за домом.

— Ты надеешься, кто-то остался в живых? Мы осмотрели уже десятки домов. Что мы, собственно, ищем?

Если бы он знал ответ на этот вопрос!

— Что-нибудь. Любой след. Любое указание. Нам надо понять, была ли начата эвакуация жителей перед захватом, и если да, то куда именно они эвакуировались.

— Но нет ничего, никаких подтверждений!

— Возможно, так. Но я видел мертвые города в Иране. Уже через пару лет их захватывала пустыня. Никакими фильтрами ее не остановишь. А здесь нет даже трещин на мостовых. В домах все выглядит так, словно жители оставили их неделю назад.

Слушая в своем шлемофоне переговоры Сандри и Степана, Арлан упорно хранил молчание. Несмотря на включенную рацию, шлем скафандра создавал иллюзию полной уединенности, отрезанности от окружающего. Его мозг лихорадочно перебирал гипотезы возникновения того невозможного мира, в котором они теперь оказались.

Ему не хотелось расставаться со своей внутренней сосредоточенностью, он знал, что она обычно предшествует догадке, которая потом, как правило, оказывается верной. Но неожиданно то, что он Услышал по рации, заставило его полностью переключить внимание на Степана:

— В одном доме пару часов назад, мне показалось, я видел нечто странное, нечто такое, что явно указывало на недавнее присутствие людей.

— Что именно? Ну, говори же! Сейчас может иметь значение любой пустяк!

— Меня поразил рисунок на стене. Синей краской были нарисованы волны, уходящие за горизонт. Это были скорее каракули, чертеж какого-то дебила, но тем не менее в линиях ощущалось движение. А там, где кончались волны, было нацарапано лицо… Нечеловеческое лицо…

— Что значит — нечеловеческое? Морда животного?

— Нет, это было все-таки лицо.

— Ты можешь говорить яснее?

— Возможно, это рисовал не человек, и именно поэтому мне показалось, что стену заляпал какой-то ненормальный. К тому же краска выглядела свежей, слишком свежей для двадцати лет.

До Арлана не сразу дошло значение сказанного Рудиным, и он переспросил:

— Что? Что ты сказал?

— Краска не успела высохнуть. Я провел по ней рукой, и она прилипла к пальцам.

Арлан остановился так резко, словно налетел на невидимое препятствие.

— Где этот дом?

— Я не помню… Все улицы похожи друг на друга, я не придал этому значения. А почему тебя это заинтересовало? Здесь достаточно сыро, краска могла раскиснуть от влаги.

— Покажи руки!

— Я вымыл перчатки.

— Дай я все-таки проверю, иногда остаются мельчайшие следы, которые можно обнаружить только с помощью приборов.

С минуту он изучал перчатки Рудина, затем тщательно протер их спиртом и вложил тампон в походный анализатор.

— Это не акварель. Это масляная краска, и она не могла раскиснуть от сырости. Тебе придется найти этот дом.

Поиски продолжались в течение всего оставшегося у них в резерве времени. Но солнце неумолимо приближалось к горизонту, и остальные члены группы давно ждали их в условленном месте.

Все оказалось бесполезным. Стандартные дома, одинаковые кварталы. Даже внутренняя обстановка квартир походила одна на другую как две капли воды.

— Пора идти к месту встречи. Впредь попрошу сразу же докладывать мне обо всем необычном, что вам удастся заметить. — Арлан не сумел сдержать разочарования в своем голосе, и Рудин ничего не ответил. Зато Сандри отреагировала сразу же:

— В таком случае вы должны определить, что именно следует считать необычным! Здесь все необычно! Сам этот город за двадцать лет должен был превратиться в развалины!

Не ответив, он повернулся и пошел к центральной городской площади. Груз, который он взвалил на себя, с каждым часом становился все тяжелее.

Глава 33

Наконец все снова собрались вместе. Люди устали. Арлан знал, что они к тому же голодны, и, прежде чем двинуться в обратный путь к кораблю, он объявил небольшой привал. Настало время подвести итоги этого длинного бестолкового дня. Шестеро десантников сидели за длинным столом в здании городского управления. Все это время автоматические анализаторы продолжали свою работу, неизменно подтверждая отсутствие в воздухе каких бы то ни было опасных бактерий или ядовитых газов, и теперь Арлан разрешил наконец снять шлемы.

Сандри быстро справилась со своими несложными обязанностями дежурного, раздав всем саморазогревающиеся брикеты с ужином. Подождав, пока люди утолят голод довольно безвкусной синтетической пищей, содержащей тем не менее все необходимые вещества и достаточное число калорий, Арлан спросил:

— Кто хочет высказаться? Прежде всего мне нужны результаты ваших наблюдений. Детали, поразившие вас. Гипотезы о причинах гибели колонии на Роканде мы будем делать позже, когда соберем достаточно фактов. Я попрошу всех быть предельно объективными и говорить по возможности кратко. До заката остается не больше часа, пора возвращаться на корабль.

Первым заговорил Ли Карт. Арлан ценил этого невысокого человека, отличавшегося завидной выносливостью и особой, скрупулезной наблюдательностью. На Земле он был крупным ученым-физиком и теперь выполнял роль научного консультанта по всем сложным

вопросам.

— Я не уверен в гибели здешней колонии. Мы не обнаружили ни одного факта, подтверждающего эту гипотезу. Прежде всего нет трупов. Ни одного. Даже через двадцать лет кости должны были сохраниться.

— Живых рокандцев, однако, мы тоже не встретили, — возразил Рудин.

— И это самое странное. Потому что мы осмотрели значительную часть города. Здесь нет больших помещений, где могли бы укрываться сразу несколько миллионов человек, составлявших население колонии. К тому же их дома, комнаты, в которых они жили, вещи, которыми они пользовались, — все это выглядит так, словно хозяева ненадолго отлучились и сделали это совсем недавно.

— Но в городе нет энергии! — вновь возразил рудин. — Я осмотрел несколько энерговодов, все они обесточены. Нам не удалось найти энергостанцию. Она скорее всего была вынесена за пределы города. Общественный транспорт не работает, вода не подается, отопление не функционирует. Даже воздух внутри домов не очищается. Современный город не может жить без энергии. Я не верю в то, что его жители до сих пор живы и скрываются лишь потому, что мы здесь появились!

— Этого никто и не утверждает, но то, что здесь произошло, не обязательно должно означать поголовное истребление всех жителей колонии.

— Отсутствие трупов можно объяснить различными причинами…

— Например, какими? — хмуро спросил Арлан.

— Ну, я не знаю… Какие-то неизвестные животные, способные проглотить человека целиком, болезнь, при которой разрушаются костные ткани, наконец, по неизвестной нам причине они могли покинуть город.

— Болезнь — это вряд ли… — возразил Рудин. — Какие-то части трупов все равно останутся. Пластиковые протезы костей, к примеру… Что касается массового ухода жителей, то я в него не верю, потому что человек не покидает своего жилища, не захватив с собой каких-то вещей, хотя бы самых необходимых. Даже в случае внезапного бедствия, пожара или наводнения люди стремятся взять с собой предметы первой необходимости. Здесь все нетронуто, все выглядит так, словно хозяева вышли на несколько минут и вот-вот должны вернуться.

— А как насчет гипотезы массового насильственного переселения? Планета была захвачена неизвестной нам космической силой, после этого жителей могли репатриировать или использовать в качестве рабочей силы в местах, расположенных далеко от города.

— В это тоже трудно поверить, — упрямо тряхнул головой Рудин, словно отмахиваясь от гипотезы, предложенной Сельмой. — В этом случае здесь были бы следы борьбы. Вряд ли жители согласятся на такое переселение добровольно, как ягнята. Значит, должны остаться следы схватки и опять же трупы…

К тому же, если захватчики собирались использовать местных жителей для каких-то своих целей, они должны были позаботиться о поддержании их жизни. Трудно поверить, что они прибыли на Роканду с запасом необходимых вещей, медикаментов и продуктов, годных для проживавших здесь аниранцев. Значит, они должны были позволить пленникам взять все это с собой. Но городские запасы продовольствия не тронуты даже в домах, в холодильниках полно продуктов. Самое странное, что, несмотря на закончившиеся сроки хранения, все они абсолютно свежие. За двадцать лет продукты в холодильниках без энергии остались свежими! Может мне кто-нибудь разумно объяснить этот факт?!

— Тише! — неожиданно попросила Беатрис. — Там, снаружи, кто-то ходит…

Арлан знал, каким феноменальным слухом обладают аниранцы, и потому немедленно дал знак Степану и Ли подойти к двери.

Сказались долгие тренировки, предшествовавшие отлету, и ему не пришлось разъяснять приказ. Оба встали как нужно, по обеим сторонам от входа, не высовываясь наружу, лишь тихо щелкнули в их руках снятые с предохранителя бластеры.

Арлан бесшумной кошачьей походкой подошел к двери, одним толчком распахнул ее и

сразу же отпрыгнул в сторону. Но эта предосторожность оказалась излишней — снаружи никого не было.

Они осмотрели весь двор вокруг дома и всю прилегающую улицу, но так и не нашли ничего подозрительного.

Между тем короткие рокандские сумерки уже полностью вступили в свои права, холодное зеленоватое солнце скрылось за линией горизонта, и сразу же ледяной ветер напомнил о том, что они находятся в высокогорье.

Пора было возвращаться. Несмотря на приборы ночного видения, двигаться в темноте по городским закоулкам было слишком рискованно.

Арлан ни на минуту не сомневался, что Беатрис не ошиблась. Далеко, на самом краешке своего внутреннего ментального слуха, он различил нечто постороннее, темный пульсирующий комок чужого сознания…

Они шли осторожно, проверяя каждый поворот, каждый закоулок. Опасность была совсем рядом. Она пряталась в черных тенях домов, в мертвых подъездах с распахнутыми настежь дверями.

Арлан, выслав вперед наиболее опытных бойцов, сам замыкал это крадущееся в потемках и слишком малочисленное воинство.

Они продвигались слишком медленно, а сумерки все сгущались. Казалось, город не желал выпускать их из своих мертвых лап.

Защитные планетарные костюмы делали людей похожими друг на друга, а шлемы скрывали лица. Едва они покинули помещение, Арлан заставил их вновь загерметизировать костюмы — это позволяло держать между членами группы постоянную радиосвязь. К тому же шлем, сделанный из прозрачной силиконовой брони, способен был защитить голову человека даже от прямого Попадания пули. Хотя более современное оружие — энергетический заряд бластера, к примеру, пробивал ее навылет. Тем не менее шлем создавал некую иллюзию защиты и позволял людям чувствовать себя увереннее.

У самых ворот, перед тем как покинуть город, Арлан вновь, в который раз за этот бесконечный вечер, пересчитал своих людей.

Одного не хватало. Пять минут назад все были на месте, сейчас же, у ворот, их было лишь пятеро… От недоброго предчувствия у Арлана перехватило дыхание.

— Всем снять шлемы!

Секунду они разглядывали друг друга, словно увидели впервые. Беатрис среди десантников не было.

— Ли Карт и Сельма идут на корабль. Ваша задача — как можно быстрее подготовить планолет к вылету. Если мы не вернемся до утра, с рассветом перегоните планолет на центральную площадь. Мы оставим там радиомаяк, чтобы вы могли легко найти место посадки.

— Командир, это безумие… Вас останется всего трое… Беатрис не могла случайно отстать или потеряться, мы бы услышали ее рацию. В городе кто-то есть… И этот «кто-то» может повторить нападение. Что нам делать, если вас не будет на площади?

— Возвращайтесь на корабль. Постарайтесь хотя бы выяснить, что собой представляют наши противники. Через трое суток, если мы не вернемся, можете стартовать. На орбите вас встретят. Флот с нетерпением ждет информации.

Не слушая возражений, он повторил приказ. Когда трое оставшихся космонавтов повернули обратно, к центру города, стало совсем темно.

— Как это могло произойти? — спросил Арлан, ни к кому персонально не обращаясь. — Как могло случиться, что она даже не вскрикнула, ведь рации были все время включены!

— Они работали с перебоями, командир. Они и сейчас работают с перебоями. Вот, пожалуйста, можете убедиться. Связи с кораблем нет.

В наушниках стояла густая, плотная тишина, такая же густая, как мрак, обрушившийся на город, сквозь который не пробивалось ни единого лучика света.

Они прикрепили шлемы к поясам и, обеими руками сжимая оружие, шли тесной группкой, чувствуя локти друг друга.

Арлан думал о том, что, несмотря на страх, который испытывал каждый из них, никто не возразил против возвращения в полный опасностей ночной город. Никто из тех, кого он выбрал для поиска Беатрис, не предложил подождать до утра…

«Со временем из них могли бы получиться неплохие солдаты, — печально подумал Арлан. — Вот только этого времени у них скорее всего не будет».

Он хорошо помнил то место, в двух кварталах от ворот, где он в последний раз пересчитал группу и убедился, что все участники похода на месте.

Беатрис исчезла за время короткого перехода между перекрестком, на котором они теперь стояли, и воротами. Он хорошо понимал, что это ровным счетом ничего не значит. Он шел последним, и вся группа на протяжении этих двухсот метров была у него перед глазами. Тем не менее Беатрис, не издав ни единого звука, исчезла, бесследно растворилась в этом проклятом городе!

Он приказал себе успокоиться и вновь проанализировал имевшиеся в его распоряжении факты.

Уйти из группы, никого не предупредив, мог только самоубийца. Значит, этот вариант отпадает. Каким-то образом Беатрис должны были силой увести в сторону от маршрута, по которому они шли к воротам. Во время движения всего несколько метров отделяло одного участника похода от другого. Даже в условиях плохой видимости, чтобы незаметно похитить человека при таких обстоятельствах, требовалось сделать его совсем невидимым, да и самих нападавших должно быть видно.

Возможно, так и произошло… Ведь Беатрис услышала чьи-то шаги еще в зале, когда они ужинали, а позже он сам почувствовал присутствие чужого разума — почувствовал, несмотря на давление внешнего ментального поля.

Он никак не мог избавиться от второстепенных деталей, заслонявших в его памяти какое-то важное обстоятельство…

Наверно, он надеялся на чудо, возвратившись на этот перекресток. Но чуда не произошло. И если Беатрис похитили, то, что бы собой ни представляли напавшие на нее существа, они не остались на месте. А раз они движутся, с каждой потерянной минутой зону поисков придется расширять все дальше.

Он взглянул на часы. С исчезновения Беатрис прошло уже около часа. Отряд дошел до здания городского управления и остановился у огромного, неестественно нависавшего над ними козырька второго этажа.

Уже ни на что не надеясь, они вновь осмотрели зал, который покинули час назад.

Аниранские очки ночного видения хоть и работали лучше аналогичных земных приборов, все же сужали сектора осмотра и искажали цветопередачу.

До сих пор, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, они обходились без фонарей, но теперь, в этой конечной точке маршрута терять уже было нечего, и Арлан включил ручной прожектор, осветив им зал и знакомый стол с пластиковым пакетом, в который Сандри аккуратно сложила остатки ужина и коробки из-под использованных концентратов.

Неожиданно лоскут на полу привлек их внимание. Это был обрывок серебристой ткани защитного костюма…

Чтобы вырвать из силиконового костюма подобный бесформенный кусок, требовалось усилие тонн в сорок.

Ни челюсти животного, ни один из известных им механизмов не мог произвести подобного действия, не задев человеческого тела. Но на полу не было следов крови.

Ни в этом, ни в двух соседних помещениях они не обнаружили больше ничего, никаких следов, никаких посторонних вещей. Время между тем неумолимо мчалось вперед, все дальше, отдаляя их от похитителей. Из этого зала они с равными шансами на успех могли продолжать поиски в любом направлении.

— Пора возвращаться, — Арлан наконец принял это неизбежное решение, словно поставил последнюю точку, забил последний гвоздь в крышку гроба Беатрис. — Без нашей помощи им вряд ли удастся собрать планолет до утра. С рассветом мы прочешем город и прилегающие окрестности.

— Как ты думаешь, — спросил Рудин, — зачем они вернулись в этот зал?

— Откуда мне знать? Я не специалист по негуманоидной логике.

— Ты уверен, что они не гуманоиды?

— Они не гуманоиды. И не аниранцы. Это что-то другое. И, мне кажется, мы скоро узнаем, что они собой представляют.

Он опять почувствовал на дне своего сознания присутствие той темной шевелящейся силы, что предшествовала исчезновению Беатрис.

Глава 34

На них напали перед самыми воротами. Что, собственно, произошло, навсегда осталось для Арлана загадкой. На мгновение он почувствовал, как чьи-то руки, похожие на стальные тиски, сдавили ему горло с такой силой, что он не мог произнести ни звука, а через секунду удар по голове лишил его сознания.

Когда он вновь пришел в себя, над Рокандой занимался серый рассвет. Солнце еще не взошло, но вокруг было уже достаточно светло. Внизу, в полуметре от его лица, равномерно и ритмично раскачивалась земля. Через какое-то достаточно долгое время он понял, что раскачивается не земля, а он сам.

Он лежал в сетке, сплетенной из сыромятных отвратительно пахнувших ремней. Эту сетку, надетую на длинную прочную жердь, несла пара неизвестных ему вьючных животных, похожих на помесь ящерицы с ослом.

Острая боль в предплечьях заставила его застонать. Руки, для пущей безопасности, оказались стянутыми у него за спиной. Лежа в сетке лицом вниз, он был совершенно беспомощным.

Он не мог даже повернуться, чтобы рассмотреть своих похитителей. Но они были совсем недалеко, потому что сзади доносилась негромкая речь, и, прислушавшись, он узнал несколько слов. Язык походил на сильно искаженный аниранский.

Колонисты? Значит, часть их все-таки уцелела? Но почему они напали на него? Ведь ни их корабль, ни одежда не отличались от аниранских. Стиснув зубы и не произнося ни слова, он рванулся, стараясь ослабить путы, но веревки только глубже врезались в тело.

— Смотри-ка, зашевелился, — сказал за его спиной хриплый каркающий голос.

— Может, он из грансов? Волосы больно светлые.

— Грансы в город не заходят. Грансы свое место берегут и с пурлами не связываются.

— Откуда же он тогда взялся, с неба, что ли, свалился?

— Может, и с неба. Раньше, до сотворения, они оттуда часто наведывались, да только теперь та дорожка закрыта.

— Ничего. Председатель быстро выяснит, кто он такой.

Голоса стихли. То ли тема была уже полностью исчерпана, то ли им надоело разговаривать. Изворачиваясь, как червяк в коконе, Арлан в конце концов сумел повернуться в своей сетке на бок. Теперь, по крайней мере, его взору открылась часть тропы. Она шла по самому краю горного уступа, все время снижаясь. Тут и там росли пока еще редкие кусты с закрученными спиралевидными листьями. Арлан вскоре понял, что караван спустился с плато и теперь растительность будет становиться все гуще, пока не превратится во влажный тропический лес.

Дорогу при таком суженном обзоре запоминать бесполезно. Разве что отдельные характерные детали, такие, как это сломанное дерево или камень в форме львиной головы…

Чтобы ослабить боль в стянутых веревкой кистях рук, Арлан постарался расслабиться. Постоянно давивший на него ментальный фон планеты теперь стал значительно слабее.

Возможно, свою роль сыграли экранировавшие тропу стены ущелья, но скорее всего уровень «Д-поля» каким-то образом зависел от высоты. Чем ниже они спускались, тем слабее становилось излучение. Это было ценное наблюдение, поскольку оно подтверждало, что излучение шло сверху, из космоса, где на спутниках могли находиться ретрансляционные антенны.

Защитный комбинезон по-прежнему был на нем Возможно, похитители не сумели разобраться с застежками, а возможно, не захотели терять время на его одежду. Он почувствовал на груди прохладный камень Талисмана и подумал, что, как только ему развяжут руки на первом же привале, они поймут, как сильно ошиблись в выборе пленника. Если бы еще шлем с рацией остался…

Но нельзя желать слишком многого. Он и так был благодарен судьбе за то, что сохранил ясное сознание и всю свою силу. Могло быть гораздо хуже… А самое главное, теперь он знает, что случилось с Беатрис и где нужно ее искать.

Понять бы еще, для чего им понадобилось похищать людей, что они собираются делать с пленниками и что собой представляют сами похитители? Вскоре он должен получить ответы на эти вопросы.

Караван спускался все ниже, постепенно погружаясь в синий сумрак влажного тропического леса. Даже солнце, высоко взошедшее над горизонтом, не могло пробиться сквозь многоярусную завесу синеватой плотной листвы.

Формы стволов выглядели уродливо. Возможно, из-за своей непропорциональности. Стволы, как и ветви, состояли из двух частей разной толщины, завитых в тугую спираль.

На такой ствол легко будет взбираться, а деревья росли так плотно, что не составит особого труда передвигаться по верхним ярусам леса…

Он все время механически отмечал для себя все, что могло пригодиться в дальнейшем, после того как удастся совершить побег. Арлан ни на секунду не сомневался, что сумеет бежать при первом удобном случае.

Животные, несущие его сетку, время от времени кивали своими чешуйчатыми головами в такт ходьбы и косили в его сторону желтыми глазами. Иногда Арлану даже казалось, что на их мордах появлялись ехидные усмешки. Чего не привидится после четырех часов мучительного спуска! Каждое движение отдавалось в его перекрученных руках волнами боли.

Вьючных животных, как он понял из разговоров похитителей, звали лаламами, и они, по мнению своих хозяев, были хитры и коварны.

Несмотря на боль, Арлан ни на минуту не прекращал попыток ослабить ремни. Однако успехами похвастаться не мог. Сыромятные ремни упруги, как резина. Порой казалось, что ему удалось ослабить путы, но как только он позволял себе короткий отдых, веревка возвращалась в прежнее положение.

Во время очередного мучительного поединка с ремнями идущая слева от Арлана лалама неожиданно просунула свою узкую голову в ячейку сетки, и ее острые, обнаженные в знакомой усмешке зубы оказались в нескольких сантиметрах от его руки. Арлан весь сжался, ожидая укуса, и едва не закричал, чтобы привлечь внимание погонщика, но вовремя удержался, почувствовав отсутствие каких бы то ни было враждебных намерений в ментальном поле лаламы.

В момент опасности мгновенный ментальный контакт устанавливался самопроизвольно, независимо от его желания. И сохранялся, несмотря на давление внешнего поля. От его воздействия ментальные ощущения значительно ослабли, но не исчезли совсем, а по мере спуска давление поля все больше ослабевало.

Арлан понял, что у этого животного не было враждебных намерений, и не ошибся. Словно пожалев его, лалама неторопливо принялась жевать веревку на его руках.

Пораженный, Арлан старался понять, так ли уж инстинктивны и неосмысленны действия животного или оно действительно пытается помочь ему?

Казалось, это было совершенно нелепое предположение, но он сейчас отчаянно

нуждался в помощи, а надежда, как известно, умирает последней.

Конечно, ничего, кроме общего лениво-дружелюбного фона, ему не удалось уловить в мозгу лаламы. Однако это не имело особого значения. Поскольку совместными усилиями им удалось настолько ослабить путы, что сбросить их уже не составляло никакого труда. Арлан не стал с этим торопиться, решив подождать более подходящего момента. Выбраться незаметно из сетки все равно было сейчас невозможно.

Вскоре объявили привал, и Арлан смог рассмотреть своих похитителей.

Их оказалось восемь человек. Одетые в грубую домотканую одежду, с куртками из сыромятной кожи, с допотопным оружием, состоявшим из стрел, копий и мечей, они выглядели настоящими дикарями.

Двадцать лет с момента захвата колонии казались слишком маленьким сроком для такого одичания. Но они, несомненно, принадлежали к аниранской расе. Причину столь быстрого одичания нужно было, видимо, искать в самом захвате, в том, что произошло на планете много лет назад.

Это открытие давало ему надежду установить с ними какой-то контакт, тем более что их язык был для него понятен. Он решил не торопиться сообщать им эту новость и сначала постараться узнать из их разговоров как можно больше.

Самой большой загадкой являлось для него то, каким образом им удалось выжить под постоянным гнетом «Д-поля», смертельного для любого аниранца

По приказанию старшего двое аборигенов стали развязывать веревки, скреплявшие по краям походную тюрьму Арлана.

Затем его усадили, прислонив спиной к дереву и даже не удосужившись проверить путы на руках. Сейчас он мог бы воспользоваться моментом и уйти. Он знал, что этим людям его не удержать. Их примитивное оружие не способно было пробить ткань защитного костюма. Но если он это сделает, то скорее всего потеряет единственную возможность узнать хоть что-нибудь о судьбе Беатрис.

А высоко над планетой Роканда, в миллионах километров от ее поверхности, новый командующий вторым аниранским флотом, бывший полковник, а ныне генерал Рикарский собрал экстренное совещание своего штаба.

— Мы не получили сообщения от своего агента, отправленного на Роканду. Возможно, он погиб. Возможно, условия прохождения для сигналов его передатчика оказались хуже, чем мы предполагали. В любом случае мы не можем уйти отсюда, не нанеся сокрушительного удара по врагу. Наш уход будет слишком похож на бегство, этим мы признаем свою полную беспомощность и спровоцируем наших противников на немедленный захват Анирана. Я принял решение начать бомбардировку Роканды.

Рикарский сидел во главе большого стола, спиной к иллюминатору флагманского корабля. Прямо перед ним, по обеим сторонам в довольно непринужденных позах расположились капитаны подчиненных ему крейсеров, однако последние слова Рикарского пронеслись над столом словно ледяной ветер.

Лица капитанов вытянулись, на них читалась растерянность, и лишь капитан флагмана, старейший из присутствовавших в кают-компании офицеров, нашел в себе мужество возразить Рикарскому. Слишком велик был страх остальных перед этим выскочкой, пользовавшимся фактически неограниченной властью и поддержкой самого президента.

— Но, сэр, отсутствие сигналов может означать гибель вашего агента от излучений «Д-поля». Нам придется послать к самой планете рейдеры, управляемые людьми. Автоматы там не выдерживают и двух минут. Людям тоже не удастся подвести корабли к планете на дистанцию, необходимую для бомбардировки. Они неизбежно погибнут по дороге.

— Конечно, гарантии сохранности их драгоценных жизней я дать не могу, — согласился Рикарский, выдавив из себя холодную улыбку. — Подобной гарантии и не может быть. Мы выполняем военную операцию, господин капитан первого ранга, прошу вас об этом не забывать! Риск во время таких операций неизбежен. Все пилоты рейдеров получат новое химическое средство защиты от «Д-излучений». Оно поможет им продержаться

необходимое время.

Но седой низкорослый человек в потертом кителе, с тусклыми нашивками капитана первого ранга все еще не сдавался.

— Это средство не было испытано в полевых условиях. Вернее, было, если принять во внимание молчание вашего агента, но результат этих испытаний отрицательный. Еще ни один пилот не вернулся из зоны действия рокандского «Д-поля» живым. Мы не просто рискуем жизнью этих пилотов, мы посылаем их на верную гибель!

Не ожидавший такого противодействия, Рикарский чуть было не сорвался. Его голос буквально звенел от ярости, когда он, вскочив со своего места, заявил:

— Вот мы и проведем испытания, используя для этого ваших людей! Готовьте рейдеры! Это приказ!

Возмущенный ропот умудренных опытом капитанов уже не мог его остановить. Слишком хорошо Рикарский понимал, что от результатов похода на Роканду зависит вся его дальнейшая карьера, а возможно, и сама жизнь.

Спустя час сорок одноместных ракетных рейдеров, оснащенных ручным управлением и до отказа набитых нейтронными бомбами, покинули стартовые шлюзы своих кораблей-маток и двинулись к Роканде. Операция по уничтожению планеты началась.

Глава 35

Костер, сложенный из листьев местных растений, горел неестественно ярким, коптящим пламенем, ослепительным даже при дневном свете. Видимо, эти листья были обильно пропитаны эфирными маслами и почти не содержали воды.

Приятный аромат, напомнивший Арлану земную парфюмерную лавку, доносился до него от костра. Кроме того, аппетитно пахло хорошо прожаренное мясо, которое местный повар начал раздавать всем аборигенам. Арлану оставалось лишь надеяться, что про него не забудут.

Он все еще сидел молча и неподвижно, прислонившись к стволу дерева, стараясь не показать, что его руки больше не стягивала веревка.

Но вот наконец абориген, выполнявший обязанности повара, подошел к Арлану. Видимо, он собирался развязать или ослабить путы, чтобы дать пленнику возможность поесть.

На вертелах, которые повар держал в руках, еще оставалось несколько хороших кусков мяса.

Но этот человек был не только поваром. Одного взгляда оказалось ему достаточно, чтобы понять, что веревка больше не стягивает руки пленного.

На его крик подбежали еще двое воинов.

Один из них, в меховой шапке, с обветренным и словно выдубленным солнцем лицом, расстроился больше всех.

— Я вязал его веревку! Он не мог ее развязать! Никто не может развязать моих узлов!

— Успокойся, Лык, он ее не развязывал. На веревке следы зубов.

Это известие почему-то произвело большое впечатление на его стражей. Все трое сразу же попятились от Арлана, и никто из них не попытался вновь затянуть путы. Привлеченные криками, к ним подошли остальные члены отряда. Они стояли неподалеку, не приближаясь к Арлану, и разглядывали его так, словно он вдруг стал для них какой-то невиданной диковинкой.

Арлану удавалось улавливать лишь обрывки разговоров, хотя он и прислушивался изо всех сил, понимая, что речь идет о его дальнейшей судьбе.

— Что нам с ним теперь делать?

— Это будет решать председатель. Мы должны Доставить его в деревню. Председатель во всем разберется.

— Ты думаешь, ему помогли лаламы? — почему-то шепотом спросил Лык.

— Других зверей здесь нет.

— Но если ему помогли лаламы, это же… Это же значит…

— Замолчи, Лык! Он не должен этого слышать.

— Но трансы не понимают нашего языка.

— Лаламы не помогают грансам, мы не знаем, кто этот человек.

Они отошли. Арлан не двигался, ожидая продолжения событий. Минут через пять к нему вновь приблизился повар.

На почтительном расстоянии от Арлана он положил на большой кожистый лист несколько кусков мяса и поставил кружку с каким-то напитком. Потом, пользуясь длинной жердью, очень осторожно пододвинул пленнику свой импровизированный поднос.

Арлан, решив, что скрывать развязанные путы больше незачем, с жадностью принялся за еду. Он знал, что пища, пригодная для аниранцев, подойдет и ему.

Некоторое сомнение вызвал у него лишь напиток густого зеленоватого цвета. От него шел пряный аромат. Скорее всего это был сок местного растения. После некоторого колебания Арлан решил, что скрывать свое знание местного языка дальше нецелесообразно — это могло ему слишком дорого обойтись.

Общаясь со своими стражами, он получит гораздо больше столь необходимой ему сейчас информации. Избежать отравления соком неизвестного растения показалось ему гораздо более важным, чем продолжать игру в молчанку. Демонстративно понюхав кружку и всем своим видом выражая покорность судьбе, он спросил:

— Не могли бы вы дать мне обыкновенной воды?

— Нет, ладжей. Ты должен выпить священный сок Кафы.

— Почему ты называешь меня ладжеем?

— Потому, что лаламы помогают только ладжеям.

— Что это за напиток? Что бывает с теми, кто его выпьет?

— Он становится нашим, его принимают в общину.

— Вашим? А вы кто?

— Ладжей. Так нас называют.

— Тогда объясни мне сначала, кто такие ладжей?

— Ты в самом деле свалился с неба? Ты ничего не знаешь о ладжеях?

Услышав их разговор, к ним постепенно подошли остальные.

Теперь все они стояли рядом с Арланом тесным полукругом. Он понял, что от его ответа зависит очень многое. И еще одно он понял, совершенно неожиданно для себя. Несмотря на всю его сноровку и силу, несмотря на защитный костюм и спрятанный под ним Талисман света, несмотря на все это, ему не уйти от этих людей, если они сами не захотят его отпустить.

— Так ответь мне наконец, кто такие ладжей?

Ему надоело притворяться. Ему чертовски надоела вся тягостная неопределенность сегодняшнего дня, и он любой ценой решил добиться ясности хотя бы в одном вопросе. Чего бы это ни стоило, чем бы это ни обернулось для него.

— Я же тебе сказал, ладжей — это те, кому помогают лаламы.

— Очень понятно. Вам они помогают?

— Ты думаешь, на лаламах можно возить поклажу, если они этого не захотят?

Этого он не знал и, словно проверяя только что полученную информацию, внимательно посмотрел на животное, которое совсем недавно перегрызло его путы.

Оно стояло в стороне и равнодушно перемалывало на своих зубах пучок травы. Однако Арлан готов был поклясться, что глаз, обращенный в его сторону, в этот самый напряженный момент хитро подмигнул ему. И тут же, с невинным видом, лалама отвела свой взгляд.

Рейдеры не вернулись. Рикарский понял, что они не вернутся никогда, лишь через минуту после того, как погас последний экран связи.

Он чувствовал, как влажные липкие пальцы страха сдавливают его голову и ползут все

ниже, к сердцу… Слишком хорошо он знал, что бывает с теми, кто не выполнил приказа президента.

«Генерал Рикарский… — с горечью подумал он, — командующий объединенным флотом федерации. Недолго мне пришлось пробыть в этой должности…» Но он еще не испил до конца чашу своего унижения.

Неожиданный сигнал боевой тревоги пронесся по всем отсекам флагманского корабля.

От Роканды к развернутой фаланге аниранского флота, находившегося за пределами зоны воздействия «Д-поля», стремительно приближалась длинная шеренга небольших кораблей.

— Они возвращаются! Возвращаются наши рейдеры! — Однако радость дежурного офицера, следившего за экранами носовых локаторов, оказалась преждевременной.

— Какова их скорость? — хрипло спросил Рикарский, первым заподозрив неладное.

— Сейчас, подождите… Этого не может быть!

— Ну так какая же?! — рявкнул Рикарский, теряя терпение.

— Полпарсека в секунду… Такой скорости не может быть у наших кораблей…

— Такой скорости не может быть ни у каких кораблей! Это рокандцы! Открыть заградительный огонь. Все батареи к бою!

Но было уже поздно. Крохотные кораблики, летящие с огромной скоростью, врезались в стройную шеренгу аниранского флота, мгновенно затормозились и смешались с аниранскими крейсерами.

После этого начался настоящий ад. Корабли, защищаясь от наседавших на них со всех сторон ос, открыли беспорядочный огонь из своих орудий сразу во все стороны. Лазерные батареи прошивали пространство синими спицами на многие километры вокруг. Ослепительные облака разрывов нейтронных снарядов заволокли весь строй аниранских кораблей.

Они стояли слишком близко друг к другу, и никто уже не слышал приказов.

Связь неожиданно прервалась. Наступила полная тишина в эфире, и в этой тишине бесшумные в космосе разрывы атомных снарядов казались еще ужаснее.

На четвертой минуте боя один из рокандских кораблей, идущий в лобовую атаку на флагманский крейсер Рикарского, не успел уклониться от столкновения и на всей своей огромной скорости врезался в носовую рубку крейсера.

В результате этого удара от стальной громадины крейсера должно было остаться лишь облако раскаленных газов.

Однако ничего не случилось. Не было даже вспышки. Даже толчка. Онемевшие от ужаса офицеры, секунду назад ожидавшие неминуемой смерти, теперь смотрели на Рикарского ничего не понимающими глазами.

— Прекратить огонь! Максимальная скорость на тяге! Курс двенадцать радиант сорок!

Рикарский отдал свой запоздавший приказ, пытаясь вывести флагман из-под беспорядочного обстрела своих собственных кораблей, но опоздал…

Два попадания в кормовой отсек лишили звездолет основной тяги. Потеряв возможность разогнаться до переходной скорости, они оказались отрезанными от дома.

Разобравшись наконец в происходившем, капитаны аниранских кораблей, не получившие никаких приказов, на свой страх и риск один за другим отдавали команды о прекращении огня.

Огненный ад кончился. Космос вокруг них был девственно чист, если не считать обгоревших обломков их собственных кораблей.

— Мы сражались с призраками, с фантомами, с зеркальным изображением наших собственных рейдеров! — В голосе Рикарского слышались почти рыдания. Но он жалел не тысячи погибших ни в чем не повинных людей, он оплакивал и проклинал только собственную судьбу.

— Но как же радары, сэр! Их экраны зафиксировали десятки вражеских кораблей.

— Они ничего не фиксировали. Экраны радаров видели люди. Это фантомы. Они были

только в наших мозгах. Уходим отсюда. Эта проклятая планета убивает всех, кто к ней приближается, даже на расстоянии…

— Но наши рейдеры…

— Они наверняка давно погибли. И в любом случае это теперь неважно! Выполняйте приказ!

Глава 36

Лагур проснулся слишком рано. Солнце еще не взошло, хотя неестественный синеватый свет рассвета уже пробивался сквозь листья гролы, покрывавшие крышу его хижины.

Он лежал на неудобном жестком ложе. Все его тело затекло от холода, впрочем, не только тело… Мысли тоже вращались в непривычном замедленном темпе. Они были отрывочны, эпизодичны и почти не связаны друг с другом.

Ко всему прочему его все время подводила память. Он помнил, что сегодня двадцать третье апреля и что вчера тоже было двадцать третье апреля. Еще он помнил собственное имя: Л агур. Впрочем, в том, что это имя принадлежит именно ему, он почему-то сомневался.

Он знал, что должен встать и, несмотря на царящий в хижине утренний холод, собраться на охоту.

Голод уже безжалостно терзал его внутренности. Но он начисто забыл, как здесь охотятся, какое нужно для этого оружие, как выглядят животные, которых он должен использовать в качестве своей добычи. Он не знал даже, куда именно следует идти на охоту.

Голова болела так, словно ее зажали в гигантские тиски, и чем больше он пытался разобраться в своем положении, тем сильнее становилась боль.

Тогда он уцепился за самую простенькую мысль, только что мелькнувшую в его сознании.

Он подумал, как здесь охотятся, и это словечко «здесь» словно провело невидимую черту, отделившую его от наружного мира.

Возможно, он ему не принадлежит. Или принадлежит, но не полностью. Вставать все-таки придется… Лагур медленно приподнялся, затем сел и осмотрел свою хижину так, словно видел ее впервые. Ему подумалось, что это может соответствовать истине. Он не помнил ни этой циновки у двери, ни убогих непрочных стен, сплетенных из побегов незнакомых ему лиан.

В углу, над дверью, занавешенной еще одной циновкой, он заметил странное приспособление в виде согнутой в дугу палки, концы которой были связаны между собой длинной прочной жилой. Он понятия не имел, для чего может служить подобная штука. Возможно, это какой-то инструмент или оружие… Рядом из длинной узкой коробки торчали тонкие палочки с острыми наконечниками. Уж они-то наверняка могли служить оружием. Непонятно только, почему их так много.

Прежде чем окончательно расстаться с постелью, Лагур успел дважды пересчитать эти палочки, и ни разу в его памяти не мелькнуло ни одного знакомого слова. Он не знал, как называются эти штуки, и не помнил, для чего они служат.

Поднявшись наконец с койки, он стал натягивать меховую куртку и вдруг обнаружил под своей рубашкой непонятный плоский предмет. Он висел у него на шее на тонкой, но прочной цепочке. Лагур достал серебристый овал и зачарованно уставился на него. Он никогда не видел ничего подобного. Крупные прозрачные камни, отшлифованные заподлицо с поверхностью овала, казались окнами в неведомый сверкающий мир огня. Красные, голубые, зеленые… Каждый камень имел свой собственный цвет и свой собственный внутренний огонь. Чем дольше всматривался Лагур в переливы этих цветных огней, тем нереальней казался ему окружавший его внешний мир, а в памяти постепенно вставала туманная картина совершенно иного мира.

В том мире с ним происходили какие-то очень важные события, и в том мире время имело совершенно особую цену… Память возвращалась к нему отрывочными неясными эпизодами. Но теперь, по крайней мере, он понял причину, по которой память сыграла с ним такую подлую шутку.

Напротив своей койки, на деревянной грубо вытесанной скамейке, он обнаружил кувшин с растительным соком. Лагур с подозрением понюхал его и осторожно слизнул с ладони каплю.

Вкус жидкости показался ему знакомым, а этот запах… Он уже ощущал его однажды, и это было… Да, это было именно двадцать третьего апреля. Похоже, с той минуты, как он попробовал сок Кафы, время остановилось…

Странные мысли приходят к нему в голову только по утрам, на голодный желудок, и всегда сопровождаются сильными приступами боли. Он не знал, как от них избавиться. Наверно, самым простым способом было бы прекратить вспоминать и Думать вообще, но этого он не мог себе позволить. Краешком сознания, очищенного огнем Талисмана, Лагур понимал, что с ним произошло нечто Необычное и что, если он хочет выбраться из трясины полного отупения, он должен продолжать сопротивляться.

Для начала необходимо побороть неожиданный приступ жажды и неудержимое желание осушить кувшин до самого дна.

Выкопав в земляном полу хижины небольшую ямку, он вылил в нее содержимое кувшина и аккуратно заровнял поверхность. Сейчас, когда кувшин был пуст, жажда усилилась еще больше. Если в течение дня ему не удастся найти воду, пригодную для питья, эта маленькая победа над собой превратится в поражение.

Прежде чем выйти из хижины, он тщательно спрятал огненную вещицу, согревавшую его своим внутренним теплом, под рубашку и разровнял куртку. Странно, что до сих пор у него не обнаружили и не отобрали эту замечательную вещь. Он не сомневался, что лишится ее, как только людям, поджидавшим его снаружи, станет известно о его сокровище.

Когда он выбрался из хижины, солнце уже встало над квадратной вершиной горы. Эта вершина, единственная прорвавшаяся к небу сквозь завесу тропического леса, упорно приковывала его внимание. Она была плоской и наверняка огромной. Он подумал, что там, наверху, дуют свежие ветры и уносят прочь гнусные запахи, которыми пропитался охотничий поселок.

Недалеко от его хижины, поджидая Лагура, стояли трое охотников, полностью снаряженные и готовые к походу. Он сразу же вспомнил их имена: Зак, Ригас и Телл. Возможно, он видит их не в первый раз, возможно, они уже ходили вместе на охоту… Возможно.

— Лаг! Ты опять забыл взять свой лук? — спросил Ригас, самый высокий из них и наверняка главный в этой группе. Но почему он назвал его Лагом? Ах да… Так они все делают. Длинные имена выговаривать слишком утомительно.

— Он опять все забыл! — хихикнул низенький и толстый Зак.

— Хватит! — сразу же оборвал его Ригас. — Он новичок. Научится. Ты сам был таким. Пойди принеси его лук!

— Куда мы пойдем сегодня? — спросил Лагур, и все уставились на него так, словно он сморозил какую-то глупость.

— Мы пойдем туда, куда скажет Ригас, — важно и значительно произнес худой, как тростинка, Телл.

— Мне хочется побывать на вершине горы. Что, если нам поохотиться сегодня там?

— Зачем тебе на гору, Лаг? Не нужно тебе на гору! — хихикнул Зак, уже успевший принести из хижины лук Лагура.

— Туда нет дороги. Никто не ходит через Черный лес к подножию горы. Мы пойдем на старые вырубки. К Желтому ручью приходят на водопой саландры. Сегодня мы будем охотиться на них, — закончил Ригас не допускающим возражений тоном, и Лагур сразу же понял, что спорить с ним бесполезно, а возражать опасно.

Самое лучшее — продемонстрировать полную покорность, иначе они догадаются о том, что он проделал со своим кувшином. Слова Ригаса о водопое вселили в него надежду утолить жажду, мучившую его все сильнее.

К его поясу привязали небольшой бурдючок с жидкостью, но Лагур не сомневался, что в нем бултыхается все тот же сок. «Наверняка в соке содержится какой-то наркотик», — подумал он, и это незнакомое ему раньше слово, неожиданно всплывшее в памяти, лишний раз показало, что действие наркотика начинает слабеть. Ему нужно быть очень осторожным, чтобы не выдать себя…

На краю поселка, без всякой загородки и привязей, свободно паслись несколько странных животных. Одно из них, заметив Лагура, сразу же поспешило к нему навстречу, радостно потряхивая своей отвратительной зубастой мордой, сплошь покрытой какими-то кожистыми наростами.

— Твоя лалама ждет тебя. Поприветствуй ее, но не задерживайся слишком долго. Солнце уже высоко, мы можем опоздать к утреннему водопою, — сказал Ригас.

Лагур, больше всего озабоченный тем, чтобы скрыть свое состояние, медленно направился навстречу животному. Лалама положила свою длинную, украшенную ужасной пастью голову ему на плечо. Странно, почему-то он не испытал ни страха, ни отвращения. Какое-то необъяснимое чувство дружелюбия исходило от животного и омывало его сознание чистой и ясной волной.

Они стояли рядом, наверно, с минуту. Лагур видел, что Ригас начинает терять терпение. Он уже совсем было собрался отойти от животного, когда услышал тоненький голосок, словно комар пищал у самого уха.

Сначала слова, произносимые этим голоском, показались ему совершенно неразборчивыми, но чем больше он вслушивался, тем больше слов становилось понятными.

— Иди с ними к водопою. Когда солнце зайдет за вершину горы, я помогу тебе бежать. Покажу дорогу. Будут заставлять пить сок Кафы — не делай этого.

— Кто ты? — прошептал Лагур беззвучно, одними губами. Но, видимо, его услышали, потому что пришел ответ, хотя по-прежнему звук этого голоса больше всего походил на комариный писк. Слова теперь звучали вполне отчетливо:

— Я лалама.

— Почему ты хочешь помочь мне?

— Потому, что только ты понимаешь наш язык. Не говори им об этом. Теперь иди. Они не должны догадаться.

Когда Лагур вернулся к поджидавшим его охотникам, Ригас долго с подозрением разглядывал его, словно увидел впервые.

— Почему тебя так любят лаламы?

— Они мне нравятся.

— Нравятся? Их можно почитать. За ними нужно ухаживать и всегда нужно благодарить за помощь. Но как может лалама нравиться?

— Лаг часто говорит непонятные вещи. Такой уж он нам достался. Наверно, у него все еще болит голова.

— У тебя болит голова, Лаг? — спросил Ригас, и Лагур сразу же услышал знакомый писк.

— Не говори ему правды, иначе он догадается, что ты не пил сока Кафы. Скажи, что голова болела утром, но, когда ты напился, боль прошла.

Лагур так и сделал. Это сообщение, видимо, успокоило Ригаса, потому что они наконец тронулись в путь.

Почти сразу же поселок скрылся из глаз в густых зарослях. Лес над их головами сомкнулся, исчезло небо, исчезла далекая вершина горы, все время притягивавшая к себе взгляд Лагура. Почва под Ногами начинала мягко пружинить, постепенно Превращаясь в болото. Они шли уже второй час, и с каждой минутой дурман в голове Лагура рассеивался все больше. Он уже вспомнил, что у него есть другое имя, то, которое ему дали в мире под

названием Земля.

Он не смог вспомнить этого имени, но уже знал, что имя Лагур имеет отношение только к поселку охотников, в котором он находился не по своей воле.

Теперь он знал, что его желание во что бы то ни стало попасть на гору как-то связано с изменившей ему памятью. На горе находятся вещи, которые помогут ему вспомнить что-то очень важное.

Возможно, он вспомнил бы это важное прямо сейчас — но ему мешала головная боль, все время усиливавшаяся по мере того, как слабело действие наркотика.

Кроме боли, ему мешало сосредоточиться постоянное нытье Зака, который шел за ним след в след и ни на минуту не оставлял его в покое.

— Лаг! Почему ты не взял свою лаламу, раз ты ее так любишь! Почему я должен тащишь на себе тяжелый мешок?

— У тебя есть своя лалама. Ты мог взять ее с собой.

— У моей сегодня плохое настроение. Она с утра начала плеваться. Почему твоя лалама никогда не плюется?

— Потому что я кормлю ее три раза в день, потому что я не ленюсь лазить для нее на вершины деревьев за молодыми листьями гролы, потому что вечерами я вожу ее к водопою. Потому, что, если ты от меня сейчас же не отстанешь, я перережу тебе глотку.

Когда смысл последней фразы дошел наконец до Зака, он остановился как вкопанный.

— Что ты сказал, Лаг? Повтори, что ты сказал!

Лагур уже понял, что этой неосторожной фразой выдал себя и что действовать теперь надо немедленно, пока идущий впереди Ригас не заметил, что происходит. И хотя его мозг все еще не полностью освободился от дурмана, его тело и мышцы, его инстинкты опытного бойца — все это уже было в его распоряжении.

Лагур остановился, повернулся и бросился на Зака. Он испытал сильное и неожиданное для себя чувство удовлетворения, почти наслаждения, когда его рука одним стремительным движением сломала шею этому несчастному дураку.

Не издав ни единого звука, тот упал в траву. Капля крови показалась в углу его губ и медленно поползла по подбородку. В ушах Лагура все еще стоял отвратительный треск сломанных шейных позвонков, словно он расколол скорлупу ореха.

«Я не должен был этого делать. Что со мной происходит? Этот человек ни в чем не виноват… Он одурманен наркотиками так же, как и я…» Но дело было сделано, и теперь он должен позаботиться о том, чтобы остальные не узнали, что здесь произошло, или, по крайней мере, узнали не сразу.

Лагур оттащил труп Зака в сторону от тропы. К счастью для него, тропа все время виляла, меняя направление, и идущие впереди не могли ви-Деть, как он напал на Зака.

Прежде чем вернуться на тропу, Лагур достал из заплечного мешка Зака большой кусок солонины, а на дне его обнаружил флягу с хорошей свежей водой. Это означало, что его предположение о том, что Зак тоже одурманен наркотиками, скорее всего не соответствовало истине. Он был неплохим притворщиком, этот Зак.

Свежая вода из фляжки помогла Лагуру окончательно прийти в себя, даже головная боль отступила. Сняв с пояса Зака хороший стальной нож с широким лезвием, который тот демонстративно держал под рукой, отпуская в его адрес свои гнусные шуточки, Лагур вернулся на тропу.

Теперь у него был выбор. Он мог скрыться в зарослях, запутать след и попробовать самостоятельно отыскать дорогу к вершине горы. Но гораздо больше он узнает, если последует дальше вместе с отрядом, в котором теперь остался всего один серьезный противник. Времени у него, правда, будет немного. Исчезновение Зака обнаружится очень скоро.

Догнав идущих впереди него людей, Лагур попытался обогнать Телла, чтобы быть как можно ближе к Ригасу в тот момент, когда поднимется тревога. Это ему почти удалось.

Телл, молчаливый и угрюмый человек, вызывал у него жалость и симпатию. Почему-то

Лагур не сомневался, что в рюкзаке ТеЛла нет фляжки с чистой водой.

Тропа была слишком узкой для того, чтобы на ней могли свободно разойтись два человека. Плотно переплетенные побеги колючих лиан спускались с деревьев по обе стороны узкого туннеля, прорубленного в зарослях топорами охотников. Тропу приходилось постоянно расчищать, потому что лианы росли слишком быстро. Их ветви напоминали Лагуру стальную колючую проволоку. Через каждый десяток сантиметров на ветке находился нарост в виде узла из толстой древесины, утыканный шипами с прочными колючками, длиной в пять—шесть сантиметров каждый.

Наступить на такой еж означало надолго потерять способность двигаться. Колючки легко пропарывали подошвы самодельных сыромятных сапог охотников.

Телл, не понимая, что происходит, уступил Лагуру дорогу, когда тот хлопнул его по плечу и попросил посторониться. Его спина находилась в нескольких сантиметрах от стены колючих зарослей, и Лагуру достаточно было бы одного движения, чтобы надолго вывести из строя второго охотника. Но он ничего не имел против Телла и знал, что в решительную минуту тот не встанет безоговорочно на сторону Ригаса.

Оставив без ответа вопрос Телла о том, куда девался Зак, Лагур рванулся вперед, преодолевая последние несколько метров, все еще отделявшие его от Ригаса.

Услышав шум, тот успел обернуться раньше, чем это расстояние сократилось на дистанцию, достаточную для нападения. Теперь они стояли лицом к лицу, и Ригасу потребовалось всего несколько секунд, чтобы разобраться в происходящем.

Он приподнял топор, которым расчищал заросли, и первым молча бросился на Лагура.

Помня о том, что за его спиной оставался еще один противник, хоть и не такой серьезный, как Ригас, но все же способный напасть, если ему прикажут, Лагур принял единственно правильное в этой ситуации решение.

Он упал на землю, под ноги атаковавшему его Ригасу. Топор, описав в воздухе дугу, просвистел высоко над ним, но сам Ригас, хоть и споткнулся, все же сумел удержать равновесие.

Однако Лагуру удалось добиться главного, ради чего он использовал этот рискованный прием.

Теперь оба охотника находились от него с одной стороны, а узкая тропа не позволяла им напасть одновременно.

Оттолкнувшись от земли обеими руками, Лагур мгновенно оказался на ногах. В руке у него был зажат трофейный нож — оружие гораздо более удобное в ближнем бою, чем топор. Однако в том узком коридоре, ограниченном с обеих сторон опасными колючками, подойти к своему противнику на нужную дистанцию не удавалось.

Топор, описывая круговые движения, находился в опасной близости от Лагура, и он понимал, что при малейшей ошибке это лезвие раскроит ему череп. Он чувствовал себя так, словно попал в узкое жерло огромной мясорубки, а вращающийся нож с каждой секундой приближался к нему все ближе.

Лагуру приходилось шаг за шагом пятиться назад, и это было очень опасно, потому что он не видел за собой пространства — времени оборачиваться не было.

Каждую секунду его нога могла попасть на колючку или угодить в яму. Позиция, в которую он сам себя поставил, была крайне невыгодной, и ему пришлось вновь пойти на весьма рискованный прием. Максимально сократив расстояние, Лагур без всякой подготовки снизу метнул нож в Ригаса, расставшись тем самым со своим единственным оружием.

К счастью, его рука сама помнила, как правильно бросить нож, чтобы его лезвие в нужный момент оказалось впереди рукоятки.

Последовал хлесткий удар. Нож глубоко засел в правом плече Ригаса. Тот закричал от боли и выронил топор.

Лагур все время помнил о том, что за спиной Ригаса остался еще один противник. Несмотря на взаимную симпатию, которую они с Теллом испытывали друг к другу, он ни на минуту не сомневался, что тот не оставит без внимания нападение на Ригаса.

Лагур был для него чужаком, а Ригас, в их охотничьей четверке, главным. Похоже, он был главным во всей деревне, если не считать председателя, которого Лагур ни разу не видел.

Помня об этом, Лагур сразу же рванулся вперед, как только исчезло лезвие топора, преграждавшее ему путь.

За то короткое время, которое понадобилось Лагуру, чтобы преодолеть отделявшие его от Ригаса несколько метров, тот еще не успел прийти в себя после удара ножом.

Нож, видимо, задел артерию, потому что по обеим сторонам лезвия из раны на плече кровь хлестала фонтанчиками. Уже вся куртка Ригаса была залита кровью, а вид собственной крови совершенно деморализовал его.

Лагур обхватил его за шею, одновременно проводя захват здоровой руки Ригаса, и, заведя ее за спину, оказался у него за спиной.

Теперь тело Ригаса прикрывало его от нападения, и Лагур сразу же увидел, что успел сделать это в самый последний момент.

Телл уже натягивал тетиву лука, направляя тяжелую стрелу в грудь Лагуру. Однако на лице у него появилась растерянность, как только они с Ригасом поменялись местами. Теперь он боялся задеть своего вожака. Хотя расстояние для точного выстрела было вполне подходящим.

— Прикажи Теллу опустить лук!

Ригас молчал, и Лагуру пришлось как следует его тряхнуть. Тот взвыл от боли, но по-прежнему не произнес ни слова.

— Если ты не прикажешь Теллу опустить лук, я перережу тебе еще одну артерию. Ты и так уже истекаешь коровью. Через несколько минут ты потеряешь сознание и уже никогда не вернешься в свою деревню, если я немедленно не наложу жгут на твою руку! Прикажи Теллу опустить лук!

На этот раз его доводы подействовали.

Глава 37

Всю ночь Версон, Ли Карт и Штрауб, не смыкая глаз, собирали планолет, выполняя распоряжение своего командира. К утру выяснилось, что машина не сможет взлететь. Кто-то еще на Аниране позаботился об этом. Топливные элементы оказались искусно сделанной фальшивкой, они сели после пробного запуска мотора, хотя во время проверки, перед стартом, приборы показывали их полную зарядку.

С аварийным комплектом получилось то же самое.

— Сколько времени ушло у вас на дорогу до городской площади? — спросил Версон, скептически осматривая бесполезную машину. В отсутствие Заславского он оставался за старшего, и сейчас ему предстояло принять первое самостоятельное решение.

— Около двух часов.

— Нам надо немного отдохнуть. Будем спать до рассвета, затем отправимся в город.

— Кто останется на корабле?

— Никого. Пойдем втроем. Нас слишком мало, чтобы разбивать отряд на группы. Или мы найдем их и все вместе улетим отсюда, или останемся здесь и будем искать, пока не узнаем, что с ними произошло. Ты настроил автомат приемника, Ли?

— Конечно. Если он поймает хоть что-то на их передающей частоте, автоматически включится сигнал тревоги.

— Тогда всем спать.

Когда хмурый жиденький рассвет еще только начал пробиваться сквозь густые облака тумана, несущие на плато бесконечные заряды дождя, они уже подходили к городской площади.

Здесь ничего не изменилось. Разве что не было обещанного Арланом радиомаяка. Не осталось вообще никаких следов их пребывания в городе. Даже пластиковый пакет с

мусором, брошенный в пустом зале городской управы, где ужинал отряд перед исчезновением Беатрис, не удалось отыскать. Если бы Сельма сама не сидела за этим столом, она бы решила, что все происшедшее прошлым днем — хорошо поставленный розыгрыш.

Ни на что уже не надеясь, они начали осматривать дом за домом. В четвертом или пятом здании, похожем друг на друга, как близнецы, Сельма впервые обнаружила комнату, в которой вещи, собранные для дальней дороги, стояли в коридоре, словно в ожидании исчезнувших хозяев. Здесь были пластиковые емкости со свежей водой, запас концентратов, посуда, шерстяные одеяла, запасная обувь и теплое белье для ребенка. Пластиковый мишка сиротливо лежал на дне маленького рюкзачка. Сельма почувствовала, как боль чужой беды, наполнившая эту квартиру, проникла в ее душу.

— Эти люди знали, что их ждет. Они собирались покинуть город. Наверно, кому-то это удалось.

— Возможно, ты права. Нам придется расширить зону поисков. Внизу, под горой, если верить архивам, должны быть сельские хутора. Неплохо было бы выяснить, что с ними стало, но без пла-нолета спуск займет несколько дней… — Версон все еще надеялся, что каким-то чудом им удастся избежать похода в нижние леса.

Весь день они ходили из дома в дом тесной группой, не теряя из виду друг друга. Каждый из них по очереди исполнял роль часового. В его обязанности входило замыкать группу и держать оружие в постоянной боевой готовности, ни на секунду не выпуская из своего поля зрения остальных.

Версон тщательно рассчитал время и, едва солнце коснулось западной городской стены, дал команду возвращаться на корабль. Оставаться в городе с наступлением темноты после бесследного исчезновения четверых членов экспедиции было бы чистым безумием.

Следующие два дня прошли в таких же безрезультатных поисках внутри города. Версон все никак не мог решиться на многодневную экспедицию к подножию плато. Они боялись оставить корабль на произвол судьбы, в глубине души каждый из них был уверен, что, вернувшись из похода, они не найдут и этой крохотной частицы дома. Тогда даже надежда на возвращение будет утеряна, и они навсегда останутся на этой смертельно опасной планете.

К концу третьего дня, окончательно вымотанные после очередного безрезультатного похода, они вернулись на корабль. По очереди все приняли воздушный статический душ, поужинали осточертевшими концентратами и собрались в кают-компании для обсуждения планов поисков на следующий день.

— Третий день закончился, — произнесла Сельма, вопросительно глядя на Версона. — Тебе это ни о чем не говорит?

— А о чем это должно мне говорить?

— Командир сказал, что, если мы не найдем его в городе, через три дня мы должны стартовать.

— Вряд ли он мог знать, сколько времени понадобится на поиски. И потом… В тех войсках, где мне довелось служить на Земле, не принято бросать во вражеском тылу людей, с которыми пошел на задание.

— Но мы должны доставить информацию! Нас сюда послали за сбором информации! Я не собираюсь провести на этой чертовой планете весь остаток своих дней! Я хотела бы получить заработанные деньги и вернуться на Землю. Кроме того, хочу напомнить нашему многоуважаемому полковнику, что не все из присутствующих служили в каких-то там войсках!

— Но вы все подписали контракт и взяли на себя определенные обязательства.

— Ах, контракт… Попробовала бы я его не подписать! К тому же в контракте ничего не сказано о том, что я должна загнуться на этой планете!

Ли Карт во время спора упорно молчал, и Версон почувствовал, что теряет инициативу. Если эти двое объединятся против него, придется готовить корабль к старту…

— Послушай, Сельма, я ведь не собираюсь здесь оставаться. Как только закончим

поиски…

— Когда? Когда именно мы их закончим? Ты что, всю планету собираешься обыскать? Так на это не хватит двух жизней! У тебя нет даже планолета!

Она говорила с ним почти грубо, и он знал причину… Не прошло и двух дней с тех пор, как исчез командир, а он уже успел побывать в ее каюте. При нем бы он не решился. Сельма не возражала против его визита, и он подозревал, что Ли посетил ее каюту еще раньше, чем он сам. Об этом Версон ничего не хотел знать, это его не касалось.

Никогда раньше он не позволял себе интимных отношений с сослуживцами, зная, сколько неприятностей несут с собой подобные связи. Но он слишком долго не видел женщин, а Штрауб, надо отдать ей должное, чертовски соблазнительна.

Слишком далеко от них остались придуманные людьми правила поведения, мораль и прочая чепуха, не имеющая здесь никакого значения. Разве что долг остался прежним, долг перед товарищами… Но ведь одно не мешает другому… Нет, конечно, вот только чертовски трудно поддерживать дисциплину и официальные отношения с женщиной, если ты по вечерам залезаешь к ней в постель…

— Ты, несомненно, права. И я не собираюсь силой держать вас здесь, если оба вы не согласны с моим решением. Но мы должны дать им хотя бы дополнительное время…

— Время для чего?

— Время, чтобы они могли вернуться! И чтобы, вернувшись, они не нашли вместо ракеты опдавленные камни от ее двигателей. Вы когда-нибудь представляли себя на их месте? Попробуйте представить!

После его слов все надолго замолчали, и наконец заговорил Ли:

— Я с тобой согласен. Но у нас должен быть твердый план. И какой-то конкретный срок… Мы ведь выполнили все, о чем просил командир…

— Не совсем, — неожиданно вступила в разговор Сельма. И полковник заметил на ее лице какое-то новое, не свойственное ей выражение, будто она действительно последовала его совету и впервые постаралась взглянуть на обстоятельства глазами других людей. — Не совсем… Он просил нас сделать еще одну вещь…

— О чем ты говоришь? — спросил Ли, не скрывая недовольства оттого, что его перебили в такой ответственный момент, когда он совсем было выдавил из полковника конкретную дату, срок, после которого можно было требовать старта на законных основаниях.

— Я говорю о том, что командир просил нас узнать, что здесь происходит. Командир говорил, что мы должны хотя бы увидеть наших врагов, чтобы люди знали, с кем они борются. Если мы не сделаем даже этого — тогда вся наша экспедиция потеряет смысл и все жертвы окажутся напрасными…

— Но ты сама только что настаивала на отлете! — возмутился Ли.

— Считай, что я передумала.

Поздно ночью, когда все они, недовольные друг другом, разошлись по своим каютам и забылись тяжелым сном, оглушительный свист сигнала тревоги потряс стены корабля. В радиорубку все трое вбежали одновременно. Сельма не успела накинуть даже халата и теперь, забыв о том, как она выглядит в своей прозрачной ночной рубашке, стояла рядом с ними, впившись взглядом в черный ящик прибора, настроенного на канал связи с исчезнувшими людьми.

— Ты бы хоть прикрылась… — Щелкая ручками переключателей, Версон успел сделать Сельме это замечание и услышал в ответ лишь короткое: «Обойдешься». — «Северная звезда» на связи, «Северная звезда» на связи… — произнес он в микрофон, почти ни на что не надеясь. Уже дважды автомат рации включался, реагируя на слишком сильные атмосферные помехи.

— Откройте входной люк. Здесь Сандри и Рудин.

Лишь после того, как оптические датчики подтвердили, что у трапа корабля действительно две человеческие фигуры, одетые в защитные скафандры, и все еще не веря

самому себе, Версон включил гидравлический подъемник. Он едва сдержался, чтобы не приказать стоявшим снаружи людям снять шлемы. Именно этого требовала инструкция безопасности. Но он знал, что подобной педантичности ему никто не простит.

К счастью, это действительно были Сандри и Рудин, и, пока продолжались радостные возгласы, объятия и даже женские слезы, Версон стоял в стороне, дожидаясь своей очереди, чтобы поздравить товарищей с благополучным возвращением. Он думал о том, откуда в нем эта излишняя подозрительность. «Я ни на йоту не доверяю этой проклятой планете. Во всем, что здесь происходит, в ее мертвом, но чистеньком городе, в пропавших кораблях, в бесследно исчезающих людях — во всем скрыт какой-то обман…»

Когда с приветствиями было наконец покончено, он задал самый главный вопрос:

— Где командир? Что с вами произошло?

— На нас напали перед самыми воротами. Командир шел замыкающим, и, когда произошло нападение, мы не успели даже применить оружие. Все произошло слишком быстро. В темноте им удалось подкрасться к нам вплотную, их было слишком много…

— Я не понимаю, у вас же были приборы ночного видения.

— Приборы не фиксируют этих тварей. Возможно, у них есть какая-то защита от инфракрасного излучения или температура их тел не отличается от температуры окружающей среды.

— Так что же случилось с командиром?

— Мы не знаем… Мы надеялись, что он с вами… Когда произошло нападение, его уже не было. Минуту назад он говорил с нами, но в момент нападения сзади никого не оказалось.

— Что собой представляли нападавшие?

— Внешне они выглядят как люди, но двигаются медленно и странно, какими-то рывками, словно каждое движение у них разбито на десятки более мелких. Так двигаются роботы, если запустить их программу в замедленном режиме. Мы не слишком хорошо рассмотрели их в темноте. Их было десять или двадцать. Между собой они не разговаривали, не произнесли ни одного слова, хотя действовали довольно слаженно, словно подчиняясь какому-то плану или радиокомандам, которые мы не могли слышать. Связав, они потащили нас к северному склону…

— К северному? Там же нет дороги, нет спуска!

— Мы тоже так думали… Но на северном склоне сохранились остатки аниранской канатной дороги. Наши конвоиры крепили к ее мачтам длинные и очень прочные лианы и от мачты к мачте продолжали спуск. Не раз мы прощались с жизнью, не сомневаясь в том, что разобьемся, когда нас сбрасывали с отвесных обрывов. Но эти существа знали, что делают. К рассвету мы уже были у подножия плато. Внизу начинаются сплошные джунгли. Там другой климат, более жаркий и влажный.

— Вы заметили следы какой-нибудь разумной деятельности? Вырубки, поля?

— Мы мало что смогли рассмотреть. Внизу сплошное море зелени. Нет ни горизонта, ни перспективы. Только маленький клочок пространства вдоль тропы.

— Мне показалась несколько необычной сама тропа, — впервые в рассказ Степана вмешалась Сан-дри. — Она выглядит так, словно ее вырубают каким-то острым инструментом — топором или мачете. Следы срубов на растениях были совсем свежими.

— Я этого не заметил, — признался Степан. — Я думал лишь о том, как избавиться от сыромятных ремней, которыми связали наши руки. Но я так и не успел ничего сделать. Мы вышли на небольшую поляну, в конце которой начиналось болото. Это был вечер следующего после нашего похищения дня. За все время нам не дали ни глотка воды, ни крошки еды. Неприкосновенный запас в костюмах давно кончился, и нас обоих мучила сильная жажда. Я мог разговаривать с Сандри по своей рации, и наши конвоиры этого не замечали. Но мои попытки связаться с вами или с командиром ни к чему не привели. Видимо, радиоволны в условиях этой планеты способны преодолевать совсем небольшие расстояния.

На поляне около болота наши конвоиры собрались сделать первый привал или хотели

устроиться на ночлег. Мы не заметили у них даже следов усталости. Они не кормили нас, но и сами ничего не ели. Возможно, они как раз собирались поужинать — этого мы так и не узнали.

Как только отряд остановился, а к этому моменту конвоиров осталось всего шестеро, другие еще раньше ушли по боковой тропе в другую сторону, на них напали…

— Кто? Кто на них напал?!

— Какие-то животные. Их было штук двадцать, размером с нашего осла, но более длинные и худые, с огромными, как у крокодила, пастями. Они рвали этими пастями наших конвоиров на куски, однако крови не было… Словно те были куклами или роботами… Даже с оторванными руками и ногами они продолжали сражаться так, словно не испытывали боли… Только когда им перекусывали горло, они неподвижно замирали. Минут через двадцать все было кончено, и мы решили, что теперь настала наша очередь. Мы с Сандри даже попрощались, когда к нам не спеша направилось несколько этих тварей.

Но их интересовали только наши ремни. Разорвав зубами путы, стягивавшие наши руки, они сразу же исчезли в зарослях. Мы остались на поляне, заполненной кусками разорванной человеческой плоти, совершенно одни…

— Вы хотите сказать, что ваши спасители не воспользовались своей добычей, не стали есть тела своих жертв?

— В этом нападении было слишком много странного, — задумчиво проговорила Сандри. — Эти животные действовали организованно и слаженно. Если бы не их ужасный вид и смертоносные пасти, можно было подумать, что они разумны. И эти ремни… Ведь они просто перегрызли их. Перегрызли так, словно хотели нас освободить, а потом сразу же скрылись в зарослях, оставив нас посреди ужасной груды разорванных тел.

— Вы не попытались установить, что собой представляли существа, пленившие вас, каково их анатомическое строение?

— Ты слишком многого от нас хочешь. Нет. Мы сразу же ушли. Нашли неподалеку от болота чистый ручей, напились, взяли запас воды и двинулись обратно к кораблю.

— Вы поступили неосмотрительно и упустили великолепную возможность выяснить, что собой представляют наши противники.

— Конечно. Жаль, что тебя самого не было на той поляне. К счастью, заблудиться в лесу невозможно — плато видно с вершины любого дерева. Больше ничего существенного с нами не произошло. Все остальное время заняла обратная дорога.

— Ну что же… — подвел итог услышанному Версон. — Теперь, по крайней мере, мы знаем, куда следует направить дальнейшие поиски.

Глава 38

Что такое человеческая память? Что это, хрупкая запись в сознании одного-единственного человеческого существа, исчезающая вместе с ним, или это нечто большее?

Ее так легко потерять… А когда с нею все в порядке, мы не ценим, мы даже не замечаем ее. Но без памяти человек перестает быть личностью. Он ест, пьет, у него может быть даже имя… Другое имя, не то, что дала ему мать при рождении, словно кличка животного…

Да разве только имя? Вся его жизнь, лишенная воспоминаний, лишенная прошлого и цели, ради которой он жил, ради которой очутился в этом мире, вся она становится подобна жизни животного, управляемая простейшими инстинктами, заботами о пище и о тепле…

Лагур думал об этом, наблюдая за пламенем костра. И еще он думал, что такие мысли слишком сложны для простого охотника… А также о том, что возникновение подобных мыслей — добрый знак. Его память, не подавляемая больше наркотиком, начала пробуждаться. Отдельные странные картины все время всплывали перед глазами.

Корабль, словно огненная птица, разрезает черноту неба кинжалами синего пламени.

Женщина с узкими зрачками глаз нежно касается своими руками его обнаженных плеч…

Он кого-то ищет в заброшенном и мертвом городе…

Дальше все пропадало. Исчезало, как фильм на экране, когда рвется пленка… Он знал, что должен помочь своей памяти соединить в одно целое обрывки этих картин. Он уже почти понял, что нужно для этого сделать. Оставалась самая малость. Последнее, завершающее движение.

Он почувствовал тепло у себя на груди и вспомнил, как называется вещь, от которой исходит это тепло. Талисман света… Она называется Талисман света.

Но Лагур по-прежнему не знал, откуда она у него. С ней было связано что-то очень важное. Не менее важное, чем странные глаза женщины, смотревшие на него из темноты его затуманенного сознания.

Это был его первый привал после побега, первый самостоятельный ночлег в лесу. Нет, он не расстался со своими спутниками. Телл и Ригас по-прежнему были с ним, только роли теперь переменились. Ригас, связанный, сидел под деревом. Лагур наложил ему жгут. Хотя поможет это ненадолго — рана была глубокая. Телла он хотел отпустить, но тот отказался возвращаться в поселок без Ригаса. И тащился вслед за ними. Возможно, лучше всего было бы отпустить их обоих, но, прежде чем это сделать, Лагур хотел кое-что выяснить, а Ригас упорно отказывался говорить. И только сейчас Лагур сообразил, как надо вести этот непростой разговор.

— Дай-ка мне твой сок Кафы, Ригас.

Эта, казалось бы, ерундовая просьба вызвала у Ригаса весьма бурную реакцию. Он вцепился в небольшой бурдюк, висевший у него на поясе, здоровой рукой и инстинктивно постарался как можно дальше отодвинуться от Лагура.

— Чего ты так боишься? Я ведь не собираюсь отбирать у тебя твой сок, только посмотрю, так ли он хорош, как мой.

— Кафа священна! Это мой сок! Его не смеет касаться никто!

— Ничего. Я посмею.

Несмотря на отчаянное сопротивление Ригаса, он отобрал у него бурдючок, развязал горловину, вылил на ладонь несколько капель зеленоватой жидкости, понюхал ее, а потом лизнул.

— Так я и думал. Обыкновенная подкрашенная вода. Хочешь попробовать, Телл? Хочешь знать, почему у вас у всех, кроме Ригаса, по утрам болит голова?

— Ты поплатишься за это, проклятый проходимец!

Но, несмотря на гневные протесты Ригаса, Телл заинтересовался происходящим. Он взял бурдюк Ригаса, отпил из него несколько долгих глотков, медленно смакуя жидкость. Потом опустил бурдюк и долго, пристально смотрел на Ригаса.

— Я возьму его бурдюк, а он пусть теперь пьет из моего. Так будет правильно?

— Так будет очень правильно!

Лагур еще утром у первого чистого ручья заменил содержимое своего бурдюка и сейчас боролся с отчаянным желанием схватить бурдюк Телла и выпить его до последней капли. Вместо этого он плотно приставил отверстие бурдюка к губам Ригаса и сжал мягкую емкость свободной рукой.

Струя остро пахнущей жидкости потекла по подбородку Ригаса. Тот так сильно сжал челюсти, стараясь не пропустить жидкость из бурдюка в свой желудок, что побелели скулы.

— Если ты не ответишь на мои вопросы, я все-таки заставлю тебя напиться этой гадости, — пообещал Лагур, достав свой нож и приставив холодное острое лезвие к губам Ригаса.

— Хорошо. Я отвечу, — наконец сдался Ригас, до этого молча переносивший все угрозы Лагура. И только тут Лагур по-настоящему осознал, насколько опасен для человека сок Кафы. Возможно, ему придется бороться с остатками этой гадости в своем организме еще не один день.

— Что ты хочешь знать?

— Откуда я пришел? Как я появился в твоем селении?

— Этого я не знаю. Тебя принесли лаламы. Нас всех приносят лаламы.

— Да. Конечно. Или ты мне ответишь правду, или тебе придется выпить весь бурдюк сока. Тебе решать.

Видимо, эта угроза преодолела последний порог сопротивляемости Ригаса.

— Но тебя действительно принесли лаламы! Правда, Лык говорит, что он поймал тебя ночью в городе. Но кто же верит Лыку?

— В каком таком городе? Что собой представляет этот город?

— Много хижин, мало людей. Он там, на горе, куда ты так хотел попасть…

И тогда словно яркая вспышка света соединила в сознании Лагура отдельные разрозненные картины. Город, исчезновение Беатрис, поиски, ночное нападение…

— Кого еще принесли лаламы в ваш поселок?

— Только тебя. Ты был один!

— Но вместе со мной в городе были другие люди! И до того, как на меня напали люди Лыка, они похитили женщину из нашего отряда. Где она?!

— Откуда мне знать? Мы не похищаем женщин! Нам не нужны женщины, у нас своих слишком много!

— Тогда кто?

— Возможно, пурлы, они специально охотятся за женщинами. В нашей деревне только за прошлый месяц они украли четверых.

— Кто такие эти пурлы и для чего им нужны чужие женщины?

— Пурлы живут с другой стороны горы. Они не охотники. Собирают корни, питаются травой, иногда ловят женщин…

— Ловят женщин? Для чего они их ловят?

— Они считают, что мясо женщин более нежное, чем мужское.

— Ты хочешь сказать, что они людоеды?

— По большим праздникам они едят чужих женщин, в остальные дни едят траву и корни.

— Телл, ты сможешь показать мне дорогу к месту, где живут пурлы?

— Тебе не нужен больше этот человек? — За все время допроса Телл не отводил глаз от Ригаса, он и сейчас смотрел на него. И никогда раньше на его бесстрастном, почти мертвом лице Арлан не замечал такой бури эмоций. Похоже, он даже не услышал его вопроса.

— Нет. Он мне больше не нужен. Пусть убирается ко всем чертям. Он все равно умрет от потери крови.

— Телл должен отвести этого человека к председателю. Председатель всем велел пить сок Ка-фы. А Ригас не пил. Он только следил, чтобы мы его пили, а сам не пил!

— Не волнуйся так. Все это делают. Все надсмотрщики и предатели лишь делают вид, что пьют яд вместе с остальными. На самом деле они пьют нашу кровь.

— Я не понимаю…

— Это неважно. Это я не тебе говорю. Так как же насчет дороги? Мне нужно найти женщину, которую у меня похитили.

— Тебя любят лаламы. Попроси их — лаламы знают дорогу. Я не могу. Мне нужно вести Ригаса к председателю.

Неделей раньше, когда отряд во главе с Арланом подошел почти к самым воротам, Беатрис почувствовала неожиданный рывок. Что-то зацепилось за ремни ее защитного костюма сзади и резким рывком приподняло над землей.

Прежде чем она успела понять, что происходит, прежде чем успела крикнуть, улица города, слабо освещенная нашлемными фонарями ее товарищей, оказалась далеко внизу.

Когда она опомнилась, было уже поздно звать на помощь. Маломощные рации их защитных костюмов пробивали плотную завесу помех всего на несколько метров.

Кажется, она все-таки закричала и беспомощно забарахталась в воздухе, словно рыба, выдернутая из воды. Но это уже не имело никакого значения. Панорама города под ней медленно поворачивалась и уходила в сторону.

Через несколько секунд ее окружила сплошная темнота, и она поняла, что находится уже за пределами плато, над черной пропастью тропического леса… До земли теперь было не меньше трехсот метров.

Приподняв руки над головой, она попыталась на ощупь определить, что ее держит в воздухе, и обнаружила на плечевых ремнях костяные крючья толщиной с моржовый бивень.

Она не слышала никакого постороннего шума, только унылый свист ветра. Беатрис не знала механизмов, которые могли бы передвигаться столь бесшумно. Любой двигатель, даже на антигравитационной подушке, издает характерные звуки разрядов, всегда сопровождающие работу статического поля.

Скорее всего ее схватила птица или какое-то летающее животное. В условиях пониженной гравитации Роканды вполне могли существовать летающие особи достаточно больших размеров, что, бы поднять в воздух человека. Правда, в архивах об этом не было ни слова, но планету начали исследовать не так уж давно. За двадцать лет после захвата здесь многое могло измениться.

Если догадка верна, то ее шансы на спасение значительно увеличивались.

Из-за того, что ремни костюма под мышками натянулись, приподняв плечи, она не могла добраться до пояса и достать оружие, да и стрелять сейчас, в полете, было бы чистым безумием. Но как только эта тварь приземлится, достаточно будет одного движения, чтобы выхватить бластер и расправиться с летающим хищником, напавшим на нее.

«Не такой уж это хищник…» — подумала Беатрис, когда внизу появилось кольцо огней. Ее похититель стал круто снижаться, явно планируя на этот круг. Вскоре огни превратились в большие костры, разложенные на поляне у самого подножия плато. Птицы не разжигают костров, и сердце Беатрис сжалось от недоброго предчувствия.

До земли все еще оставалось несколько метров, когда костяные захваты на ее плечах разжались и она камнем полетела вниз. Многодневные тренировки в академии «Д-корпуса» заставили ее автоматически сгруппироваться и принять удар о землю полусогнутыми ногами.

На ногах она не устояла, высота была слишком большой. Прежде чем Беатрис успела вскочить, на нее навалилась огромная, отвратительно пахнувшая туша какого-то дикаря. С нечеловеческой силой ей заломили руки, и, лежа лицом вниз, чувствуя, как рот заполняет жидкая грязь, она застонала не столько от боли, сколько от ярости и досады на то, что так и не успела выхватить оружие.

Жесткими, болезненно впившимися в кожу ремнями ей прочно связали руки за спиной.

Вокруг слышались радостные вопли танцующих у костров дикарей.

Пляски продолжались недолго. Очень скоро Беатрис приподняли, поставили на ноги и поволокли куда-то в глубь леса. К рассвету она оказалась в небольшом поселении, если можно назвать поселением десяток хижин, сложенных из необработанных стволов деревьев и прикрытых от постоянных здесь дождей листьями и шкурами животных. Архитектура этих строений производила странное впечатление. Хижины складывались наподобие шатров из вертикально поставленных деревьев. Наверху стволы сходились, образуя небольшой круг, из которого выходил дым от очага. Внизу круг бревен расширялся до нескольких метров, очерчивая жизненное пространство этих примитивных жилищ.

Глаза молодой женщины, прошедшей неплохую военную подготовку, автоматически отмечали детали, незаметные для нетренированного глаза: число и направление тропинок, расходящихся от поселения, отсутствие оград, количество вооруженных людей, замеченных ею в поселке, количество и качество находившегося у них оружия.

В военном смысле этот поселок не представлял никакой угрозы, если не считать таинственных ночных летунов.

Ее проволокли через все поселение, заканчивавшееся вырубкой, вклинившейся в

девственные лесные заросли. В этом месте деревья росли так плотно, что образовали сплошную гладкую стену, к которой было пристроено некое подобие огромной деревянной клетки.

Отомкнув примитивный, но вполне надежный засов, дверцу открыли и грубо втолкнули ее внутрь, так и не развязав ей рук, уже совершенно онемевших от ремней.

Видимо, это строение было специально предназначено для содержания пленников, людей или животных — она так и не поняла. На полу стояла деревянная выдолбленная колода с водой, и для того, чтобы напиться, ей пришлось лечь на землю наподобие какого-то дикого зверя. К счастью, ее конвоиры, задвинув засов, потеряли к ней всякий интерес и разошлись по своим хижинам.

Часа через два поселок начал просыпаться. Из хижин появились подростки, дети и несколько взрослых мужчин. Они, не обращая на Беатрис никакого внимания, занялись своими делами. Выделывали шкуры, носили в бурдюках воду, тащили сухие дрова из леса, собирали на поляне какие-то корни. Беатрис удивило, что во всех этих работах совершенно не участвуют женщины. Она не видела ни одной.

Несколько подростков подошли к клетке и стали рассматривать пленницу. Это было первое проявление интереса к ее особе. С удивлением она обнаружила, что может понимать их язык. Они говорили на сильно исковерканном и упрощенном наречии аниранского бытового языка.

— Смотри, Лагот, и эта тощая. Долго придется кормить.

— У нее одежда толстая, под ней ничего не видно. Снимут, тогда посмотрим.

— Развяжите, пожалуйста, мне руки! — попросила Беатрис. У нее не было больше сил терпеть боль от ремней. Вывернутые предплечья жгло невыносимым огнем.

— Лакост опять забыл снять ремни! Она же есть ничего не может. Пойди скажи Крапу.

Когда отправленный к неведомому Крапу подросток исчез в дальней, самой большой хижине, она спросила у двух оставшихся:

— Что со мной сделают? Зачем меня поймали?

Оба засмеялись, ничего на это не ответив. Через некоторое время она попыталась заговорить с ними снова, зайдя на этот раз с другого конца:

— Кто меня схватил на горе? Ваши люди умеют летать?

Они опять загоготали, и один из них указал пальцем куда-то вверх, на верхушку большого дерева, росшего неподалеку от ее клетки.

Она увидела среди ветвей нечто напоминавшее большой серый мешок высотой примерно в полтора человеческих роста.

Подросток вернулся с мужчиной, одетым в сыромятную кожаную куртку и такие же штаны. Он был высокий — не менее двух метров ростом — и широкий в плечах. Лицо его ничего не выражало, казалось, оно было прикрыто толстой жировой маской.

Мужчина открыл засов и, одним движением заставив Беатрис встать на колени, перерезал ремни. Боль в руках была такая невыносимая, что она не сумела воспользоваться благоприятным моментом и ничего не предприняла. Клетка снова захлопнулась. Подростки ушли. Никто больше не проявлял к ней ни малейшего интереса. Правда, часа через два один из них принес долбленое корытце, заполненное какой-то горячей отвратительно пахнувшей похлебкой, и просунул его между деревянных кольев, составлявших решетку ее клетки.

Несмотря на то что со вчерашнего вечера она ничего не ела, похлебка с плававшими в ней кусками корней и незнакомых плодов, обладавших резким неприятным запахом, показалась ей совершенно несъедобной, и она не притронулась к пище.

Ближе к полудню в центре поселения произошло какое-то движение. Из большой хижины, в которую ходил посыльный, показался еще один толстый мужчина, наверное, самый толстый из всего этого племени, состоящего из непропорционально сложенных людей высокого роста, чрезмерно отягощенных жировыми отложениями.

Судя по почтительному поведению остальных членов племени, это был какой-то вождь или шаман.

Ему услужливо поставили специальную скамью с широкой спинкой, и он неторопливо, с достоинством водрузил на нее свое неповоротливое толстое тело.

К этому времени боль от ремней в руках Беатрис несколько поутихла, и она с нетерпением ждала любого изменения в своем положении, решив, что на этот раз не упустит момента. Кто бы ни вошел к ней в клетку, ему придется об этом пожалеть.

Вскоре от собравшейся вокруг предводителя группы отделились двое и направились к ней. Мужчины этого племени казались ей совершенно одинаковыми. Так выглядят на первый взгляд для неискушенного человека эскимосы или негры. Но их внешность мало ее интересовала. Все ее внимание было сосредоточено на предстоявшей схватке. Она знала, что на этот раз заставит их пожалеть о том, что ее выбрали в качестве добычи.

Едва дверца клетки приоткрылась, как она бросилась вперед, словно пантера, и с лету нанесла удар ногой по толстой шее входившего в клетку человека.

Впечатление было такое, будто ее нога ударила в резиновую подушку. Удар не произвел на вошедшего ни малейшего впечатления. С неожиданным проворством он ухитрился захватить ногу Беатрис и дернуть ее на себя с такой силой, что она сразу же оказалась на земле.

Вдвоем с подоспевшим помощником они навалились на нее всем своим весом, так что она едва могла вздохнуть. Несмотря на жировые отложения, эти люди обладали чудовищной силой и, видимо, прекрасно знали, как обращаться со строптивыми пленниками.

Один из них держал сведенные за спиной руки Беатрис, словно в стальных захватах, а второй неторопливо и со знанием дела расстегивал магнитные застежки ее скафандра так умело, словно занимался этим ежедневно. Не прошло и пары минут, как с нее сорвали ее защитный костюм, оставив только нижнее белье, да и то ненадолго.

Заставив женщину встать на ноги, они привязали обе ее руки за спиной к длинной прочной жерди, а ноги обмотали у щиколоток ремнем таким образом, что она могла ходить только как стреноженная лошадь.

После этого, не проявляя ни малейшего интереса или каких бы то ни было мужских эмоций по отношению к пленнице, один из них достал нож и аккуратно разрезал все ее белье. Теперь она стояла перед ними совершенно обнаженная.

Аниранки никогда не стыдились своего тела и, если того требовали обстоятельства, появлялись на спортивных соревнованиях или на пляжах полностью обнаженными. Поэтому сейчас она не испытывала ни стыда, ни унижения. Гораздо больше ее волновало полное неведение. Она не знала, чего ждать от своих мучителей. Одно она поняла совершенно безошибочно, как это поняла бы на ее месте любая женщина. В поведении ее конвоиров не было даже намека на мужской интерес к ее обнаженному телу.

Не теряя ни одной лишней минуты, они взялись за концы привязанной к рукам Беатрис жерди и, вытащив ее из клетки, повели по направлению к центральной площадке поселка, где восседал предводитель этого странного сборища евнухов.

Когда ее проводили под деревом, росшим перед клеткой, серый комок в его ветвях шевельнулся. Теперь она смогла рассмотреть огромные кожистые крылья, плотно обернутые вокруг сидящего на дереве существа. Оно сидело, обхватив сук огромными толстыми когтями, показавшимися ночью костяными крючьями.

Когда Беатрис проводили под деревом, мешок из крыльев слегка раздвинулся, и из щели показалась голова с длинным клювом, усеянным острыми зубами. Глаз, обращенный в сторону Беатрис, моргнул, и голова тут же вернулась в свое надежное убежище

Вскоре Беатрис уже стояла в центре собравшейся на площади группы мужчин. Здесь их было человек пятнадцать, все без оружия. Лишь у некоторых с плеча свисало нечто похожее на волосяной аркан. Едва Беатрис ввели в круг, как все мужчины повернулись в ее сторону, с интересом ее разглядывая. Но интерес этот был совершенно особым…

Предводитель даже приподнялся со своего сиденья и, ощупав ее живот и ноги, сокрушенно покачал головой.

— Однако сильно худая. Много кормить придется. Неделю, однако, надо кормить. К

празднику воды будет готова, я думаю.

От этих слов, от всего странного поведения мужчин, от их взглядов, оценивающих ее, словно свинью или корову перед убоем, она почувствовала такой ужас, что впервые с момента похищения дико закричала.

Глава 39

Арлан пожалел о том, что отпустил Телла и Ригаса, уже через пару часов.

Перед тем как уйти, Телл подробно рассказал ему о дороге в стойбище пурлов.

Казалось, совсем нетрудно обогнуть гору, вершина которой видна из любой точки джунглей.

Но неожиданно с плато спустился туман и заволок все своим белесым покрывалом. Лес вокруг Арлана сразу же стал похож на пропитанную водой губку.

Собственно, он не мог поступить иначе. Даже если бы он заставил Телла силой идти с собой, от него не было бы никакого проку. Одна обуза. Теперь ему приходилось рассчитывать только на себя, только на собственные силы, и опять у него в голове стучал этот проклятый метроном… Не было времени, чтобы подняться на плато за помощью и оружием.

У него был всего лишь нож и решимость спасти женщину, которая значила для него больше собственной жизни. Он вспомнил, как увидел ее впервые, как она сбросила туфли с налипшей грязью на пороге его дома…

Здесь другая грязь. Грязь этого непроходимого леса превратилась в его злейшего врага. Она пудовыми гирями цеплялась за ноги, стараясь прервать его и без того неуверенное движение вперед.

Легко было Теллу говорить: «Попроси лаламу показать дорогу…» Как будто он знал, как это сделать. Лалама заговорила с ним однажды. Но ему самому ни разу не удавалось ни позвать их, ни услышать их переговоры между собой. Он постарался вспомнить тот тоненький голосок, который звучал в его ментальном поле, — но ничего из этого не получилось.

Направление он давно уже потерял и подозревал, что бредет по кругу. Весь его опыт говорил, что надо остановиться, переждать, пока сойдет туман, не расходовать последние силы на борьбу с непроходимым лесом. Но он думал лишь о том, каково ей сейчас в руках этих зверей, отведавших человеческого мяса…

Он мог опоздать навсегда и не увидеть ее больше ни разу. Возможно, сейчас у него есть еще шанс. Если раз за разом переставлять ноги, не останавливаться, прорываться вперед, то, пока он еще делал это, пока еще шел, у него сохранялась надежда.

Похоже, даже время смешалось с болотом, грязью, туманом. Он не знал, сколько часов или суток прошло с начала этого кошмарного похода и когда именно на дне его отупевшего от усталости сознания прозвучал чей-то стон боли. Словно ребенок плакал в глубине непроходимого леса.

Арлан остановился и прислушался. Но туман впитывал в себя звуки, словно мокрая подушка, и не пропускал их наружу. В лесу стояла шуршащая тишина. Шуршащая, потому что капли непрекращавшегося дождя падали на листья деревьев. Кроме этих звуков, не было слышно ничего.

Вскоре он понял, что, пытаясь вызвать лаламу, услышал чью-то боль ментальным слухом. Источник этих звуков мог находиться от него с равной вероятностью за сто миль или за сотню шагов.

И все же, прервав свою бессмысленную изнурительную борьбу с лесом, он повернул в ту сторону, откуда, как ему казалось, исходили звуки.

Боль была где-то совсем рядом — в его сознании, и Арлан чувствовал, что должен помочь этому неведомому существу, где бы оно ни находилось.

Слишком много на этой планете боли и грязи. Он должен выяснить, откуда пришло

Зло, он должен спасти женщину, которую любит. Он много чего должен… Но сейчас перед ним появилась задача, которую нужно решить. Конкретная, простая с виду задача. Кто-то слабый и беспомощный плакал, как ребенок, а он не мог вынести, когда рядом с ним плачут от боли дети.

Часа через полтора туман стал редеть. Не прекращавшийся ни на минуту плач стал как будто ближе.

Вскоре он наткнулся на узкую звериную тропу, проложенную в непроходимых зарослях, и пошел вдоль нее. Плач еще немного приблизился.

Тропа нырнула в узкий овраг, и там, где он кончался, на самом выходе, кто-то поставил хитрую, коварную и подлую ловушку. Кто бы ни шел вдоль тропы, он не мог свернуть с нее в сторону и не мог миновать западни.

В сетке, сплетенной из колючих лиан, билось чье-то беспомощное серенькое тельце. Плач шел именно отсюда. Теперь его можно было услышать и обычным слухом.

Подойдя вплотную, Арлан понял, что в ловушке находится не животное. В западне бился весь истерзанный шипами лиан детеныш лаламы…

Арлан достал нож и начал медленную осторожную работу по освобождению несчастного малыша. Лианы, твердые, как стальная проволока, поддавались с трудом. Он исколол себе все руки, прежде чем удалось проделать в сети отверстие, достаточное, чтобы освободить лаламенка. Но детеныш потерял слишком много крови и ослаб настолько, что не мог идти самостоятельно.

Со дна оврага ментальное излучение не могло пробиться сквозь сырой лес, оно распространялось лишь по дну. Родители не чувствовали призывов своего малыша. Арлан и сам услышал его случайно, только потому, что находился на дне низины, в которой образовался овраг.

Взвалив тяжелого лаламенка, размером с крупную овцу, на плечи, Арлан медленно, шатаясь, побрел вверх по склону. Нужно было выбраться из оврага и подняться как можно выше. Только тогда появится надежда, что родители услышат призыв своего малыша.

Наконец он нашел подходящее место и, положив лаламенка на вершине холма, стал перевязывать его самые глубокие раны, чтобы остановить кровотечение.

Лучше было бы ему убраться отсюда подобру-поздорову. Родители вполне могли подумать, что это его рук дело, и тогда ему несдобровать. Он вспомнил, с какой легкостью острые зубы лаламы перекусили кожаные ремни на его руках. Он знал, как сильно рискует, и все же оставался на месте, не находя в себе сил бросить лаламенка на произвол судьбы. В этом лесу водились хищники, и беспомощный детеныш мог стать их легкой добычей.

С виду детеныш лаламы напоминал хищного зверя. Это впечатление создавала длинная вытянутая пасть, усеянная острыми зубами, похожая на челюсти крокодила. Арлану приходилось все время напоминать себе, что это не животное, не дикий зверь.

Он впервые столкнулся с разумными существами, совершенно непохожими на людей, и привыкнуть к этому было совсем непросто.

Вскоре он понял, что не ошибся насчет хищников.

Подозрительный шорох раздался сначала справа, в низких зарослях подлеска, потом слева. Его окружали со всех сторон.

Арлан достал нож и приготовился отразить атаку, зная, что против такого количества хищников не выстоит и минуты. Вскоре кусты в двух метрах от него раздвинулись, и из листьев высунулась длинная узкая пасть.

Еще секунда, и прямо перед собой он увидел узкое стремительное тело крупного самца лаламы, готового к броску. Он не надеялся остановить его бросок, да и не хотел сражаться с этим существом.

Вместо этого он спрятал нож, отошел на пару шагов в сторону от детеныша и произнес про себя, не разжимая губ, как мог четче:

«Это сделал не я».

Неожиданно пришел ответ:

«Мы знаем».

После этого кусты задвигались сразу со всех сторон. Пять или шесть лалам, не обращая на Арлана никакого внимания, устремились к детенышу. Они остановились около него, и их шершавые языки начали зализывать раны на теле малыша.

Примерно через минуту Арлан почувствовал прикосновение такого же шершавого и влажного языка на своих израненных руках. Плач маленькой лаламы наконец прекратился.

Топот мягких лап катился по лесу, как неудержимый водяной вал. Только этот звук, перекрывавший все другие лесные звуки, был сейчас слышен. Самих животных не было видно, и, называя лалам «животными», Арлан знал, что грешит против истины.

Но их вид и их способ передвижения на четырех мягких лапах невольно вызывали в его мозгу знакомые земные ассоциации. Он знал, что для его новых друзей не было ничего обидного в этих ассоциациях. Они понимали его намного лучше, чем казалось вначале.

Они общались между собой на более глубоком, почти недоступном ему уровне подсознания. И когда обращались непосредственно к нему, им приходилось прилагать значительные усилия, чтобы пройти через языковой барьер и сделать свои мысли доступными для человека.

Несмотря на эти неудобства, Арлан знал, что теперь у него есть своя, пусть не слишком большая, но достаточно грозная армия. Не хотел бы он иметь своими врагами даже пару таких существ, а он вел с собой не меньше трех дюжин.

Лаламы всегда недолюбливали пурлов, однако до открытых стычек дело не доходило, потому что те избегали появляться на территориях, принадлежавших лаламам. Во всяком случае, до последнего времени.

Лаламы никогда не сражались. Раньше, до прихода чужих, у них не было врагов на этой планете, и они ничего не знали о военном искусстве, стратегии и тактике. Прочитав в его мыслях, что он считает себя «военным специалистом», они решили использовать его знания.

Их интересы совпали. Арлан хотел освободить от пурлов свою женщину, а ловушка, тайно поставленная на одной из лаламовых троп, в самом центре испокон веков принадлежавшей им территории, переполнила чашу их терпения.

Они пошли с ним, чтобы раз и навсегда покончить со своими коварными врагами, но спешили только потому, что чувствовали его страх и понимали его мысли.

— Нам придется идти еще быстрее, — сказал Шарктан, ускоряя бег, хотя это казалось уже невозможным.

Арлан кивнул, соглашаясь. Потом все-таки спросил:

— Сколько у нее может быть времени?

— День. Два. Не больше недели. Точно не знает никто. Это зависит от того, насколько она худая. И сколько времени осталось до их ближайшего праздника.

— Худая? — не понял Арлан.

— Да. Если она худая, ее будут кормить и ждать, пока она располнеет. Но не слишком долго. Если она не слишком худая — ее съедят сразу.

Арлан почувствовал, как эти слова обрушили на него волну страха. Он попытался вспомнить, как выглядит Беатрис с этой необычной точки зрения, и должен был признать, что не знает, худая она или нет.

Она была красивой, пропорционально сложенной женщиной. И он не допустит, чтобы она погибла подобным образом. Это было все, что он знал.

Он сидел на спине Шарктана, пригнувшись и вцепившись в костяные наросты, прикрывавшие верхнюю часть его спины.

Он понимал, какая огромная честь сидеть на спине одного из этих гордых существ, но он знал также, что сейчас, ввиду особых обстоятельств, это не имело никакого значения.

Все внимание Арлана сосредоточилось на том, чтобы не позволять слишком низко растущим веткам сбросить его со спины Шарктана, несущегося сквозь заросли, как стрела, выпущенная из огромного лука.

Когда разрабатывался план нападения на хорошо защищенное поселение пурлов, Шарктан вежливо спросил его мнение и выслушал его советы. Он вел себя так, словно именно Арлан командовал лесным воинством. Но сам Арлан знал, что это не так.

Лаламы были мирными существами и никогда не обижали соседей, но в то же время они обладали достаточной силой, чтобы в случае необходимости суметь постоять за себя. Вскоре ему предстояло убедиться в том, достаточно ли их силы, чтобы спасти Беатрис.

— Кого они так боятся? Для чего понастроили вокруг своих хижин ловушки и укрепления? Разве кто-то воюет с ними?

— Они боятся самих себя. Они боятся тех, кто по их вине превратился в обглоданные скелеты. У них слишком много врагов в нашем лесу.

Шарктан отвечал кратко. Одно, редко два слова. Арлану приходилось самому достраивать начатые им фразы.

Но, кажется, понимали они друг друга неплохо.

Первая схватка началась, когда до поселка оставалось несколько сотен метров. На открытой вырубке их поджидало человек двадцать пурлов с топорами и пиками в руках. С дикими криками они бросились навстречу катящейся серой волне лалам, и сразу же начался бой.

Длинные челюсти лалам работали как стальные капканы. С лязганьем они на мгновение смыкались на очередной жертве, и одного удара этих страшных челюстей было достаточно, чтобы рассечь тело нападавшего.

Кровь хлестала фонтанами из страшных ран. Среди пней валялись человеческие головы и руки.

Но и лаламам приходилось несладко. Хотя от большинства ударов их спасал костяной панцирь, прикрывавший спину, многие из лалам были уже ранены. Врагов оказалось слишком много. Из леса на помощь передовому отряду вывалилось еще несколько десятков пурлов, до этого сидевших в засаде.

Продвижение вперед замедлилось. Арлан знал, что, если они остановятся, им несдобровать. Длинные пики пурлов позволяли наносить удары, прежде чем до нападавших добирались страшные челюсти. К тому же у врагов было много коротких метательных копий, и они умело использовали их с дальнего расстояния. Как только какая-нибудь лалама вырывалась из общей свалки, на нее обрушивался целый град дротиков.

Вскоре Арлан понял, что их заманивают в ловушку. Вырубка впереди сужалась и упиралась в сплошную стену из колючих лиан, за которой наверняка прятались метатели. Перед этой стеной лаламы вынуждены будут остановиться и окажутся совершенно беспомощны перед копьями неприятеля.

Арлан быстро сообразил, что нужно сделать. Пока вал кровавой свалки не дошел до стены, он должен остановить продвижение лалам и самостоятельно попробовать проникнуть в поселение. Если использовать одежду пурлов, его невозможно будет отличить от врагов.

А если его план удастся, то, находясь в тылу у неприятеля, он отыщет дорогу в обход смертоносной ловушки или найдет способ ее разрушения. Во всяком случае, он должен попытаться.

В рукопашной схватке, без настоящего оружия, с одним ножом в руках пользы от него никакой.

Ему не нужно было ничего объяснять. Шарктан слышал все его мысли. Арлан змеей соскользнул с его спины и, сорвав одежду с убитого пурла, бросился в сторону. На всякий случай он четко передал Шарктану самое важное:

— Остановитесь и ждите. Вы не должны приближаться к стене на расстояние броска копья. Лучше всего отступить.

Не оглядываясь и не задерживаясь ни на секунду, чтобы проверить, выполняется ли его совет, он бежал к зарослям, перепрыгивая через пни и трупы. Рядом просвистело копье, от которого он успел увернуться в самый последний момент.

Наконец его прикрыли кусты, и по тому, что хлещущие колючие ветви начали бить по

лицу, Арлан понял, что успешно добрался до леса.

Стена с засадой осталась от него справа, и он благополучно миновал заградительный отряд пурлов, рассыпанный в чаще. На него не обратили никакого внимания. Но лаламам тут не пройти, слишком густые заросли. Здесь у противников выгодная позиция…

Он бежал дальше, помня, что его мозг сейчас для Шарктана как открытая книга. Своими глазами он может показать ему силы врага и расставленные на лалам западни.

Заросли начали редеть и вскоре кончились совсем. Арлан выскочил на открытое пространство. До поселения пурлов оставалось несколько сотен метров, и его по-прежнему никто не пытался остановить.

Вскоре он уже бежал среди грубых деревянных шатров. Для первого визита он выбрал самую большую хижину в центре поселения. Дом вождя или какое-то общественное здание. Между хижинами никого не было видно.

Они не ждали нападения с этой стороны, не могли предположить, что кому-то удастся проникнуть в самое сердце их хорошо подготовленной к осаде крепости… Здесь они чувствовали себя в полной безопасности и не готовились к настоящей схватке.

Они привыкли вселять ужас во все живое в округе, они жили за стеной этого ужаса. Он защищал их лучше любых укреплений. До сегодняшнего дня у них не было настоящих противников.

До хижины, которую он наметил, оставалось всего несколько метров, когда из-за большой колоды неожиданно выскочил человек с топором в руках и попытался остановить Арлана.

По крайней мере охраняли хотя бы эту хижину, а это означало, что он правильно выбрал объект своей атаки. Если удастся захватить вождя племени, это значительно ослабит оборону пурлов, сломит их дух и поможет лаламам прорваться.

Арлан нырнул под мелькнувшее над головой лезвие и ударил вытянутым носком ноги в солнечное сплетение нападавшего. Носок ноги словно утонул в пуховой подушке.

Толстый слой жира не оказал никакого сопротивления удару. Человек взвыл от боли, выронил топор и упал.

Арлан не стал наносить второго удара — путь в хижину был свободен. Отбросив меховой полог, Арлан ворвался внутрь.

Высокий полный человек сидел в деревянном кресле перед грубым очагом, сложенным из валунов.

Он еще только начал поворачивать голову к тому углу, где, прислоненными к стене, стояли боевой топор и длинная пика. Но из кресла подняться так и не успел. Арлан был уже посреди хижины, и от того, что открылось его взгляду на противоположной стене хижины, сердце его заледенело.

Серебристый защитный костюм космонавта беспомощно висел на крюке, словно кукла, из которой выпустили воздух. Он узнал ее размер и знакомую вмятину на шлеме. Не обращая внимания на слишком медлительного противника, Арлан сорвал костюм со стен и только после этого повернулся к хозяину хижины.

Тот наконец-то выбрался из своего кресла и теперь нелепо стоял посреди помещения, не зная, что делать дальше. Арлан загораживал ему путь к оружию.

Под костюмом, на стене, висел на длинном ремне ее бластер.

— Где она?! — прорычал Арлан, срывая со стены оружие. — Тебе лучше вспомнить… Тебе лучше понять меня прямо сейчас, толстый ублюдок!

Угроза в его тоне была слишком явной, чтобы остаться непонятой. Хозяин хижины попятился к выходу и проблеял в ответ что-то нечленораздельное.

Арлан щелкнул предохранительным тумблером бластера, и волна жаркого пламени вспыхнула на полу хижины, в метре от его противника, отрезая путь к спасительному выходу.

— Что вы с ней сделали?!

Огненная молния, ударившая у ног вождя, произвела на него такое сильное

впечатление, что неожиданно Арлан услышал ответ на исковерканном аниранском:

— Она жива, ее готовили к празднику Воды. Ты найдешь ее на конце поселка. За большим деревом стоит клетка. Ты не должен меня убивать! Я вождь! Я могу быть полезен, здесь все подчиняются мне.

Что-то Арлану не понравилось в его словах. Какая-то тайная коварная мысль мелькнула за этими заплывшими от жира глазками, но он не сумел ее понять, потому что разрывался между двух противоположных стремлений.

На краю поселка лаламы сражались за него, и каждую минуту кто-нибудь из них погибал…

Беатрис находилась здесь не один день, еще несколько минут ничего не изменят. Решение наконец было принято. Теперь, когда в руках у него появилось настоящее оружие, он мог изменить ход сражения в считанные секунды.

— Слушай меня внимательно, вождь! Я сейчас отлучусь ненадолго. Ты отвечаешь за ее жизнь. Охраняй ее, охраняй так, как не охранял еще никого. Если хоть один волос упадет с ее головы, я превращу тебя в живой костер. Ты все понял?

Глава 40

Грубая одежда из плохо обработанной шкуры, снятая с убитого пурла, сослужила Арлану хорошую службу, и он с ней не расставался. Шкура была достаточно большой, чтобы завернуться в нее почти полностью и скрыть под ней бластер.

Конечно, если он столкнется с одним из пурлов вплотную, его маскировка окажется бесполезной. Но издали, да еще в разгар боя, он не привлекал к себе внимания, потому что пурлы сражались с лаламами, а не с людьми.

Ему удалось беспрепятственно пройти все поселение в обратном направлении, к месту схватки, туда, где раздавались вопли атакующих пурлов и визг разъяренных лалам.

Похоже, лаламам так и не удалось вырваться из ловушки, в которую их заманили, и отойти на безопасное место.

Арлан не мог бежать, чтобы не привлечь к себе внимания часовых. В самом поселении их не было, зато за его границами, ближе к укреплению, на каждом шагу его могла поджидать засада.

Тут и там среди деревьев мелькали фигуры пурлов, оттаскивавших в сторону своих раненых или тащивших к стене камни, используемые в качестве метательных снарядов.

Теперь, когда у него в руках было настоящее оружие, Арлан не стал огибать укрепление и вновь пробираться через лесные заросли. Вместо этого он вышел в тыл основному отряду пурлов, оборонявших стену, перекрывавшую единственную дорогу, ведущую к их поселению.

Теперь Арлана отделяло от копьеметателей не больше сотни метров. Из-за высокой стены ему не было видно всей картины боя, зато расположение вражеских сил оказалось перед ним как на ладони.

Не меньше пятидесяти копьеметателей стояли на специальной насыпи, идущей вдоль всей стены и позволявшей им швырять копья на головы лаламам. Арлан знал, что сверху пробить панцирь лаламы довольно трудно, и, наверно, поэтому пурлы решили заменить копья тяжелыми камнями. Видимо, столь мудрая мысль только что пришла им в головы. Если бы пурлы успели обрушить эти булыжники на нападавших лалам, с теми было бы покончено за несколько минут.

Сотня или две пурлов подносили камни и следили за тем, чтобы около каждого метателя было достаточное количество этих смертоносных снарядов.

Еще один отряд пурлов с длинными пиками и топорами стоял с обеих сторон стены, выжидая подходящего момента, чтобы броситься в атаку. Очевидно, сражавшимся с противоположной стороны отрядам пурлов пока не удалось оттеснить лалам вплотную к стене, чтобы покончить с ними с помощью смертоносного каменного града.

Арлан выбрал удобное для стрельбы место, откуда его невозможно было заметить. Важно, чтобы после первых выстрелов его позицию не раскрыли. Тогда к результату обстрела добавится еще и паника. Тщательно замаскировавшись ветками и кусками дерна, он, отрегулировав заряд бластера на полную мощность, прицелился в нижнюю часть стены, в самом ее центре, и плавно нажал на спуск.

Полная мощность плазменного заряда бластера превосходила по разрушительной силе снаряд стодвадцатидвухмиллиметровой земной гаубицы.

В том месте, где вспыхнуло ослепительное голубое пламя энергетического взрыва, в воздух взметнулись стволы деревьев, слагавших основание стены, тучи земли и куски разорванных тел метателей камней. Однако стена была слишком толстой, и одного выстрела оказалось недостаточно, чтобы пробить ее насквозь.

Не жалея батареи, Арлан трижды повторил выстрел. Центральная часть стены рухнула, взметнув тучу пыли и дыма, исходившего от вспыхнувших обломков деревьев. Когда дым немного рассеялся, Арлан увидел, что в стене образовался пролом шириной в несколько метров. Теперь перед ним открылась вся картина боя.

Лаламы, зажатые со всех сторон вчетверо превосходящим их по численности отрядом пурлов, отчаянно оборонялись, собравшись в плотное кольцо и выставив во все стороны свое единственное оружие — длинные челюсти.

Однако пики нападавших пурлов были гораздо длиннее, и исход боя, пока не прозвучали первые разрывы, казался предрешенным.

Как только взрывная волна и туча обломков стены накрыла ближайших к ней пурлов, Арлан, нащупав в своем ментальном диапазоне разум Шарктана, передал четко, как только мог:

«Прорывайтесь к пролому. Не обращайте внимания на взрывы, я вас не задену!»

Собственно, сейчас это уже было необязательно. После того, как молнии, обладавшие страшной разрушительной силой, обрушились на стену, словно упав с небес, пурлов охватила паника.

Они бросали оружие и бежали к лесу. Те, кто стоял ближе к стене, мгновенно создали в проломе затор, стараясь вырваться с поля боя и давя друг друга. На эту беспорядочную орду сзади, словно демоны возмездия, нападали разъяренные лаламы.

Чтобы не видеть вновь возникшей кровавой мясорубки, Арлан покинул вершину холма, на котором была его огневая позиция. В хаосе, царившем вокруг, теперь никому уже не было до него дела.

Умом Арлан понимал, что с людоедами на Роканде следует покончить. Слишком велик был груз Зла, который планета тащила на себе, чтобы вынести еще и это.

Но одно дело — логика и совсем другое — непосредственное уничтожение сотен гуманоидов лишь потому, что он, вопреки всем этическим правилам, применил здесь оружие, незнакомое этой цивилизации. Да и не по своей вине стали они людоедами.

Хотя до сих пор он не понимал, как могла колония аниранцев всего лишь за двадцать лет так сильно измениться, чтобы породить орды дикарей, способных пожирать друг друга.

Трудно было представить себе, каким образом удалось лишить разума одновременно такое количество народа?

Умом он понимал, что не должен участвовать в местных конфликтах. Его главная задача — выяснить, откуда пришло космическое Зло. И каким образом оно подчиняет себе целые планеты. Пока что Арлан не слишком продвинулся в этом направлении.

Через полчаса битва была закончена. Оставшиеся в живых пурлы бежали к лесу. Их никто не преследовал, у победителей были более неотложные задачи. Арлан подумал, что с пурлами еще придется разбираться, чтобы не дать им возможности вновь приняться за старое, но сейчас и у него было гораздо более срочное дело.

В центре поселения, напротив шатра вождя, лаламы устроили нечто вроде лазарета. Сюда они привели своих раненых, а тех, кто не мог ходить самостоятельно, притащили на волокушах.

В другое время Арлану было бы интересно посмотреть, как лаламы управляются с хирургическими операциями, не имея рук, но сейчас он прошел мимо, не задерживаясь.

Внутри шатра никого не было. Вождь бежал вместе с остатками своего воинства, и сердце Арлана сжалось от недоброго предчувствия.

Они могли увести пленницу с собой, если не ради мести, то хотя бы в качестве продовольственного запаса.

— Если с ней что-нибудь случилось, я найду тебя, где бы ты ни был! — пробормотал Арлан, глядя на опустевшее кресло вождя. Потом он вспомнил, что вождь говорил что-то о клетке на противоположной стороне поселка.

Он бежал через поселение так, словно за ним гналась стая волков, провожаемый удивленными взглядами лалам.

За последним рядом хижин узкая тропинка спускалась со склона, и взору Арлана открылась вершина одиноко стоявшего дерева. Сразу за ним тропа заканчивалась, упираясь в сооружение, сделанное из целых необработанных стволов.

Беатрис он увидел, не успев добежать до дерева шагов пятнадцать.

Вслушиваясь в звуки боя, она стояла, вцепившись в стволы, образующие решетку. Он не сразу узнал ее в наряде из лохматой грязной шкуры и, наверно, поэтому продолжал бежать, несмотря на ее предупредительный крик.

Когда наконец его сознания коснулось ощущение опасности, было уже слишком поздно. К этому моменту он уже находился под деревом.

Он успел все-таки упасть на землю и лицом к лицу встретить несущуюся сверху смерть.

Он бы, наверное, успел даже выстрелить, но вовремя вспомнил, что поставил бластер на максимальную мощность. С такого небольшого расстояния взрыв заряда оказался бы смертельным для него самого.

Чтобы передвинуть регулятор вниз, на последнее деление шкалы, требовалось всего несколько кратких мгновений, но их у Арлана не было. Кривые когти летающего монстра сомкнулись на его теле.

Арлана в который уж раз за сегодняшний день вновь спасла пурловская шкура. Когти вцепились в нее и лишь скользнули по его ребрам, разрывая мышцы и кожу. Он вскрикнул от боли, когда рывок чудовищной силы приподнял его над землей.

Однако плохо выделанная кожа не выдержала нагрузки. Шкура лопнула в нескольких местах, и Арлан опять оказался на земле.

Когда монстр понял, что в когтях у него зажат лишь кусок старого меха, он вновь камнем упал вниз. Но теперь уже опоздал он. Арлан приподнял бластер и, поймав чудовище в перекрестье прицела, нажал спуск.

Даже для самой слабой мощности выстрела расстояние до цели оказалось слишком малым. Волна жара от взрыва вместе с брызгами крови и частями разорванной плоти чудовища ударила по Арлану, на какое-то время лишив его возможности двигаться.

Полностью он пришел в себя, лишь ощутив на лице капельки чьих-то горячих слез, и, открыв глаза, увидел перед собой перепачканное женское лицо, украшенное копной растрепанных волос.

Самым странным было то, что в этот момент ему показалось, будто прекрасней этой женщины, завернутой в грязную шкуру, он никого не встречал на всех планетах, где ему довелось побывать.

Это был первый нормальный рассвет на Роканде. Впервые над плато засияло солнце, не закрытое постоянными облаками или туманом. Второй час подряд не было всем осточертевшего, никогда не прекращавшегося здесь дождя.

И ночь, предшествовавшая этому солнечному рассвету, была первой, которую экипаж «Северной звезды» провел на корабле в полном составе.

Все они, включая командира и Беатрис, были живы, хотя с момента посадки прошло уже немало дней. Это обстоятельство казалось Версону еще более странным, чем солнечный

рассвет на Ро-канде.

Он стоял у самого трапа без защитного костюма и шлема, нарушая тем самым все инструкции.

Горьковатый утренний воздух был насыщен запахом незнакомых горных трав и древесного дыма, исходившего от примитивного горна, который командир установил на ровной каменной площадке в двадцати метрах от корабля. С момента своего возвращения он успел соорудить там целую переносную мастерскую, никого не посвящая в свои замыслы. Больше всего впечатляли трехметровые кожаные крылья летающего монстра, похитившего Беатрис, которого местные племена вполне справедливо называли Ночным Ужасом.

По просьбе Арлана его новые и весьма странные друзья, похожие на помесь земного осла с крокодилом, доставили эти крылья снизу к самому перевалу, и сейчас командир занимался тем, что лично растягивал их на огромной деревянной раме для просушки, никому не доверяя этой ответственной работы.

Он почти полностью разобрал их планолет и использовал его детали для создания странной конструкции, состоявшей из ремней, пилотского кресла и шарнирных тяг. Если он прикрепит туда же крылья Ночного Ужаса, то получится весьма странный летательный аппарат, пригодный разве что для тренировки самоубийц.

Интересно, кому он собирался доверить его первые летные испытания?

Арлан отложил в сторону молоток и замер, уставившись в пространство ничего не видящим взглядом. Версон заметил, что после возвращения состояние непонятного ступора появлялось у Арлана все чаще. Он попытался как-то поговорить с ним об этом, предложив провести полное медицинское обследование его организма, подвергнувшегося серьезному стрессу во время пребывания в плену у местных дикарей Но Арлан лишь посмотрел на него своим новым отсутствующим взглядом и попросил не отвлекать его. Отвлекать от чего?

За последнюю неделю, с тех пор как Беатрис и Арлан вернулись из плена, жизнь на корабле приобрела не свойственный военным подразделениям оттенок неопределенности. Версон подозревал, что четкие задачи, поставленные перед ними аниранским правительством, полностью утрачены, а его собственное задание по сбору информации для земной разведки потеряло всякий смысл из-за утраты всех каналов связи.

Если так будет продолжаться дальше, то не понадобится слишком много времени, чтобы превратить их десантный отряд в новое племя местных дикарей.

Больше всего Версона раздражало отсутствие ясной перспективы и четкого плана. Даже о конкретных сроках возвращения больше не упоминалось Разумеется, объективные обстоятельства следовало учитывать. После того как их рация неожиданно приняла свой первый за все время пребывания на Роканде сигнал из космоса, стало ясно, что там произошло сражение, заставившее аниранский флот покинуть пределы Роканды. Фактически их бросили здесь на произвол судьбы

Но даже в этих обстоятельствах следовало выработать какой-то конкретный план действий. Отсутствие перспективы деморализовало людей, и Версон собирался откровенно поговорить обо всем с командиром.

Однако он уже не первый раз откладывал этот назревший разговор, понимая, что он может многое изменить и для него лично Пока что командир делал вид, что не замечает его неуставных отношений с Сельмой Штрауб Но в таком крошечном коллективе, замкнутом в маленькой скорлупке корабля, каждое движение соседа становится известно всем Затеяв с Арланом разговор начистоту, он рисковал выслушать немало неприятного для себя самого Правда, и командир не без греха…

С тех пор как вернулись Беатрис и Арлан, любой член экипажа мог заметить, как вспыхивают их глаза даже при случайной встрече. Видимо, их отношения имели более давнюю историю и начались задолго до экспедиции. Версон прекрасно понимал, что в основе их лежало нечто совершенно отличное от того, что связывало его с Седьмой. Все члены экипажа знали, что командир испытывает к аниранке глубокое сильное чувство, и старались беречь его, как берегут в оранжерее редкий цветок.

— Послушайте, Версон, перестаньте мучиться и помогите мне с этой распоркой. Ее нужно подержать, пока я закончу крепление.

Иногда Арлан позволял себе подобные странные замечания, словно тайные мысли окружающих не были для него секретом. И это делало предстоящий неизбежный разговор еще более сложным.

Заняв Версона бессмысленной, с его точки зрения, работой, Арлан закончил крепления распорки и уютно расположился на соседнем валуне, скептически осматривая творение собственных рук.

— Немного напоминает модернистскую скульптуру, особенно если включить в композицию вашу колоритную фигуру.

— Зачем вам этот аппарат?

— Если он полетит, мы получим транспортное средство и воздушного разведчика, способного исследовать большие территории.

— Ни один летательный аппарат не способен передвигаться без мотора!

— Ну отчего же? А планер? Не забывайте также о том, что притяжение Роканды на тридцать процентов ниже земного. Даже на Земле были попытки, и весьма успешные, создания летательных аппаратов на мышечной тяге. Здесь это должно получиться.

— Допустим, вы правы. Допустим, эта штука сможет летать. Зачем вам она? Зачем вообще нужна информация, которую никому нельзя передать?

— Чтобы ее использовать. Вы недооцениваете наши собственные силы. Мы единственные, кто может выжить в условиях этой планеты, сохранив при этом рассудок.

— Что именно вы еще хотите выяснить? Ведь за прошедшее с момента посадки время мы собрали достаточно информации.

— Она слишком ограничена и не отражает всей картины происходящего на Роканде. Мы познакомились скорее с последствиями произошедшей здесь катастрофы, а не с ее причинами. И меня очень беспокоит то обстоятельство, что нас оставили в покое. Пренебрежение противника означает, что мы не представляем для него реальной опасности.

— А похищение Беатрис? А нападение на вас?

— Это все может быть случайными действиями местных племен. Я не вижу здесь ни одной спланированной и направленной против нас операции. Кроме того, мы ни на шаг не продвинулись в поисках центра, из которого направляется захват планеты.

— Вы считаете, что захватом сознательно управляют даже сейчас, когда здесь все разрушено?

— Несомненно. Кто-то же постоянно снабжает энергией «Д-поле». Кто-то разгромил аниранский флот весьма эффективным способом и заставил его отступить.

— Вы считаете, что Генераторы «Д-поля» и управляющий центр находятся на самой планете? Ведь они могут располагаться и в космосе, на спутниках, например.

— Для того чтобы снабжать энергией генераторы такой мощности, нужны энергетические установки, которые вряд ли удастся разместить на спутниках. Там скорее всего расположены лишь антенны, принимающие энергию с поверхности планеты в виде узкого луча и преобразующие ее в излучение с широким радиусом охвата.

Есть и еще одно обстоятельство. Во время всех столкновений с нашими противниками мы имели дело только с исполнителями самого низкого ранга. С биороботами. С дикарями, лишенными разума. Мы ни разу не столкнулись с теми, кто стоит за всем этим. У сил, захвативших целую планету, должны быть менеджеры, должны быть управляющие и генералы. Мы даже не представляем себе, кем они могут быть. Мы ни разу их не видели.

— Как знать, — тихо проговорил Версон, — возможно, за это нам следует благодарить Бога или собственную судьбу.

Глава 41

Даже в экваториальном поясе Роканды, хоть и медленней, чем на Земле, происходила

смена сезонов. Осень постепенно вступала в свои права Изменились направления господствующих ветров, и, хотя стало заметно холоднее, дожди перестали идти так часто, а солнце радовало космонавтов всю первую половину дня. Только к обеду появлялись низкие дождевые облака, но и они, как правило, к вечеру развеивались.

Погода имела теперь для Арлана большое значение. Особенно во всем, что касалось ветров. Дельтаплан был наконец полностью собран и даже опробован в небольших подлетах на привязи, позволивших проверить, насколько машина управляема в воздухе. Пока что она оправдывала его ожидания. Но окончательный ответ на этот вопрос можно было получить только в свободном полете.

На Земле он увлекался дельтапланеризмом и не мог тогда предположить, насколько бесценным окажется для него этот опыт. Основная проблема, которую необходимо решить в первом полете, — это проблема возвращения.

Он уже не сомневался, что созданный им аппарат удастся использовать в качестве планера. Для этого его достаточно сбросить с трехсотметрового обрыва. Но как вернуть машину обратно? Тащить ее в разобранном виде по горным тропам даже с помощью лалам достаточно сложно. К тому же разборка и сборка сложной конструкции сама по себе представляет непростую задачу.

Если он хочет использовать дельтаплан для ежедневных разведывательных полетов, он должен придумать, как возвращать его обратно на плато. В этом могли помочь пассаты — равномерные сильные ветры, постоянно дующие с восточной стороны.

Когда ветер налетал на препятствие в виде скальной стенки, воздушный поток устремлялся вверх. Если ему удастся вовремя поймать этот восходящий ток и рассчитать точку входа таким образом, чтобы машину не разбило о скалы, он сможет вернуться. Но Арлан прекрасно понимал, насколько рискован подобный маневр.

Если он ошибется, все триста метров, отделявшие вершину плато от его подножия, придется пролететь вниз без парашюта вместе с обломками машины.

Несмотря на сложность подготовки и все его опасения, настал день решительных испытаний. Труднее всего оказалось убедить Беатрис согласиться с его полетом. Она считала машину, собранную Арланом, совершенно ненадежной. А он еще ни словом не обмолвился, каким способом собирается вернуться.

Арлан готовился к полету очень тщательно. На тот случай, если придется делать вынужденную посадку в джунглях, он захватил с собой воду, неприкосновенный запас продовольствия, нож и бластер. Кроме того, он связался с Шарктаном и попросил его обследовать территорию возможной посадки. А также встретить его там в случае вынужденного приземления. С каждым разом сеансы ментальной связи с лаламами проходили все легче, и они все лучше понимали друг друга. Теперь в беседу можно было включать и такие отвлеченные для лалам понятия, как предстоящий полет.

Наконец все было готово.

Это был день, когда дул сильный и ровный восточный ветер, разогнавший дождевые облака. Аппарат поднесли к западному подветренному краю плато, закрепили за крючья, забитые в скалы, и пристегнули к дельтаплану стометровый буксировочный трос. Арлан сел на сиденье, защищенное лишь легкой каркасной рамой, и застегнул страховочные ремни.

Теперь оставалось лишь отпустить рычаг, удерживавший крепление дельтаплана. Как только он сделает это, давление ветра приподнимет машину над краем плато. Он уже неоднократно проделывал подъем на тросе и все же чувствовал, как учащенно бьется его сердце. Все, кроме Беатрис, вышли его провожать.

Она сказала, что не может на это смотреть. Арлан не сомневался, что в эту минуту Беатрис стоит у оптического перископа внутри корабля, и потому, прежде чем нажать на рычаг, улыбнулся ей и помахал рукой.

Как только разомкнулись крепления, аппарат рванулся вверх. Трос удерживал его на месте. Ар-лан дождался, пока под давлением ветра огромный воздушный змей наберет максимальную высоту. После этого он нажал второй рычаг и увидел под собой кольцо

падавшего вниз освобожденного троса.

Плато сразу же отодвинулось от него, ветер относил машину хвостом вперед со скоростью шестьдесят километров в час. Как только скорость аппарата и воздушного потока уравнялись, началось медленное планирование со снижением.

Пора было разворачиваться. Он знал, что при таком ветре ему не удастся вернуться к плато до тех пор, пока дельтаплан не попадет в зону, где ветер отрезан стеной горного хребта.

Внизу расстилалось зеленое море тропических зарослей. Все внимание Арлана было поглощено управлением машины, и он не мог себе позволить заниматься разглядыванием пейзажей. За него эту работу проделывала оптика. Через каждую секунду он слышал треск затвора автоматической камеры, снимавшей панораму местности под ним с таким расчетом, чтобы снимки перекрывали друг друга на тот случай, если часть из них окажется неудачной.

Арлан плавно развернул дельтаплан носом к плато, которое все еще продолжало удаляться, хотя уже гораздо медленней.

Следовало увеличить угол снижения машины. Что он и сделал, выиграв в скорости за счет потери высоты. Наконец плато начало медленно приближаться. Он огибал его по широкой дуге не меньше километра в радиусе, рассчитывая в момент подхода оказаться с наветренной стороны и попытаться приподнять машину над скальной кромкой, воспользовавшись восходящим потоком. От одной мысли об этом акробатическом трюке по его спине пробегали мурашки.

Ему все же удалось обогнуть плато — запаса высоты оказалось достаточно для маневра. Теперь ветер нес его прямо на отвесную стену. Верхнюю кромку этой стены от него отделяло не меньше сотни метров, и казалось, никакая сила не способна забросить его на такую высоту.

Скала приближалась. Она была уже так близко, что он мог рассмотреть плоскости выветривания и клочки мха на совершенно отвесном граните.

Смертельный удар об эту преграду казался совершенно неизбежным, но Арлан знал, что ветер, встречаясь со скалой раньше его, создавал перед стеной подушку уплотненного воздуха. Весь его расчет строился на этой подушке. Если он неправильно вычислил скорость ветра и угол снижения, то врежется в скалу. Возникло неодолимое желание крепко зажмуриться и отпустить рычаги управления. Такое желание появляется иногда у неопытных водителей. Но все же он этого не сделал.

В метре от стены дельтаплан остановился на долю мгновения, затем задрал нос и понесся вверх. Арлан едва успел повернуть лонжероны, чтобы замедлить подъем. Он был уже над плато и вполне мог его проскочить.

Когда машина приземлилась в точке, из которой стартовала, восторгу команды не было предела. Непосвященному человеку трюк, который проделал Арлан с безмоторной машиной, казался каким-то чудом. Даже Беатрис не смогла выдержать характера и выбежала ему навстречу.

Арлан чувствовал себя настоящим героем, но, подавив вполне законный приступ самолюбования, достал из фотокамеры пленку и пошел в лабораторию.

На первой серии снимков, как и следовало ожидать, он не увидел ничего интересного. Радиус облета оказался слишком небольшим. Главной его задачей было испытать машину, и теперь Арлан приступил ко второй части своего плана по созданию мобильного воздушного разведчика.

Он отыскал в трюме корабля среди различного барахла, предназначенного для ремонта в полевых условиях всевозможной корабельной техники, небольшой, но достаточно мощный электродвигатель, весивший всего три килограмма. Аниранские двигатели не использовали обмоток и создавались на ином принципе. Проблему представлял лишь аккумулятор достаточной емкости. Он весил слишком много для такой легкой машины. Пришлось пойти на компромисс.

С небольшим аккумулятором приемлемого веса двигатель мог проработать всего минут

тридцать. Этого было достаточно, чтобы один раз набрать нужную для возвращения высоту.

Но именно возвращение составляло главную проблему. Арлану вовсе не хотелось каждый раз повторять смертельно опасный трюк с набором высоты на ветровой подушке.

Теперь оставалось решить последнюю задачу. Ему нужен был пропеллер почти метрового радиуса. На корабле ничего похожего найти не удалось. Подобная техника устарела для аниранцев сотни лет назад. Пришлось вырезать пропеллер вручную из древесины местных растений, предварительно просушенной в высокочастотной печи.

На это ушло три дня. Но торопиться, после того как аниранский флот покинул небо Роканды, было уже некуда. Смертельный метроном, сопровождавший каждый их шаг на этой планете, наконец остановился.

Двигатель с пропеллером он установил за спинкой кресла — такое расположение винта требовало большего расхода энергии, зато не мешало обзору и помогало избежать поломок во время посадки.

После небольшого испытательного полета Ар-лан, убедившись в работоспособности двигателя, стал готовиться к своей первой дальней экспедиции.

Он знал, что может растянуть полученную при старте высоту, без учета аккумуляторного резерва двигателя, километров на двадцать, а то и больше, если удастся найти на трассе маршрута восходящие потоки воздуха. Такие потоки часто возникали над водной поверхностью и на открытых, хорошо прогретых пространствах. Арлан собирался на этот раз выжать из машины все, на что она была способна.

В архивных данных упоминался космодром рокандской колонии, но не было сказано ни слова о его местонахождении. Космодром был маленький и принадлежал какой-то частной компании, ведущей исследовательские работы по открытию планет, пригодных для заселения.

Основные транспортные и грузовые потоки, обеспечивавшие жизнеспособность колонии, шли по внепространственному каналу, который бездействовал с момента захвата. Даже станции канала им не удалось обнаружить в городе, что уж тут говорить о небольшом космодроме, расположенном в стороне от заселенной зоны.

За двадцать лет бездействия джунгли должны были полностью поглотить все сооружения, и обнаружить остатки космодрома — задача не из простых.

Но Арлану необходим был этот космодром — ведь именно отсюда должен был стартовать корабль, приведший за собой или принесший внутри себя космических захватчиков. Отчет об этом полете нужно было искать именно в информатории космодрома.

В день вылета ветер стал намного слабее, и это благоприятствовало запланированному Арланом полету на дальнюю дистанцию. Он собирался вернуться лишь к вечеру, использовав для своих исследований весь световой день. За последнее время полеты дельтаплана стали настолько привычны, что провожать его выходили лишь те, чья помощь была необходима при старте.

Беатрис перед отлетом он не увидел. После ночного дежурства она крепко спала в их общей каюте. В последнее время они перестали скрывать свои отношения. Арлан видел, с каким пониманием и тактом относятся люди к возникшему между ними чувству. В свою очередь, и он сам не вмешивался в личную жизнь членов своей команды.

Старт прошел без осложнений. В утренних лучах солнца раскинувшийся под ним пейзаж выглядел мирно и даже красиво. Ничто не напоминало о произошедшей здесь катастрофе.

Небольшие каменистые проплешины у подножия плато сменялись подлеском и чуть дальше переходили в густые тропические заросли, напоминавшие с высоты зеленое море, раскинувшееся до самого горизонта.

Пропеллер за спиной Арлана, посвистывая, вращался под напором встречного воздушного потока вместе с выключенным двигателем. Аппарат шел ровно, и Арлан экономно расходовал набранную при старте высоту, стремясь увести машину как можно дальше от плато.

Постепенно характер зарослей под ним менялся. Стали чаще встречаться болота, и вскоре он пролетел над большой рекой. В этих местах он еще не был и сразу же после пересечения границы исследованной зоны включил камеру. Казалось, все вокруг дышало миром и спокойствием. Полет проходил без всяких происшествий, но чувство тревоги не покидало Арлана в это мирное и тихое утро. К сожалению, дурные предчувствия редко обманывали его.

Над рекой он сделал несколько небольших кругов. Благодаря восходящему потоку воздуха ему удалось набрать лишних пятьсот метров высоты.

На противоположном от плато берегу реки деревья росли странно искореженными. Возможно, виной тому была болотистая почва, но Арлана интересовали не природные катаклизмы. Он искал следы человеческой деятельности. Однако поверхность планеты выглядела девственно нетронутой.

Арлан постепенно приближался к невысокому горному хребту водораздела. Тропический лес здесь значительно поредел, то и дело в нем встречались широкие километровые проплешины, заросшие кустарником и травой. Чувствовалось, что уже близко зона пустынь. Машина давно потеряла набранную над рекой высоту, а сама река скрылась в мареве нагретого воздуха.

Пора было возвращаться. Солнце заметно клонилось к западу, и Арлан чувствовал, как сильно устал. Постоянное напряжение, необходимость все время следить за малейшими изменениями в движениях воздушных масс здорово выматывали.

Он совсем было решил начать разворот на обратный курс, когда впереди, у подножия хребта, находившегося от него километрах в двадцати, на самом пределе четкой видимости что-то привлекло его внимание. Какой-то предмет, выделявшийся на общем фоне местности. Угол обзора изменился, и предмет, скрытый вершиной холма, исчез из поля зрения Арлана.

Какое-то время он раздумывал, стоит ли продолжать полет или все-таки развернуть машину обратно. За сегодняшний день он ошибался уже раза два. Необычная тень на земле, причудливо выветрившийся остаток скалы издали казались творениями человеческих рук, но, когда он приближался к ним, иллюзия исчезала.

Наверняка и эта решетчатая металлическая конструкция, утонувшая в мареве голубого тумана, окажется всего лишь странным переплетением ветвей. Может быть… Однако он напомнил себе простую истину — если заранее предполагать неудачу, ему ничего не найти. Чтобы привлечь везение на свою сторону, нужно в него верить, и, отметив азимут, он повел машину дальше.

Примерно через полчаса гряды холмов перед ним расступились, открывая ровный зеленый простор, напоминавший земную степь. Травы здесь были невысоки, а животных вообще не было видно. И это казалось странным, потому что лес, оставшийся на противоположной стороне реки, кишел живностью.

Стрелка компаса, зафиксировавшая направление азимута, указывала на ближайший холм, за которым скрылся заинтересовавший его предмет, и Арлан решил, что, если там не обнаружится ничего интересного, он повернет обратно.

Камера под его сиденьем продолжала стрекотать через равные промежутки времени, для анализа снимков, сделанных только за сегодняшний день, не хватит и недели. Когда вершина холма мелькнула под ним, открыв за собой все тот же пустынный пейзаж, Арлан решительно двинул рукоятку поворота влево. Машина начала описывать широкий круг, постепенно заваливаясь на левое крыло, и в этот момент из-за холма появилась летящая ему вдогонку черная точка.

Вначале он решил, что это птица. Хотя в архивах колонии не было упоминаний о птицах, он знал, что фауна Роканды не исследована полностью, к тому же она заметно изменилась с момента захвата. Аниранцы, к примеру, ничего не знали о существовании Ночного Ужаса.

Он не зря о нем вспомнил. Мягким изломом крыла существо напоминало полет летучей мыши. Вот только Ночной Ужас не выносил дневного света.

Если судить по скорости, то тварь, догонявшая его, больше всего походила на ракету класса «воздух — воздух».

Буквально через пару минут чудовищный монстр был уже настолько близко, что Арлан мог рассмотреть двадцатисантиметровые клыки, выступавшие из его пасти.

Это все-таки был Ночной Ужас, и выходило, что дневной свет ему не помеха. В конце концов, и в стойбище пурлов он напал на него именно днем.

Но одно дело — бой на земле и совсем другое — схватка в воздухе. Если монстр хоть чуть-чуть заденет его хрупкий аппарат, вернуться отсюда не удастся, даже если он сумеет благополучно приземлиться. Его отделяло от стоянки корабля почти сорок миль. Плюс река и джунгли, полные хищников.

Самым разумным в его положении было бы избежать драки. Но монстр явно преследовал его не из простого любопытства. Он искал добычу.

Можно было увеличить скорость, включив двигатель. Но, судя по времени, за которое Ночной Ужас его догнал, это не поможет. Зато запаса энергии в аккумуляторе, необходимой на тот случай, если придется поднимать машину с земли после вынужденной посадки, он лишится наверняка.

Придется самому начинать схватку. Кривые когти лап угрожающе зависли в нескольких метрах над крылом его аппарата. Если эта тварь спикирует…

Арлан не стал ждать нападения. Установив минимальную мощность огня и надеясь на то, что стрельба хотя бы отпугнет дьявольскую тварь, раза в полтора превосходившую в размахе крыльев его машину, он приподнял оружие и тщательно прицелился. Уловив момент, когда монстр оказался в самом центре перекрестья прицела, Арлан нажал на спуск. Ничего не произошло.

То есть бластер хлопнул, как ему и было положено. Энергетический заряд оставил в воздухе инверсионный след, на который монстр не обратил ни малейшего внимания.

Заряд взрывался, лишь встретившись с препятствием. Выходит, он промахнулся. В этом не было ничего удивительного, только в кино бравые солдаты сбивали самолеты одним выстрелом из винтовки. На самом деле попасть в летящий с большой скоростью предмет чрезвычайно трудно. Сложность попадания увеличивается в несколько раз, если и сам стрелок находится в воздухе… Не зря пулеметы на истребителях расходуют в одну секунду множество зарядов и буквально разрезают пулями металл.

Но такого пулемета у него не было, и оставалось лишь снова нажать на спуск. На этот раз расстояние между монстром и его машиной сократилось настолько, что промахнуться было почти невозможно. Арлан готов был поклясться, что попал, взрыва же по-прежнему не последовало.

Где-то далеко внизу на поверхности земли вновь сверкнула вспышка разрыва.

Но он видел, как инверсионный след заряда прошел через тело монстра!

Слегка обогнав его, Ночной Ужас замер в воздухе, а потом сместился на несколько метров назад. Это выглядело так, словно законы аэродинамики на него не распространялись.

— Что происходит, черт возьми? — пробормотал Арлан, опуская бластер: дальнейшая стрельба казалась бессмысленной.

— Рад, что ты это понял! — прозвучал в его голове хриплый надтреснутый голос. И хотя ментальные голоса лишены эмоциональной окраски, Арлану показалось, что он ощутил в голосе монстра ноту ехидной насмешки.

После этого Ночной Ужас отвесно спикировал на дельтаплан и уселся на носовых распорках, сложив крылья за спиной.

Даже если это чудовище обладало не слишком большим весом, дельтаплан обязан был отреагировать на новую нагрузку, к тому же приложенную к передней точке аппарата. Но машина, не заметив появления незваного гостя, продолжала свой ровный планирующий полет по прямой.

— Какого дьявола тебе нужно? — спросил Арлан, пристегивая бластер к поясу и изо всех сил стараясь не показать своей растерянности. Его положение усугублялось тем, что

каждая его мысль наверняка становилась известна. Вот только кому? Во всяком случае, не этому монстру. Он уже понял, что перед ним всего лишь изображение. Что-то вроде куклы из аниранского голографического театра. Существо, которое говорило с ним сейчас, могло находиться за сотни миль отсюда.

Он не знал, насколько прозрачен его мозг для сканирующих щупалец чужого сознания, и постарался заблокировать внешнюю часть мозга, целиком сосредоточившись на управлении машиной.

— Ну так зачем ты здесь появился? — повторил он свой вопрос.

— Нужно поговорить. Ты понял, что не можешь причинить мне вреда?

— Допустим. Что тебе нужно?

— Вам разрешили сесть на планету и не трогали до сих пор. Надеюсь, вы это оценили. Вы прилетели сюда за информацией, и вам разрешили собрать ее.

— Какие вы тут, оказывается, добренькие.

Монстр сморщил свою чудовищную пасть в ужасной гримасе, всем видом выражая неудовольствие.

— Ты, наверно, кажешься себе очень умным. Доброта здесь ни при чем. Мы хотели, чтобы информация дошла до Анирана.

— Для чего?

— Они должны знать, что сопротивление бессмысленно и дорого им обойдется. Надеюсь, вы это уже поняли, и больше вам тут нечего делать. Лимит времени исчерпан. Вам пора убираться.

— А если мы этого не сделаем?

— Тогда вас уничтожат.

— Уж не ты ли?

— Хватит притворяться, Заславский! Ты прекрасно понял, что я лишь носитель сообщения. Что-то вроде вашего почтальона. Если вы немедленно покинете планету, вас беспрепятственно выпустят и разрешат вернуться на Аниран.

Арлан чувствовал, как в нем, несмотря на всю необычность этого разговора, начинал закипать гнев. Кто он такой, хозяин этого посланника, чтобы диктовать им свои условия так, словно они уже стали его пленными? Сражения еще не было.

Он сумел не показать своего гнева и даже выдавил вполне искреннюю улыбку.

— При всем желании мы не сможем немедленно покинуть планету.

— Почему же?

— У нас нет топлива. Его хватит только для выхода на орбиту спутника, где нас должен был поджидать аниранский транспортный корабль, который исчез вместе со всем аниранским флотом.

— Да, там произошла небольшая перестрелка. Это действительно проблема. У нас нет топлива для аниранских кораблей. Хотя где-то здесь должен быть их старый космодром. Возможно, вы найдете топливо там.

— Но для этого нужно время. И для того, чтобы найти космодром, и для загрузки корабля топливом.

— Космодром вы обнаружите на последних снимках, он отсюда совсем недалеко. Что касается времени… Мы можем предложить вам не больше двух недель. Да и то лишь в том случае, если вы дадите обещание не пересекать городской черты в течение этого срока.

— Я должен посоветоваться со своими товарищами.

— Видишь ли, Заславский, это не просьба и не переговоры. Скорее дружеское предупреждение. Если через две недели вы все еще будете на Роканде, вас уничтожат.

После этих слов он исчез мгновенно, словно кто-то выключил проектор.

Глава 42

Сразу после возвращения Арлан проанализировал последнюю серию снимков. Когда

компьютерная интерполяция того района, где он встретился с Ужасом, была закончена, на одном из последних снимков отчетливо проступили очертания полуразрушенной локаторной вышки старого аниранского космодрома.

Вышка находилась слишком далеко от точки съемки, и никаких других деталей в покрытом зарослями пространстве рассмотреть не удалось. Но и вышки, упоминавшейся в космической лоции, было вполне достаточно. Он нашел космодром. Однако проблем от этого не уменьшилось. После ультиматума ситуация стала угрожающей.

Даже если в течение двух недель им удастся разыскать на космодроме горючее для своего корабля и работоспособный транспорт для его доставки на орбиту, это ничего не решало. Арлан знал, что не улетит с Роканды, пока не найдет отчета с координатами последней аниранской космической экспедиции.

Они могли находиться в архивах космодрома, но их там могло и не быть. В любом случае двух недель недостаточно для того, чтобы проводить исследования и одновременно подготовить корабль к старту.

У него было слишком мало людей и слишком мало времени. Необходимо принять решение, от которого зависела судьба каждого из них, и он не имел права принимать его в одиночку.

Арлан терпеть не мог официальных совещаний и потому изложил все последние новости во время обеда

Ежедневный совместный обед в кают-компании стал хорошей традицией. Как только мягкий перезвон корабельных часов, оповещавший о том, что наступило обеденное время, разносился по отсекам, все, кто был на корабле, спешили в кают-компанию.

Сразу после возвращения Арлан отменил ежедневные исследования городских кварталов, и в кают-компании собрался весь экипаж.

Когда он закончил рассказ о своем последнем полете, наступила долгая пауза. Им было о чем подумать.

Первым молчание нарушил Версон:

— Я не дипломат. Я всего лишь военный. Но даже мне известно, что противник предъявляет ультиматум лишь тогда, когда не уверен в превосходстве собственных сил.

— Или когда хочет избежать излишних потерь, — возразил ему Ли Карт. — Меня больше всего заинтересовало время ультиматума и предложенные в нем сроки. Почему именно сейчас понадобилось вступать с нами в переговоры и зачем потребовалось назначать такие жесткие сроки?

— Я тоже все время над этим думаю, — согласился с ним Арлан. — Тут скрыто что-то очень важное. Либо произошли какие-то внешние события, о которых мы ничего не знаем, либо мы сами, не подозревая об этом, в своих исследованиях подошли к опасному для наших противников рубежу. Возможно, запрет на продолжение наших исследований в городе имеет к этому непосредственное отношение. Пока я занимался полетами, у меня не было возможности следить за результатами Вам удалось обнаружить в городе что-нибудь новое, что-нибудь такое, что может представлять потенциальную опасность для наших врагов?

— Последние два дня исследованиями в городе руководила я, — сказала Беатрис. Это несколько удивило Арлана, потому что Беатрис всегда старалась оставаться в тени и никогда не брала на себя руководство какими бы то ни было операциями, с удивительным тактом стараясь не подчеркивать перед остальными членами команды свое особое положение и как аниранки, и как близкого командиру человека.

Должны были появиться серьезные причины, заставившие ее изменить этим правилам.

«Последние дни у меня совершенно не было времени следить за тем, что происходит на корабле, надо будет обо всем подробно расспросить Бет», — подумал он, но вслух спросил, словно ничего не заметив:

— Каков результат, что именно вы исследовали?

— Да все то же. Два жилых дома в центральных городских кварталах. Там нет ничего нового. Те же безликие одинаковые квартиры в стандартных блоках, наспех покинутые

жителями. И еще торговый центр. Там тоже нет ничего интересного. Полки ломятся от товаров, хоть завтра начинай торговлю. В кассовых аппаратах сохранилась даже мелочь.

— А крупные купюры исчезли?

— Они вообще отсутствуют в аниранской торговле. Их давно заменили электронные средства платежа. Ну, что еще?… Под магазином складские помещения. Тоже ничего необычного. Стандартный набор потребительских товаров. Некоторые даже не распакованы. Есть и продовольственный склад. Холодильники, естественно, не работают, но большинство продуктов сохранилось благодаря стабильно низкой температуре.

— Откуда она взялась?

— Складские помещения расположены в глубоких подвалах. Настолько глубоких, что вначале мы не могли понять, зачем понадобилось прилагать столько усилий, но затем сообразили, что колонисты воспользовались какими-то старыми шахтами.

— Насколько старыми?

— Точный возраст этих выработок установить довольно сложно, поскольку от того времени, когда в них велись разработки, ничего не осталось. Но если верить радиоизотопному анализу отдельных кусков породы, то их возраст намного превосходит период создания аниранской колонии на этой планете.

— Это может быть интересно. Мне придется осмотреть эти подвалы.

— Я бы не советовал этого делать, — довольно категорично заявил Версон и, сразу же сообразив, что с его стороны не слишком вежливо перебивать командира, пояснил: — Этим мы нарушим одно из условий ультиматума и можем спровоцировать немедленную атаку на наш лагерь. К которой мы пока что совершенно не готовы.

За время его ежедневных отлучек тон Версона и манера держаться претерпели значительные изменения. Или он вспомнил свои старые военные привычки, или тешил себя надеждой, что более близкое знакомство с аниранкой позволит ему занять лидирующее положение в их группе. Даже обычное место Версона за столом переместилось. Теперь он сидел рядом с Беатрис. Конечно, все это мелочи, не имеющие значения, и все-таки надо будет выяснить, кто поручил Беатрис работы в городе? Была ли тут ее инициатива?

— Что же вы предлагаете? Рано или поздно, но столкновения нам не избежать, — сказал Арлан Версону, внимательно разглядывая его, словно видел впервые. Бывали моменты, когда он жалел, что защита землян от «Д-излучения» мешает ему проникать в их тайные мысли. Сейчас был как раз такой случай.

— Конечно, нам не удастся избежать столкновения! — заявил Версон. — Именно поэтому я предлагаю все наши силы в срочном порядке бросить на укрепление обороны. Раз уж вы нашли космодром, который нам не запрещено использовать для собственных нужд, там можно обнаружить много интересного, особенно если на его территории сохранились военные или хотя бы исследовательские аниранские корабли.

— Раньше они здесь были, — подтвердила Беатрис. — Но часть из них пыталась покинуть планету в самом начале катастрофы и была уничтожена. Я не знаю, какие из них сохранились.

— Версон прав. И его предложение вполне разумно, — неохотно признал Заславский. — Нашей первоочередной задачей на ближайшие дни станет космодром. Будем искать любое серьезное вооружение.

— Я не совсем представляю, с кем мы собираемся сражаться. Ведь не с призраками же? — спросил Ли Карт, адресуя свой вопрос почему-то Версону. Однако, поскольку тот молчал, отвечать все же пришлось Арлану:

— Это очень серьезная проблема. Мне кажется, что нашими противниками, так сказать в материальном плане, будут все те же бывшие колонисты, ныне превращенные в дикарей. Пурлы, возможно, ладжеи или какие-то другие, неизвестные нам племена, скорее всего с примитивным вооружением. Но гораздо большую опасность представляет та часть поселенцев, которую удалось превратить в биологических роботов. Они смогут использовать практически любое оружие. Ну и нельзя полностью сбрасывать со счетов так называемых

«призраков». При всей их эфемерности в подходящих условиях они могут представлять весьма серьезную угрозу. Вы, Ли Карт, занимались на Земле оптическими разработками. Было бы интересно узнать ваше мнение насчет того, известны ли современной науке какие-нибудь методы разрушения голографических изображений?

— Пожалуй, только один. Уничтожение источника проекции. Если же говорить о самом изображении, то такие методы никем не разрабатывались, хотя теоретически можно допустить, что голограмму удастся подавить очень сильным источником стробоскопического излучения.

— Вам придется всерьез заняться этим вопросом. Нам нужно оружие против «призраков», чтобы в момент столкновения иметь возможность избавиться от них. Их психологическое давление на нас может иметь серьезные последствия.

— Мне кажется, в основе этих фантомов лежит вовсе не оптика.

— Что же тогда?

— Можно предположить, что под влиянием внешнего воздействия их проецирует наш собственный мозг. Возможно, в этом повинна часть спектра «Д-излучения», которая, несмотря на природный иммунитет, вероятно, оказывает косвенное влияние на человеческий мозг.

— Иными словами, они могут быть продуктом нашей собственной психики, разновидностью галлюцинаций?

— Совершенно верно.

— При первой же возможности мы это проверим. В области психического воздействия на человеческий мозг на Земле разработан богатейший арсенал средств. В том числе есть и способы защиты от такого воздействия. Какое-то время на нашей планете всерьез готовились к психологической войне, — пояснил Арлан Беатрис. — Если окажется, что эти фантомы имеют психогенный характер, мы найдем способ с ними бороться. Теперь давайте обсудим проблему, связанную с космодромом. Если мы обнаружим на нем что-то стоящее, придется перегнать туда корабль и переместить весь базовый лагерь.

— А что, если это ловушка? Ведь нам буквально поднесли этот космодром на блюдечке с голубой каемочкой, так, кажется, у вас на Земле называют неожиданные подарки? — Беатрис всегда гордилась своим глубоким знанием земных языков и при каждом удобном случае любила это подчеркнуть. Но в ее словах была большая доля истины. На космодроме их могут поджидать любые неожиданности.

Некоторое время он обдумывал эту проблему и в конце концов решил, что исследования космодрома избежать не удастся, слишком многое от него зависело.

— Завтра организуем экспедицию в район космодрома. Осмотр города временно прекратим. До тех пор, пока не установим в лагере защиту и не оборудуем здесь свои огневые позиции, — подвел итог обсуждению Заславский. Возражений больше не было. Все понимали, что на этот раз они получили приказ, который нужно выполнять.

За разработкой маршрута предстоящего похода к космодрому Арлан засиделся в штурманской рубке допоздна.

Когда в иллюминаторы, пробившись сквозь гряды облаков, заглянула зеленоватая рокандская луна, Арлан закончил работу над расшифровкой карт и открыл дверь своей новой каюты.

Уже вторую неделю он жил в каюте Беатрис и все никак не мог к этому привыкнуть. Сегодня он засиделся в штурманской рубке дольше обычного не потому, что в этом была какая-то особая необходимость. Ему хотелось выразить свое неудовольствие тем, что она, как ему показалось, небезразлична к усилившимся знакам внимания со стороны Версона.

И хотя Версон относился к Беатрис с подчеркнутым вниманием еще задолго до отлета с Анира-на, а убедившись в бесперспективности своих ухаживаний, нашел выход эмоциям в постели Сель-мы, это ничего не меняло.

Не меняло потому, что дело было совсем не в Версоне.

Свет в каюте не горел, и, осторожно прикрыв за собой дверь, Арлан остановился у

входа. Лунный свет, проникая через иллюминатор, делал очертания предметов расплывчатыми, почти нереальными, словно все происходило во сне.

Беатрис не осталась в долгу и в ответ на его демонстративную задержку легла спать на верхней койке.

Он угадывал под плотно прилегавшей простыней очертания ее стройного тела и слышал ровное спокойное дыхание, хотя и догадывался, что она не спит. Но, возможно, он ошибался. Ревность — странное чувство. Она обостряет желание.

Стараясь не шуметь, он осторожно пересек каюту и, на ощупь найдя на стене нужную кнопку, получил в свое полное распоряжение нижнюю койку, на которой в обычные дни они с комфортом размещались вдвоем.

Он сбросил одежду в мусороприемник и совсем уж было собрался нырнуть под теплую простыню, когда услышал в темноте ее голос:

— Ты совершенно обо мне не думаешь. Целыми днями ты летаешь на своем самодельном корыте, а я должна ждать и надеяться, что ты вернешься. Иногда мне кажется, что сил уже нет, что сегодня ты уж точно не вернешься, и будущее представляется мне какой-то черной ямой. Сегодня я приготовила тебе небольшой подарок. Может быть, получив его, ты хоть что-то поймешь.

Он услышал шорох ее подушки над собой, и тонкая женская рука, серебрившаяся в лунном свете, Появилась перед ним. В ладони Беатрис была зажата небольшая темная коробочка.

— Что это?

— Передатчик прокола. Внутри специальная батарея, рассчитанная на один-единственный импульс. Я должна была дать сигнал сразу же, как только получу подтверждение, что препарат химической защиты действует.

— Ты не говорила мне об этом.

— Не говорила. Это было мое личное задание от руководства «Д-корпуса».

— И что же, ты выполнила его?

— Если бы я его выполнила, они бы начали атаку раньше, и тогда, возможно, сотни наших кораблей не нашли своей гибели в небе Роканды. Вина за это поражение полностью лежит на мне.

— Не говори глупостей! Если бы они начали атаку раньше, все получилось бы точно так же. Но даже если я не прав, если бы они добились успеха, ты хоть представляешь, что бы из этого получилось?

— Они бы уничтожили планету вместе с нами. Я привыкла рисковать собственной жизнью, но здесь был ты…

— Дело не в этом. Если бы их операция удалась, если бы они уничтожили Роканду — Зло пришло бы снова. Через какое-то время была бы захвачена другая планета. И так будет повторяться до тех пор, пока мы не найдем его источник, место, откуда оно приходит, его проклятое гнездо.

Он замолчал, потому что только сейчас до него дошел смысл ее последней фразы. Для любого аниранца, неважно, мужчина он или женщина, долг перед своим народом значил больше всего на свете. Но только что она ему призналась, что для нее теперь это не совсем так.

Он нашел в темноте ее руку и, не разжимая ладони, долго и нежно целовал ее, постепенно поднимаясь все выше, сначала до локтя, потом, отбросив простыню, он стал целовать ее плечи. Но, видимо, она неправильно поняла его ласку, потому что в ее голосе все еще звучала обида:

— Ты относишься ко мне, как будто я — Сельма Штрауб! Для тебя минутное удовольствие…

Он закрыл ей рот поцелуем, а когда наконец оторвался от ее губ, разговор, похоже, перестал ее интересовать. Но он все-таки сказал:

— Сельма — замечательная женщина. Если бы не она, все мужчины на этом корабле

давно бы взбунтовались и набросились на тебя. Я ревную, потому что не представляю, как смог бы без тебя прожить хотя бы день. И, улетая на своем воздушном кораблике, я думаю о той минуте, когда вернусь и снова увижу тебя.

— Что с нами будет, Арлан? Я хочу сказать, что с нами будет, если мы победим? И куда нам теперь возвращаться? Я не смогу больше быть гражданкой Анирана.

— Если мы найдем и уничтожим источник Зла, нас встретят как победителей. Весь Аниран будет у твоих ног. Тогда мы заберем нашего сына и улетим на Землю. Если ты этого захочешь.

— Слишком много «если». Ты почаще обо мне вспоминай, пока это еще возможно.

Он постарался растопить горечь ее слов в новых поцелуях, но так и не понял, удалось ли это ему.

Глава 43

Место, где когда-то располагался космодром аниранской колонии, с высоты птичьего полета больше всего походило на старое лесное пожарище.

Арлан сделал над ним круг и не увидел с воздуха никаких деталей. Тропические джунгли напоминали плотно набитую подушку. Сквозь листву деревьев не пробивался ни один луч света. Разве что цвет листвы здесь несколько отличался, и можно было приблизительно определить границы посадочной зоны по желтоватому оттенку.

Метрах в двухстах от южной границы пятна, рядом с остатками локаторной вышки, Арлан выбрал пригодную для посадки открытую поляну и решительно направил свой дельтаплан вниз.

Впервые он садился не в лагере на плато, и у него не было полной уверенности в том, что с помощью слабенького двигателя вновь удастся поднять машину в воздух.

Но решение было принято еще вчера. Пятеро космонавтов, все, кроме Версона, захватив необходимое снаряжение, пробирались к космодрому. Им предстоял долгий и нелегкий путь. Никто не знал, за какое время отряду удастся преодолеть сорок километров диких джунглей. Несмотря на помощь лалам, это могло занять несколько дней.

Ему придется провести одному в совершенно не исследованной местности несколько ночей, и перспектива подобных ночевок вызывала тревожное чувство, несмотря на защитный костюм и бластер.

Он вспомнил, как их захватили в плен у городских ворот, не помогло и присутствие целого отряда. Эта планета была полна неприятных сюрпризов. Но слишком жесткий срок ультиматума заставлял его идти на риск. Сегодняшний полет, если все пройдет удачно, сэкономит им несколько суток.

К подходу отряда он должен закончить рекогносцировочные работы на космодроме и решить, куда в первую очередь направить усилия своих товарищей.

Машина шла вниз почти бесшумно. Арлан слышал негромкий свист ветра в пропеллере и шорохи листвы внизу. Земля была уже в нескольких метрах, дельтаплан миновал границу леса и еще круче пошел вниз.

Полянка была меньше, чем казалась сверху, и ему пришлось в спешном порядке гасить скорость, у самой земли задрав вверх нос машины. Дельтаплан остановился перед скалой. Еще десять—пятнадцать метров, и его полеты могли закончиться навсегда.

Арлан отстегнул ремни и какое-то время сидел, расслабившись, позволив себе полный отдых. Во всяком случае, так это выглядело со стороны.

Но в такие моменты его подсознание выполняло сложную работу. Ментальный слух обострялся и расширял границы восприятия окружающего иногда на несколько километров.

На этот раз он не услышал ничего подозрительного, никаких враждебно настроенных животных, во всяком случае, тех, чей мозг способен излучать ментальное поле.

Обычный слух, однако, сообщал ему, что в лесу не все обстоит так уж благополучно. Кто-то настырно стрекотал среди деревьев, словно огромный сверчок. Иногда эта тварь

замолкала на пару минут и потом вновь заводила свою песню, похожую на звук электропилы.

На всякий случай Арлан проверил заряд бластера, прежде чем вылезти из кресла дельтаплана. Трава доставала ему до самых колен. Преодолевая ее сопротивление, он с трудом подтащил легкую машину к самой скале. Чтобы ее не унесло и не сломало ветром, пришлось забить несколько крюков и закрепить страховочные тросы.

Теперь наконец он мог заняться космодромом.

Вышка не представляла собой ничего интересного. Остатки решетчатой металлической конструкции стояли на голом холме. Арлан хотел взобраться на нее, чтобы еще раз осмотреться, прежде чем углубиться в лес, но оказалось, что изъеденные ржавчиной металлические перекладины не способны выдержать вес его тела.

Отойдя от вышки всего на сотню метров, он пересек узкую полосу поляны, на которую совершил посадку, и сразу же увяз в подлеске. Сами деревья не были слишком густыми и по своей структуре напоминали земные солончаковые растения. От толстого зеленого ствола во все стороны отходили каплеобразные метровые выросты. Каждый такой отросток, в свою очередь, заканчивался еще двумя. Так продолжалось до тех пор, пока отростки не начинали обламываться под собственной тяжестью и не падали на землю. Тогда они пускали корни и давали начало новым деревьям.

Это был бы вполне приличный и удобный для исследований лес, если бы не засилье лиан. Десятки видов сапрофитных паразитов обвивали стволы деревьев и, наращивая на них свою собственную крону, тянулись к солнцу.

Внизу, у самых корней, растительности не было, но уже в метре над землей начиналась сплошная путаница колючих зарослей. Выяснив, что, согнувшись в три погибели, с тяжелым рюкзаком за спиной, далеко ему не уйти, Арлан вернулся на поляну и пошел вдоль нее, внимательно осматривая сплошную стену леса. Время от времени ему удавалось разглядеть пространство в глубине леса метров на сорок.

Он продвигался медленно, обливаясь потом. Из леса несло влажной жарой, с которой не мог справиться кондиционер его легкого защитного костюма. Спина болела от постоянных наклонов, а солнце уже перешло зенит.

Если так будет продолжаться, к вечеру он узнает не больше, чем до посадки. Нужно было что-то срочно придумать.

Вернувшись к дельтаплану, Арлан взобрался на скалу, в которую едва не врезался во время посадки. Сейчас, когда его внимание не отвлекалось на управление капризной машиной, он увидел много новых деталей, не замеченных раньше.

С северной стороны на поляну выходила просека. Возможно, это было русло высохшего ручья или звериная тропа. Углубившись в лес, она изменяла направление и шла в ту сторону, где на плане он отметил границы желтого пятна.

Он совсем уже собрался^спускаться, когда заметил, что сквозь густую траву около вышки местами проглядывает странная серая полоса. Свои исследования он начал именно с нее. Оказалось, что к вышке некогда вела дорожка, выложенная прочным серым пластеролом. Теперь пластерол, уступая напору травы, потрескался, плитки сошли со своих мест. Но остатки дорожки сохранились, и можно было без труда определить ее направление. С одной стороны дорожка заканчивалась почти у самой вышки. С этим все было понятно. Но противоположный ее конец упирался в глухую скалу. Дорожки не должны вести к скалам. Никто не будет строить специальную дорожку, пригодную для движения тяжелого транспорта, лишь для того, чтобы потом заняться альпинизмом.

Взглянув на солнце, он понял, что выяснение этой загадки придется отложить. У него осталось не более трех часов светлого времени, а он по-прежнему почти не продвинулся в своих исследованиях и даже не наметил подходящее для ночлега место.

Оставив в покое дорожку, Арлан пересек поляну, вышел к просеке и углубился в лес.

Лианы над его головой почти сразу сомкнулись в сплошную непроницаемую завесу, стало темно и сыро, как будто он погрузился в болото. Словно подтверждая эту мысль, почва

под его ботинками превратилась в жидкий кисель.

Теперь стрекот неведомой пилы стал громче. Иногда звук стихал, и тогда из леса доносилось глухое мощное уханье, словно сотня филинов одновременно упражнялась в эстрадном искусстве.

Не задерживаясь из-за этих непонятных звуков, Арлан упрямо шел вперед, пока не достиг поворота просеки, отмеченного им с вершины скалы.

Сейчас она свернула к границе желтого пятна. Ему оставалось пройти до пятна не более ста метров, когда, нагнувшись в очередной раз для улучшения обзора, он заметил между деревьев нечто темное и весьма большое. Он мог рассмотреть лишь основание этого предмета, все, что располагалось выше одного метра, скрывали лианы, и даже приблизительно невозможно было определить, что же это такое.

Только подобравшись к таинственному предмету вплотную, Арлан увидел, что густая листва скрывает обшивку космического корабля.

За час работы ему удалось расчистить участок корпуса не более трех метров. Но и это позволило определить, что корабль относительно новый. На керамической обшивке не было заметно серьезных повреждений. Арлан расчистил несколько вплавленных в обшивку букв. Буквы были аниранские, но название корабля он так и не смог определить.

Оставив свою находку до прибытия отряда, Арлан стал пробиваться дальше внутрь пожелтевшего леса. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что здесь когда-то располагался космодром.

Болотистая почва под ногами стала тверже, а лесная растительность внутри километрового посадочного круга заметно поредела. Казалось, страх перед атомным пламенем, бушевавшим на этой площадке двадцать лет назад, заставлял съеживаться проклятые лианы даже сейчас.

Вскоре Арлан выбрался на небольшую прогалину, почти полностью свободную от растительности, в центре которой стоял еще один корабль.

Общие очертания корпуса свидетельствовали о том, что это военный фрегат. Его посадили здесь уже после катастрофы и гибели самого космодрома. Об этом свидетельствовали настежь распахнутые люки, транспортные лифты, опущенные лишь наполовину, и разбросанные вокруг корабля хорошо сохранившиеся предметы корабельного оборудования.

Через десяток метров Арлан наткнулся на первый человеческий скелет. По характерному строению верхней части позвоночника можно было определить, что скелет принадлежал аниранцу.

Трагедия произошла здесь всего несколько лет назад. Видимо, этот корабль пытался прорваться на давно захваченную планету. Возможно, экипаж возвращался из дальней экспедиции и ничего не знал о том, что от Роканды следует держаться подальше. Но скорее всего это был результат одной из многочисленных попыток аниранцев вернуть контроль над утраченной планетой.

На расстоянии менее парсека от поверхности Роканды автоматы корабля перестали подчиняться командам экипажа.

Сам же корабль, с перехваченным «Д-полем» управлением, медленно и плавно шел на посадку на этот заброшенный космодром. Он сел здесь так, словно ничего не случилось. Вот только разум всех членов его экипажа к этому моменту был уже полностью выжжен. Большинство из тех, кто находился на этом корабле, погибли во время спуска. Остальных постигла еще более страшная судьба, та же, что и других колонистов Роканды. Они пополнили ряды дикарей или превратились в зомби, подчиненных власти чужого интеллекта.

Распахнутые люки корабля одновременно притягивали и отталкивали Арлана. Он знал, что ожидавшие его внутри картины будет нелегко вынести, но с помощью оборудования и транспортных средств, которые, вероятно, уцелели на этом хорошо сохранившемся корабле, можно намного ускорить исследование космодрома.

Не было никаких шансов заставить работать корабельные лифты. Прежде нужно было попасть в управляющую рубку и запустить энергетический реактор, если, конечно, тот сохранил работоспособность и если в баках осталось топливо.

Ему пришлось взбираться к люку трюмного яруса по отвесной обшивке, как на скалу, используя альпинистское снаряжение. К счастью, заброшенная на пятиметровую высоту кошка прочно зацепилась за распахнутый люк, и спустя несколько минут он, воспользовавшись тросом, уже был внутри корабля.

Темнота и затхлый воздух поджидали его в узкой шахте коридора, ведущего на верхние ярусы. Аварийное освещение не работало. Вообще ничего не работало. И так будет продолжаться до тех пор, пока он не доберется до главной рубки и не запустит хотя бы один резервный генератор. Он не слишком разбирался в устройстве аниранских кораблей, но работы на верфях во время сборки «Северной звезды» кое-чему его научили.

Главную рубку он сумел найти, используя для освещения узкий и не слишком яркий луч своего нашлемного фонаря. Неожиданно дверь в нее оказалась запертой. Пришлось расстреливать электронный замок из бластера. После этого весь корабль провонял паленой резиной и пластмассой, зато дорога в рубку была наконец свободна.

Здесь находились четыре скелета аниранцев, так и не покинувших своих кресел. Эти люди боролись до самого конца. Он осторожно снял с пульта остатки кисти одного из них, нашел нужные надписи над управляющими тумблерами и начал их включать один за другим, строго следуя вывешенной здесь же инструкции. Раздражающая педантичность аниранцев на этот раз сослужила ему хорошую службу.

Он не слишком надеялся на то, что энергии в аварийных аккумуляторах окажется достаточно, чтобы запустить реактор. Свет не горел, и скорее всего энергии не было вообще. Но, к счастью, он ошибся. Видимо, где-то были повреждены энерговоды, но сами аккумуляторы сохранили работоспособность. Корпус корабля содрогнулся и мелко завибрировал, пока ротор стартового мотора генератора набирал обороты. Через пятнадцать минут один из вспомогательных реакторов корабля вошел в рабочий режим, и после этого в рубке вспыхнул свет. Аварийные энерговоды прокладывались отдельно от остальных, и, очевидно, энергетические цепи, питавшие освещение непосредственно от реактора, сохранились.

Заработал даже аварийный компьютер. Хотя главная автоматика корабля так и не включилась, Арлан сумел, не выходя из рубки управления, получить подробный отчет о состоянии основных агрегатов, вооружении и наличии топлива.

Последняя запись в электронном вахтенном журнале двухлетней давности гласила:

«Продолжаем снижение. У всех членов экипажа появились сильные головные боли. Отказал автопилот. Переключиться на ручное управление не удается. Вся автоматика вышла из строя…»

Фрегат «Спейс» был одним из тех кораблей, которые командование аниранского флота с маниакальным упорством один за другим посылало в район утраченной федерацией планеты. Ни один из них не вернулся и не передал никакого сообщения.

Впрочем, действия командования можно было понять. На Роканде осталось несколько миллионов аниранских поселенцев, о судьбе которых федерация ничего не знала.

Если не считать отказавшей автоматики, корабль был почти готов к полетам. На месте оказался даже планетарный транспортный бот, на что Арлан не смел даже надеяться. Это было самой важной его находкой. Если бот окажется в рабочем состоянии, их транспортные проблемы будут решены полностью.

Он взглянул на кварцевые корабельные часы, отсчитывавшие все эти два года время мертвого корабля. До захода солнца оставалось не больше часа. Проверив все отсеки с помощью инфракрасных датчиков, он убедился, что, кроме него, на корабле нет живых организмов, и лишь после этого направился в транспортный отсек.

Он решил остаться на корабле, если не удастся запустить двигатели транспортного бота до захода солнца. Хотя ночевать по соседству со скелетами было не слишком приятно —

зато безопасно. Гораздо безопаснее, чем ночевка в открытом лагере на лесной поляне.

Но ему снова повезло. Бот оказался в рабочем состоянии, даже баки были полностью заправлены мезонным горючим. Оставалось открыть наружную дверь ангара и попробовать запустить двигатель.

Замок не поддавался. Он не хотел применять лазерный резак, чтобы не портить переборку. Этот корабль им еще пригодится. Он не знал, разрешат ли нынешние хозяева планеты вывести «Спейс» на орбиту или им придется прорываться с боем, но в любом случае стоило попробовать.

Теперь они располагали знаниями, которых не было у капитана «Спейса». Излучение, поражавшее человеческий мозг, было для них безвредно. Основной проблемой оставалась выходившая из-под контроля автоматика. Но опыт «Северной звезды» поможет им справиться и с этим.

Замок в конце концов удалось открыть из центральной рубки, предварительно прочитав инструкцию. Запустился и двигатель. Но когда бот, извергая хвост пламени из своих реактивных двигателей, с ревом покинул ангар корабля, стало уже совсем темно.

Тем не менее Арлан решил продолжать полет и попытаться разыскать лагерь своих товарищей, вынужденных заночевать в лесу по дороге к космодрому.

Скорее всего они застряли на переправе. Арлан надеялся, что с помощью инфракрасных искателей, прожекторов и навигационного оборудования бота он сумеет найти их даже ночью. И он не ошибся в своих предположениях.

Появление реактивного бота над лагерем, разбитым на берегу реки, произвело фурор. Опасаясь, что после всех сюрпризов, преподнесенных Рокандой, его могут встретить вместо салюта заградительным огнем, Арлан еще на подлете произвел прожектором заранее условленную серию световых вспышек. По этому сигналу они узнавали друг друга, ведя исследования в ночном городе.

Он опустился в сотне метров от палаток и, когда вылез из кабины, был вознагражден за все свои усилия искренним восторгом товарищей, которым осточертело плестись через лес, таща на себе тяжелое снаряжение.

Разве что на лалам его появление произвело крайне отрицательное впечатление. Увидев огнедышащего дракона, они попросту разбежались.

Глава 44

Утро следующего дня весь отряд встретил уже на космодроме. Теперь работы пошли значительно быстрей, и после обеда в базовый лагерь на плато был отправлен первый транспорт со снаряжением и оружием. Арлан вынашивал идею перегнать туда и сам «Спейс». Но с этим, учитывая непредсказуемую реакцию нынешних хозяев планеты, не следовало спешить.

Оружие они перевозили замаскированным, и такие же меры предосторожности применялись при оборудовании огневых точек вокруг лагеря. Никто не знал, достаточно ли эффективны аниранские методы маскировки на Роканде, но пока все было спокойно.

К концу первой недели установленного ультиматумом срока территория вокруг «Северной звезды» напоминала хорошо укрепленную крепость.

Создание оборонительных сооружений облегчало то, что на плато вела одна-единственная дорога, и теперь вся ее верхняя часть могла простреливаться огнем лазерных орудий.

Немало сил было потрачено и на устройство надежного воздушного прикрытия. Слишком свежо было воспоминание о Ночном Ужасе. И никто не представлял, какие еще монстры существуют в арсенале их противников. Наконец Арлан счел, что они готовы к отражению нападения и могут себе позволить нарушить условия ультиматума.

Ему не терпелось познакомиться с последней находкой Беатрис. Древние подвалы притягивали его как магнит, но прежде нужно было закончить подготовку корабля для

вполне возможного аварийного старта.

На орбиту на всякий случай был выведен транспорт с горючим. Это не противоречило условиям ультиматума и не вызвало никакой реакции со стороны их противников. Если им придется покинуть планету на своем старом корабле, этот запас горючего позволит разогнать «Северную звезду» до переходной скорости.

Исследование территории космодрома в первом приблизительном варианте было закончено. Теперь они точно знали количество находившихся на нем кораблей. Была также учтена большая часть снаряжения, которое могло оказаться для них полезным.

Столь сжатые сроки работ стали возможны благодаря методике расчистки леса, предложенной Ли Картом. Он воспользовался характерным строением рокандских деревьев, сок которых на восемьдесят процентов состоял из легко воспламеняющихся эфирных масел.

Сначала Арлан не мог понять, каким образом такие растения сохранялись на протяжении десятков лет. Хотя гроз на Роканде, несмотря на частые дожди, практически не было, достаточно любой случайной искры, чтобы превратить дерево в пылающий костер. Однако огонь не распространялся за пределы одного-единственного дерева. Шатер из сырых негорючих лиан останавливал пожар. Каждое следующее дерево приходилось поджигать заново. Это было очень удобно, поскольку позволило им не перемещать оборудование в безопасную зону.

Когда дерево сгорало, на его месте оставалась груда обуглившихся и ничем не закрепленных лиан, которые питались за счет соков дерева и держались, впившись в его ствол специальными сосущими отростками.

После выжигания деревьев, заполонявших территорию космодрома, кучи обгоревших лиан сгребали к краям стартовой площадки, где в конце концов образовалась непроходимая колючая изгородь, надежно защищавшая место работ от непрошеных гостей из леса.

На стартовой площадке бывшего аниранского космодрома они обнаружили четыре корабля — два транспорта и два корвета одного класса. Они смогли полностью оснастить «Спейс» и подготовить его к полету, используя оборудование другого корабля такого же типа.

Кроме того, за пределами космодрома находился еще один корабль. Именно на него Арлан наткнулся в первый день после посадки на космодроме своего дельтаплана, когда не смог расчистить даже доску с названием.

Им оказался «Рисат», небольшой исследовательский звездолет третьего класса, не рассчитанный на проведение работ на поверхности планет. С помощью таких кораблей аниранцы вели разведку дальних районов космоса. Когда корабль класса «Рисата» находил новую пригодную для заселения планету, на нее отправлялась другая, хорошо оснащенная экспедиция.

Это означало, что на «Рисате» не было планетарного комплекса, столь необходимого им сейчас для возведения оборонительных сооружений на плато. Пришлось использовать ремонтных роботов с других кораблей, не предназначенных для подобных работ.

Зато «Рисат» во время своего последнего полета вполне мог наткнуться на планету, которую искал Арлан…

К сожалению, в отличие от корветов, исследовательский звездолет сохранился гораздо хуже. Он стоял здесь с самого начала захвата с открытыми люками вот уже более двадцати лет, и джунгли успели освоить его снаружи и изнутри. Все оборудование оказалось разрушенным. А от электроники, блоков памяти, корабельного журнала и прочих судовых документов не осталось даже следа. Арлан подозревал, что столь полное уничтожение не обошлось без постороннего вмешательства.

Об этом свидетельствовали следы взрывов и пожара в главной рубке «Рисата».

Теперь вся надежда была на информаторий самого космодрома.

Но, к их общему удивлению, когда территория космодрома была полностью очищена от зарослей, здесь так и не было обнаружено ни одного здания. Это казалось совершенно непонятным, поскольку они не смогли найти даже фундаментов былых строений. Ни один

космодром не мог обходиться без навигационных вышек, маяков, заправочных и ремонтных комплексов.

Но здесь не было ничего, кроме посадочной площадки и остатков одной-единственной вышки, настолько старой, что даже следов энерговодов, подходивших к ней когда-то, обнаружить не удалось. С этой вышкой была связана другая, совершенно необъяснимая загадка разрушенной дорожки, упиравшейся в скалу. Арлан решил выделить для исследования вышки целый день из драгоценного лимита оставшегося у них времени.

Расположившись в сотне метров от того места, где дорожка бесследно исчезала в скале, он установил бластер на максимальную мощность и выстрелил в основание скалы, чуть выше того места, где заканчивалась дорожка.

Эффект от разрыва первого же заряда превзошел все ожидания. В скале открылся хорошо замаскированный под окружающую породу вход в туннель.

Есть камни, в которых поселяется сама древность. Стенам туннеля было не меньше тысячи лет.

Анализатор отказался установить точную дату создания этой выработки.

Туннель шел в глубь скалы, абсолютно ровный, высотой в два человеческих роста и шириной в три с четвертью метра. Сводчатый потолок и совершенно ровный гладкий пол уходили в неведомое так далеко, как только могли пробиться лучи их нашлемных фонарей.

Беатрис, Ли Карт, Версон — все, кто был свободен от первоочередных работ и дежурства в лагере, участвовали в исследовании этой древней загадки.

— На стенах нет следов инструментов. Такое впечатление, словно проходку осуществляли с помощью высокой температуры.

— При какой температуре плавится базальт?

— Что-то около тысячи градусов по Цельсию.

— При таких температурах для проходческой машины потребуется слишком мощная тепловая защита, а у аниранцев таких машин нет. — Беатрис остановилась, детально исследуя участок стены. — Поверхность этой штольни напоминает мне ту, что мы обнаружили в подвалах супермаркета. Если это не те же самые выработки, то, по крайней мере, они проходились одним и тем же способом.

— Слишком большое расстояние. Почти сорок километров до плато. Вряд ли они соединяются, хотя мы знаем слишком мало о тех, кто плавил эти базальтовые скалы, словно восковые муляжи. — Сказав это, Арлан невольно вспомнил Сэма. Хотя не было прямых доказательств, что здесь побывали именно дарсаны, других цивилизаций, способных проделать такую работу, не знали ни аниранские, ни земные ученые. Было и еще одно указание на то, что здесь поработали дарсаны.

Под сводами этих древних скал давление внешнего «Д-поля» уменьшилось до неуловимо малых размеров, и интуиция Арлана, освобожденная от негативного воздействия, необычайно обострилась. Он словно чувствовал запах древности, исходивший от стен штольни.

Враг, захвативший Роканду, был не менее древним, чем цивилизация Сэма. Об этом предупреждал его Сэм во время их единственной встречи. Он ничего не говорил о том, какие планеты тысячи лет назад принадлежали его народу. Однако была какая-то причина того, что первый захват произошел именно на Роканде.

На Земле победители любили водружать знамена и строить памятники на развалинах вражеских укреплений. Наверно, природа тщеславия одинакова во всех мирах.

— Аниранские колонисты давно знали о туннелях, я читала о них в отчетах. Но никому еще не удавалось обнаружить ни одного предмета, относящегося к периоду древней цивилизации, построившей их.

Арлан подумал, что Беатрис не совсем права в своем категоричном суждении. Если такие находки и были сделаны — их наверняка засекретили. А с одной из них он, кажется, был знаком достаточно хорошо…

Под нагрудной застежкой его защитного комбинезона пульсировало живое тепло, в том

месте, где висел Талисман света. Он ощутил это тепло, едва только вошел в туннель, и теперь очень медленно и постепенно оно усиливалось.

Через двести метров туннель резко повернул вправо, почти на девяносто градусов, и сразу же уперся в глухую стену.

— Ну вот, кажется, пришли, — недовольно пробормотал Ли Карт. — Стоило огород городить.

— Не торопись с выводами. Туннель не должен заканчиваться глухой стеной, он куда-то ведет. Мы уже видели одну такую стену на входе, — возразил Степан.

Он оказался прав. Преграду в конце туннеля возвели относительно недавно, и она оказалась такой же непрочной, как и стена у входа. Когда ее разрушили, открылась целая система подземных залов, забитых оборудованием космодрома, навигационными системами и различными вспомогательными машинами.

К сожалению, в самом дальнем зале когда-то стояли цистерны с горючим, и здесь двадцать лет назад произошла катастрофа.

Пожар, возникнув в этом зале, захватил и все остальные. От оборудования почти ничего не осталось.

— Какой идиот догадался хранить топливо рядом с остальным оборудованием? — спросил Степан, с недоумением обводя лучом своего прожектора следы старого пожарища.

— Не суди их слишком строго, — вступилась за своих соплеменников Беатрис. — Мы не знаем всего, что здесь произошло. Но, видимо, космодром, расположенный в стороне от города, стал последним очагом сопротивления. Последней их надеждой связаться с домом. Здесь у них было какое-то время… Возможно, они надеялись создать под землей тайную базу, чтобы позже иметь возможность поднять в космос уцелевшие корабли.

— Ты права, Бет. Думаю, так все и было. Но тогда именно здесь следует искать информационные записи.

— Вряд ли они уцелели в таком пожаре. Ты представляешь, какая была температура в этих пещерах, когда полыхнуло мезонное топливо? Посмотри, даже скалы оплавились!

Беатрис поддержал Степан, который всячески давал понять, что ему не нравится это мрачное мертвое помещение:

— Как вы себе представляете эти поиски, командир? Здесь только на нижнем ярусе не меньше ста квадратных метров площадей забито сгоревшим хламом. Да нам десяти лет не хватит, чтобы разобраться с этим барахлом.

— Наружные стены возводились для маскировки. Их строили уже после пожара, иначе они бы расплавились в первую очередь. Здесь может быть и какой-то тайник, также построенный после.

— Как мы его найдем? Даже если простукивать только стены, на это уйдет не меньше месяца!

— Не надо их простукивать. Возьмите на корабле ультразвуковой искатель и начинайте прямо отсюда. Тайник должен быть где-то рядом со второй маскировочной стеной. С этой минуты здесь постоянно будут работать два человека. Старшим я назначаю Рудина, напарника подберете себе сами.

— Но, командир! У меня достаточно неоконченной работы снаружи, зачем вы загоняете меня в подземелье?

— Потому что каждый из нас выполняет ту работу, в которой он является специалистом.

— Вы хотите сказать, что я являюсь специалистом по поисковым работам с ультразвуковым искателем?

— Нет, конечно. Но вы единственный из нас, кто ухитрился во время обучения в корпусе не получить ни одной полезной ориентировки. Поэтому я и стараюсь поручать вам работы, не требующие специальных знаний.

Рудин, конечно, обиделся. Но Арлан считал, что членов отряда, начинающих на людях обсуждать целесообразность его приказов, следует тактично поставить на место.

Поиски информационных записей он считал самой важной из всех работ, которые они проводили. А Рудина, при всей его ершистости, отличало чувство ответственности во всем, что ему поручалось, и если уж он брался за дело, то всегда доводил его до конца.

— Кого вы возьмете себе в напарники?

— Сандри, если вы не возражаете…

Наконец-то он это сказал. Сандри была одной из причин, по которой Арлан выбрал именно Степана. За последнюю неделю он стал замечать, что ледок между этими двумя неравнодушными друг к другу людьми начал давать первые трещины. И когда появлялась возможность, он всегда старался сделать так, чтобы они могли подольше оставаться наедине друг с другом.

Вскоре начнется бой, и он не знал, все ли они останутся живы после неравной схватки. Но это случится лишь завтра…

Понимая, что это «завтра» наступит уже через несколько дней, люди выкладывались полностью.

В конце тяжелого рабочего дня, когда все падали от усталости, они любили возвращаться в свой новый дом. После суровой спартанской обстановки «Северной звезды», где каждый метр свободного пространства был на строжайшем учете, просторные помещения «Спейса» казались им царскими палатами.

К этому времени корабль полностью привели в порядок. По просьбе Беатрис останки членов экипажа похоронили на ближайшем холме со всеми полагавшимися аниранскими почестями.

Хорошей традицией стал вечерний ужин в кают-компании. Ли Карту удалось даже наладить робота-менеджера, и хотя Арлан относился к нему с подозрением, по просьбе Беатрис он не стал его обесточивать, как всю прочую корабельную автоматику, способную под воздействием «Д-поля» к неожиданным самостоятельным действиям.

Арлан прекрасно понимал, что на современном корабле невозможно полностью отказаться от автоматических устройств. Для этого его нужно полностью переделать в заводских условиях, как в свое время поступили с «Северной звездой».

Из-за оставшейся автоматики корабль представлял собой постоянную потенциальную опасность. Их оставили в покое лишь до начала схватки. В том, что рано или поздно она состоится, ни у кого не было сомнений. Скорее всего противник решил, что именно на этом корабле они собираются покинуть планету, и не хотел мешать им раньше времени, пока корабль не вышел на орбиту.

В конце концов Арлан пришел к выводу, что без особого риска до конца ультимативного срока они могли себе позволить на «Спейсе» комфорт, которого были так долго лишены.

Автоматический повар готовил для каждого изысканные блюда по принятым накануне индивидуальным заказам. А менеджер в золоченой ливрее со строгим серебряного цвета лицом лично подносил их к столу.

Беатрис считала единственным просчетом конструкторов, создавших этого робота, отсутствие у него подобострастной улыбки.

Пойдя на уступки экипажу в мелочах, в главном Арлан оставался непреклонен. Не считаясь с затраченным на это временем, все, что было возможно, в управляющей рубке давно перевели на ручной режим.

Но даже эти мелкие уступки могли обернуться трагедией, если их невидимые противники нанесут неожиданный удар раньше срока. Слишком хорошо Арлан помнил, на что способны роботы, подчиненные чужой злой воле. Да разве только роботы? Любой автомат, включившись в неподходящее время, мог стать причиной катастрофы.

Но без этого корабля им не обойтись хотя бы потому, что только на «Спейсе» были генераторы пространственного перехода, способные доставить их в любую точку Галактики.

С каждым днем корабль нравился им все больше, и они готовы были пойти на любой риск, лишь бы не расставаться с ним. В космическом пространстве над Рокандой больше не

было аниранского флота, они должны были рассчитывать только на себя.

До конца назначенного в ультиматуме срока остался ровно один день, когда Арлан приказал сворачивать все работы и начинать эвакуацию лагеря. Он собирался отправить всех людей на плато в транспортном боте и вдвоем с Версоном попытаться перегнать туда же «Спейс»

Как всегда, не обошлось без ссоры с Беатрис, потребовавшей участия в полете. Задуманная им операция была слишком рискованна Как только их противники разберутся, для чего им понадобился «Спейс», на них обрушится вся их мощь.

Он был вынужден официальным тоном потребовать от Беатрис подчиниться приказу и покинуть корабль вместе со всеми. Это сократило время на уговоры, зато вечером обещало обернуться дополнительными проблемами.

До отправки бота оставалось не больше часа, когда выяснилось, что Степан и Сандри все еще продолжают работать в подземных галереях космодрома.

Ссора с Беатрис и нарушение его приказа Степаном, которому он еще прошлым вечером приказал свернуть работы и готовиться к отлету вместе со всеми, окончательно вывели Арлана из равновесия.

Отложив все дела, он сам отправился за Рудиным, чтобы сказать ему все, что он думал по поводу его поведения.

Светлые пятна рабочих фонарей Рудина и Сандри он заметил издалека. Подойдя вплотную и не разобравшись еще в том, что происходит, Арлан произнес недовольным тоном:

— Из-за вас я вынужден задержать отправку бота на целый час! Какого черта вы тут делаете?!

— Думаю, оно того стоит, командир, — спокойно ответил Степан своим неторопливым, чуть окающим говорком.

Он отодвинулся в сторону, демонстрируя Заславскому метровый карман, вырубленный в твердой породе. Тысячи искрящихся от света информационных кристаллов лежали, сваленные в кучу, словно зерна пшеницы после обмолота. Арлан почувствовал, что у него перехватило дыхание. Но не от радости, скорее от разочарования… Степан между тем продолжил:

— Пустоту мы еще вчера обнаружили и побоялись взрывать, чтобы не повредить кристаллы, на тот случай, если они здесь окажутся. А порода тут на редкость прочная, ручную проходку вчера закончить не успели, сегодня хотели сделать сюрприз.

— Сюрприз получился. Не было ни упаковок, ни каталога, ни номеров?

— Все так и лежало. Мы только что закончили расчистку ниши.

— Чем они там думали, эти аниранцы…

— А в чем дело, командир?

— Ты хоть знаешь, сколько информации содержится в одном кристалле?

— Откуда мне знать. На земных компьютерах информацию записывают на ДВД-дисках, с ними мне приходилось иметь дело, но здесь иной принцип.

— На один такой кристалл можно записать пять или шесть сотен десятислойных дисков ДВД.

— Шесть сотен?!

— Да. Это десятки тысяч томов. Несколько центральных публичных библиотек со всем содержимым.

— Не могу в это поверить. Кристалл размером с пшеничное зерно содержит столько информации?

— Она записана на молекулярном уровне. Здесь может быть все, что угодно. Объемные голографические фильмы, отчеты и базы данных, энциклопедии и подшивки старых газет, колониальные архивы и переписка чиновников, классическая литература нескольких планет и рабочие чертежи фабрик.

— Но тогда это означает, что за всю оставшуюся жизнь мы не сумеем разобраться в

этой груде теперь уже никому не нужных сведений?!

— Ну, не совсем так… Может быть, нам повезет и мы довольно скоро наткнемся на интересную информацию. Может, среди кристаллов есть электронные каталоги хотя бы отдельных разделов. И если сами кристаллы пронумерованы… В любом случае спасибо. — Арлан наконец справился с охватившим его разочарованием. В конце концов, не Рудин оборудовал этот тайник, он лишь добросовестно выполнил порученную работу.

— Здесь, возможно, есть самое главное. Описание того, как происходил захват. И если нам удастся вырваться с Роканды, все аниранские институты займутся изучением добытой вами информации Так что собирайте все до единого кристаллы, тщательно упаковывайте их и делайте это побыстрее. Вы должны успеть отвезти их на плато до наступления темноты. Завтра кончается срок ультиматума. И это наша самая ценная находка.

— А вы? Разве вы не полетите с нами?

— Мы с Версоном поведем «Спейс» и попробуем приземлиться на плато.

— Они вам этого не позволят!

— Может быть… Там посмотрим. А пока собирайте кристаллы.

Глава 45

В четыре часа пополудни 23 января 2021 года по земному летосчислению стартовая платформа мертвого космодрома на Роканде содрогнулась от рева мезонного пламени. Четыре пылающих лезвия ударили в ее поверхность.

Сорокаметровая стальная колонна корвета «Спейс» качнулась, теряя связь с поверхностью, и медленно, словно нехотя, начала подниматься.

— Пятьдесят метров. Семьдесят. Сто. Скорость двадцать. Прошли зону неустойчивости. — Голос Версона, вслух считывавшего Арлану показания приборов, от волнения казался хриплым. В нормальных условиях этим кораблем должны были управлять не меньше пяти человек, но в рубке их было только двое. На всем корабле, кроме них, никого не осталось. Транспортный бот с остальными членами команды давно ушел на плато.

На космодроме, который выделялся теперь под ними черными пятнами пожарищ, не было дока, и они не могли проверить на стендах работоспособность отдельных агрегатов корабля.

Никто не смог бы предсказать, чем закончится этот безумный старт. Но пока что корабль продолжал набирать высоту, словно понимая, что от него сейчас зависит не только судьба собственного экипажа.

С самого начала вся экспедиция на Роканду была похожа на жест отчаяния. Надеяться они могли только на самих себя. Из-за смертоносного для аниранцев излучения они не могли взять с собой никаких специалистов.

Арлан старался не думать, что произойдет, если они ошиблись, отключая сложнейшие электронные устройства, управлявшие кораблем до перевода его основных навигационных агрегатов на ручное управление.

Каждую минуту он ждал какой-нибудь пакости. Но пока все шло гладко. Слишком гладко… Внизу под ними сверкнула серебристая лента реки. Высота все еще была небольшой, но корпус корабля уже слегка наклонился, смещая вектор движения в сторону плато.

Для того чтобы удержать в вертикальном положении тысячетонную махину корабля, необходима была виртуозная ловкость пилотов и опыт вождения, которого у них не было. Зато у Арлана была интуиция, острое чувство опасности и память. В памяти, правда, произошли некоторые изменения, еще неясные ему самому. Они отложились где-то глубоко в подсознании во время ритуала встречи с Триединым. Но управление таким сложным кораблем на восемьдесят процентов осуществлялось именно подсознанием. Времени на то, чтобы обдумывать, какой тумблер повернуть, просто не оставалось. Скорее всего Арлана выручало именно это.

Он не решился вести корабль на малой высоте скользящим полетом, поддерживая в равновесии его неустойчивую махину. Вместо этого, не считаясь с огромными расходами топлива, Арлан продолжал набирать высоту, описывая крутую параболу, в конце которой корабль должен был оказаться над плато. Их старту до сих пор никто не противодействовал, наверно, оттого, что начальная часть траектории корабля выглядела так, словно они собирались покидать планету.

Через две с половиной минуты Арлан, неожиданно для Версона, полностью отключил ходовые двигатели. Несколько секунд корабль еще продолжал двигаться по инерции, стремительно теряя свою скорость, слишком незначительную для свободного полета.

— Двести… Сто… Пятьдесят… Ноль! Мы начинаем падать! Что происходит? Что с двигателями?!

— Посмотри вниз.

— Мы над плато. Но корабль падает!

— Конечно, он падает. Только кормой вниз. Ты когда-нибудь выполнял затяжные прыжки с парашютом?

— Ты хочешь сказать, над самой поверхностью?…

— Именно. Я рассчитываю на то, что наши враги поймут смысл этого маневра слишком поздно и ничего не успеют предпринять.

— А если ты опоздаешь с включением главного двигателя и скорость падения не удастся погасить?

— Тогда мы разобьемся. Но в любом случае сейчас мы это узнаем.

Земля стремительно неслась на них, с каждой секундой ускоряя свое движение. Ходовые двигатели, только что включенные Арланом на полную мощность, ничего не изменили, разве что добавили рева и грохота вибрации, сотрясавшей переборки.

— Мы падаем!

— Нет времени на панику. Возьми себя в руки. Какая мощность на оси?

— Восемьдесят процентов!

— Нужна вся мощность.

— Реактор не успел прогреться. С момента старта прошло всего пять минут!

Им обоим казалось, что прошла целая вечность, и лишь в последние секунды, когда началось свободное падение, время словно рванулось вперед.

— Справа от себя, за соседним пультом переведи красный тумблер до отказа вниз. Только плавно!

Арлан не видел показаний всех приборов, а то, что они могли сделать, управляя кораблем вдвоем, делалось слишком медленно.

Наконец включились вспомогательные двигатели. Несмотря на предупреждение, Версон слишком резко рванул рукоятку регулировки мощности двигателей, и корабль содрогнулся так, словно ударился о скалы. Скорость падения резко уменьшилась, но она все еще была слишком велика, а до поверхности оставались считанные метры.

— Нас атакуют! Шесть аппаратов, похожих на универсальные истребители. Радиант…

— Включи защитное поле по всему периметру.

В считанные секунды, оставшиеся до приземления, он не мог себе позволить отвлекаться на отражение атаки, хотя и знал, что защитное поле, рассредоточенное по всему периметру, не выдержит прямого попадания.

В самый последний момент ему пришлось корректировать место посадки, чтобы не задеть огнем тормозных дюз свой собственный лагерь.

На земле под ними бушевал огненный смерч. Вал пыли, дыма и осколков камней катился во все стороны от стального колосса, сжимавшего под своей кормой огненные пружины реактивных струй.

Наконец прозвенел один-единственный оглушительный удар, когда амортизационные опоры коснулись поверхности плато. Двигатели сразу же отключились. Корабль покачнулся. Несколько секунд казалось, что опоры не выдержат. Нагрузка по оси корабля все больше

смещалась вправо. Арлан выстрелил правым двигателем один-единственный раз.

Корабль качнулся в противоположную сторону, однако на этот раз амплитуда смещения была значительно меньше.

Неожиданная и потому пронзительная тишина обрушилась на них, поглотив какофонию рева и грохота посадки.

— Хороший корабль, — неожиданно спокойным голосом подвел итоги этой сумасшедшей эскапады Версон.

— Куда девались истребители?

— Их отогнали огнем лазерных пушек с земли.

Минуты текли одна за другой. Наконец Арлан щелкнул тумблером, включавшим наружные динамики, и произнес в микрофон:

— Всем оставаться на боевых постах!

Его слова с рокотом пронеслись над лагерем, как отголосок артиллерийского залпа. Прошло пять минут, десять. Экраны радаров были девственно чисты.

— Чего мы ждем? — не выдержал Версон.

— Я не знаю. Чего-нибудь. Какого-нибудь продолжения. Одними истребителями они не ограничатся.

И снова минуты выстраивались в ряд друг за другом, сопровождаемые нестерпимо громким метрономом корабельных часов.

Скрипнула дверь у них за спиной. И голос робота-метрдотеля произнес:

— Соку не желаете, господа? У вас тут довольно жарко…

Прежде чем Версон успел ответить, бластер Заславского выплюнул в робота энергетический заряд, и их обдало дождем позолоченных осколков и волной жара.

— Зачем ты это сделал?

— Роботы этого класса не способны к проявлению инициативы. Я не слышал, чтобы ты заказывал ему сок.

— Я ничего не заказывал, но он же… Хороший был робот…

— Был. Пока его не переключили на внешнее управление. Вот тебе и продолжение… Но робот погиб не зря. Благодаря ему я кое-что понял. Когда мы готовили к полету «Северную звезду», мы отключили полностью всю автоматику. В результате лишились пространственных двигателей. Однако этого можно было не делать. Влиянию «Д-поля» поддаются только высокоинтеллектуальные кибернетические системы, такие, как центральный компьютер корабля или мозг этого робота. Их не так уж много на звездолете. Без них мы вполне обойдемся во время старта, а когда пройдем опасную зону, все вернем на свои места…

— Ты хочешь сказать, что мы сможем вернуться? Вернуться на этом корабле? — По тону Версона Арлан понял, что тот давно утратил надежду, давно смирился с тем, что на этой планете останутся их могилы.

— Я в этом не сомневаюсь. Нас только что пытались уничтожить. Конечно, они применили пока еще не весь свой арсенал, не все, на что способны. Но и мы недооценивали свои силы. Им можно противостоять. Для физического воздействия на этой чужой для них планете им нужны чьи-то руки, мозги или, на худой конец, высокоинтеллектуальные автоматы. Непосредственно сами они могут производить лишь фантомы.

— И разрушать человеческий разум…

— Не всякий. Я думаю, одной из причин ультиматума было то, что мне удалось наладить контакт с лаламами. В отличие от аниранцев, лаламы не подвержены воздействию «Д-поля», как и у некоторых людей, у всех лалам природный иммунитет к его воздействию. Кроме того, лаламы — аборигены. Они жили здесь сотни лет. Они прекрасно знают планету. И наш союз с ними может иметь для захватчиков самые неприятные последствия. Вот почему они занервничали, вот почему появился ультиматум с требованием покинуть планету в кратчайшие сроки.

— Ты думаешь, они нас отпустят?

— Конечно, нет. Они попробуют нас уничтожить. Вопрос лишь в том, удастся ли им это.

После того как в течение двух часов атака не повторилась, он приказал снять все посты, кроме того единственного, который своим лазерным орудием простреливал дорогу, ведущую на плато.

«Всем, кроме дежурного у лазерной пушки, собраться в кают-компании „Спейса“, — прозвучал приказ Арлана, означавший конец боевой тревоги.

Он не хотел отдавать распоряжений ни по рации, ни по внутренней корабельной связи. Возможно, противник без затруднений мог прослушивать все их разговоры даже здесь, в кают-компании. Он этого не исключал и потому говорил кратко, лишь самое необходимое:

— Все материалы, самое ценное оборудование и вещи скрытно, под видом продовольственного запаса, погрузить на «Спейс». Лагерь не должен выглядеть опустошенным, но мы тем не менее должны быть готовы к немедленному старту. Мы нашли архив, и теперь у нас осталось последнее дело на Роканде. Беатрис покажет мне подвалы, которые она обнаружила под торговым центром. Если там нет ничего ценного и мы не найдем больше никаких тайников, сразу же стартуем.

— Но своим походом в город вы нарушите основное условие ультиматума.

— Именно поэтому мы туда и пойдем. Чтобы показать, как мы относимся к их ультиматуму.

— А если после вашего ухода начнется атака?

— Отразите ее. — Заславский пожал плечами, словно поручал им простейшее дело. — У нас теперь есть боевой корабль и оборудованные огневые позиции. У них — дикари и остатки аниран-ской техники. Я думаю, вы справитесь.

После того как удалась операция по перегону звездолета, у Арлана появилась странная уверенность в том, что теперь у них все получится и любое задуманное дело завершится удачно. Он понимал, что такая эйфория опасна, но ничего не мог с собой поделать. Слишком долго они чувствовали себя на этой планете беспомощными и жалкими, слишком часто их загоняли в угол.

Одна лишь Беатрис одобряла его решение предпринять последнюю вылазку в город. Он видел это по вытянувшимся лицам товарищей, по тревожным взглядам, которыми они обменивались.

— Если через два часа вы не вернетесь, я сам возглавлю поисковый отряд, — заявил Версон.

— Нет, — отрезал Арлан. — Если через два часа мы не вернемся, вы будете ждать еще четыре, отражая любые атаки на корабль. Ровно в двадцать три ноль-ноль вы стартуете, выйдете в космос и начнете прорыв к Анирану. Информация, которую мы здесь добыли, может оказаться бесценной. Неважно, кто ее получит — Земля или Аниран, не думайте об этом. Аниранцы сильнее, у них больше шансов противостоять захвату, и, помогая им, вы прежде всего поможете Земле.

Он чувствовал, что говорит не совсем то, что нужно говорить в таких случаях. Он словно прощался с ними, а этого ни в коем случае не должен делать десантник, уходящий на опасное задание. Версон не сдержался и сокрушенно покачал головой:

— Мы не сможем улететь без вас.

— Это приказ. Вам придется его выполнить.

Проходя через невидимый барьер городских ворот, перед которым останавливалась пыль пустыни, Арлан всегда испытывал странное чувство, словно город, лежащий перед ним, всего лишь театральная декорация, скрывающая за внешним фасадом некую иную, непонятную и едва уловимую суть.

Такое чувство можно испытать именно в театре. Если пьеса хороша, зрители в какой-то момент перестают замечать внешние атрибуты сцены и переносятся в созданный актерами мир.

Здесь было что-то похожее. За внешним привычным городским пейзажем скрывалось

лицо совсем иного города. Древность притаилась между его камней. И причина этого ощущения не имела отношения к аниранской колонии, построенной всего лет сорок назад.

Лишь теперь, после того как Беатрис нашла в подвалах города следы цивилизации дарсанов, он начал догадываться, в чем дело.

С того самого момента, как они оказались в городе, Арлан ожидал атаки или хотя бы попытки их остановить. Но все было тихо. Мертвый город загадочно молчал, словно печаль тех, кто ушел отсюда навсегда, застыла в его кварталах.

Беатрис шла рядом, плечом к плечу. За непрозрачным светофильтром шлема он не мог видеть ее лица, но догадывался, какие чувства она испытывала. У них обоих с городом были связаны не лучшие воспоминания.

Вот наконец и центральная площадь. Здание городской администрации осталось позади. Они свернули в небольшой проулок и, миновав его, оказались на бывшей торговой площади, застроенной магазинами. Их витрины, разложив на полках свои никому теперь не нужные товары, выглядели почти оскорбительно. Словно души тех, кому должны были принадлежать эти вещи, с бессильным сожалением взирали на них сквозь мертвое равнодушее стекла.

— Это здесь, — сказала Беатрис, показывая на большое здание главного колониального супермаркета. С того момента, как они попали в город, это были первые произнесенные ею слова.

Он хорошо понимал ее состояние, потому что и сам чувствовал себя так, будто шел по кладбищу. Даже манекены в витринах вызывали неприятные чувства и казались забальзамированными мумиями. А их шаги в пустых огромных залах, предназначенных для тысяч посетителей, раздавались слишком гулко, слишком одиноко.

Они миновали четыре пролета подземных этажей здания, прежде чем очутились у запертой двери с надписью: «Только для служебного пользования. Посторонним вход воспрещен». И пока Беатрис возилась с замком, который сама же и повесила на этой двери неизвестно для чего, он думал, насколько оправдан риск этого похода.

Складские помещения магазина не вызвали у Арлана ни малейшего интереса, и они постарались миновать их как можно быстрее. В конце склада была еще одна небольшая дверь.

— Здесь что-то вроде кладовки. Теперь она пуста. С первого взгляда ничего интересного, но ее стены… Впрочем, посмотри сам.

Она распахнула последнюю дверь, за которой открылся небольшой отрезок уже знакомого ему туннеля с отполированными высокой температурой стенами. Всего метров десять отделяло их от противоположной глухой стены. Но прежде чем они переступили порог кладовой, за спиной Арлана раздался шепот:

— Не ходи туда!

Очевидно, Беатрис тоже услышала отчетливо прозвучавший в шлемофонах шепот, потому что она обернулась одновременно с ним.

— Кто здесь?

В глубине склада между полками возникло едва уловимое движение, словно гигантская тень медленно двигалась им навстречу. Стало холодно. Оба почувствовали внутри подвала движение ледяного ветра. Хотя откуда здесь взяться ветру?

— Кто здесь? — повторил Арлан свой бессмысленный вопрос. — Это ты, Сэм?

Он и сам не знал, почему назвал его имя, но невидимый собеседник сразу же воспользовался подсказкой:

— Да. Это я, Сэм. Уходи из подвала, иначе погибнешь.

— Сэм не станет прятаться по темным углам. Выходи, чтобы я тебя видел.

Молчание. Ни звука, ни шороха. Постояв с минуту неподвижно, они наконец вновь повернулись к двери, и сразу же за их спинами громкий незнакомый голос отчетливо произнес:

— Вот идиоты!

Яркие лучи нашлемных фонарей стремительно обежали пространство позади. Никого не было. Даже крыс и мышей, неизбежных спутников продовольственных складов. Гладкие чистые полки, ровные ряды ящиков. Разве что вот этот, ближайший к ним вызывал определенные сомнения…

Он слегка раскачивался из стороны в сторону. Затем его углы неожиданно втянулись внутрь, и ящик стал похож на бесформенную подушку или кусок пластилина. Чьи-то невидимые руки меняли его форму. Вот появились уши, длинный крючковатый нос, в глубоких глазницах, спрятанные под нависшими дугами, вспыхнули два красных глаза.

Огромная безобразная голова лежала теперь на месте ящика, уставившись на них своими мертвыми красными глазами. Отвратительные толстые губы шевелились, словно силились выплюнуть некое слово, прочно застрявшее между ними.

Наконец, скривив свой отвратительный, растянутый почти на полметра рот, морда плюнула в их сторону зеленоватой слизью.

Плевок не долетел до ноги Арлана нескольких сантиметров и зашипел на полу, как соляная кислота.

Бластер в руках Беатрис рявкнул, и энергетический заряд, пролетев сквозь морду, взорвался, ударившись о стену. Взрыв обдал их раскаленными брызгами, отлетевшими от защитных костюмов.

— Бесполезно в нее стрелять. Это фантом. На самом деле там ничего нет. Не обращай внимания. Пойдем.

— Вы же погибнете, дурачки, ну куда вы лезете? Во что вмешиваетесь?

Он даже не обернулся, и только Беатрис решительно захлопнула дверь у себя за спиной, чтобы избавиться от настырной морды.

Теперь они стояли в небольшом отрезке туннеля с овальным потолком. Стена, которой он заканчивался, казалась такой же прочной и гладкой, как и боковые стены.

Под курткой, в том месте, где висел Талисман света, Арлан почувствовал легкое, живое тепло.

— Туннель должен продолжаться. Он куда-то ведет, — сказал Арлан, разглядывая стену, преградившую им путь.

Тепло под его курткой пульсировало, как большое сердце, и становилось почти нестерпимым. В конце концов он вынужден был извлечь Талисман из-под одежды. Камни ярко светились. Зеленые, синие, фиолетовые цвета, смешавшись, упали на преграду впереди, образуя калейдоскоп пятен.

И едва это произошло, как стена стала прозрачной, а минуту спустя исчезла вовсе.

Теперь они очутились в начале длинного туннеля, ведущего в неизвестность.

Оба одновременно, не сговариваясь, шагнули сквозь неощутимый барьер исчезнувшей стены. И медленно, словно во сне, двинулись вперед. Сознание человека замирает, когда случается нечто подобное. Наверно, такое же чувство испытал тот, кто впервые вступил в гробницу Тутанхамона и увидел то, что было скрыто от человеческих глаз тысячелетней завесой времени.

Шагов через двести туннель кончился, и они оказались внутри низкого квадратного помещения с нависавшим над головой потолком.

В центре, на небольшом возвышении, находилась статуя человека. Не совсем обычная статуя, поскольку она выглядела совершенно прозрачной, как кусок стекла или льда. И, наверно, поэтому внимание прежде всего привлекала не сама статуя, а корона на ее голове.

Корона не была прозрачной. Напротив. Она казалась единственным реальным предметом. Вся из белого металла, похожего на тот, из которого был сделан Талисман света, она слегка мерцала, голубоватыми отблесками освещая пространство вокруг себя.

В передней части короны, под тремя зубцами, выделялись три огромных рубина величиной с голубиное яйцо. В отличие от камней Талисмана эти были совершенно безжизненными и тусклыми и, возможно, поэтому казались пятнами застывшей крови.

— Корона дарсанских королей… — прошептала Беатрис едва слышно.

— Откуда ты знаешь?

— В священных книгах Триединого о ней есть легенда. Когда-то эту корону носил сам Триединый. Но потом на Роканде родился его человеческий сын, и он подарил ему свою божественную корону. С этого момента она стала переходить из рода в род, пока не исчезла вместе с дарсанами и не превратилась в легенду. Я все еще не могу поверить, что вижу ее…

Арлан приблизился к возвышению.

Теперь его внимание сосредоточилось лишь на лице сидящего на троне мужчины.

Оно было властным и спокойным, и, несмотря на тысячелетия и сотни световых лет, разделявших их цивилизации, это было все-таки человеческое лицо.

— Скорее всего дарсаны были нашими и вашими общими предками. Слишком много общего…

Арлан нажал затвор автоматической фотокамеры, скрытой в поясе его скафандра. Вспышка, показавшаяся в темноте ослепительной, произвела некий странный звуковой эффект, словно лопнул воздушный шарик.

И сразу же вслед за этим статуя исчезла, превратившись в горстку серебристой пыли. Какое-то время казалось, что корона висит в воздухе, ничем не поддерживаемая. Видимо, для них на мгновение замерло само время, потому что в следующую секунду с печальным звоном корона упала на каменное возвышение, где еще недавно сидела мумия последнего короля дарсанов…

Глава 46

Яростная атака на плато началась сразу же, как только фигурки Беатрис и Арлана исчезли с оптических экранов локаторов, скрытые городской стеной. Первым противника обнаружил Рудин, дежуривший у лазерного орудия. Из лесу вывалилась целая орда разнообразных монстров и начала карабкаться вверх по узкой горной дороге. Это была бы безнадежная затея, если бы атаку снизу сразу же не поддержали с воздуха.

Небо на востоке потемнело от армады истребителей, летевших ровным строем и не обращавших никакого внимания на заградительный огонь корабельных орудий.

На этот раз удачно расположенная батарея спаренных лазерных установок, огнем которой управлял Рудин, не могла поддержать корабль. У него было достаточно собственных целей.

Задолго до начала атаки Версон изучил все особенности аниранских универсальных истребителей, способных вести бой как в космосе, так и в атмосфере. Они базировались на кораблях-матках и были вооружены небольшими по размеру, но весьма эффективными ракетами, которые в случае одновременного попадания могли пробить даже столь мощное защитное поле, каким обладал «Спейс».

К несчастью, Версон не мог использовать свои ракеты-перехватчики. При скоростях полета свыше тысячи километров в час и небольшой дистанции до цели только центральный компьютер, отключенный еще до перегона корабля на плато, был в состоянии рассчитать их траектории.

Собственных машин у нападавших не было, они использовали лишь захваченную аниранскую технику. Именно поэтому количество истребителей противника вызывало возмущение Версона. Он чувствовал себя так, словно участвовал в какой-то странной игре, в которой противник то и дело нарушает заранее установленные правила.

— Откуда у них столько истребителей?! На Роканде не было достаточного для их базирования количества кораблей!

Его вопрос остался без ответа, поскольку в рубке он сидел один.

Ли Карт, Сандри и Штрауб находились в бортовых ячейках и вели огонь вручную из мощных бластерных установок, выпускавших целые серии энергетических зарядов. Толку от этого было мало, зато грохота и световых эффектов хватало.

Лишь через несколько минут после начала атаки Версон заметил, что цепочки

бластерных зарядов время от времени проходят сквозь вражеские машины, не причиняя им ни малейшего вреда.

Однако их атаковали не только фантомы. Всплески расхода энергии на индикаторах мощности показывали, с каким напряжением работали защитные поля корабля.

Версон понял, что в этот раз противник впервые применил смешанную атаку. В стае фантомов пряталось несколько настоящих истребителей, обнаружить и поразить которые из-за обилия ложных целей было практически невозможно.

Несмотря на то что корабль содрогался от вибрации защитных полей и грохота собственных орудий, все происходящее снаружи из рубки воспринималось несколько нереально. Действия Версона сводились к своевременной переброске мощностей в системе защитных полей и к общей координации заградительного огня по линиям связи.

Иногда Версону даже казалось, что он сидит за пультом большого компьютерного автомата, а все происходящее — не более чем игра. Вот только ставкой в ней была его собственная жизнь и жизнь его товарищей.

Истребители вертелись вокруг плато, все время меняя скорость и расстояние до корабля, чтобы сбить прицел заградительного огня.

Неожиданно колосс звездолета пошатнулся от страшного удара. Весь кокон защитных полей полыхнул ослепительным светом. Индикаторы резервных генераторов сразу влетели в красную зону. Еще одно такое попадание, и их защиту расколют как орех.

Версон на ощупь нашел на пульте переключатель селектора и, не отрывая взгляда от атакующих истребителей, вызвал Ли Карта.

— Ли! Что с твоим стробоскопом? С тем самым, который командир поручил разработать против фантомов?

— Он в экспериментальной стадии. Испытания и настройка еще не проводились.

— По-моему, самое время этим заняться.

— Радиус действия стробоскопа не больше пятисот метров.

— Сейчас и этого достаточно.

— Но мне придется оставить свой пост!

— Вот и оставь! Что толку палить по призракам!

Минуты через две вспыхнули мощные бортовые прожекторы «Спейса». Энергия для них теперь подавалась через специальный модулятор, собранный Ли Картом. Частота световых вспышек все время менялась. Вначале показалось, что истребители остановились в воздухе. Потом большая часть машин на мгновение исчезла и сразу же появилась вновь. Но и этого было достаточно, чтобы запомнить, где находятся настоящие истребители.

— Сельма и Сандри! Стреляйте только по тем машинам, которые не исчезают в свете наших прожекторов.

Кажется, они его поняли, потому что буквально через секунду на месте одного из истребителей расцвела огненная вспышка разрыва.

Теперь Версону удавалось точнее перебрасывать мощности защитных полей, предупреждая атаки противника, и огонь истребителей потерял былую эффективность.

Вскоре загорелась еще одна машина. Взрывом зацепило ее стабилизатор, и, вращаясь, подбитый истребитель исчез за кромкой плато.

После этого все истребители резко ушли вверх и в стороны. Небо над ними очистилось. Локаторы подтвердили, что противник покидает поле боя.

Только теперь Версон смог выяснить, как обстоят дела на земле. Не доверяя радиосвязи, они заранее протянули к капониру лазерных пушек специальный бронированный кабель, и сейчас Версон видел лицо Степана на своем мониторе.

— Что там у тебя?

— Мне пришлось отключить орудия, чтобы избежать перегрева кристаллов. Противник отходит к лесу. Вся нижняя часть дороги завалена трупами.

— Атака на дороге была всего лишь отвлекающим маневром, они чуть не прорвали защиту «Спей-са». Но теперь и у нас все спокойно. Будем ждать. Нападение может

повториться.

Но вместо противника Версон увидел на экране командира и Бет, неторопливо, словно на прогулке, идущих от городских ворот к кораблю.

В любую минуту ожидая повторной атаки, он открыл входной люк лишь тогда, когда они подошли к самому трапу.

Заплечный рюкзак Заславского стал заметно больше, и Версон не удержался от вопроса:

— Вам удалось что-то найти?

— Удалось. Покажем, как только прорвемся, — ответил Арлан.

«Если прорвемся…» — добавил он про себя.

— Отдайте приказ готовиться к старту. Лазерную установку и все ненужное оборудование надо оставить. Стартуем через тридцать минут.

Настоящая атака началась, когда они прошли атмосферу. Все, что было до этого, казалось теперь Версону легкой разминкой или, скорее, разведкой боем.

Правда, сейчас в рубке снова сидели два человека, но это не облегчало дела, поскольку одному из них приходилось вручную управлять движением корабля.

На границе стратосферы, в верхнем фокусе параболической стартовой траектории корабля, преграждая выход в открытой космос, их ждало не меньше сорока легких космических фрегатов и около десятка кораблей тяжелого класса.

Точное количество неприятеля было трудно установить, поскольку состав вражеской эскадры все время менялся. Уже только по этому признаку стало ясно, что места многих кораблей занимают фантомы. Но сколько их? И где они находятся?

Учитывая опыт предыдущей атаки, противник держался в отдалении, и он наверняка откроет огонь, прежде чем они подойдут на дистанцию действия стробоскопа.

Заславский сдвинул рукоятку мощности главных ходовых двигателей далеко в желтый сектор, увеличив ускорение до семи g. Это был предел. Даже и такое ускорение без специальной тренировки могло вызвать потерю сознания у большинства членов его крохотного экипажа. Тем не менее в сложившейся ситуации он не видел иного выхода, как только идти в лобовую атаку. Для того чтобы маневрировать и пытаться уйти от противника, необходима большая высота и большая скорость.

Лицо сидевшего рядом Версона непривычно исказилось. Отвисли щеки, голова вдавилась в подушку антиперегрузочного устройства, а в уголке рта появилась капелька крови. Арлан чувствовал себя не лучше и думал о том, каково сейчас Беатрис, вынужденной бороться, кроме перегрузок, еще и с увеличившимся на высоте излучением «Д-поля». Он знал, что его мощность будет нарастать до тех пор, пока они не минуют орбиты рокандских спутников, и лишь после этого оно начнет уменьшаться и постепенно сойдет на нет где-то на расстоянии полутора парсеков от планеты. Только тогда можно будет воспользоваться автоматикой корабля и всей его силой…

Но пока они выйдут из зоны действия поля, их успеют уничтожить не один раз при таком превосходстве сил. Арлан старался не отвлекаться, старался думать лишь о первоочередных простейших задачах. В конце концов, любая даже самая сложная задача разбивается на десятки простейших. Если, не останавливаясь, решать их одну за другой, то в конце пути окажешься там, куда стремился.

Космический бой скоротечен по самой своей природе. Особенно встречный. Особенно если нестись на прорыв в лобовую атаку, все время наращивая скорость.

Заславский знал, что в этой ситуации у противника времени хватит на один, максимум на два залпа. Если число настоящих кораблей перед ними окажется больше десяти — этого будет вполне достаточно, чтобы от них осталось облако раскаленных газов.

Если же нет, тогда у них есть шанс. Арлан приготовил небольшой сюрприз. В любом случае противнику придется заплатить за уничтожение «Спей-са» немалую цену. Жаль только, что она неравноценна… На кораблях противника не было ни одного живого существа. Ими управляли только автоматы, взятые под контроль внешним «Д-полем».

В этом было главное преимущество противника, но в этом же была и его слабость, поскольку корабли при таком управлении реагировали на изменение ситуации гораздо медленнее, чем управляемые человеком.

— Мы чересчур быстро наращиваем скорость! — прохрипел Версон, с трудом разжимая сдавленные перегрузкой челюсти. — Их слишком много на оси траектории. Мы можем столкнуться.

Ответить у Арлана не хватило сил. Свинцовый обруч перегрузок сдавил голову, не хватало воздуха, не было сил раздвинуть легкие и сделать вздох. Вместо ответа он промычал что-то нечленораздельное и повернул один из четырех красных тумблеров на своем пульте. Этот жест был красноречивей любого ответа.

Одна из четырех имевшихся на борту «Спейса» мезонных ракет покинула свои аппарели и понеслась впереди корабля, обгоняя его и постепенно увеличивая скорость.

— Слишком близкая дистанция. Нас самих заденет, — вновь прохрипел Версон, расширившимися глазами следивший за действиями Заславского. Он хорошо знал, какая дьявольская мощь вырвалась сейчас на волю. Такими ракетами ани-ранцы уничтожали целые планеты… На этот раз Арлан ответил:

— Защита выдержит.

Он не услышал своего голоса. Возможно, слова так и не были произнесены.

Огненный мячик ракеты на экране радаров приблизился к россыпи неприятельских кораблей. Радары, как и глаза следивших за экранами людей, не отличали реальных кораблей от фантомов. Но теперь это потеряло решающее значение.

Как только ракета оказалась в середине строя вражеской эскадры, Арлан нажал кнопку дистанционного взрывателя.

Прямо перед ними, на расстоянии десяти километров, вспыхнуло ослепительно синее солнце. Корабль летел непосредственно в центр этого рукотворного атомного светила. Но прежде чем они погрузились в его огненную пучину, по кораблю ударила взрывная волна.

Переборки, стальные стрингеры, стол управления и вся рубка затряслись в какой-то дьявольской пляске. Казалось, вырваться из этого ада живым не сможет никто. Но это было лишь начало. Температура за бортом подскочила до тысячи градусов. Все генераторы «Спейса» работали на пределе своих возможностей, однако мощностей для защиты все равно не хватало. Из показаний приборов Арлан знал, что от звездного жара уже начала плавиться наружная обшивка крейсера.

Еще десять—пятнадцать секунд такого полета, и раскаленная радиоактивная плазма ворвется внутрь отсеков корабля. Системы охлаждения выли от перегрузок, вопль сирен радиоактивной опасности дополнял чудовищную какофонию звуков, обрушившуюся на людей.

Неожиданно все кончилось. Свет в рубке погас, сирены смолкли. Тьма и тишина, еще более страшные, чем все, что было перед этим, сдавили людей сильнее любых перегрузок, от которых в это страшное мгновение не осталось и следа.

— Мы в аду? — спросил Версон.

— Возможно. Но даже в аду должен быть свет.

— Двигатели отключились.

— Я знаю. Вся энергия генераторов ушла на защиту.

— Мы уже прошли через это?

— Если ты имеешь в виду взрыв, то мы давно вышли из его зоны. Скорость корабля к моменту отключения двигателей составляла не меньше тысячи километров в минуту.

— Почему не работает аварийное освещение?

— Видимо, повреждения оказались сильнее, чем я предполагал.

— Но какой-то генератор работает, иначе мы бы уже задохнулись.

— Ты прав. Зато нет ни одного ремонтного робота, и даже поврежденные энерговоды нам придется восстанавливать вручную.

— А если атака повторится?

— Эскадра, преграждавшая нам путь, превратилась в радиоактивную пыль вместе со всеми фантомами. Прежде чем они успеют подвести следующую, мы уже выйдем за пределы «Д-поля».

— Ты считаешь, что за его пределами они не смогут нас преследовать?

— Аниранцы давно установили, что корабли противника управляются «Д-полем» и могут двигаться только в пределах зоны его воздействия.

Когда основные агрегаты корабля были возвращены в рабочий режим, когда вновь зажглись экраны его глаз, вокруг них остались только звезды. Ни одной планеты не было видно. Даже желтое пятнышко Роканды выглядело отсюда далекой звездой. А огненная купель, через которую пронесся корабль, казалась сейчас дурным сном.

Глава 47

Им потребовалось две недели, чтобы привести корабль в порядок, залечить ушибы и раны. После этого Арлан решил подождать еще неделю, чтобы люди пришли в себя от бешеного ритма последнего месяца на Роканде, от схваток и опасностей. Он ждал, пока тишина и спокойствие космоса пропитают их души насквозь. И наконец решил, что они готовы к принятию решения, определявшего всю их дальнейшую судьбу.

Вместе с Беатрис они подготовили кают-компанию к торжественному ужину, обстановка которого напоминала их прощальный ужин на Аниране. Даже зажгли свечи и расставили на столе бокалы с любимым всеми аниранским тоником.

Беатрис надела свое земное платье. Впервые за весь поход он вновь увидел ее во всем блеске ослепительной красоты. За покровом рабочей одежды, за защитной тканью скафандра, за темным светофильтром шлема он начал забывать, как прекрасна эта женщина. И вот теперь она вновь напомнила ему об этом.

Закончив приготовления, они сели рядом во главе стола, ожидая прихода остальных. Они хотели сделать этот ужин сюрпризом и объявили о нем по корабельному интеркому, только когда все было готово.

Был и еще один сюрприз, самый главный.

Напротив Беатрис стояла пластмассовая коробка с короной дарсанских королей. До сего дня они хранили свою находку в тайне. Рассказать о ней походя, в сутолоке рабочих дней, казалось им почти кощунством. Есть вещи, которые не вписываются в будничную рутину повседневности. Эта корона, пришедшая к ним из необозримых далей Вселенной, была одной из таких вещей.

Каждый раз, когда дверь кают-компании открывалась и входил кто-нибудь из членов экипажа, Арлан не мог сдержать довольной улыбки. Так сильно было чувство потрясения, появлявшееся на лицах его друзей, так разителен был контраст этого стола со всем, что окружало их на Роканде. Если он хотел подвести некую незримую черту между их прошлой жизнью и тем, что их ожидало в будущем, — то ему это удалось вполне.

Наконец затихли восхищенные возгласы, недоуменные вопросы и шутки, все расселись по своим местам, не в силах отвести взоров от странной коробки, занимавшей центральную часть стола. Даже Версону ничего не было известно о ее содержимом. И вот теперь, дождавшись, когда ожидание необычного достигло своей кульминации, Арлан сказал:

— Сегодня мы хотим представить вам наш главный приз, наш главный трофей, ради которого стоило лететь на Роканду и пройти через все, что нас там ожидало.

После этих слов Беатрис сняла крышку с коробки, и долгое молчание свидетельствовало о том, что они все еще не понимают, что собой представлял этот обруч из серебристого металла с тремя красными пятнами крупных камней. Арлан не торопился включать нормальное освещение, не торопился ничего объяснять. Наконец Беатрис сжалилась над их недоумением.

— Это корона бога.

— Корона кого? — не понял Ли Карт.

— Корона, которая принадлежала Триединому. Позже ее носили дарсанские короли…

— Кто такие дарсаны?

— Дарсаны — древняя раса, основавшая религию аниранцев. Некогда они создали могучую межзвездную цивилизацию и погибли, столкнувшись с тем самым космическим Злом, которое угрожает нам сегодня. От них не сохранилось ничего, кроме легенд, туннелей на Роканде и двух предметов, дошедших до наших дней. Один из них — эта корона.

— А второй?

— Второй — священная реликвия аниранцев, Талисман света, они подарили мне его в храме Триединого после моей смерти.

— После смерти?

— У них есть такой ритуал. Чтобы встретиться с богом, надо умереть. Мне пришлось это сделать, и в награду я получил Талисман света.

Впервые Арлан снял его с себя и положил рядом с короной. Вначале камни Талисмана вспыхнули ярче, но затем их огни потускнели и стали почти незаметны, словно корона впитывала в себя даже свет. Беатрис поежилась, за столом стало заметно холоднее.

— Из чего она сделана? Что собой представляют ее камни?

— Я этого не знаю. Никто не знает. В таблице Менделеева, во всей нашей Вселенной нет аналогов элементов, из которых она состоит.

— Можно ее посмотреть поближе? — спросила Сандри. Похоже, корона произвела наиболее сильное впечатление именно на нее.

— Конечно. Только будьте осторожны. Ее поверхность почти на тридцать градусов холоднее окружающей среды. Когда прикасаешься к ней впервые, кажется, что взялся за раскаленное на морозе железо.

— Зажгите, пожалуйста, верхний свет.

Арлан не хотел открывать сразу все достоинства своей находки, но отказать Сандри не мог. Он сразу же понял, что ею движет не простое любопытство. Когда включились верхние плафоны, корона, украшенная по своей внешней поверхности алмазными гранями насечки, вспыхнула всеми цветами радуги. Вокруг нее в воздухе возник цветной ореол, напоминающий нимб. Но даже этот эффект, вызвавший всеобщий вздох восторга, казалось, не произвел на Сандри никакого впечатления.

Она осторожно передвинула корону вместе с коробкой к себе и, не прикасаясь к ней, только время от времени поворачивая коробку, внимательно осмотрела со всех сторон.

— На Земле одно время я занималась прикладным искусством. У меня на родине широко распространены ремесла, создающие недорогие украшения для женщин. Эти ремесла не относят даже к разряду ювелирного дела. Но законы гармонии, пропорциональности и эстетики одинаковы в любой отрасли искусства. Мне кажется, в этой короне есть какая-то неправильность…

— Что ты имеешь в виду?

— Видите эти зубцы в передней части? Собственно, они и придают этому предмету вид короны. Мне кажется, они не составляют с основой одного целого. То есть я хочу сказать, что они приделаны позже. И хотя шва не видно, по их положению, по небольшому смещению относительно друг друга можно определить, что их приделывали словно бы наспех, в то время как все остальное изготовлено великим мастером, который не мог допустить подобной небрежности в своей работе.

— Но ведь эту вещь делали не люди. Строение тела у них может быть совершенно другим, а понятия об эстетике тем более.

— Конечно, я это понимаю. И все-таки законы красоты одинаковы для всей Вселенной. Вот посмотрите на эти четыре кольца. Они располагаются с наружной стороны задней части короны. Для чего они? Когда корона надета на голову, их просто не видно. На внутренней поверхности этих колец есть зеленые камни. По одному камню на каждое кольцо. Для того чтобы их увидеть, надо смотреть на корону сверху вот под таким углом. Когда корона надета, их невозможно заметить. Но ведь драгоценные камни в любом ювелирном изделии

служат для его украшения. Они всегда выносятся в центр оправы, на видное место. Оправа потому и называется оправой, что должна выделять главную часть изделия, подчеркивать красоту камней. Здесь этого нет. Хотя передние красные камни вделаны так, как положено. Мне кажется, этот предмет может иметь совершенно другое назначение. Почему, собственно, вы решили, что это корона? Кто-нибудь надевал ее на себя?

Недоуменное молчание было ей ответом.

— Вот видите, даже мой вопрос кажется вам кощунственным. Но ведь это наше, чисто человеческое свойство — превращать отдельные предметы в фетиши. И оно очень часто мешает нам видеть мир таким, каков он есть. Мне кажется, что эта штуковина может быть опасна. Обращайтесь с ней осторожней.

Она отодвинула от себя коробку подальше к центру стола и поежилась, словно холод, исходящий от реликвии, только теперь добрался до нее.

— Что вы с ней собираетесь делать?

— Хороший вопрос… Я и сам толком не знаю. Наверно, подарим жрецам из храма Триединого. Они отдали мне свою единственную самую дорогую реликвию. Надо им как-то компенсировать эту потерю. В частном владении она не может находиться, слишком велика ее цена…

— Цена? — с удивлением спросила Беатрис. — Ты хочешь сказать, что ее стоимость можно как-то измерить?

— Я не это имел в виду. Цена необязательно должна означать денежные единицы.

— Ну а все-таки, сколько она может стоить? — спросил Ли Карт, прищурившись и разглядывая корону так, словно она была неким экзотическим блюдом, поданным к обеду.

— Да нет у нее цены. Никто ее не сможет определить.

Версон, весь вечер хранивший задумчивое молчание, теперь впервые нарушил его и сказал, словно подводил итог каким-то своим раздумьям:

— Раз командир решил подарить корону жрецам Анирана, значит, конечной точкой нашего маршрута будет Капулькар, я правильно понял?

— В общем, да, а что, на этот счет есть другие мнения?

— Есть. Нас, по существу, бросили на Роканде. Этим аниранцы сами разорвали заключенные с нами контракты и освободили нас от всех обязательств перед ними. Нашим находкам нет цены. Особенно важна информационная библиотека. За эти две недели я посмотрел кое-что. Там несколько огромных библиотек, описание новых технологий, конструкторские чертежи межзвездных кораблей, научные журналы за десятилетия, аниранские справочники, энциклопедии… Вы хоть представляете, какую ценность может все это иметь для нашей родной планеты? Как ускорится технический прогресс, если эти данные попадут земным ученым?

— С этим я согласен. Но есть целый ряд обстоятельств, заставляющий нас лететь именно на Аниран. Прежде всего сама информация. Без помощи аниранских институтов на разбор этой груды разрозненных сведений уйдет не один год. Ты уверен, что захватчики не заинтересуются Землей? И что тогда станет со всеми нашими ценностями? Во-вторых, если мы прилетим на этом корабле на Землю, нас не отпустят обратно в космос. Корабль разберут по винтику. Земное правительство засекретит все наши находки!

— Зачем тебе обратно в космос?

— Затем, что мы не сделали самого главного. Не нашли планеты, с которой пришли захватчики. Не обнаружили их логова. И если среди найденных кристаллов есть координаты нужного нам места, на Аниране помогут его обнаружить и не станут возражать против рейда к этой планете. Вот почему нам необходим Аниран. Если удастся покончить с захватчиками, обезопасить от них нашу собственную планету — вот тогда никто не сможет нам помешать подарить Земле любые сведения. Да и вернемся мы после этого не беглецами, захватившими чужой корабль, а полноправными представителями аниранской цивилизации.

— Предположим, тебе удастся обнаружить координаты этой чертовой планеты, что ты с ней собираешься делать?

— У нас осталось три мезонные ракеты. С их помощью можно взорвать любую планету.

— У аниранцев эти ракеты были давным-давно, и они не смогли взорвать даже Роканду.

— Они не могли подойти к цели на нужную дистанцию. Только мы можем это сделать. Только на нас заградительное «Д-поле» не оказывает своего смертоносного воздействия. Есть еще одна причина, по которой мы не можем лететь на Землю, пока не уничтожена эта мразь. Они могут следить за нашим кораблем. Я не знаю, каким образом, я не знаю даже, способны ли они это делать. Но такая опасность существует. Аниранские ученые уверены, что захват произошел после рейда одного из их кораблей к некой неизвестной планете. Теперь захватчики могут прийти вслед за нами прямо отсюда, с Роканды.

— А на Аниран мы можем лететь? — спросила Беатрис, и он увидел, как сильно она побледнела.

— Аниранские корабли много раз посещали Роканду. Целый флот совсем недавно побывал в ее районе. Захватчикам давным-давно известны координаты Анирана.

— Почему же его не захватили до сих пор?

— Я не знаю. Неизвестно, сколько времени требуется для подготовки захвата. Возможно, по каким-то причинам Аниран им не нужен или они боятся связываться с аниранской метрополией. Не все факты нам известны. И пока они этого не сделали, мы должны предотвратить захват новых планет. Любых планет, заселенных человеческой расой! — сказал он специально для Беатрис.

Аниран появился на их экранах спустя месяц после начала стартового разгона и включения пространственных двигателей. Заславский приказал остановить корабль на безопасном расстоянии от планеты и выслать разведочный зонд. Он не знал, было это предчувствием или предвидением. Скорее последнее… Слишком много фактов свидетельствовало о том, что Анирану угрожает судьба Роканды.

Зонд не вернулся.

Данные, полученные после запусков еще трех зондов, свидетельствовали о том, что все передающие станции планеты молчат. Не отвечал ни один радиолокационный буй. Ночная сторона планеты выглядела так, словно там никогда не было развитой цивилизации. На ее поверхности не светилось ни одного огня. На расстоянии полупарсека от планеты связь с высланными зондами обрывалась навсегда…

Он боялся рассказать об этом Беатрис. Но не было возможности слишком долго скрывать страшную новость.

Неподвижный и безжизненный, «Спейс» с заглушёнными двигателями висел в пространстве как призрак. Казалось, ощущение катастрофы, обрушившейся на них, медленно просачивалось сквозь стены. Он не знал, когда именно Беатрис догадалась о происшедшем, но на третий день она сказала:

— Я хочу спуститься. Подготовь шлюпку.

— Это невозможно, Бет. Теперь они знают о нас все. Они ждут от нас именно этого. Я не сомневаюсь, что Аниран подготовлен к нашему возвращению… Это их подарок за наш успешный прорыв с Роканды. Я все время боялся, что случится именно это…

— Я надеюсь, ты помнишь о том, что там наш сын?

— Его уже нет, Бет. Никого уже нет… А те, кто еще остался… Их судьба страшней, чем у мертвых.

Тогда она ничего ему не ответила. И ни одного слова больше он не услышал от нее в течение долгих дней с момента этого разговора.

Ночами он не мог спать. Ему все время казалось, что, несмотря на все запреты и предосторожности, она вернется в свой погибший дом.

Он не знал, что теперь делать дальше. Им некуда было лететь. Временами он думал, что самым простым выходом было бы взорвать корабль. Когда отчаяние полностью подавляло его волю, он шел в кают-компанию и в кабине инфора вставлял в машину первый

попавшийся информационный кристалл, в безумной надежде случайно наткнуться на нужную информацию.

Однажды глубокой ночью он обнаружил, что кожух машины разогрет, и понял, что не одинок в своих ночных поисках.

Иногда на экране инфора возникали картины последних дней рокандской колонии. Картины гибели и разрушений. Толпы обезумевших людей, спускавшихся с плато в дикие тропические леса. Непонятное второе солнце, взошедшее на горизонте рядом с обычным. Его цвет был алым как кровь.

Он понимал, что, если не найдет выхода, рано или поздно экипаж потребует вернуться к Земле. И знал, что не допустит этого…

Бывали случаи, когда он ненадолго засыпал прямо перед экраном инфора, и тогда ему снился сон. Всегда один и тот же. Огромная прозрачная статуя дарсанца с короной на голове. Ледяная улыбка играла на ее неподвижных устах. Словно статуя насмехалась над тщетностью его усилий, словно хотела сказать, что он дерзнул поднять руку на силу, превратившую в пыль не одну могущественную цивилизацию.

В последний раз ему приснился гигантский скелет с дарсанской короной. Корона была надета на голый череп вверх ногами, и ее зубцы прикрывали черные провалы глазниц. Проснувшись, Заславский подумал, что начинает сходить с ума, и понял, что если немедленно не уничтожит корабль, то позже у него может не хватить сил сделать это.

Он выключил дисплей, за которым только что дремал, и взглянул на корабельные часы. Они показывали три часа ночи.

Арлан, не торопясь, прошел к лифту. Корабль, погруженный в свою собственную искусственную ночь, спал. Светились лишь зеленые плафоны ночного освещения. Никто больше не нес вахт на борту, и никто не мог ему помешать.

В машинном отделении пахло крысиным пометом и разогретым металлом. Кожух запасного реактора излучал приятное тепло. Этот агрегат никогда не отключался полностью, и его проще всего было перевести в аварийный режим. Заславский долго переключал тумблеры на пульте, а когда почти закончил свою страшную работу, кто-то довольно хихикнул за его спиной. Арлан обернулся. На соседнем агрегате лежала знакомая серая подушка той самой морды, которую он видел перед находкой статуи дарсанца.

Морда задвигалась, устраиваясь поудобнее, и подмигнула ему.

На этот раз ее толстые отвратительные губы не бросались плевками. Губы складывались в довольную ухмылку…

— Кто я такой, чтобы распоряжаться чужими судьбами? — спросил он себя. — Кто дал мне подобное право?

Морда задергалась, всем своим видом выражая неудовольствие. Морде хотелось увидеть завершающее действие и вспышку пожирающего их жизни атомного пламени. Арлан не собирался доставлять ей подобного удовольствия. И если ему так уж было необходимо покончить с собой, для этого существовал более достойный способ, не затрагивавший ничьих жизней, кроме его собственной.

Он вновь перевел реактор в рабочее состояние и поднялся в свою каюту. На верхней койке спала женщина, которую он любил и которую только что собирался убить вместе с собой и со всеми остальными людьми, доверившими ему свою судьбу.

В небольшом электронном сейфе в углу каюты хранилась дарсанская корона. Арлан открыл сейф и извлек корону из упаковочной коробки. Руки примерзали к металлу, но сейчас это не имело ни малейшего значения. Ему гораздо больше мешал сосредоточиться световой ореол, полыхавший над короной. Он представил, как холодные клинки этого призрачного пламени вонзятся в его мозг, и содрогнулся.

— Скелет с короной на голове? Ну что же, будет вам скелет… По крайней мере я узнаю, что скрывается за снами, приведшими меня на грань безумия!

Глава 48

Он летел в ледяной нирване космоса бесконечную череду лет. Перед ним на расстоянии нескольких метров находился чужой корабль. Арлан знал, что попал сюда лишь для того, чтобы наблюдать за его последним полетом. Он не чувствовал собственного тела, он вообще ничего не чувствовал. Ему оставили только глаза, чтобы он видел корабль. При желании он мог изменять угол зрения и даже без труда проходить сквозь обшивку, внутрь корабля.

Приборов не было. Внутри вообще не было ничего знакомого. Казалось, стены корабля сделаны из серого камня и покрыты странными наростами. Но все это не имело ни малейшего значения, потому что пилот уже видел цель своего смертельного полета…

Длинные ряды цифр вспыхивали и гасли над диском враждебной планеты, на которой гнездилось Зло… Непонятные чужие цифры, чужой язык… Но в храме Триединого с ним говорили на этом языке, и язык древнего бога стал понятен ему. Надо было запомнить всего четыре цифры, ради которых он и очутился здесь. Четыре цифры пространственных координат цели, включая координату времени. Что означала эта координата, Арлан не знал, хотя и запомнил ее название.

Пилоту оставалось преодолеть всего две сотни лигов, чтобы поразить цель наверняка, но невыносимая боль все сильнее раскаленным обручем сдавливала его голову… И Арлан чувствовал эту боль вместе с ним.

Когда боль стала совсем невыносимой, Арлан отделился от корабля и неподвижно повис в космосе. Он мог себе это позволить, потому что был всего лишь зрителем. Но тот, кто сидел за штурвалом, не был зрителем. И корабль продолжал неотвратимое движение к собственной гибели.

В последнюю секунду, прежде чем сверкнула вспышка взрыва, Арлан увидел лицо человека, сидевшего за штурвалом корабля. Знакомое лицо, черты которого запечатлелись в дарсанской статуе.

На голове пилота сверкал ослепительным светом раскаленный обруч короны. И что-то странное было в ней, что-то такое, что заставило Арлана вскрикнуть от ужаса, прежде чем облако раскаленных газов скрыло картину гибели корабля, а может быть, и его собственной гибели…

Через какое-то неопределенно долгое время он вновь оказался в своей каюте.

Перед ним стояла Беатрис. Он увидел на нежной коже ее рук следы морозного ожога. Корона, сорванная с его головы, валялась на полу.

— Я думала, ты умер, — сказала Беатрис, и это были ее первые слова с тех пор, как он не позволил ей улететь на Аниран. — Я думала, теперь я смогу вернуться домой. — Ее голос был совершенно бесцветен, в нем не чувствовалось даже разочарования — только равнодушная усталость и боль.

— Больше я не стану препятствовать тебе. Ты можешь лететь, если хочешь. Но ты всегда была солдатом, Бет. Эта корона хранит в себе координаты цели. Координаты места, где находятся те, кто уничтожил Аниран. Теперь мы сможем отомстить за нашего сына или хотя бы умереть в бою так, как положено солдатам. Ты поможешь мне?

После долгого-долгого молчания она кивнула.

Координаты отпечатались в памяти Арлана так четко, словно их оттиснуло раскаленное клише. Четыре цифры, четыре огненные цифры… Но если с тремя из них все было ясно, то понимание четвертой пришло далеко не сразу. Земная система пространственных координат знала всего три измерения. Анирaнская система, хотя и несколько усложненная, в принципе не отличалась от земной. Она предполагала мгновенный слепок застывшего неподвижного пространства. Но космос никогда не был неподвижным. Смещались планеты, звезды и целые галактики совершали свой бесконечный бег во Вселенной. Для того чтобы отыскать в пространстве реальный объект, приходилось вводить бесконечную череду поправок в его координаты.

Дарсаны, видимо, знали положение каждого космического тела относительно центра Вселенной в любой момент времени. Это и позволило им создать четвертую координату —

координату времени. Оставалось определить лишь точку отсчета. Место центра Вселенной. И это оказалось самым трудным, потому что эта точка должна была всегда оставаться неподвижной. Вокруг нее вращались звезды, планеты, пульсары и целые галактики. Но земная наука не знала такого центра. Движение объектов в космосе, при их неисчислимом множестве, воспринималось хаотично. В конце концов по предложению Ли Карта они взяли за точку отсчета Землю и попытались вычислить местоположение Анирана в дарсанской системе координат.

Вопреки ожиданиям, результаты получились настолько точными, что, не поверив себе, Арлан проделал все расчеты еще раз, и, когда вновь преобразовал результат на язык цифр, понятных корабельному компьютеру, он уже догадался, что за теоретически неподвижную точку центра можно взять любую точку Вселенной. Внутри самой дарсанской системы отсчета был заложен математический механизм, позволявший безошибочно определить положение любого космического объекта в заданный момент времени. Теперь они могли лететь туда, куда звали их огненные цифры…

Месяц понадобился на разгон, два дня на пространственный переход и еще месяц на торможение. Когда выход в обычное пространство наконец завершился, они оказались в той части галактики, о которой в аниранской лоции не было сказано ни слова.

Корабль вынырнул в одном из краевых разреженных рукавов галактической спирали, за которым простирались необъятные дали пустого пространства, отделявшие одну галактику от другой. Вблизи не было знакомых созвездий, лишь в огромном отдалении виднелось смутное пятно центральной части галактики да впереди по курсу корабля находился какой-то светящийся объект. Их отделяло от него слишком большое расстояние, и невозможно было определить, что он собой представляет: угасающую звезду или тело гигантской огненной планеты.

Вскоре приборы определили, что масса этого объекта слишком незначительна даже для того, чтобы быть планетой, и его свечение становилось все более необъяснимым. Корабль, потеряв большую часть своей скорости, медленно приближался к неизвестному объекту, до которого все еще оставалось несколько парсеков, когда специальный локатор, определявший наличие в космосе «Д-полей», включил сирену.

— Похоже, мы его нашли… — пробормотал Версон, несший вместе с Заславским бессменную вахту в рубке.

— Еще слишком далеко. На таком расстоянии приборы не могут уловить даже очень мощное излучение… — Несколько минут Арлан обшаривал лучом локатора весь космос вокруг, стараясь отыскать невидимые объекты, но ничего не нашел.

— Придется посылать к нему зонд. Ближе подходить опасно. Мы не знаем, на что способна эта штука.

— Ты уверен, это именно то, что мы ищем?

— Во всяком случае, это то самое место, на которое указывают дарсанские координаты.

— У нас осталось совсем мало зондов, и они нам еще понадобятся. Если мы потеряем связь, с такого расстояния мы не сможем понять, что произошло с аппаратом.

— Хорошо, давай подойдем немного ближе. Не включай двигателей, будем использовать еще не погашенную скорость.

— Это займет не меньше недели.

— Нам некуда спешить. Я не хочу раньше времени привлекать к кораблю внимание. Мне кажется, он может уловить любую вибрацию в космосе, любой посторонний звук или отблеск света.

— Ты говоришь так, словно знаешь, что там, впереди.

— Возможно… Если сомневаешься — попробуй надеть корону. Тогда и ты будешь знать.

— Нет уж, спасибо. Я лучше поверю тебе на слово.

Огненный паук висел в пространстве. По крайней мере так выглядело это образование

на их экранах, после того как «Спейс» приблизился к нему на расстояние в двенадцать миллионов километров.

Впрочем, если судить о картине в целом, эта штука еще больше напоминала светящегося морского ежа, протянувшего свои ядовитые колючки одновременно во все стороны пространства.

Тело «паука» или «ежа» казалось шарообразным и неровным, оно слегка пульсировало и было покрыто чем-то напоминавшим раскаленную до вишневого свечения лягушачью икру. В самой толстой части диаметр объекта составлял около десяти километров. Больше всего поражали огненные нити паутины или лучи, протянутые в пространство в разные стороны и уходящие от основного тела на тысячи километров. Постепенно они становились невидимы в оптическом диапазоне, однако они не исчезали, а шли дальше, в глубины Вселенной.

Когда приборы проанализировали энергетический спектр этих лучей, стало ясно, что они собой представляют. Энерговоды невообразимой мощности направляли по своим каналам чудовищную эманацию «Д-поля». Их было ровно сто пятнадцать, и как только компьютер проанализировал радиант направления каждого луча, стало окончательно ясно, что все они ведут к захваченным и порабощенным планетам. Каждой такой планете соответствовал свой собственный луч. Они обнаружили лучи, уходящие в сторону Анирана и Роканды. Зная точное направление на эти планеты, ошибиться было невозможно. Перед ними пульсировало и билось страшное сердце того кошмарного мира, с которым они познакомились на Роканде, который совсем недавно обрушился на Ани-ран и который, возможно, уже подползал к Земле.

Человеческое воображение было бессильно даже представить гигантские мощности, потребовавшиеся для создания подобных энерговодов и передачи по ним энергии на десятки световых лет. Рядом с этим космическим монстром звездолет казался песчинкой, ничтожной букашкой, возомнившей себя способной укусить великана.

Лучи все время слегка смещались, повторяя движение захваченных в их фокус планет, ни на секунду не выпуская их из зоны своего воздействия.

Если судить только по размерам и массе, огненный «еж» больше всего напоминал астероид. Но этот «астероид» был способен с легкостью изменить собственную орбиту. Они убедились в этом на вторые сутки сближения.

— Мне кажется, уже можно запускать зонд, — напомнил Версон, удивляясь странной нерешительности Заславского. — Нам нужно знать его возможности, прежде чем подойдем вплотную.

Арлан не мог отделаться от ощущения того, что малейшее движение, выдающее их присутствие в пространстве, может закончиться катастрофой. Миллионной доли тех мощностей, которые уходили на излучение, было бы достаточно, чтобы пробить их защиту и превратить корабль в молекулярное облако газов. Но и ждать становилось опасно. С каждой минутой, с каждым часом расстояние между ними и огненным монстром сокращалось. Наконец Арлан принял решение:

— Нужно установить аппаратуру зонда на одной из мезонных ракет. Ли Карт, ты сможешь подключить взрыватель таким образом, чтобы ракета взорвалась в тот момент, когда ее бортовой передатчик перестанет излучать сигнал?

— С некоторой долей риска это возможно.

— В чем риск?

— Если передатчик перестанет излучать сигнал в непосредственной близости от корабля, мы взорвемся вместе с ракетой.

— Ну что же… По крайней мере это не рискованней всего остального. Только сделать взрыватель необходимо без применения интеллектуальных управляющих схем.

— Достаточно обыкновенного реле и датчика радиоизлучений.

— В таком случае давайте готовить наш подарок.

Через два часа ракета была готова. Все собрались в рубке, и Заславский не стал

возражать против этого. Боевые дежурства потеряли всякий смысл. Он не сомневался, что, если по ним нанесут удар, отразить его будет невозможно. Скорее всего у них в резерве была одна-единственная попытка. Все понимали это и хотели быть вместе перед лицом того, что их ожидало.

Арлан положил руку на пусковой тумблер ракеты, но, прежде чем нажать его, обернулся, словно ища поддержку на лицах своих друзей, а может, просто прощаясь с ними. У него было такое ощущение, словно он приставил пистолет к собственному виску и положил палец на спусковой крючок.

Никто не произнес ни слова. Все понимали, что отступать теперь слишком поздно, что они зашли слишком далеко и у них не осталось иного выбора, как только попытаться первыми нанести удар. Напряжение «Д-поля» возрастало с каждой минутой полета, с каждой сотней километров, приближавшей их к полыхающей огненной бездне.

Задержав дыхание, словно собираясь прыгнуть в ледяную воду, Заславский осторожно повернул тумблер. В тишине, царившей в рубке, щелчок реле прозвучал как пистолетный выстрел. Почти сразу же корабль затрясся от рева стартовых двигателей ракеты, крышка левого торпедного отсека отошла в сторону, и хищное тело мезонного снаряда понеслось к цели.

На экране протянулся длинный огненный хвост, сопровождавший ракету, и Версон начал никому не нужный отсчет.

— Две секунды. Скорость плюс двести. Ускорение нормальное. Радиант триста двадцать, наведение соответствует цели.

Десять секунд. Ускорение нормальное. Скорость три тысячи. Радиант соответствует.

Двадцать секунд. Прошла зону безопасности. Ускорение нормальное.

— Достаточно.

Тишина, последовавшая вслед за распоряжением Заславского прекратить отсчет, казалась ненастоящей. Может, потому, что на небольшом верхнем экране, транслировавшем панораму цели с камеры самой ракеты, огненный пульсирующий комок несся прямо на них, увеличиваясь с каждой секундой.

— Двадцать секунд до контакта. — Версон по привычке вновь начал отсчет. — Дистанционный взрыватель не сработал.

— Пять. Четыре. Три. Две. Ноль. Контактный взрыватель не сработал. Связь прервана.

Как будто они не видели этого сами. Погас верхний экран ракеты, а вслед за ним и все остальные. Поблекли контрольные огни на пульте, и вместо нормального освещения зажглись тусклые аварийные плафоны.

— Что происходит?

— Заглохли все реакторы корабля. Подача энергии прекращена на все системы.

— Ли, спустись в машинный отсек. Посмотри, что случилось с реакторами.

Ли Карт вернулся через несколько минут.

— Прекратились все реакции ядерного синтеза. Структура внешнего поля такова, что в нем не происходит даже ядерного распада. Реакторы запустить невозможно. Мне удалось подключить резервные аккумуляторы к носовому локатору. По крайней мере мы сможем его видеть.

Теперь они стали совершенно беспомощны. Не работали боевые и защитные системы корабля. Мертвый и безжизненный «Спейс», захваченный гравитационным полем огненного чудовища, стремительно несся к последней точке своего маршрута.

— Сколько времени осталось до столкновения?

— Сорок минут.

— Почему он нас не уничтожит?

— Зачем? Мы и так никуда не денемся. Возможно, ему любопытно наблюдать за нами. Возможно, он считает, что уничтожить нас было бы слишком просто, и то, что ожидает нас там, может оказаться значительно хуже смерти…

Бесформенный огненный ком на единственном оставшемся у них экране пульсировал,

постепенно меняя форму. Что-то знакомое проступало в его очертаниях… Вот появился острый подбородок, очертились скулы, высветилась линия плотно сжатого рта, крючковатый нос, и пустые заполненные алым пламенем глазницы, обращенные к ним, дополнили картину.

— Я не хочу умирать… — прошептала Сандри.

— Перестань. — Рука Беатрис легла на ее плечо. — Он слышит нас. Он впитывает каждый наш стон. Не доставляй ему удовольствия. Мы знали, на что шли.

В жизни некоторых людей иногда появляется одна-единственная секунда, ради которой они жили. Никто не знает, как и почему она приходит. Мысль, освободившись от всего постороннего, превращается в стальной клинок. Память извлекает из своих глубин недоступные ранее образы, соединяет вместе несоединимое, разрывает привычные стереотипы…

Такая секунда наступила для Арлана. Он не слышал слов прощания своих друзей. Он думал об энергии, о той самой энергии, что лишила его корабль жизненной силы. И о том, что на корабле все-таки есть энергия, неподвластная космическому монстру. Он знал, где именно она находится. Он не хотел об этом думать, потому что сразу же перед глазами вставала картина скелета с глазницами, закрытыми треугольными пластинами белого металла.

Он видел эти пластины на глазах пилота дарсанского корабля. Он знал, что нужно сделать, вот только губы почему-то отказывались повиноваться, и слова застревали в горле. Наконец он все-таки произнес эти три слова:

— Бет, принеси корону.

— Нет.

Он не стал повторять. Он лишь повернулся и посмотрел на нее.

Когда корона очутилась в его руках, он не почувствовал даже холода. Он вообще ничего не чувствовал, словно внутри его уже остановились биологические часы. Ореол холодного разноцветного пламени полыхал у него в руках, будто он держал маленькую радугу.

Неторопливо и обстоятельно, как делал все, Арлан перевернул корону лучами вниз, вставил пальцы в расположенные сзади отверстия и надел ее на себя.

Теперь корона превратилась в шлем, и забрало ее зубцов закрыло его лицо. В отличие от предыдущего раза, в первое мгновение Арлан ничего не почувствовал. Он думал о том, что две узкие прорези в зубцах, расположенные напротив его глаз, предназначены для прицела.

Теперь ему не нужен был экран локатора. Он видел цель сквозь обшивку корабля так, словно очутился в открытом пространстве космоса. Все постороннее исчезло. Осталось только огненное лицо напротив и узкие щели прицела. Еще не время… Нужно подождать, пока исчезнет второй силуэт, пока два лица перед ним сольются в одно. В эти мгновения он знал и понимал все, чего не понимал раньше.

Он знал, почему дарсанский корабль тысячи лет назад так и не нанес своего завершающего удара. Пилот погиб под непомерным грузом «Д-поля», прежде чем вышел на нужную дистанцию. Сейчас он чувствовал, как плотные потоки чужого воздействия обтекают его разум, не в силах пробраться сквозь подаренную природой биологическую защиту.

Два изображения перед ним слились в одно. И в это последнее мгновение, перед тем как его пальцы вдавили глубоко внутрь колец четыре зеленых камня, он увидел, как огненное лицо заколебалось, словно только сейчас смысл происходящего стал ясен зверю.

Приоткрылась в беззвучном вопле огненная пасть, зашевелились иглы энергетических столбов, со всех сторон устремляясь к кораблю. А из пасти прямо на них вырвался огненный протуберанец. Но было уже слишком поздно.

Мечты Арлана. Его разум. Его ненависть, боль и любовь. Все, что составляло сущность его души, усиленное в миллионы раз, превратилось в одну-единственную молнию,

беспрепятственно миновавшую переборки «Спейса» и устремившуюся к цели.

Молния прошила огонь протуберанца, превратив его в холодный газ, и ударила в самое сердце монстра, в то место, где хранились запасы энергии. Взрыва не произошло, потому что начался холодный распад материи. Рвались молекулярные связи, разлетались разбитые вдребезги электронные оболочки атомов.

Когда корабль, чей штурвал сжимали руки его погибшего командира, достиг поверхности астероида, там уже не было ничего, кроме молекулярной пыли.

ЭПИЛОГ

«Спейс» шел к Земле. Он нес с собой знания двух великих цивилизаций и аниранские технологии, воплощенные в его машинах. Он нес с собой тело человека, чьим именем назовут планеты, открытые через столетия после его гибели.

Он нес с собой для землян начало новой эры. Эры покорения далеких звезд.